Б. НИКОЛАЕВСКИЙ

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕДАТЕЛЯ

Б. НИКОЛАЕВСКИЙ

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕДАТЕЛЯ

ТЕРРОРИСТЫ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ

RUSSICA PUBLISHERS, INC.
New York • 1980

Б. НИКОЛАЕВСКИЙ

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕДАТЕЛЯ

Террористы и политическая полиция

Москва
Издательство
политической
литературы
1991

ББК 63.3(2) 521
Н63

Николаевский Борис Иванович

Н63 История одного предателя. Террористы и полит. полиция.— М.: Политиздат, 1991.— 384 с.
ISBN 5—250—01433—X

Книга, ранее не издававшаяся в России, рассказывает об Азефе, более 15 лет состоявшем на службе в тайной полиции и одновременно свыше пяти лет возглавлявшем Боевую Организацию партии эсеров — крупнейшую для того времени и по своим размерам, и по размаху деятельности.

В приложении к книге дается отрывок из воспоминаний историка В. Л. Бурцева, ставшего инициатором расследования по разоблачению Азефа.

Рассчитана на широкий круг читателей.

Н $\frac{0503020300—199}{079(02)—91}$ **ББК 63.3(2)521**

Заведующая редакцией *Л. С. Макарова*
Редактор *Т. Б. Рябикова*
Младший редактор *Е. В. Печкурова*
Художник *Л. Т. Рябыкина*
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*
Технический редактор *И. А. Золотарева*

ИБ № 9112

Сдано в набор 09.08.90. Подписано в печать 28.12.90. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 22,80. Тираж 100 тыс. экз. Заказ 292. Цена 3 р. 90 к.
Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.
Типография изд-ва «Уральский рабочий».
620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

ISBN 5—250—01433—X

ЗНАМЕНИЕ ВРЕМЕНИ

В феврале 1908 г. на очередном заседании российского парламента — Государственной думы третьего созыва — разразился один из тех многочисленных скандалов, которые были так характерны для деятельности этого учреждения: группа левых депутатов внесла запрос председателю Совета министров «по поводу незакономерных действий виленского охранного отделения». Речь шла о провокации: сотрудники охранки переправляли из-за границы и распространяли среди местных революционных организаций оружие и нелегальную литературу... В ходе обсуждения запроса левые депутаты привели множество примеров, подтверждавших, что подобная деятельность не была для политической полиции исключением: в Самаре ее агенты «поставили и вооружили» подпольный кружок, в Калуге — оборудовали подпольную типографию и т. д. Кадет В. Маклаков в своей речи характеризовал провокацию как «профессиональное преступление охранников — подобно тому, как бывают профессиональные болезни. Все ему способствует: моральная небрезгливость тех, кто занимается этим ремеслом, та тайна, которой оно окутано, и, наконец, то, что ведь легче раскрыть то преступление, которое создает сам раскрывающий...».

На защиту охранки дружно выступили «правые и центр» — черносотенцы и октябристы; в большинстве своем они пытались оспорить главный тезис своих противников, настаивая на исключительности фактов провокации. Тем замечательней была речь Н. Маркова — пожалуй, самого яркого лидера правых: со свойственной ему циничной откровенностью он, по сути, признал справедливость слов Маклакова о провокации как «профессиональном преступлении» и выразил этой преступной деятельности полное свое одобрение... «Невозможно заниматься сыском и вообще делами подобной категории и не пачкаться. Можно говорить: или прекратите сыск, уничтожьте всякую тайную полицию, или же

примиритесь с этим». Охранка прибегает к подобным средствам вполне оправданно, ибо на узкой извилистой тропе провокации легче обойти революционеров, легче добиться решающего успеха в борьбе с ними,— вот основная мысль Маркова, встреченная на правых скамьях Думы бурными аплодисментами...

Прошло совсем немного времени — и депутатам III Думы пришлось обсуждать запрос по «делу Азефа», ясно показавшему, в какую трясину ведет тропа провокации... Разоблачение Азефа не только привело в состояние шока партию эсеров — одну из самых значительных революционных организаций России, но и покрыло позором охранку, департамент полиции, правительство — всех, кто в той или иной степени был связан с этим грязным делом, наложило неизгладимый отпечаток на всю общественную, внутриполитическую жизнь страны. Само имя Азефа, наряду с именами Зубатова, Гапона, Распутина, наряду с Ходынкой и Цусимой, стало символом политического разврата, развала власти, символом того жесточайшего кризиса, который в начале XX в. охватил чуть ли не все стороны русской жизни.

В книге, с которой предстоит познакомиться читателю, он найдет обстоятельный и подробный рассказ об этой грандиозной афере. Автору же предисловия, очевидно, необходимо ответить на вопрос, каким образом она *стала возможной,*— иначе «История одного предателя», несмотря на спокойный, деловитый тон, которым она рассказана Б. И. Николаевским, может показаться совершенно фантастичной. Между тем «дело Азефа» было не более чем знамением времени, оно логически завершало ту жуткую «игру без правил», которую вели между собой в эти годы правительство и подпольщики-террористы,— «игру», порожденную ненормальным, болезненным развитием внутриполитической жизни пореформенной России.

Впервые с организованным террором власти пришлось столкнуться в конце 70-х годов XIX в. Незавершенность «великих реформ», обманутые надежды на прогрессивную деятельность правительства Александра II, почти непреодолимые трудности, воздвигаемые властью перед теми, кто пытался мирно, легально трудиться на благо страны в пореформенных учреждениях — земствах, судах и пр.,— все это, вместе взятое, побуждало наиболее энергичную часть общества к решительному противостоянию ненавистной бюрократической системе. Пережив в 60-х годах яркий, но несколько сумбурный период своего становления, русское революционное движение к началу 70-х обрело уже необходимую

цельность, стройность, ясное сознание своих целей и вполне конкретную программу действий. Массовое хождение в народ в 1874 г. при всей своей безуспешности свидетельствовало о широте и силе революционных настроений в русском обществе. В те времена, наверное, еще сохранялась возможность обойтись без серьезных внутренних потрясений в стране. Власть, совсем недавно освободившая крестьянство, могла бы, казалось, найти общий язык с народнической интеллигенцией, которая прежде всего стремилась к улучшению условий жизни этого крестьянства: если бы правительство вовремя осознало всю силу этого альтруистического по своей сути порыва, учло его в своей политике, предоставив общественным деятелям широкие реальные возможности для мирной работы в школах, больницах, земских учреждениях и т. д., революционные настроения были бы в значительной степени нейтрализованы и в дальнейшем события развивались бы иначе — террор и провокация не исказили бы до такой степени внутриполитическую жизнь России, Азеф не стал бы одним из ее «героев»...

Однако на деле власть ответила на проявление радикальных настроений однозначно, противопоставив им беспощадные репрессии, организовав против революции карательный поход, во главе которого стояла политическая полиция — III отделение собственной его императорского величества канцелярии и отдельный корпус жандармов. По сути, правительство само загоняло радикальную часть русского общества в глубокое подполье. Постоянные неудачи и жестокие гонения не столько ослабляли, сколько озлобляли революционеров, вынуждая их прибегать к крайним средствам борьбы — изощренным и безжалостным. В 1879 г. после распада «Земли и воли» — организации, пытавшейся вести широкую социальную пропаганду в крестьянской среде, определяющую роль в борьбе с самодержавно-бюрократической системой стала играть «Народная воля», сделавшая ставку на индивидуальный террор. Романтический период народничества, который, несмотря на свои подчеркнуто революционные формы, был для власть имущих относительно безопасен, уходил в прошлое; на улицах российских городов загремели выстрелы и взрывы бомб, направленные против жандармских офицеров, прокуроров, высших сановников и, наконец, против самого царя...

Вот тут-то и выяснилось, что к подобному повороту событий власть совершенно не готова; и прежде всего оконфузились те ее представители, на которых возлагалась вся полнота ответственности за охранение тишины и спокойствия

в Российской империи. III отделение, расцветшее в годы правления Николая I, когда самыми страшными противниками самодержавия были публицисты и ученые, члены дружеских кружков и завсегдатаи салонов, еще кое-как справлялось с «нигилистами» 60-х и прекраснодушными пропагандистами начала 70-х годов, но оно оказалось совершенно бессильным в борьбе со строго законспирированной, прекрасно организованной «Народной волей», выступившей против власти с оружием в руках. На протяжении десятилетий это средоточие политической полиции в России пробавлялось чтением чужих писем, надзором за органами печати, сбором сплетен и слухов да доносами «благонамеренных россиян» на своих ближних... Против «Народной воли» все эти «верные средства» не срабатывали.

Первое же политическое убийство, совершенное новой организацией,— шефа жандармов Мезенцева — повергло III отделение в состояние полной прострации. Преемник убитого, генерал Селиверстов на страницах всеподданнейшего доклада совершенно откровенно признавал, что «при существующей обстановке действовать успешно — дело невозможное... Агентов у нас вовсе нет ни единого — добропорядочного»; управляющий же III отделением Шульц заходил в своем скепсисе еще дальше, уверяя, что «агентов-сыщиков и вообще агентов в России вовсе нельзя найти». Беспомощность руководителей политического сыска доходила до того, что они, стремясь получить хоть какие-нибудь сведения о революционной эмиграции, готовы были обращаться с нижайшей просьбой к английской полиции «завербовать двух агентов, знающих если не русский, то хотя бы польский язык...» Внутри же России предполагалось прибегнуть к методам традиционным: чисто формальная слежка на вокзалах, массовый опрос дворников «о подозрительных личностях, в их домах проживающих» и повальные обыски, аресты, высылки этих личностей.

По этому, столь хорошо знакомому ей пути и пошла в конце 70-х годов власть. Бессмысленно размахивая дубиной административных репрессий, она увечила множество людей, как правило, не причастных не только к террору, но и вообще к революционному движению. А народовольцы между тем медленно, но верно сжимали кольцо облавы, в котором находился сам глава Российской империи... После нескольких неудачных покушений Александр был убит взрывом бомбы на Екатерининском канале.

Еще до убийства царя полное несоответствие III отделения «духу времени» было официально признано властью.

Всесильный диктатор Лорис-Меликов, которому дорогу к власти открыл именно смертельный страх перед террором, охвативший верхи, провел в 1880 г. серьезную реорганизацию политического сыска. III отделение — орган исключительного характера, стоявший вне традиционной системы управления и перегруженный самыми разнообразными делами, вплоть до борьбы с расколом и уловлением фальшивомонетчиков,— было упразднено. Политическим сыском стало заниматься одно из делопроизводств департамента полиции Министерства внутренних дел (с 1898 г.— особый отдел). На местах — в Петербурге, Москве, позже в Варшаве — создавались отделения по охране общественного порядка и безопасности (отсюда и общее устоявшееся название новой системы — охранка). Функции охранки были определены предельно четко — борьба с революционным движением; первостепенное внимание уделялось повышению профессионального уровня ее сотрудников.

Спасти царя Лорис-Меликову так и не удалось, но проведенная им реорганизация тайной полиции имела далеко идущие последствия. В 80-х годах охранка нанесла революционному движению целый ряд сокрушительных ударов. В то же время в ходе этой беспощадной и победоносной борьбы политический сыск в России приобрел некоторые черты, весьма специфические и характерные...

Наверное, не случайно у самых истоков «нового сыска» стоял инспектор тайной полиции Георгий Порфирьевич Судейкин, которого с полным правом можно считать духовным отцом виртуозов-провокаторов более позднего времени. Именно Судейкин разгромил «Народную волю», широко практикуя при этом новые методы, и прежде всего самую грязную провокацию. Склонив на сотрудничество попавшего к нему в лапы члена Исполнительного комитета этой организации Сергея Дегаева, Судейкин получил возможность арестовать почти всех ее руководителей. Однако он отнюдь не ограничился этим, предложив Дегаеву возглавить «Народную волю» и действовать по его, Судейкина, указаниям. Георгий Порфирьевич разработал план действий, которому никак нельзя было отказать в грандиозности замысла: он, Судейкин, руководствуясь указаниями Дегаева, устраняет тех подпольщиков, и только тех, которые мешают плодотворной деятельности его сотрудника; Дегаев же в свою очередь, руководствуясь его указаниями, организовывает убийства тех сановников, которые мешают продвижению Судейкина по службе, и прежде всего министра внутренних дел Д. А. Толстого. Первое покушение, впрочем, должно было быть прове-

дено на самого Судейкина — естественно, неудачное, с ранением в область плеча, которое позволило бы ему уйти в заслуженный отпуск. А уж затем пошла бы полоса покушеиий *удачных,* в результате которых всем, и прежде всего царю Александру III стало бы ясно, от чьей персоны зависит успех в борьбе с террором... Таким образом, судьбы страны должны были оказаться в руках двух людей — самого Судейкина, диктатора всероссийского, и его подпольного alter ego — Дегаева...

В канун всей этой столь широко задуманной операции Дегаев был разоблачен революциоиерами и, спасая свою жизнь, обязался убить Судейкина, что и нсполнил, бежав затем за границу. В ходе расследования убийства тайиые замыслы лихого инспектора более или менее прояснились для правительства. Одиако представители власти были, очевидно, весьма далеки от осознания того, какое жуткое чудище вырывается у них иа глазах на волю нз самых недр политического сыска. «Дело Дегаева», так и не получившее сколько-нибудь прииципиальиой оценки со стороны власти, стало не окончаннем, а всего лишь прологом той насыщеиной провокацией всех сортов и масштабов полосы внутриполитической жизни России, которая в коице концов породила и «дело Азефа».

Правда, в 80 — начале 90-х годов могло показаться, что власти удалось овладеть положением и вывести государство из состояиия жестокого политического кризнса, в которое поверг его народовольческий террор. Страшный противник был разбит наголову; в обществе царнли разброд и шатание; новый царь Алексаидр III весьма последовательно проводил реакциониую политику контрреформ, стремясь окончательно свести иа иет все результаты «великих преобразований» и тем самым возвратить Россию к блаженным временам дореформенных «тишины и покоя». Однако все успехи власти на этой стезе были совершенно иллюзорны: безжалостно нстребляя иародовольцев, громя земства и новые суды, ужесточая контроль над общественным движением, совершая массу иных охранительных подвигов, власть оказывалась не в силах повернуть вспять течение русской жизии. Нерешенные проблемы, загнаниые внутрь, исподволь разваливали самодержавиый строй; «проклятые вопросы» русской жизни продолжали будоражить общество, побуждая его к новым, все более решнтельным действиям. Медлеиио, почти незаметно, но неотвратимо возрождалось революциоииое движение, вооружеииое новыми идеями, приобретшее массовый характер и новые, еще более опасные для

самодержавня формы. Уже в конце XIX в. политнческий сыск в Росснн работает с полиой иагрузкой; его руководители судорожно ищут верные средства в борьбе с надвнгающейся бурей.

В это время первостепеииое значение в снстеме тайиой полицни приобретает московское охраииое отделение. На протяженни почтн двух десятнлетий его возглавляли люди в своем роде весьма незаурядиые: достойный соратник Судейкииа полнцейский чииовник Скандраков, жаидармский офнцер Бердяев, производившнй самое снльное впечатление на своих протнвников-революционеров «бульдожьей хваткой н вполне соответствующей ей внешиостью», н, наконец, одии из героев кннгн Николаевского, первый иаставинк Азефа иа стезе предательства, «гений сыска» Зубатов. Под чуткнм руководством этнх деятелей в московской охранке закладываются основы особого охранного делопронзводства, позволяющего в кратчайший срок получить исчерпывающую иифopмацню по любому вопросу, так нлн нначе связанному с революциоииым двнжеинем; здесь вырастает целая плеяда жаидармов-«сыскарей» высшей квалнфнкацнн, в начале XX в. возглавнвшн органы охраны н политического сыска по всей России; здесь, под началом помощника Зубатова знаменнтого Евстратия Мединкова, создается особая школа агентов наружиого наблюдения — «Евстраткииа школа», поставляющая тайиой полицнн фнлеров понстине образцовых... Но, самое главное, московская охраика продолжает дело, иачатое Судейкиным: она становится своеобразиой лабораторней, в которой на основе миогочнслениых экспернментов разрабатывается методнка самой главиой охраииой науки — науки провокацнн.

В сущностн, в основе провокацнн, прннятой в качестве главного средства борьбы с революцнонным двнжеинем, лежала нсполненная глубокого пессимизма мысль о *невозможности* нскореннть это двнженне *целиком и полностью*. Сколько нн хватай, всех ие перехватаешь — в конце XIX — начале XX в. любой дельный охранник нензбежно должен был прийтн к подобиому печальиому выводу. На место десятков арестованных, сосланных, заключенных в тюрьмы деятелей подполья «проклятая», иеблагополучная русская действительность выдвнгала сотни иовых; разгромлениые кружкн н органнзацнн возрождалнсь и продолжалн свою работу с еще большим размахом. Хорошо усвонв эту закономериость, руководнтелн московской охранкн ставилн перед собой задачу не уннчтожнть подполье, а взять его под

коитроль, добнться возможностн маиипулнровать нм по своему усмотренню — и тем самым растлнть революцнонное движеине изнутрн. Как, со свойственным жандармам изяществом, выразнл это стремленне однн ротмнстр-охраиинк: «Нам не революцноиеры иужны, а разврат».

И вот в ходе дознаинй по политнческнм делам московская охранка начннает вестн самую шнрокую вербовку в ряды секретной агеитуры. При этом, в завнсимости от обстоятельств, в ход шлн приемы н иезуитски хитроумиые, и по-солдатскн прямолниейиые: побои, угрозы, шаитаж, лесть, самые разнообразиые обещання — денег, блестящей карьеры «по сыску», власти, спокойиой обеспеченной старости... Если же нн одии нз приемов не срабатывал, то н это охранников не обескураживало: онн умелн нзвлечь выгоду н нз подобной твердости, прозрачно намекая упорствующему, что он одни такой, а другне-то согласнлись, иа все согласнлнсь... Умеиие виртуозно компрометнровать своих протнвников, сеять рознь н взаимные подозреиия в революцнонной среде входило в круг обычных охраииых добродетелей.

Впрочем, в это время, в отличне от 70-х годов, недостатка в кадрах для секретной агентуры не ощущалось — по циинчному замечанню жандарма Спиридовнча, одного нз самых способиых выучеииков Зубатова, предложенне здесь превышало спрос... Нередко н мудрствовать особенно не прнходилось — добровольный предатель сам стучался в двери охранкн; Азеф в этом отношеинн отнюдь не был редким исключеннем.

Такнм образом, к началу XX в. московским охранным отделеиием была создана густая сеть секретной агеитуры, распространнвшаяся далеко за пределы первопрестольиой. Что же касалось непосредствеиио Москвы, то здесь вне этой сети не оставалось нн одиой сколько-ннбудь зиачительной подпольной оргаинзации. Как правило, деятельиость каждой из них освещало иесколько внутреннннх агентов, поставляя перекрестную ннформацню, которая поступала в секретную каицелярню — святая святых охранкн — н там самым тщательным образом нзучалась н разрабатывалась. На осиованнн этих даиных составлялнсь подробнейшне картотеки деятелей революционного двнжения, вычерчивались всеобъемлющие схемы, на которых воссоздавалась структура организацин, прослеживались ее виутреинне н виешнне связи. Взяв, такнм образом, оргаиизацию «под колпак», охраика начннала нгру в кошки-мышкн, нередко очень сложиую н запутанную: воздействовала на подпольщнков в

нужном направлении, заставляя их предпринимать те действия, которые в данный момент отвечали интересам сыска, время от времени проводила «чистку», арестовывая опасных, «неуправляемых» членов организации, брала под опеку тех, кто, сам того не ведая, способствовал успешной работе внутренних агентов, и т. д. (в главе XIII «История одного предателя» подробно описывается одна из таких охранных «игр», может быть, самая замечательная за всю богатую событиями историю политического сыска в России,— когда, избегая арестов, охранка с помощью Азефа вела Боевую Организацию эсеров от провала к провалу, убеждая тем самым ее членов в органической невозможности успешного террора в России).

После того как в 1902 г. министр внутренних дел Плеве провел реорганизацию системы политического сыска, создав охранные отделения, по образу и подобию московского, во всех губернских центрах и поставив во главе особого отдела департамента полиции Зубатова, а во главе местных охранок — жандармов-зубатовцев, после этого провокация буквально пронизала революционное движение в России, да и не только его. Специальными инструкциями охранникам предписывалось рассматривать «внутреннее наблюдение» как основной способ борьбы с революцией — и это указание воспринималось не за страх, а за совесть, поскольку вполне отвечало интересам местных руководителей сыска. В результате секретная агентура проникает в подполье и в легальные общественные организации, в тюрьмы и на каторгу, на фабрику и в деревню, в органы печати и в высшие, и даже в средние (!) учебные заведения — гимназии... Когда после Февральской революции в прессе стали публиковаться далеко не полные списки агентов, почерпнутые в архивах охранки, счет здесь пошел не на десятки и даже не на сотни...

Конечно, сотрудник сотруднику рознь; и все же нам чрезвычайно важно отметить, что во времена Азефа провокация была явлением массовым и в массе своей — противозаконным. На бумаге, в инструкциях функции секретного сотрудника достаточно ясно и четко ограничивались *наблюдением;* активное участие в деятельности «противуправительственных организаций» строго запрещалось — на практике же этот запрет нарушался постоянно и самым грубым образом. Иначе и быть не могло. Ведь по-настоящему ценным являлся именно тот агент, который наиболее активно действовал в рамках выслеживаемой организации и, соответственно, занимал в ней достаточно видное место,

а еще лучше — входил в руководящий состав, получая доступ к ее самым интимным секретам... Во имя этого сотруднику не только негласно дозволялось, но сплошь и рядом предписывалось принимать участие в издании подпольной литературы, доставке оружия, агитации и пропаганде и т. д.— то есть *предписывалось нарушать законы Российской империи.* Когда же приходила пора арестов, руководители сыска делали все возможное, чтобы вывести своих сотрудников за рамки расследования, скрыв их участие в революционной деятельности путем подтасовки показаний, подлога документов и т. п.— что, за самым редким исключением, удавалось как нельзя лучше.

Естественно, что столь «тонкая» работа вершилась в обстановке строжайшей секретности — причем сыскные тайны ревниво оберегались не только от революционеров, но и от непосредственного начальства. Деятели охранки, как правило, подробно сообщали по инстанции конкретные результаты своих «игр» с поднадзорными, от которых зависели наградные, чины и ордена, и, по мере возможности, маскировали источники информации, стремясь как можно дольше держать ценного сотрудника в личном пользовании... Подобная «слабость» была присуща охранникам всех уровней, вплоть до особого отдела,— хороший сотрудник обеспечивал хорошую карьеру. А между тем именно эта «внутренняя конспирация» избавляла секретных агентов от перекрестной слежки, от дополнительного контроля — и тем самым создавала для них вполне реальную возможность водить своего единственного опекуна за нос...

Характерно, что столь же широко «внутренняя конспирация» была распространена и в той сфере, в которой провокация, при всем своем всеобъемлющем характере, получила наибольшее распространение,— в сфере индивидуального террора. Именно террор, как мы видели, дал мощный толчок становлению провокации в начале 80-х годов; именно террор, со всеми своими специфическими чертами, служил самой благодарной почвой для нее и в начале XX в. И прежде всего это касалось террористической деятельности эсеров.

Для социалистов-революционеров — самой многочисленной революционной партии России — на протяжении всей их деятельности была характерна аморфность организационной структуры, отсутствие в ней четкого внутреннего стержня. Особенно заметно это сказывалось во взаимоотношениях ЦК партии и ее Боевой Организации. По идее, это должны были быть взаимоотношения между органами руководящим

н подчииеиным — недаром ведь в программных документах эсеровской партнн террору отводнлась скорее вспомогательная, нежелн самостоятельная роль. Однако на практнке — н это отлнчио показано в кинге Ннколаевского — Боевая Органнзацня пользовалась такой автономней, которая позволяла ее члеиам действовать почти бесконтрольно, в обстановке полной секретиости от товарнщей по партнн, упнваясь сознаинем своей значнмости и исключнтельностн. Неуднвнтельио, что в БО формнровались личиостн таких людей, как Савников н Каляев, для которых террор превращался в самоцель, для которых право иа политическое убнйство представлялось столь же святым и несомиенным, как н для многнх деятелей полнтнческого сыска — право иа провокацню. И не случайно нменио террор н провокацня — этн два самых уродлнвых проявлення внутрнполнтнческой борьбы в Росснн — пронзвелн в своем взанмодействии иа свет божнй такой жуткнй феномен, как Азеф — выдающийся агент охранкн, органнзующий покушения на мнннстров, велнких князей н самого государя нмператора, который в то же время является главой Боевой Оргаиизацни, составляющнм подробные доносы на своих блнжайшнх товарнщей...

Об Азефе пнсалн миого н до революцнн, н в первые годы после нее — он вонстнну поразнл воображенне свонх современнков (недаром одиа нз публнкацнй носнла подзаголовок «Сказка действнтельностн»). Прн этом иередко на него взнралн с чувством, блнзкнм к восхнщенню: конечио, мерзавец, но какой... значнтельный! — прнпнсывая Азефу волю н самообладанне почти сверхчеловеческне, нзображая его полновластным хозяином положеиия, заставляющнм плясать под свою дудку н эсеров, и охраннников. Одним нз достоиист книгн Николаевского является то, что он развенвает этот миф, сводя фигуру этого мерзавца к куда более ей прнлнчествующим масштабам. Ннколаевскнй последовательно и ясио показывает, как Азеф, начавшнй свою карьеру присвоением несколькнх сот рублей, вырученных за продажу взятого на комнссню масла, *силою вещей* становится «велнкнм провокатором». В этой роли Азеф чувствует себя чрезвычайио неуютно; показная выдержка изменяет ему при первых прнзнаках опасиостн; его постоянно тянет сделать решнтельный выбор и, окончательио предав какую-инбудь одну нз «конкурнрующнх органнзаций», более нлн меиее честно работать с другой... Но счастье само лезет в рукн, условня постоянно благоприятствуют, н революционеры, н охранники в равиой степеии прямо-такн

желают быть обманутыми... Какой же жулик будет отказываться от своего фарта?! Не вина Азефа и не заслуга в том, что ему пришлось действовать в стране, в которой политическая жизнь оказалась до такой степени пронизанной ложью и насилием, в которой исполненный трагизма ход событий создал столь живительную атмосферу для человека его наклонностей и способностей...

Парадоксально, но факт: чем дальше заходил Азеф в своей авантюре, тем больше шансов было у него удержаться на завоеванных позициях — круговая порука все теснее связывала этого двойного предателя и с генералами от охранки, и с генералами от революции. И те, и другие в равной степени отгоняли от себя и от всех окружающих подозрения, которых Азеф просто не мог не вызывать; угроза его разоблачения была страшна и для жандарма Герасимова, и для членов эсеровского ЦК — это разоблачение очень больно било по ним самим, сотрудникам Азефа. И нужно было вмешательство такого независимого во всех отношениях человека, как Бурцев, со всей его энергией, бесстрашием и предприимчивостью, чтобы Азеф в конце концов пал, заставив при этом содрогнуться и партию эсеров, и охранку. Для Бурцева же разоблачение Азефа послужило началом его замечательной и весьма успешной борьбы с провокацией, которую он и впоследствии вел в одиночку, при весьма скептическом, а то и откровенно недоброжелательном отношении со стороны представителей революционных партий. И тем не менее в лице Бурцева охранка получила достойного противника, который вплоть до начала первой мировой войны не давал ей покоя, всячески сковывая провокационную деятельность.

Думается, что «История одного предателя» не может не увлечь читателя: она чрезвычайно интересна сама по себе и дает богатый материал для понимания общего хода внутриполитической жизни России. Следует отметить, что это к тому же одна из немногих книг по истории политического сыска в России, которая вполне отвечает современным научным требованиям (впервые «История одного предателя» была издана в Берлине в 1931 г.). Ее автор, Борис Иванович Николаевский (1887—1966) был не только видным общественным деятелем, членом ЦК партии меньшевиков, но и профессиональным историком. В 1922 г. он уехал за границу, однако вплоть до начала 30-х годов не терял связей с Советской Россией, активно сотрудничая с Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса (в частности, благодаря ему удалось приобрести некоторые документы, связанные с

жизнью и деятельностью основоположников марксизма). Научные интересы Николаевского определялись изучением революционного движения в России, и прежде всего историей становления и развития российской социал-демократии. Его работы, как правило, написаны на основе богатого фактического материала, они добросовестны, объективны и выдержаны в спокойном, сдержанном тоне, то есть отличаются теми же достоинствами, которые в полной мере присущи и этой, рекомендуемой читателю книге. В качестве приложения к ней напечатаны несколько глав из воспоминаний В. Л. Бурцева (изданы в Москве в 1928 г.), в которых история разоблачения Азефа излагается во всех подробностях

А. Левандовский

ОТ АВТОРА

Провокация как метод борьбы с революционным движением в странах без политических свобод или со свободами весьма ограниченными не принадлежит к числу особенностей специально русской истории. Италия эпохи австрийского владычества, Франция времени Луи-Филиппа и Наполеона III, даже Пруссия в царствование Фридриха-Вильгельма IV знали применение провокации в значительно более широких размерах, чем современная им Россия. Весьма широко применялась она в разных странах и в отдельные другие периоды. Но в то время, как повсюду в этих других странах она применялась именно только отдельными периодами, а потому не могла создать прочной традиции,— в России непрерывная и все более ожесточавшаяся борьба правительства в течение целого столетия против нараставшего революционного движения привела к тому, что провокация сложилась здесь в стройную законченную систему, над «научной» разработкой которой бились «лучшие головы» полицейского сыска. Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно Россия дала миру и тот конкретный пример провокации, которому суждено войти в историю в качестве *классического* примера провокации вообще.

Таким примером, бесспорно, является история Азефа. Человек, свыше 15 лет состоявший на службе в качестве тайного полицейского агента для борьбы с революционным движением и в то же время в течение свыше пяти лет бывший главою террористической организации — самой крупной и по своим размерам, и по размаху ее деятельности, какую только знает мировая история; человек, предавший в руки полиции многие и многие сотни революционеров и в то же время организовавший ряд террористических актов, успешное проведение которых остановило на себе внимание всего мира; организатор убийств ми-

нистра внутренних дел Плеве, великого князя Сергея Александровича и ряда других представителей власти; организатор покушения против царя,— покушения, которое не было выполнено отнюдь не по недостатку «доброго» желания у его главного организатора,— Азеф является поистине еще непревзойденным примером того, до чего может довести последовательное применение провокации как системы.

Действуя в двух мирах — в мире тайной политической полиции, с одной стороны, и в мире революционной террористической организации, с другой, — Азеф никогда не сливал себя целиком ни с одним из них, а все время преследовал свои собственные цели и соответственно с этим предавал то революционеров полиции, то полицию революционерам. В обоих этих мирах его деятельность оставила заметный след. Азеф, конечно, не покрывал своей тенью всей деятельности ни Боевой Организации партии социалистов-революционеров, бессменным руководителем которой он так долго состоял, ни политической полиции, главной надеждой которой для борьбы с указанной организацией его так долго считали. Особенно в истории Боевой Организации важно уметь отделить саму эту организацию, ее действительные задачи и всех остальных ее деятелей от личности того, кого они считали своим вождем. И тем не менее роль Азефа в обоих этих мирах была настолько значительна, что, не поняв ее, не проследив ее во всех ее деталях, историк не сможет понять многого в истории первой русской революции — революции 1905 и последующих годов.

Именно это делает биографию Азефа интересной в глазах историка, как бы отрицательно он ни относился к Азефу, как типу. Дать такую биографию на основе по возможности точно проверенных данных, нарисовать исторически верную картину его деятельности в обоих указанных мирах — в мире революционном и в мире полицейском — и является задачей настоящей книги.

При составлении ее автор, кроме обширной печатной литературы, особенно широко разросшейся в течение послереволюционных лет, имел возможность в той или иной мере использовать многие неизвестные еще в печати материалы как документального, так и мемуарного характера. Из числа первых прежде всего необходимо указать на архивные дела об Азефе:

Дела департамента полиции по сношениям с Азефом за время с 1893 по 1902 г.

Дела того же департамента полиции от 1909—1910 гг. по подготовке материалов для правительственного ответа в Государственной думе на запросы об Азефе.

Дело судебного следователя, производившего дознание по делу Лопухина.

Дело того следователя Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством в 1917 г., который производил специальное следствие об Азефе.

Все эти документы, исключительно важные для истории деятельности Азефа, в литературе до сих пор почти совершенно не использованы (ссылки на них имеются только в статье М. А. Алданова). Автору настоящей книги они были доступны в копиях, снятых в свое время проф. В. К. Агафоновым — историком деятельности русской полиции за границей. За сообщение этих копий, без которых было бы совершенно невозможно освещение ряда затронутых в книге моментов, я приношу мою глубокую благодарность В. К. Агафонову и С. Г. Сватикову.

Из неизвестных в печати материалов мемуарного характера мною в той или иной мере использованы устные или письменные сообщения целого ряда лиц, по тем или иным причинам входивших в соприкосновение с Азефом,— а именно А. А. Аргунова, В. Л. Бурцева, Р. Д. и В. А. Бухгольц, инженера Зауера, В. М. Зензинова, Ф. Курского-Блюмина, Е. Е. Лазарева, В. И. Лебедева, бывшего московского раввина Мазе, И. И. Мейснера, П. Н. Милюкова, О. С. Минора, С. П. Постникова, В. В. Сухомлина, В. М. Чернова и многих других.

Особняком среди материалов этой группы необходимо поставить сообщения А. В. Герасимова, бывшего начальника охранного отделения в Петербурге в 1905—1909 гг. и полицейского руководителя Азефа за время с апреля 1906 г. по момент его разоблачения. Он не только представил мне возможность ознакомиться с рядом глав его неизданных воспоминаний, но и в многократных устных беседах никогда не отказывался давать справки по тем вопросам, которые вставали в процессе проработки материалов. Именно эти сообщения легли в основу всех тех разделов книги, которые говорят об отношениях Азефа с полицией в 1906—1908 гг.

Для последнего периода жизни Азефа — после его разоблачения — я имел возможность пользоваться документами, которые сохранились у госпожи N, письмами к ней

Азефа и ее письмами к последнему, ее письмами к матери, тетрадями с тюремными заметками Азефа и пр. (более подробно эти материалы мною использованы в особой брошюре: «Конец Азефа»). Кроме того, из другого источника я получил возможность ознакомиться с частью того архива Азефа, который он захватил с собою при бегстве из Парижа в январе 1909 г.

Поскольку существовала возможность, свидетельские показания — источник, как известно, всегда крайне субъективный — подверглись взаимному контролю. Но для ряда случаев такого рода контроль по самому характеру этих материалов был невозможен в виду отсутствия других лиц, посвященных в те или иные стороны деятельности Азефа. Во всяком случае, все такого рода сообщения в книге приведены с указанием на источник. Едва ли нужно оговаривать, что такого рода указания всегда относятся только к *фактической стороне* сообщения: ответственность за *оценки и выводы*, конечно, лежит целиком на авторе книги.

Всем лицам, оказавшим мне любезное содействие в работе, я приношу мою глубокую благодарность.

При составлении книги автор принужден был иметь в виду главным образом не русскую читательскую аудиторию. Это не могло не отразиться на характере изложения. В частности, все даты в книге даны по *новому стилю*,— это необходимо иметь в виду при чтении.

Берлин, 15 октября 1931 г.

Глава I
РАЗГОВОР В ПОЕЗДЕ

Восточный экспресс едва успел отойти от кельнского вокзала, как в купе, где сидел бывший директор департамента полиции А. А. Лопухин, вошел неожиданный гость — В. Л. Бурцев.

Они уже были знакомы друг с другом: в качестве редактора исторического журнала «Былое», выходившего в Петербурге в 1906—1907 гг., Бурцев несколько раз обращался к Лопухину с предложением написать для этого журнала свои воспоминания. Лопухин эти предложения отклонял, так как не хотел становиться на путь разоблачения тех секретов, которые ему были известны по его прежней службе.

А Бурцева теперь интересовали именно эти разоблачения. Он был пионером в деле изучения истории русского революционного движения, начав работу в этой области тогда, когда она еще не привлекала почти ничьего внимания. Но историей он и раньше интересовался не для нее самой, не для чистой науки. Революционер и публицист в нем всегда преобладал над историком-исследователем, и к изучению прошлого он всегда подходил с желанием прежде всего извлечь из этого прошлого полезные уроки для политической борьбы текущего дня. В период после революции 1905 г. он сосредоточил свое внимание на раскрытии секретов русской политической полиции, и в особенности на разоблачении тех агентов последней, которые проникают в ряды революционных организаций для того, чтобы предавать тайны последних. В целях получения нужных материалов он завязал ряд знакомств с полицейскими чиновниками и через них получил много ценных и важных сведений, среди которых наибольшее значение имело указание на существование предателя в самом центре партии социалистов-революционеров. Фамилия этого предателя ему не была названа — его информа-

торы сами ее не знали,— но было известно, что предатель стоит очень близко к Боевой Организации партии, выдал целый ряд террористических предприятий последней и в полицейских кругах известен под псевдонимом Раскин. Целый ряд мелких деталей, сообщенных Бурцеву, мог служить руководящей нитью при поисках. Бурцев принялся за них — и неожиданно для самого себя пришел к выводу, что таковым предателем является не кто иной, как главный руководитель Боевой Организации и давнишний член Центрального Комитета партии социалистов-революционеров Е. Ф. Азеф.

С этого момента Бурцев начал борьбу за разоблачение Азефа.

Эта борьба была нелегка. Все деятели центральных учреждений партии и в особенности все руководители Боевой Организации, в течение ряда лет работавшие рука об руку с Азефом, не хотели и слушать доводов Бурцева. Они лучше других знали роль Азефа в жизни этих организаций; знали, как много Азеф при желании мог бы выдать полиции, но что им выдано не было. И Бурцев, с его доказательствами, в значительной своей части почерпнутыми из полицейских источников, казался им смешным

и вредным маньяком, которого использует полиция для внесения разложения в революционную среду путем дискредитирования виднейшего и опаснейшего для нее террориста. Бурцева пытались уговаривать, советовали прекратить начатую кампанию; ему делали предупреждения, почти грозили. Ничто не помогало. С упорством фанатика, убежденного в своей правоте, он был готов идти до конца — хотя бы один против всех.

Тогда его привлекли к суду. Вопрос стоял в высшей степени остро: если его осудят, он будет морально дискредитирован на всю жизнь. Это будет хуже, чем смерть физическая. Впрочем, и смерть физическая не замедлила бы последовать за смертью моральной: Бурцев для себя решил не пережить последней. А возможность такого осуждения была вполне реальной. В подобных делах *документальных* доказательств почти никогда не удается получить. Все строится на косвенных уликах. Но при том доверии, какое питали к Азефу его коллеги по партии, косвенным уликам веры никто давать не хотел. И Бурцев метался в поисках новых, более веских, более убедительных доказательств измены Азефа.

Эти доказательства и должен был дать Лопухин, который по своему прежнему служебному положению не мог не быть совершенно точно осведомлен о роли Азефа. Вся задача состояла в том, чтобы вовлечь его в разговор и заставить говорить правду.

Встреча в поезде была Бурцевым заранее подготовлена, но ей был придан характер неожиданной. Беседа началась — как и раньше в Петербурге — с нейтральных историко-литературных тем. В это время Бурцев перенес издание своего исторического журнала в Париж и предполагал теперь вполне свободно писать обо всем, касаться чего в Петербурге не позволяла цензура. Он был полон планов и надежд и много говорил о них Лопухину. А от этих общих тем только естественным вышел переход к тому, что сейчас специально интересовало Бурцева, — к теме об Азефе. Перечисляя материал, который находится в портфеле редакции, он сообщил, что в ближайшей книжке будут напечатаны разоблачения относительно деятельности одного весьма важного агента полиции, который был руководителем Боевой Организации социалистов-революционеров. «Лопухин,— вспоминает Бурцев,— сначала как будто не обратил внимания на эти мои слова... Но я почувствовал, что он насторожился, ушел в себя, точно стал ждать с моей стороны нескромных вопросов».

Он был прав: «нескромные» вопросы не замедлили последовать. Бурцев поставил вопрос прямо.

— Позвольте мне, Алексей Александрович,— обратился он с просьбой,— рассказать вам все, что я знаю об этом агенте-провокаторе, об его деятельности как среди революционеров, так и среди охранников. Я приведу доказательства его двойной роли. Я назову его охранные клички в революционной среде и его настоящую фамилию. Я знаю о нем все. Я долго и упорно работал над его разоблачением и могу с уверенностью сказать: я с ним уже покончил. Он окончательно разоблачен мною. Мне остается только сломить упорство его товарищей, но это дело короткого времени.

Лопухин отозвался очень сдержанно, но не без любопытства:

— Пожалуйста, Владимир Львович, я вас слушаю.

И Бурцев начал свой рассказ.

Он не называл настоящей фамилии Азефа, а только тот псевдоним последнего, под которым он был известен в полицейском мире: Раскин. Но Лопухин с первых же слов понял, о ком шла речь. В одной своей части рассказ Бурцева скрещивался с тем, что Лопухин знал по своей прежней службе,— и последнего поразила точность собранных Бурцевым данных. «Больше всего,— рассказывал он позднее судебному следователю,— меня поразило то, что Бурцев знает об условных на официальном полицейском языке кличках Азефа как агента, о месте его свиданий в Петербурге с чинами политической полиции... Все это было совершенно верно». И эта точность одной части рассказа Бурцева, которую Лопухин мог проконтролировать, неизбежно должна была внушать Лопухину полное доверие к другой, к той, в которой Бурцев говорил о таинственном Раскине как его видели революционеры; о роли последнего в революционном лагере — в Центральном Комитете и в Боевой Организации.

Лопухин был уже немолод,— ему было около 45 лет. На своем веку он успел многое повидать, еще больше слышал, и ему, наверное, казалось, что уже ничто не сможет его поразить. Но то, что теперь рассказывал Бурцев, поражало — и бередило старые больные раны. Бурцев и не подозревал, какое значение его рассказ получал в том освещении, которое ему давала память его слушателя!

Перед Лопухиным вставала вся его жизнь, все честолюбивые надежды прошлого и вся горечь обид настоящего.

Он был старшим сыном в старинной дворянской семье, одной из наиболее старых коренных русских фамилий: Лопухины свой род вели от полулегендарного касожского князя Редеди; фамилию Лопухиных носила царица Евдокия, жена Петра Великого,— последняя русская царица из коренной русской семьи. Как и все такие семьи, Лопухины не могли похвастаться особенными богатствами. Но и к «оскудевшим» их причислить было трудно: А. А. Лопухин получил по наследству свыше 1000 десятин в Орловской и Смоленской губерниях. Не принадлежали к «оскудевшим» Лопухины и по способностям, по уму, по воле к житейской борьбе. Все они были наделены большой долей честолюбия, в особенности Алексей Александрович. В 22 года окончив Московский университет, он с 1886 г. был зачислен на службу по ведомству Министерства юстиции и затем быстро зашагал вверх по служебной лестнице.

По своим университетским и личным связям Лопухин был близок к умеренно-либеральным кругам родовитой дворянской молодежи, симпатизировал их политической программе, с рядом из них был лично дружен (особенно с профессором князем С. Н. Трубецким). Но эти либеральные симпатии отнюдь не мешали Лопухину свою карьеру делать главным образом на политических делах, наблюдать за производством которых ему приходилось в качестве представителя прокурорского надзора. Впервые на эту работу он был назначен в Москве, в середине 1890-х годов, причем на него было возложено дело контроля действий московского охранного отделения. Обычно между начальством последних и прокуратурою шла междуведомственная борьба: прокуратура в той или иной степени противодействовала попыткам охранных отделений расширить пределы своих прав. На этот раз начальник московского охранного отделения, знаменитый Зубатов, о котором речь еще будет впереди, пошел иным путем. Вместо скрытой оппозиции и попыток не допустить его к ознакомлению с методами работы политического сыска, Лопухин встретил со стороны Зубатова полную готовность посвятить его во все тайны работы отделения, в методы борьбы с революционными организациями и т. д. В то время Зубатов носился с планами создания легальных рабочих организаций под контролем полиции и ему удавалось привлекать на сторону этих своих планов профессоров и других общественных деятелей. Тем легче привлек он на свою сторону и молодого прокурора-карьериста. Лопухин ознакомился даже с делом постановки секретной агентуры, — по некоторым сведениям,

он побывал и на конспиративных квартирах, на которых происходили свидания Зубатова с секретными сотрудниками,— и стал горячим поклонником Зубатова.

Подобный полицейский уклон интересов молодого либерального прокурора предопределил его дальнейшую карьеру. Поворотным пунктом в ней был май 1902 г. В это время Лопухин был уже прокурором харьковской судебной палаты. Только что назначенный новый министр внутренних дел В. К. Плеве приехал в Харьков для того, чтобы на месте ознакомиться с размерами и характером незадолго перед тем прошедшей по Югу России волны крестьянских волнений: тогда они были еще новостью, первыми провозвестниками идущей бури аграрной революции. С Лопухиным Плеве встречался и раньше — у общих знакомых в Петербурге. В Харькове Плеве просил Лопухина сделать ему доклад о причинах крестьянских волнений, настаивая на том, чтобы тот вполне откровенно высказал свое мнение. «Мое мнение,— рассказывал позднее об этой беседе Лопухин,— сводилось к тому, что пережитые Полтавской и Харьковской губерниями погромы помещичьих усадеб нельзя было рассматривать как явления случайные, что они представляются естественными результатами общих условий русской жизни: невежества крестьянского населения, страшного его обнищания, индифферентизма властей к духовным и материальным его интересам и, наконец, назойливой опеки администрации над народом, поставленной взамен охраны его интересов законом». Плеве, по рассказу Лопухина, согласился с этими мыслями и сообщил, что он и сам признает необходимость реформ, вплоть до введения в России суррогата конституции, — в форме привлечения представителей общественных организаций в состав Государственного совета. Только эти реформы, по мнению Плеве, могли спасти Россию от революции, опасность которой ему казалась надвинувшейся вплотную. Лопухин не рассказывает о другой части своих бесед с Плеве — той, в которой речь шла о борьбе с революцией путем репрессий. Такой борьбе Плеве и Лопухин придавали первостепенное значение. Лопухин наметил целый план работ в этом направлении — в духе политики Зубатова — и нашел в Плеве горячего сторонника этой программы. Именно поэтому результатом бесед было предложение Лопухину поста директора департамента полиции: он должен был во всероссийском масштабе руководить теми опытами, которые до сих пор Зубатов проделывал только в Москве.

Для Лопухина в этом предложении многое было весьма заманчивым: в 38 лет он становился руководителем одного из важнейших в империи учреждений и вплотную подходил к самым вершинам правительственной власти. С точки зрения карьеры перед Лопухиным открывались, казалось, самые заманчивые перспективы: из директоров департамента полиции прямой путь вел к посту министра внутренних дел. И молодой либеральный прокурор, в поведении которого честолюбие играло определяющую роль, принял предложение перейти из ведомства юстиции в ведомство полиции.

В действительности все вышло совсем иным. О далеко идущих реформах по-серьезному вопрос вообще не вставал. Правда, по свидетельству Лопухина, Плеве вытребовал из архивов все те проекты преобразования Государственного совета, целый ряд которых был составлен в царствование Александра II, но последствий это никаких не имело. Плеве рассказывал Лопухину, что он ставил вопрос о соответствующих реформах перед царем, но наткнулся на решительное сопротивление. Можно даже сомневаться, делал ли он это в действительности: никаких сообщений об этом в архивах до сих пор не найдено, а по своему существу подобная реформа настолько противоречила бы всему курсу политики Плеве, всем его тогдашним заявлениям, что возможность ее кажется больше чем сомнительной.

Ничего не вышло и из других задуманных реформ, даже из реформы полиции: проект последней был разработан Лопухиным, но, меланхолично прибавляет последний, «как и все тогдашние проекты Плеве, дальше его кабинета не пошел».

Чем труднее подвигалось дело реформ, тем большее значение приобретали чисто полицейские вопросы. Здесь Плеве был как у себя дома — и программа Лопухина была осуществлена полностью. Весь руководящий персонал департамента полиции был радикально обновлен, и департамент был окончательно превращен во всероссийскую охранку. Непосредственным руководителем всего розыска был назначен Зубатов. Основная ставка была сделана на развитие секретной агентуры внутри революционных организаций. Для этой цели не скупились перед затратами. В течение каких-нибудь 2—2½ лет был истощен весь запасный капитал департамента, доходивший до 5 млн рублей и накопленный в течение больше чем десятилетия сравнительного затишья в стране.

Главный надзор за всем делом находился в руках Лопухина, который с любопытством неофита сам входил во все детали. Хорошего сыщика из него не вышло: он все же был слишком по-аристократически брезглив для подобной грязной работы. Но в то же время он был в достаточной мере карьеристом, чтобы запачкать себя в той грязи, которая его окружала. Либерал, сам мечтавший о конституции, он руководил разгромами либеральных земств и подписывал доклады о высылке в Сибирь ряда умеренных либералов, виновных только в подобных же мечтах о конституции. Культурный, европейски образованный человек, он поставил свою подпись под той антисемитской кампанией, которую вел в его время департамент полиции. Если даже не доверять рассказам о том, будто он считал антиеврейские погромы «полезным кровопусканием»[1], то во всяком случае несомненным остается один факт: в личном объяснении с представителем союза писателей Н. Ф. Анненским по поводу погрома в Кишиневе Лопухин взял под свою защиту идейного вдохновителя этого погрома, черносотенного писателя Крушевана, назвав его одним из немногих русских писателей, которые «не подкуплены евреями». Только в интимных письмах к своему другу С. Н. Трубецкому Лопухин позволял себе высказывать либеральные мысли, — после смерти Плеве он, глава всей полиции империи, не без удивления узнал, что за этой его перепиской велось самое тщательное полицейское наблюдение, доклады о результатах которого сообщали непосредственно министру... Открыто же Лопухин солидаризировался со всем, что делал Плеве, выступая старательным и послушным исполнителем наиболее реакционных распоряжений последнего. Плеве знал, что делал, когда брал молодого либерального карьериста в свои ближайшие помощники: у подобных людей интересы карьеры всегда берут верх над всеми иными соображениями.

Свой штемпель Лопухин поставил и на работе департамента по насаждению провокации, — работе, которая особенно пышным цветом начала распускаться именно в эти

[1] В свое время в прессу проник рассказ, будто подобный отзыв о погроме 1903 г. в Кишиневе был сделан Лопухиным в разговоре с жандармским генералом Новицким, причем делались ссылки на устные рассказы последнего; теперь воспоминания Новицкого опубликованы; в них соответствующего места не имеется, но зато содержится категорическое утверждение, что Лопухин о предстоящем в Кишиневе погроме был заблаговременно предупрежден — и не принял никаких мер для его предотвращения.

годы. В частности, именно он во многом содействовал карьере Азефа, хотя уже в то время понимал, что работа последнего переходит грань допустимого даже с точки зрения весьма растяжимой полицейской морали. Именно он, с прямого одобрения Плеве, еще осенью 1902 г. разрешил Азефу войти в Боевую Организацию.

Конечно, при этом и он, и Плеве были уверены, что они будут держать в своих руках Азефа, а через него и всю Боевую Организацию. И вот теперь, через шесть лет, на перегоне между Кельном и Берлином из рассказа Бурцева Лопухин узнавал, каковы были действительные результаты их старого решения: указанный их агент — этот Раскин рассказа Бурцева — не просто вошел в состав этой организации,— после ареста Гершуни он стал ее главным руководителем и подготовил все ее выступления; в частности, он непосредственно руководил организацией убийства Плеве...

Смерть последнего была первым жестоким ударом для служебной карьеры Лопухина: Плеве был его главной опорой, главным покровителем. В конечном итоге с момента смерти Плеве на всех честолюбивых планах Лопухина был поставлен крест. Если бы Плеве остался жить, все могло бы пойти по-иному... И вот теперь выяснялось, что эта смерть была подготовлена не кем иным, как его, Лопухина, агентом — тем, на вступление кого в ряды террористов и Плеве и он, Лопухин, дали свое согласие. Неужели все это было правдой?

До сих пор Лопухин спокойно слушал рассказ своего собеседника, — хотя и было заметно, что интерес его постепенно возрастает. Худощавый, подвижный, типичный русский «нигилист» старого времени и по одежде, и по замашкам, Бурцев сильно волновался. Он жестикулировал, привскакивал на вагонном диванчике, сам перебивал себя, повторялся, вновь и вновь возвращаясь к тем эпизодам, которые ему казались наиболее значительными, — и все время с жадным вопросом в глазах смотрел на Лопухина, стараясь уловить оттенки его настроений. Но это лицо ни о чем, кроме растущего интереса к рассказу, не говорило. Человек, умевший хорошо владеть собою, и к тому же большой барин, Лопухин сидел, не проронив ни одного слова, почти не двигаясь, и только испытующе всматривался в собеседника своими немного раскосыми — старая примесь монгольской крови! — глазами. Но когда Бурцев дошел до рассказа об убийстве Плеве, хладнокровие изменило Лопухину. «С крайним изумлением, как о чем-то

совершенно недопустимом,— вспомнилает Бурцев,— он спросил меня: «И вы уверены, что этот агент знал о приготовлениях к убийству Плеве?»

— Не только знал,— отвечал Бурцев,— но и был главным организатором этого убийства. И подробно, со всеми деталями стал рассказывать закулисную историю подготовки этого убийства.

В этом рассказе все было точно, ясно, полно таких деталей, которые внушили доверие, и все же мысль с трудом мирилась с тем, что воспринимали уши.

После смерти Плеве для Лопухина наступили тяжелые времена. Новый министр внутренних дел князь Святополк-Мирский к нему относился очень хорошо, но этот министр сам был непрочен на своем посту, против него велись подкопы со стороны придворной реакционной партии, причем большую роль в нападках играли указания на недочеты в деятельности департамента полиции. Закулисную интригу плел Рачковский — видный деятель полицейского сыска, имевший влиятельные связи при царском дворе. За два года перед тем Плеве грубо выбросил его со службы, презрев все его прежние заслуги,— и Лопухин тогда со своей стороны посыпал солью свежую рану. При жизни Плеве Рачковский был бессилен, хотя и вел различные подкопы. Теперь пришла его очередь платить за старые обиды. Технику полицейского дела Рачковский знал лучше Лопухина, и его удары попадали метко, били больно. Исход борьбы был решен убийством великого князя Сергея Александровича — дяди и влиятельнейшего советника царя. После получения телеграмм об этом убийстве в департамент примчался петербургский генерал-губернатор Трепов, тогдашний фаворит царя, находившийся в то время под влиянием Рачковского. Без доклада ворвался он в кабинет директора и, бросив в лицо растерянному Лопухину всего одно только слово: «Убийца!», также молча удалился. В тот же день по докладу Трепова Рачковский был назначен верховным комиссаром над политической полицией Петербурга, а царь во время ближайшего доклада министра внутренних дел резко выразил свое недовольство работою департамента полиции. Лопухину ничего не оставалось, как уходить в отставку. Все надежды на карьеру разлетались в прах...

И вот теперь, из дальнейших рассказов Бурцева, Лопухин узнавал, что и этот последний удар был нанесен ему все тем же Раскиным: это он разработал план покушения на великого князя Сергея, это он снарядил в путь отряд

террористов, это он вложил бомбу в руки того, кто потом убил... И опять не хотелось верить в правильность рассказа, но не верить было нельзя: указания были точны, ссылки на живых людей внушали доверие.

Бурцев продолжал свой рассказ, перейдя к позднейшим периодам деятельности таинственного Раскина. Последний вскоре изменил свое поведение, и с этого момента как будто бы злой рок навис над всеми предприятиями Боевой Организации. Ни одно покушение не стало больше удаваться. Даже наиболее тонко задуманные планы, даже наиболее хорошо законспирированные группы проваливались, людей арестовывали или они были вынуждаемы бежать, не доведя до конца начатых дел.

Все это менее интересовало Лопухина. Симпатий к революционерам он не питал. В свое время он сам без всяких колебаний их и в тюрьмы сажал, и на казнь посылал. Ведь и Раскину он именно для того деньги платил, чтобы тот выдавал революционеров, и если бы этот Раскин в свое время «честно» ему, Лопухину, служил, то рассказы Бурцева никакого возмущения в Лопухине не вызвали бы. Но теперь, когда он узнал, что этот Раскин обманывал и предавал не одних только революционеров, но и тех, кто ему за предательство деньги платил, обманутый Раскиным Лопухин начинал почти сочувствовать даже преданным Раскиным революционерам. Он всегда не любил этого Раскина: не мог преодолеть барского чувства брезгливости — пережитка той эпохи, когда складывалась поговорка о том, что «предателям платят, но их не уважают». Теперь к брезгливости прибавлялось раздражение обманутого человека. Как можно было дать так глупо себя обмануть? И кому? Человеку, которого презирал, которому никогда по-настоящему не верил, относительно которого всегда знал, что он способен на предательство из-за денег. Вспомнилось, что и раньше целый ряд моментов в поведении Раскина наводил на сомнения, заставлял думать, что он говорит не все, что знает. Особенно ясно это было видно из некоторых его докладов от зимы 1904/05 г., из которых следовало, что Раскин играл в партии значительно более крупную роль, чем он это обычно признавал. Ведь и тогда Лопухину приходила мысль, не следует ли вызвать Раскина для объяснений? Не будет ли правильнее положить конец той игре, которая начата по требованию Плеве? Решимости поднять это дело тогда не нашлось: при всех своих недостатках Раскин все же был очень полезен, расход на уплату ему жалованья с полицейской точки зрения во всяком случае покрывался с лих-

вой... И несмотря на все свои сомнения, несмотря на понимание опасности игры, Лопухин тогда старательно закрывал глаза на поведение своего сотрудника.

А теперь, в дополнение ко всему, вставал и еще один вопрос: на свой ли только риск действовал Раскин, ведя такую смелую игру? Лопухин помнил отзывы о Раскине хорошо его знавшего Зубатова: последний всегда подчеркивал, что Раскин — человек в высшей степени осторожный, почти трусливый. Разве мог этот трус самостоятельно вести столь смелую игру? Не скрывался ли за его спиной кто-то значительно более сильный и влиятельный, преследовавший свои далеко идущие цели, в руках которого Раскин был только пешкой?

Чем больше Лопухин думал над этим вопросом, тем определеннее он склонялся к положительному ответу.

За годы своего пребывания на посту директора департамента полиции он имел возможность заглянуть в наиболее прикровенные тайники той кухни взаимных интриг и подсиживаний, которая скрывается в непосредственной близости от самых вершин правительственной власти, и знал, что во время ведущейся там ожесточенной борьбы люди способны не останавливаться буквально ни перед чем. Это была не простая догадка, не произвольное предположение. Лопухин *знал* факты, которые подтверждали эту его оценку. К нему самому не кто иной, как председатель Комитета министров Российской империи С. Ю. Витте — тогда еще не «граф» — обращался с предложением, в возможность которого Лопухин никогда бы не поверил, если бы не слышал его непосредственно из уст самого Витте. Этот последний перед тем только что потерпел жестокое поражение в своей борьбе против Плеве и был раздражен против царя, который, по своей обычной манере, в последний момент предал его, нарушив все прежние обещания. Ряд обстоятельств давал Витте основание предполагать, что Лопухин будет на его стороне, и в интимной беседе с ним, глаз на глаз, Витте развил план ничего иного, как цареубийства, совершаемого департаментом полиции через посредство революционных организаций: Витте доказывал, что Лопухин, как директор департамента и руководитель полицейского сыска во всей империи, имеющий в своем распоряжении полицейских агентов, входящих в состав террористических групп, может через этих агентов внушить революционерам мысль о необходимости цареубийства и при этом так повести полицейское наблюдение, что покушение приведет к успешному результату. Все останется совершенно скры-

тым, надо только действовать умио и осторожио. Когда же Нколай перестанет существовать, на трои взойдет его брат, Михаил, который целиком иаходится под влияиием Витте. Власть последнего стаиет огромиой,— и услуга Лопухииа, коиечио, будет щедро вознаграждеиа [1].

Лопухни ие рнскиул вступнть на тот путь, иа который его звал Витте. Но теперь, когда ои слушал рассказы о террористическнх покушеинях, организоваиных агентом полиции, он ие мог ие вспомнить про свою старую беседу с Витте: ие нмеет ли ои дело со случаем применения тех средств борьбы за власть, которые в свое время ему рекомеидовал Витте? Не пользовался ли Раскииым кто-то другой, делая свою карьеру теми средствами, на примеиеине которых в свое время у иего, Лопухнна, ие хватило ин дерзости, ни беззастенчивости?

Чем больше Лопухии думал иад этим вопросом, тем правдоподобиее казалась ему эта догадка. Ои иачниал даже думать, что угадывает и тайиого вдохиовителя Раскина: им мог быть, по миенню Лопухнна, только одии Рачковский.

Этого последиего Лопухии зиал как человека, способиого буквальио иа все. Разве не ои оргаинзовал «аиархистскнй» взрыв храма в Льеже? Лопухии имел в своих руках документальные тому доказательства: показаиия иепосредствеииого организатора взрыва — агеита Рачковского, иекоего Яголковского, который откровеиио рассказал обо всем этом предприятии прокурору петербургской судебной палаты, после того как, арестованный в Бельгии, ои был выдан русским властям. Знал Лопухии н о том, что Рачковский был связаи тайиыми иитями с Витте: у Лопухииа имелись доказательства того, что кража у профессора Циоиа — протнвиика фииансовых мероприятий Витте — пакета с иеприятиымн для Витте докуметами была оргаиизоваиа по просьбе последнего нмеиио Рачковским. Рачковский и сам был зол и на Плеве, н на Лопухииа, н покушеиия, оргаиизоваииые Раскииым, иесомиеиио приисли ему пользу; оии расчистили ему путь для возвращеиня к власти в департаменте полнцни. Взглянув иа вещи под этнм углом,

[1] Об этой беседе с Витте Лопухни рассказал в своем «Отрывке из воспомниаиий» (М.: Гиз., 1923). Так как борьбу против Плеве Витте вел, опираясь, между прочим, иа поддержку ближайшего помощиика Лопухиа и иепосредственного руководителя всех агентов департамеита С. В. Зубатова, то вполне закономереи вопрос: ие явился ли разговор Витте с Лопухиным продолжением разговоров иа эту тему между Витте и Зубатовым?

Лопухин находил объяснение и перемене в поведении Раскина: организуемые последним террористические предприятия перестали приводить к успешным результатам немедленно после того, как Лопухин был убран из департамента и к руководству полицейским розыском был привлечен Рачковский. Организовывать удачные покушения во вред самому себе последний, конечно, не мог хотеть. Эта же догадка давала, наконец, объяснение и привязанности Витте к Рачковскому, которая выявилась зимой 1905/06 г. и причины которой для Лопухина до этого времени были не вполне ясны. В этот период, когда Витте вновь пришел к власти, Лопухин сделал попытку свести свои старые счеты с Рачковским. Через своих бывших сослуживцев по департаменту он получил данные об организации Рачковским и его ближайшими подручными в помещении департамента полиции тайной типографии, в которой они печатали прокламации с призывами к антиеврейским погромам. Собранный материал был убийствен: он доказывал, что черносотенные погромы конца 1905 г. были непосредственно организованы департаментом. Лопухин довел этот материал до сведения Витте. Сомневаться в точности представленных ему данных Витте не мог; на удалении Рачковского настаивал целый ряд членов кабинета министров; политически Рачковский для Витте был вреден — и тем не менее Рачковский остался на своем посту.

Все это, вместе взятое, складывалось в цельную картину, и Лопухин едва ли не до конца своей жизни был уверен в том, что Раскин действовал под руководством Рачковского. В таких условиях разоблачение Раскина в представлении Лопухина начинало сливаться с разоблачением Рачковского, с разоблачением всей той клики темных дельцов, с которыми был связан последний. Лопухин был достаточно умен, чтобы понимать, что ему лично это разоблачение теперь уже не поможет. Все пути к продолжению бюрократической карьеры ему уже были отрезаны. Но моральное удовлетворение разоблачение ему дало бы: оно подводило итог всей его долгой борьбе против Рачковского.

Тем временем Бурцев заканчивал свой рассказ. Точного представления о действительных причинах поведения Раскина у него еще не было. Но он отчетливо понимал, что оно преступно — с какой бы точки зрения к нему ни подойти,— и употреблял все усилия, чтобы преодолеть колебания Лопухина, чтобы внушить ему сознание необходимости помочь делу разоблачения. Он говорил, что этот Раскин еще и

теперь продолжает вести свою двойную игру, одной рукой организуя покушения, другой — предавая действующих под его руководством террористов. Совсем недавно, как узнал Бурцев вполне доверительно из совершенно надежного источника, Раскин организовал покушение на самого царя. Если это покушение и не состоится, то во всяком случае по причинам, ничего общего с «доброй волей» Раскина не имеющим. Нет никакого сомнения, что эту свою двойную игру Раскин будет вести и дальше, если только он не будет разоблачен, и Бурцев говорил, что все будущие жертвы террора, все последующие казни выданных Раскиным террористов лягут на его, Лопухина, совесть, если он теперь прикроет своего бывшего агента и не скажет всей о нем правды.

— Вы, будучи директором департамента,— кончил Бурцев,— не могли не знать этого провокатора. Как видите, я его теперь окончательно разоблачил, и я еще раз хочу попросить вас, Алексей Александрович, позволить мне сказать вам, кто скрывается под псевдонимом «Раскин»? Вам останется только сказать, прав я или нет!

Только теперь Лопухин решился:

— Никакого Раскина я не знаю,— заявил он,— но инженера Евно Азефа я видел несколько раз.

Так впервые за время этой длинной беседы было названо это имя...

«Конечно,— вспоминает Бурцев,— для меня менее чем когда-либо эта фамилия была новостью. Более года она буквально ежеминутно была у меня в голове. Но то, что я ее услышал из уст Лопухина, меня поразило, как громовой удар...» Заявление Лопухина действительно имело решающее значение для дела: именно оно разоблачило Азефа...

Разговор продолжался еще долго — до самого Берлина. Теперь говорил больше Лопухин. Сделав первый шаг, он начал делиться и своими соображениями о действительных мотивах поведения Азефа. Именно он во время этой беседы первый выдвинул и обстоятельно мотивировал теорию о Рачковском как закулисном вдохновителе Азефа в дни убийства Плеве и великого князя Сергея. Это объяснение наложило свой прочный след на всю позднейшую литературу об Азефе, но оно ни в коей мере не соответствует действительности. Действительные мотивы поведения Азефа были совсем иные, и выяснению их версия Лопухина ни в какой мере не помогала. И только теперь, спустя почти четверть века после той беседы между Кельном и Берлином, когда нам стали доступны почти все документы секретных архи-

вов и еще многие другие важные материалы, явилась возможность дать правильные ответы на все вопросы, которые встают в связи с делом Азефа...

Глава II
НА ЗАРЕ «ТУМАННОЙ ЮНОСТИ»...

Евно Азеф родился в 1869 г. в местечке Лысково, Гродненской губернии, в семье очень бедного портного Фишеля Азефа. Семья была большая: три сына и четыре дочери. Евно был вторым. Жить было тяжело: нищета кругом была отчаянная, к каждому куску тянулось слишком много ртов. Кто мог, стремился вырваться из той «черты оседлости», которая тогда была установлена правительством для евреев. Когда молодому Азефу было пять лет, в погоне за лучшею жизнью выбрался из «черты» и его отец. Семья поселилась в Ростове-на-Дону — в те годы быстро разраставшемся торгово-промышленном центре Юго-Востока России. В богатый хлебом и углем район отовсюду стекались предприимчивые люди: съезжались купцы, налаживались предприятия, тысячами подходили рабочие. Капиталы создавались быстро и легко,— надо было только уметь быть оборотистым и беззастенчивым в выборе путей и средств. Азеф-отец был сделан, по-видимому, из неподходящего теста. Правда, он тоже занялся торговлей — завел лавку с красным товаром, но капиталов не нажил. «Люди вообще бедные»,— давала местная полиция справку о семье Азефов почти через два десятилетия после их переселения в Ростов. Но, во всяком случае, на одного из сыновей — на Евно Азефа — эта ростовская атмосфера погони за легкой и скорой наживой наложила свою неизгладимую печать. Любовь к деньгам и беззастенчивость в выборе средств для получения их стали ему присущи с ранних лет.

С трудом, выбиваясь из последних сил, Азеф-отец давал своим детям возможность учиться: сыновей он провел через гимназию, которую Евно окончил около 1890 г. На дальнейшее средств не было. Несколько лет Евно Азеф перебивался мелкими заработками, перепробовав ряд профессий: давал уроки, был репортером маленькой местной газетки «Донская пчела», служил писцом в какой-то конторе; наконец, пристроился по коммерческой части: стал мелким коммивояжером. Конечно, все это не могло удовлетворять, тем более что о существовании иной, лучшей жизни молодой Азеф знал не только по долетавшему до него шуму

большого города: еще в гимназии он начал вести знакомства с революционно настроенною молодежью и посещал кружки.

В начале 1892 г. на него пало подозрение в распространении одной революционной прокламации. На очереди стоял вопрос об его аресте. Он, по-видимому, догадывался об этом: ряд знакомых уже был арестован. Похоже, что угроза ареста была последним толчком, заставившим его уехать за границу, куда его и без того тянула жажда ученья, без которого, как он видел, невозможно было выбиться к лучшей жизни. Препятствием было отсутствие денег, но Азеф перешагнул через него: щепетильностью в отношении к чужим деньгам он никогда не отличался, мелочами это сказывалось еще в годы гимназии. Теперь он только сделал шаг к более крупному: в качестве комиссионера он взял у какого-то мариупольского купца партию масла для продажи, выручил за нее 800 рублей и уехал с ними весною 1892 г. в Германию, в Карлсруэ, где поступил в политехникум.

В Карлсруэ уже тогда существовала небольшая колония русской учащейся молодежи. Среди них был ряд знакомых Азефа по Ростову. Азеф вошел в их среду. Поселился на одной квартире со студентом-ростовцем Козиным, на четвертом этаже в доме № 30 по Вердерштрассе. Вошел в русский социал-демократический кружок. Старательно изучал электротехнику. Но очень скоро встал вопрос материальный. 800 рублей по тем временам были большими деньгами, но надолго их хватить не могло, тем более что, по некоторым указаниям, они не все остались в руках Азефа. Возможность заработков была невелика. На помощь от родных надеяться не приходилось. Азеф бедствовал, производя на встречных впечатление человека «буквально терпящего голод и холод». Долго так существовать он не мог, и он еще раз с большой легкостью «перешагнул» через еще одно препятствие морального порядка: начал поторговывать теми секретами о революционной деятельности своих товарищей, которые ему были известны. Секреты эти были невелики, но ведь времена тогда были вообще глухие, крупных революционных событий совсем не было, и Азеф не без основания надеялся, что сообщаемые им мелочи заинтересуют полицию.

4 апреля 1893 г. он написал свое первое письмо в департамент полиции. Это письмо носило характер предварительного прощупывания почвы. «Сим имею честь заявить Вашему Высокопревосходительству,— писал он,— что здесь

месяца два назад образовался кружок лиц — революционеров, задающихся целью» и т. д. Далее назывался ряд имен, приводились некоторые факты, которые должны были показать, что автор письма может быть полезен в деле осведомления как о революционных настроениях русского студенчества за границей, так и о пропаганде в Ростове. Никаких конкретных предложений относительно будущего в письме не имелось. Автор просил только в случае, если его сведения окажутся полезными, уведомить его заказным письмом по условному адресу: настоящей своей фамилии он не называл. Процедура приглашения нового агента на службу департамента была в то время очень сложной. Письмо Азефа было доложено вице-директору департамента, от него перешло к заведующему соответствующим делопроизводством. На оригинале письма сохранился ряд пометок: о нем совещались, собирали справки. Только 16 мая собрались ответить. Ответ выдержан в стиле коммерсанта, который не прочь пойти на предлагаемую сделку, но в то же время боится выдать, что она его сильно интересует. «О кружке в Карлсруэ,— писал департамент,— нам известно (на самом деле о нем почти ничего известно не было), и большого интереса он для нас не представляет; поэтому особенно дорожиться вам не приходится, но все же платить мы готовы, только прежде всего назовите себя, так как мы — люди с твердыми принципами и с неизвестными людьми мы сношений не ведем».

Азеф ответил быстро, и цену запросил совсем «божескую»: за все про все 50 рублей в месяц, но имя назвать все еще колебался. У него мелькало опасение, не перехватываются ли его письма революционерами, а потому он боялся, что его секрет будет разоблачен без какой-либо реальной для него выгоды.

Но его попытка «темнить» в игре с департаментом уже потерпела крушение,— и виновен в этом был он сам: по молодости и неопытности Азеф сам дал департаменту нить для установления его личности. Одновременно с предложением в департамент почти аналогичное письмо он послал в жандармское управление родного Ростова, а там установить имя автора не представляло труда: имена ростовцев, живших в Карлсруэ, были известны; число их было весьма ограничено, и выяснить, кому именно принадлежит почерк, которым написано письмо из Карлсруэ, было легче легкого. В результате к тому времени, когда второе письмо Азефа пришло в департамент, там имелись соответствующие справки из Ростова и его «самоличность» уже была установлена.

Сведения ростовской полиции о личных свойствах Азефа вполне удовлетворяли тем требованиям, которые департамент предъявлял к своим агентам. «Евно Азеф,— писали оттуда,— человек неглупый, весьма пронырливый и имеющий обширные связи между проживающей за границей еврейской молодежью, а потому и в качестве агента может приносить существенную пользу, и надо ожидать, что, по своему корыстолюбию и современной нужде, он будет очень дорожить своей обязанностью».

Столь высокие нравственные достоинства Азефа заставили департамент поторопиться с решением вопроса о нем. Через несколько дней после получения его второго письма в спешном порядке был составлен особый доклад о нем с указанием, что Азеф может принести «значительную пользу» и что цена, им требуемая, совсем невысока. 10 июня 1893 г. на этом докладе товарищем министра внутренних дел была положена резолюция: «Согласен».

Жизненный путь Азефа был предначертан...

Первое жалованье из департамента Азефом было получено за июнь 1893 г. Оно, конечно, выправило материальное положение Азефа, но пользоваться им приходилось с осторожностью, так как иначе возникли бы подозрения у товарищей, хорошо осведомленных относительно местных возможностей заработка и о материальном положении родных Азефа. Поэтому еще довольно долго Азеф выдерживал линию почти голодающего студента и строчил прошение за прошением во все, какие только можно, благотворительные организации — преимущественно еврейские, рассказывая о своем тяжелом материальном положении и прося о помощи. Эти прошения он показывал товарищам — под предлогом необходимости исправлять его плохой немецкий язык. Таким образом создавалась легенда об источниках существования Азефа, а иногда и добавочный доход в его бюджете. Только много позднее Азеф перестал скрывать, что его материальные дела явно выправились.

Более быстро перемена в «бытии» Азефа вызвала изменение в его политической идеологии. В течение первых месяцев своего пребывания за границей он высказывался в весьма умеренном духе, выступал противником крайних методов революционной борьбы и в маленьком карлсруйском кружке примыкал к марксистам. Став агентом-осведомителем департамента, он быстро передвинулся «влево» и уже в 1894—1895 гг. приобрел себе репутацию последовательного сторонника террористических методов борьбы. В студенческих кружках он постепенно создает себе замет-

ное положение. Говорить на собраниях он не любит — он не «теоретик», а «практик». Но за налаживание различных технических дел берется охотно. Умело расширяет круг знакомств. Совершает ряд поездок в соседние города Германии и Швейцарии, посещает интересные собрания и рефераты. Уже в августе 1893 г. он едет в Цюрих и в качестве посетителя присутствует не только на открыто происходивших собраниях международного социалистического конгресса, но и на собраниях русских учащихся и эмигрантов. В следующем, 1894 г. он посещает Берн, где заводит сыгравшее в его карьере чрезвычайно важную роль знакомство с супругами Житловскими — основателями «Союза русских социалистов-революционеров за границей». Этот союз был невелик и невлиятелен. Тем старательнее основатели его искали адептов. Азеф верно понял, что это может стать для него не лишенным выгоды, и примкнул к союзу, который позже открыл ему дорогу в ряды основателей партии социалистов-революционеров.

В том же Берне и приблизительно в то же время Азеф свел и другое знакомство, сыгравшее большую роль в его жизни: там он встретился со своей будущей женой, тогда студенткой Бернского университета. Она была искренней и убежденной революционеркой и с большими энергией и самоотверженностью пробивала свою дорогу в жизни. Азеф казался ей человеком, ставящим те же цели и идущим теми же путями, что и она... Об его сношениях с полицией она, конечно, и не подозревала.

Нельзя сказать, что путь Азефа был усеян только розами. Он был человек осторожный и осмотрительный. Тем не менее уже тогда вокруг его имени стали ходить неприятные слухи. К нему и в Ростове далеко не все относились с полным доверием: как человек он не принадлежал к числу хороших, надежных друзей, любил зло подтрунивать над недостатками, был злопамятен и мстителен. Многие его уже тогда считали человеком, способным на все, если это ему выгодно. И в самой его внешности многое не располагало к доверию. Некрасивый, рыхлый и грузный, с одутловатым желтым лицом, с большими торчащими ушами, с низким, кверху суженным лбом, с жирными губами и расплющенным носом,— он многих от себя отталкивал чисто физически,— и это подготовляло почву подозрительного к нему отношения.

Плохо говорить о нем начали уже вскоре после его первых докладов в департамент. Тогда из Ростова написали в Карлсруэ, что последние аресты там были произведены по

сообщениям, полученным жандармами из-за границы. Подозрение пало на Азефа, и коллега последнего по студенческому кружку в Карлсруэ, одессит Петерс (имя его встречается и в докладах Азефа), позднее заявил в печати, что в их кружке после этого случая Азефу определенно не доверяли. Но, как это нередко бывало, расследованием слухов никто по-серьезному не занялся, обвинение не было оформлено и дальше разговоров в кружке дело не пошло. А потом члены первоначального кружка, хорошо осведомленные о деталях этого инцидента, окончили ученье и разъехались в разные стороны. Приезжавшая молодежь ничего не знала, а потому когда по прошествии нескольких лет один из студентов, некто Коробочкин, откуда-то знавший о старых обвинениях, публично назвал Азефа шпионом, то общее сочувствие присутствовавших оказалось на стороне «невинно оскорбленного» Азефа, и Коробочкин, который ничем не мог подтвердить свое обвинение, был исключен из кружка как клеветник.

К концу своего ученья Азеф имел уже вполне прочное положение в русских студенческих кругах и пользовался общим уважением. В эти годы он — владелец «хорошо подобранной» библиотеки нелегальных изданий, пользоваться которыми он позволял студенческой молодежи за небольшую плату. Ему чаще всего поручалось председательствование на студенческих сходках. По взглядам он — «убежденный» социалист-революционер, сторонник террора, и Бурцев вспоминает, что когда он издал первый номер своего «Народовольца» с призывом к убийству царя, то *единственный* сочувственный отклик, который он получил из читательской среды, было письмо Азефа. От публичных выступлений Азеф уклонялся,— он на всю жизнь хорошо усвоил истину о «молчании — золоте». Тем авторитетнее звучали те немногие слова, которые он находил полезным произносить. Сохранились некоторые письма тех лет, в которых зафиксированы впечатления молодежи от тогдашних выступлений Азефа: в них о последнем говорят как о «светлой личности», которая выделяется из студенческой среды своей преданностью революции и своим идеализмом. Говорил он, очевидно, в том же самом духе, в каком писал постоянно письма своей жене: эти письма, как свидетельствует человек, их читавший, «полны... глубокой грусти «народного печальника» и одновременно порывов борца, проникнутого пламенным идеализмом».

Вполне довольно Азефом было и полицейское начальство. Свои доклады туда он слал аккуратно, сообщая целый

ряд интересных для полиции сведений о деятельности заграничных революционных кружков и об их сношениях с единомышленниками в России. За этот материал ему платили регулярно по 50 рублей в месяц; так же регулярно к Новому году приходили и наградные в размере месячного оклада. В 1899 г. в награду за обилие ценных сообщений оклад был повышен сразу до 100 рублей и кроме наградных к Новому году были выданы наградные еще и к пасхе.

В 1899 г. он получил диплом инженера-электротехника в Дармштадте, куда он перевелся из Карлсруэ, чтобы лучше изучить свою специальность. Одно время он, по-видимому, носился с планом обосноваться за границей и даже нашел место инженера в фирме Шуккерта в Нюрнберге. Но его охранное начальство имело на него совсем другие виды: революционная волна быстро нарастала, и на «пронырливых» и «корыстолюбивых» агентов был большой спрос. Азефу предложили поехать в Москву, обещав и содействие в получении места по инженерной специальности, и прибавку жалованья по специальности другой, основной. Уклониться от такой заманчивой карьеры у Азефа, естественно, не было оснований.

Осенью 1899 г. он выехал в Россию, снабженный самыми лучшими и разнообразными рекомендациями: Житловские тепло рекомендовали его своим друзьям-единомышленникам в Москве, а департамент полиции не менее тепло поручил его заботливому вниманию Зубатова — знаменитого в те годы начальника охранного отделения в Москве.

Глава III
НА ПУТИ К БОЛЬШОМУ ПЛАВАНИЮ

В Москве Азеф быстро завязал сношения с руководителями здешнего «Союза социалистов-революционеров», который в то время был одной из самых влиятельных организаций представителей этого течения.

Первая встреча Азефа произошла на вечеринке у писательницы Е. А. Немчиновой. У нее время от времени устраивались такие вечеринки, на которые сходились представители различных оттенков революционной интеллигенции и велись разговоры на различные темы. Как обычно, и на этот раз было шумно и дымно — от обилия выкуренных папирос. Спор шел о мировоззрении Михайловского — властителя дум тогдашних народников. Говорили все знакомые люди — обычные посетители этих вечеринок друг к другу

уже успели присмотреться. Тем сильнее всех заинтересовало выступление новичка — человека толстого, с неинтеллигентным скуластым лицом, который, волнуясь, защищал Михайловского от критических нападок со стороны марксистов. В особенности ценной у Михайловского он считал его теорию «борьбы за индивидуальность». «Речь продолжалась довольно долго,— рассказывает свидетель-мемуарист,— и произвела на окружающих впечатление своей искренностью и знанием предмета».

Этим оратором был Азеф.

Через несколько дней после этой вечеринки руководители московского союза смогли и лично познакомиться с Азефом: он явился на квартиру к основателю и главному руководителю союза — к А. А. Аргунову, причем выяснилось, что Азеф является тем самым лицом, о предстоящем приезде которого Аргунов уже получил уведомление из-за границы от Житловского. Так как Азефа, в дополнение ко всему, лично знал другой член союза, Чепик, познакомившийся с ним в прошлом году за границей, то вполне естественно, что к Азефу с самого начала отнеслись с полным доверием.

Но, конечно, еще раньше своего визита к руководителям союза Азеф свел знакомство со своим новым начальником по линии политической полиции — с С. В. Зубатовым. Этот последний был, несомненно, самой крупной фигурой среди тех, кому царское правительство за последние десятилетия своего существования поручало дело борьбы с революционным движением. Большую роль сыграл он в жизни Азефа.

Человек среднего роста и «средней» же, ничем не выделявшейся внешности, с гладкими, зачесанными назад каштановыми волосами, с небольшой бородкой, всегда в дымчатых очках, «типичный русский интеллигент» и по привычкам, и по манерам, Зубатов был чужим человеком в мире «голубых» генералов и статских советников жандармского ведомства. В молодости, в бытность свою учеником одной из московских гимназий, он был связан с революционными кружками середины 1880-х гг., но очень скоро «образумился» и, войдя в сношения с охранным отделением, начал, употребляя его собственное позднейшее выражение, подводить контрконспирацию под конспирации революционеров, то есть, говоря прямее и проще, стал тайным агентом полиции. По его доносам был произведен ряд арестов. Роль его раскрыта была довольно скоро, тогда он открыто поступил на службу в охранное отделение. В деле полицей-

ского розыска тогда царила полная рутина: малограмотные и мало интересующиеся своим делом чиновники работали по методам, которые они усвоили от своих предшественников. Способный, быстро схватывающий существо вопросов и быстро ориентирующийся в запутанной обстановке, владеющий пером и даром убеждающей речи, хороший организатор, а главное — человек, интересующийся делом полицейского сыска и любящий его, Зубатов быстро выдвинулся из среды окружавших его бездарностей. Меньше чем через десять лет он стал начальником московского охранного отделения, в руках которого было сосредоточено дело политического розыска в доброй половине империи. Энергично и смело он проводит ряд реформ технического характера: вводит фотографирование всех арестуемых, применяет дактилоскопию, разрабатывает и систематизирует дело наружного наблюдения, впервые в России создавая кадры хороших филеров. Он был тем, кто первый поднял в России технику полицейского сыска до того уровня, который был им достигнут в Западной Европе. Для русской политической полиции эти годы были годами настоящей «охранной реформации».

Но планы Зубатова шли значительно дальше, чем простое «уловление» революционеров. В годы, когда началось массовое рабочее движение, он вопрос о борьбе с революцией поставил как вопрос политический. Основную опасность для самодержавия, поклонником которого он был, он видел в том, что революционерам удается привлекать на свою сторону широкие рабочие массы. Поскольку движение стало массовым, победить его одними мерами репрессий ему казалось невозможным. Стратегическая задача правительства в борьбе с революционным движением, по его мнению, должна была состоять в разделении сил противника — во внесении раскола между революционной интеллигенцией, ставящей политические цели республиканского характера, и рабочими массами, идущими вместе с революционерами только потому, что последние содействуют их борьбе за улучшение материального положения. Соответственно этой оценке положения проводимая им политика была двусторонняя: с одной стороны, он выступал в качестве сторонника развития законодательства об охране труда, нередко поддерживая рабочих в их конфликтах с предпринимателями, если эти конфликты носили чисто экономический характер, и добивался разрешения рабочим создавать под покровительством полиции легальные общества для защиты своих чисто экономических интересов. И в то же

время, с другой стороны, он был рад нарастанию крайних революционных настроений в среде интеллигенции и даже, поскольку мог, содействовал развитию подобных настроений. «Мы вызовем вас на террор,— хвастливо заявлял он в минуты откровенности,— и раздавим». Этот план отличался полным непониманием механики социальных процессов, но он был очень смел,— в этом ему отказать нельзя: честолюбивый и властный, полный далеко идущих планов, Зубатов был крайне самонадеян, любил играть с огнем и очень скоро проиграл в этой игре.

В соответствии с этими задачами Зубатов большое внимание обращал на дело развития своей «внутренней агентуры» в революционных организациях. Эта область полицейской работы была его любимой областью. Позднее, находясь уже на покое, он говорил, что «агентурный вопрос» — это «святая святых» его воспоминаний. «Для меня,— заявлял он,— сношения с агентурой — самое радостное и милое воспоминание». Он умел вербовать подобных «агентов», умел и руководить ими, охранять от «провалов», научать искусству пролезания на высшие ступени революционной иерархии.

Своим помощникам — молодым жандармским офицерам и охранным чиновникам, которых он припускал к делу сношения с секретными агентами, Зубатов внушал такое же отношение к этим последним. «Вы, господа, должны смотреть на сотрудника как на любимую женщину, с которой находитесь в тайной связи. Берегите ее как зеницу ока. Один неосторожный шаг, и вы ее опозорите» — так наставлял Зубатов жандармскую молодежь.

Из всех «любимых женщин» этого своеобразного «возлюбленного» прибывший из-за границы Азеф быстро стал наиболее «любимой». Увы, именно на нем-то и пришлось Зубатову убедиться, как рискованно полагаться на «сердце красавицы», даже если она приписана к охранному отделению. Позднее, после разоблачения Азефа, Зубатов в частном письме дал верную его характеристику. «Азеф,— писал он,— был натура... чисто аферическая... на все смотрящий с точки зрения выгоды, занимающийся революцией только из-за ее доходности и службой правительству не по убеждениям, а только из-за выгоды». Но это понимание, как горькое похмелье, пришло только много позднее. В те же годы, к которым относится рассказ, Зубатов, зная превосходно «корыстолюбие» своего «пронырливого» агента, заботливо наставлял его в тайнах охранной премудрости и бережно проталкивал к самым центрам рево-

люционных организаций. Учеником Азеф был весьма способным, и руководимая столь опытным кормчим ладья плыла по течению без толчков и без аварий.

Несомненно, не без помощи Зубатова Азеф нашел хорошее место по своей специальности, как инженер,— в московской конторе Всеобщей Компании Электричества. Стал членом Общества вспомоществования лицам интеллигентных профессий, в состав которого тогда входил весь цвет московской интеллигенции. Стал сотрудником журнала этого общества. Завел широкие знакомства и бывал на различных вечеринках, собраниях, банкетах, которые тогда время от времени удавалось устраивать.

В своих докладах Зубатову Азеф подробно рассказывал обо всем, что узнавал интересного из жизни революционного мира. В этих вопросах он был совершенно «беспартийным»: от него Зубатов получил ряд сведений о руководителях тогдашнего московского комитета социал-демократов, о виленской типографии издательской группы «Социал-демократическая библиотека» и т. д. Но основное его внимание, конечно, обращено на московский «Союз социалистов-революционеров». Этот союз в то время быстро развивал свою деятельность и приступил к изданию своего органа — журнала «Революционная Россия», который вскоре стал центральным органом всей партии социалистов-революционеров. Типографию устроили в Финляндии, около ст. Тали, в имении одной помещицы, сочувствовавшей взглядам партии. К редактированию органа были привлечены два крупных писателя народнического направления — В. А. Мякотин и А. В. Пешехонов. Первый номер напечатан был в январе 1901 г., но помечен он декабрем 1900-го, так как печатание несколько запоздало. За ним вскоре последовал второй. Оба они были довольно широко распространены по России. Интерес к ним среди народнически настроенной интеллигенции возрастал.

Параллельно с этим рос интерес к данной группе и у Зубатова.

Состав союза теперь он знал, и произвести аресты его главных деятелей ему не представляло труда. Но у него были более далеко идущие планы. Производить аресты отдельных лиц он вообще не любил. Обычно он давал организации время «назреть», подробно выяснял все ее разветвления и затем производил большие аресты, тщательно при этом заботясь о том, чтобы его «агент» при этом не был «провален», а, наоборот, имел бы возможность продвинуться вверх по лестнице революционной иерархии. Луч-

ше оставить на свободе нескольких явных революционеров, чем провалить одного полезного агента — таков был основной принцип Зубатова во время подобных арестов.

Руководимый Зубатовым Азеф в своих сношениях с руководителями союза держался умно и осторожно. Он объявил себя «сочувствующим» и ни в какой мере не навязывал своего знакомства, никогда ни о чем не расспрашивал, не проявлял подозрительного любопытства. В общих разговорах он не скрывал, что скептически смотрит на возможность создания крупных организаций и особенно прочной постановки революционной издательской деятельности внутри России: полицейские репрессии, по его мнению, слишком сильны. Гораздо более разумно такого рода издательские предприятия ставить за границей; что он с самого начала советовал и в отношении органа союза. Он признавал только один метод борьбы — террор. В то время как москвичи, будучи террористами в теории, на практике никаких шагов в этом направлении не делали, считая, что это дело будущего, Азеф все время выставлял себя сторонником немедленного перехода к террористической борьбе. Всякая другая форма революционной деятельности ему казалась «пустяками». «Главное ведь террор!» — заявлял он. И когда весною 1901 г. прозвучал выстрел Карповича, Азеф радостно заявил: «Ну, кажется, террор начался!» Выступая с такими заявлениями, Азеф продолжал ту линию, которую он начал еще за границей. Но теперь она была не его только личной линией: за ним, несомненно, стоял Зубатов.

Но расценивая очень невысоко значение всей нетеррористической деятельности революционеров, Азеф тем не менее никогда не отказывал в своей помощи, если за нею обращались. Когда, например, Аргунову понадобился для типографии «тяжелый, но негромоздкий» вал, то Азеф охотно взялся таковой доставить: у него якобы был хороший знакомый, инженер на заводе, который готов вал изготовить. Мало-помалу он закрепил за собою свое положение человека осторожного и осмотрительного, но не трусливого, который может быть полезным советником во всех практических вопросах,— и к нему все чаще и чаще стали обращаться за советами. О том, что «тяжелый, но негромоздкий» вал был изготовлен при помощи охранного отделения и послужил одной из главных нитей, по которой было выяснено местонахождение типографии союза, известно стало только позднее...

Арестовывать типографию в Финляндии Зубатов по ряду соображений не считал удобным. Поэтому решено было

«спугнуть» революционеров и заставить их перенести типографию в другое место. За выезжавшими в Финляндию революционерами началась настойчивая слежка. Сыщики, что говорится, «висели на пятках». Создавалась уверенность, что не сегодня завтра будет произведен арест, и типографию было решено перенести в другое место. Такое нашлось в Сибири. Брат жены Аргунова, врач Павлов, там получил место заведующего переселенческим пунктом в Томске. «Пункт» этот помещался за городом, в уединенном месте, в лесу. Штат служащих был подобран сплошь из революционеров. Более удобного места для типографии, казалось, нельзя было и придумать. С большими предосторожностями и по частям перевезли туда типографию. Чтобы не завести в Томск слежку, пробиравшиеся туда работники предварительно плутали по всей России. С. Н. Барыков, например, из Москвы в Томск ехал через Тифлис. Но это не спасло: за ним были отправлены лучшие филеры, которые проследили его вплоть до Томска. Впрочем, о пребывании там типографии Зубатов узнал и более прямым путем: адрес для особенно конспиративной переписки типографии с Москвою достать попросили Азефа.

В сентябре 1901 г. типография устроилась на новом месте и приступила к работе над третьим номером «Революционной России». Подробно взвесив с Азефом обстановку, Зубатов пришел к выводу, что теперь арест типографии не будет грозить никакими неприятностями для его агента. Для ареста и следствия был послан из Москвы специальный уполномоченный, жандармский офицер А. И. Спиридович. Правда, его приезда не дождались: филеры сообщили из Томска, что, судя по внешним признакам, в типографии новый номер уже печатается и скоро будет выпущен в свет, а потому Зубатов распорядился произвести ликвидацию немедленно силами томской полиции. Но все расследование провел Спиридович, ловко скрывший от арестованных степень осведомленности властей. На Азефа не пало и тени подозрения. Наоборот, именно в это время его положение в революционной среде особенно упрочилось.

После томского разгрома московские руководители союза не сомневались, что их очередь придет очень скоро. Боязни за себя не было: к аресту психологически они давно уже были готовы. Мысль была занята одним: надо спасти те остатки организации, которые еще можно было спасти,— надо передать все связи такому человеку, который еще не скомпрометирован и который поэтому не будет арестован. Таким спасителем оказался Азеф, в эти дни

особенно сблнзнвшийся с Аргуновым. «Азеф,— вспомнает последннй,— прниял горячее участне в нашем горе. Оно стало как бы его горем. В нем произошла перемена. Из пассивного соучастника он превратнлся в актнвного члена нашего союза. Торжественного вступлення в союз не было: сделалось это как-то само собою». Вначале встречаться прнходнлось с большнмн предосторожностями. Аргунов рассказывает про одно свнданне в Сандуновских банях: дела обсуждалн голымн. Потом встречаться стало легче: когда выяснилось, что своим преемннком Аргунов намечает Азефа, Зубатов распорядился снять наблюдение, н филеры уже не ходнлн по пятам. Азеф еще раньше рассказывал Аргунову, что «по своим делам» он в этом году должен будет ехать за границу,— это был план департамента полнцин, решнвшего, что за границей Азеф будет более полезен. Теперь эта поездка оказалась как нельзя более своевременной! Азеф предложнл Аргунову свои услугн для устройства за границей всех нужных дел. Уговаривал он уехать туда же н Аргунова, но жизнь эмигранта того не прельщала. Зато другой член союза, Мария Селюк, решила последовать совету Азефа. Былн приняты услугн н последнего. «Азефу мы поручили все, как умирающий на смертном одре,— продолжает свой рассказ Аргунов.— Мы рассказали ему все наши паролн, все без исключення связи (литературные н организационные), всех людей, все фамнлни и адреса н отрекомендовалн его заочно своим блнзкнм. За границей он должен был явнться с полной доверенностью от нас как представитель союза, рядом с Селюк. Чувство к нему было товарищеское, пожалуй, даже чувство дружбы. За эти дни несчастня его актнвное вмешательство сдружило нас».

Успех игры Зубатова был полный. Все связи союза были в его руках. Он мог произвести по ним ликвидацию групп социалистов-революционеров во всей России. Но это не входило в его планы. Он хотел продолжать игру н продвинуть Азефа к самому центру всероссийской организации. Для этого Азеф должен был ехать за границу н прннять участие в переговорах об объединении всех народнических групп России.

Фонды Азефа быстро рослн, одновременно рос н оклад его жалованья: с января 1900 г. он получал по 150 рублей, а после томских арестов н в связи с его командировкой за границу оклад был повышен сразу до 500 рублей в месяц. Цифра дотоле небывалая.

В конце ноября 1901 г. Азеф выехал вместе с семьей за границу. Незадолго до него выехала н Селюк. Роль ее

охраииому отделению была хорошо известиа, но Зубатов ее решил не трогать, так как она могла быть полезной Азефу. Так и случнлось в действительиости, и Азеф потом в письмах из-за граиицы подчеркивал, что этот расчет был очеиь верен: вместе с Селюк Азефу иа первых шагах было легче выступать представителем московского союза.

С арестом Аргуиова полиция временила до отъезда Азефа. Только недели через две после этого ои был арестован: после двух с половииой лет тюрьмы ои пошел в ссылку, откуда только в 1905 г. ему удалось бежать.

Глава IV
ОСНОВАНИЕ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Самым важным нз поручеиий, которые Аргуиов, «как умнрающнй иа смертном одре», дал Азефу, было поручеине довести до коица переговоры по объеднеиеиню разрозиенных иароднических групп в одиу большую «партню социалнстов-революциоиеров». Почва для такого объеднеиеия уже была подготовлена, н сами переговоры были начаты еще до ареста томской тнпографни. Издаиные Аргуновым два номера «Революцнонной России» всемн народннкамн былн встречены с большим сочувствием н внушилн доверие к нинциаторам переговоров. Прииципнальиое согласие от крупиейших народннческих групп уже имелось. Наиболее трудиая часть работы была сделаиа. На долю ехавшего за граннцу Азефа падала лишь иаиболее легкая и в то же время ианболее выигрышиая часть работы: формальиое завершеине объединеиня, переговоры с единомышлеиииками в эмиграцнн и постановка дальнейшего изданя «Революциоиной России» за граиицей — иа этот раз уже в качестве органа новой партии.

Кроме представителей московской организацнн — Азефа и М. Селюк, для выполиеиия этой работы за граиицу прнехал Г. А. Гершуии,— в качестве представителя организацнй Юга и Северо-Западиого края. Друг с другом оин сговорилнсь быстро, н во всех дальиейших переговорах, вести которые им пришлось в Берлиие, Берие и Париже, выступалн солндарио, как одио целое. В течеиие какихинбудь двух месяцев переговоры были доведеиы до успешиого коица. Было достнгиуто соглашеиие по всем вопросам программы и тактики — в тех пределах, в которых оии тогда вставали. Роль общепартийиого центра времеиио

(вплоть до съезда) была возложеиа на саратовскую группу, руководящую роль в которой играли Е. К. Брешковская, Ракитииковы и др. «Революционную Россию» решеио было издавать в Швейцарии, причем редакция ее была составлеиа из М. Р. Гоца и В. М. Чериова.

Руководящее политическое ядро иовой партии складывалось из М. Р. Гоца, Г. А. Гершуии и В. М. Чериова. Это были люди различных складов, ио оии хорошо дополняли друг друга.

В. М. Чериов с самого начала стал главиой литературно-теоретической силой молодой партии. Совсем еще молодой (в то время ему ие было и тридцати лет), ои еще до вступлеиия в редакцию «Революциоиной России» выдвинулся рядом статей в легальиой и иелегальной печати, характерной индивидуальной черточкой которых было стремлеиие подвести иовый идеологический фуидамент под старое народиическое мировоззрение, использовав для этого работу теоретической мысли западиоевропейского социализма, главиым образом так изываемого ревизиоиистского лагеря. Эту индивидуальиую особеииость ои виес и в «Революциоииую Россию» — и проиес через всю эпоху ее существоваиия, иаложив ее как слабыми, так и сильными сторонами иеизгладимую печать иа всю программу партии социалистов-революциоиеров.

Функции главного оргаиизатора-практика молодой партии легли иа плечи Г. А. Гершуии. До самого своего ареста в мае 1903 г. он находился в иепрерывиых разъездах по России, деля эту свою работу с Е. К. Брешковской. Между иими существовало своего рода разделеиие труда: по словам Сераф. Клитчоглу, Е. К. Брешковская в то время «как святой дух революции» иосилась по страие, повсюду подиимая революциоииое иастроеиие молодежи и вербуя прозелитов партии. Гершуни же обычио ездил за иею следом и оформлял подиятое ею движеиие, организационно закрепляя его за партией социалистов-революционеров.

В свое отиошеиие к старому режиму ои виосил и личный элемеит: совсем еще юиым и политически неустановившимся ои попал в тюрьму, в руки к Зубатову и иа собствениом опыте ознакомился с приемами, к которым прибегал последиий, чтобы опустошить души противииков абсолютизма, чтобы сгибать их волю. Согиулся тогда и Гершуни: ои иаписал для Зубатова «покаяние» в своих «заблуждеииях». Ничьих имеи ои при этом ие иазвал, иикого в руки полиции не предал: все эти докумеиты теперь найдены и опубликоваиы. Но путь, на который ои при этом вступил,

конечно, не принадлежал к числу приемлемых с точки зрения последовательного революционера. Гершуни это знал лучше других, и в его отношение к старому строю вплетался элемент личной ненависти. Именно этот субъективный оттенок сделал Гершуни особо страстным апостолом-пропагандистом возрождения террористической борьбы.

Энтузиаст, весь отдавшийся одной думе, Гершуни обладал необычайною силою личного воздействия на тех, с кем ему приходилось сталкиваться. На взгляд постороннего наблюдателя-скептика в свое поведение он нередко вносил элемент театральности. Достаточно напомнить про жест, который он сделал, когда после ареста в Киеве его заковывали в цепи: он нагнулся и молча поцеловал железо кандалов. Более искусственный, более деланно-театральный жест, кажется, трудно и придумать. И тем не менее он произвел незабываемое впечатление на тех, кто его видел, а эти видевшие — тюремщики и жандармы — по роду своей профессии не принадлежали к разряду людей особенно впечатлительных: неподдельная внутренняя страсть заставляла забывать о том, что в каждом другом должно было казаться надуманной позой. Естественно, что во много раз более неотразимым было влияние Гершуни на молодежь: во многих ее представителях именно он разбудил будущих террористов.

Менее заметной для внешнего мира, но еще более значительной для судеб молодой партии была роль М. Р. Гоца. В названной руководящей «тройке» он был старшим по возрасту и еще более — по жизненному опыту. Сын московского миллионера, в середине 80-х годов он вошел в революционный кружок, был арестован и сослан в Сибирь, где в 1889 г. принял участие в протесте якутских ссыльных против тех тяжелых условий, которые создавала для ссыльных администрация. Против протестантов были применены суровые меры. Несколько человек было убито, остальные избиты и преданы суду, который закончился казнью троих и ссылкой на каторжные работы еще 20 человек. М. Р. Гоц был в числе последних. Только в 1899 г. он вышел на свободу и смог вскоре выехать за границу, куда его, помимо всего прочего, толкала необходимость лечиться: во время якутского избиения приклад солдатской винтовки пришелся по становому хребту, результатом чего были никогда не прекращавшиеся загадочные боли. Только в 1904 г. была выяснена их причина: разраставшаяся опухоль давила на спинной мозг, вызывая нестерпимые боли и приведя к параличу конечностей. Устранить опухоль можно было толь-

ко оперативным путем, причем было известно, что эта операция имеет много шансов стать смертельной. Гоц пошел на нее — и в 1906 г. умер под ножом хирурга.

Но это относится уже к более позднему времени. В 1901—1902 гг. Гоц, хотя и прихварывавший, был еще полон энергии и сил. Особого литературного таланта у него не было, но писать он умел просто и ясно, четко выделяя свои основные мысли. Читатель его статей всегда знал, чего хочет их автор. Это умение выделять основную мысль Гоц внес и в политически-организационную работу новой партии. Он с самого начала стал ее руководящим политиком и организатором. Этому делу он отдал всю свою неисчерпаемую умственную энергию, и его роль в *политическом* редактировании была огромна. Наряду с этим он стал центральной фигурой в партии, к которой обращались по всем руководящим делам организационного порядка.

В тесных отношениях с этой руководящей «тройкой» был Азеф, который с самого начала выделился трезвым практицизмом суждений и умением предусматривать все детали намечаемых предприятий. Это особенно сближало его с Гершуни. По свидетельству Чернова, уже в этот период Гершуни был так близок с Азефом, что вместе с ним проявлял и расшифровывал приходившие из России письма с секретными сообщениями о делах организационного характера. Для Азефа эта близость была особенно интересна, так как именно Гершуни был инициатором постановки вопроса о применении террора. Разговоры на эту тему велись в очень узком кругу: кроме указанных четырех человек, в них едва ли кто-нибудь был посвящен. В принципе возражений против террора не встретилось, но открыто с пропагандой этого метода борьбы выступить было решено только после того, как какая-нибудь инициативная группа совершит террористический акт центрального значения. Партия, как было условлено, согласится признать этот акт своим и даст указанной инициативной группе права партийной боевой организации. Гершуни заявлял, что он берет на себя эту задачу, и не скрывал, что первый удар, для которого, по его словам, уже имелись добровольцы, будет направлен против министра внутренних дел Сипягина. Почти несомненно, что в этих пределах о готовящемся покушении был осведомлен и Азеф: план в деталях никому не мог быть известен, так как он был во многом сымпровизирован позднее Гершуни на месте.

В департамент полиции за эти месяцы Азеф писал довольно часто и подробно. В его письмах звучали нотки

полного удовлетворения лазутчика, пробравшегося в самый центр вражеского стана: «В Берлине и Париже я попал в центр». Особенно подробно доносил он про Гершуни, вполне определенно подчеркивая его руководящую роль во всех заграничных переговорах и в предприятиях новосозданной партии вообще. Когда в конце января 1902 г. Гершуни собирался в Россию для объезда местных групп и осведомления их о состоявшемся объединении, Азеф сообщил департаменту и точную дату его выезда из Берлина, и намеченный маршрут поездки. Но все эти свои сообщения Азеф сопровождал настоятельной просьбой не арестовывать Гершуни. «Брать его,— писал Азеф,— ни под каким видом не следует пока. Имейте это в виду». «Но из глаз его не упустим»,— самодовольно прибавлял Азеф в конце своего донесения. Департамент полиции, таким образом, имел полную возможность арестовать Гершуни, но он согласился с доводами Азефа. «Гершуни,— самоуверенно писали из департамента к Зубатову,— теперь от нас никуда не уйдет, так как стоит непосредственно близко к агентурному источнику и немедленный арест его, оставив нас в темноте, пользы принесет мало, а агентуру может скомпрометировать». Поэтому решено было дать возможность Гершуни совершить свою — «очень интересную», как подчеркивал департамент,— поездку по России, чтобы выяснить, с кем именно он будет встречаться, и иметь возможность произвести позднее массовые аресты повсюду.

План этот был далеко неплох, но расчет был сделан, так сказать, без хозяина: опытный конспиратор, Гершуни легко заметил слежку и быстро от нее отделался. Никаких его свиданий полиция проследить не смогла — и за ее излишнюю самонадеянность заплатил головой министр внутренних дел Сипягин.

Немедленно по приезде в Россию Гершуни сосредоточил свое внимание на подготовке покушения против этого последнего. Добровольцем, который вызвался на это дело, был молодой киевский студент Ст. В. Балмашев. Непосредственная подготовка к покушению была проведена Гершуни совместно с П. П. Крафтом и М. М. Мельниковым, которые входили в состав саратовского центра партии социалистов-революционеров. По плану Балмашев, если бы ему не удалось стрелять в Сипягина, должен был бы сделать попытку убить обер-прокурора синода К. П. Победоносцева — одного из вдохновителей крайней реакции в России. Все приготовления велись в Финляндии; оттуда 15 апреля 1902 г. выехал Балмашев, переодетый в форму адъютанта. В по-

следиюю миууту покушеиие едва ие расстроилось: только в вагоие «офицер» заметил, что ои забыл в гостиннце такую иеобходнмую часть воеииого туалета, как сабля. Прншлось по дороге купнть новую. К миииступ ои приехал иемного раиее иазиачениого для приемов часа — с таким расчетом, чтобы встретить его в вестнбюле. Расчет был точеи: «адъютанта великого князя Сергея», как себя иазвал Балмашев, впустнли в приемиую, и когда появнлся министр, иесколько уднвлений, зачем к иему приехал специальиый посланец великого киязя, Балмашев вручил ему в запечатанном пакете приговор Боевой Органнзацни и двумя выстрелами из револьвера убнл его иаповал.

Это было первое выступлеиие Боевой Оргаиизации. Балмашев за него заплатил своей жизнью: военный суд приговорил его к смертиой казии, которая и была приведеиа в нсполиеиие. 16 мая ои был повешен в Шлиссельбурге.

В течеиие нескольких дией после покушеиия Гершуии оставался в Петербурге. Ои предполагал за первым ударом иаиести второй и третий: во время похорон Сипягина офицер-террорист Григорьев должен был убнть Победоносцева, а невеста этого офицера, Юрковская, во время имеющей возникиуть суматохи должиа была совершить покушеиие на петербургского геиерал-губериатора Клейгельса, отличившегося жестокостью расправ со студеитами-демонстраитами. Эти покушеиня расстронлись, так как Победоиосцев предусмотрительио не поехал иа похороиы. Только после этого Гершуии благополучно выехал из Петербурга. Полиция иа его след иапасть не смогла, хотя о пребываиии его в столице ей было известио и о причастности его к покушеиню оиа догадывалась.

Убийство Сипягииа произвело огромиое впечатлеиие в страие. Особеный подъем испытывали, естествеино, социалисты-революцнонеры, которые вводили теперь террор в арсеиал средств революциоииой борьбы, и в первую очередь Гершуии. Об его тогдашиих иастроениях рассказал С. Слетов — товарищ Гершуни по партии, в те дни случайно с ним встретившийся иа железиодорожиой станции: «ои бодр и жизиерадостеи. Весь дышит первым и крупиым успехом. Виачале было дело,— цитирует ои. Гордиев узел разрублен. Террор доказаи. Он иачат. Все споры излишии». Начался новый решающий пернод борьбы, когда надо уметь все поставить иа карту, ие считаясь с тем, что это вызовет жесточайшие репрессии. «Пора выступать молодежи. Пусть грешит против коиспирации. Время ие ждет. Дана комаида: все иаверх».

Он был прав: убийство Сипягина действительио открывало новую главу в истории борьбы с русским абсолютизмом, главу о борьбе террористической. Именно с этого момента ведет свое существование Боевая Оргаиизация партии социалистов-революционеров. Ресурсы, которыми она в этот момент располагала, были очеиь и очень невелики: когда Гершуни захотел откликнуться прокламацией иа догнавшее его в Киеве известие о казни Балмашева, сделать этого он не смог, так как в Киеве у социалистов-революционеров не было типографии. Пришлось довольствоваться суррогатом: перепечатать на гектографе старое стихотворение поэта-революциоиера Ленцевича, причем и писать текст, и варить гектографскую массу пришлось самому руководителю Боевой Организации. Но все эти иедочеты организационного порядка с избытком искупались благоприятным настроением, которое царило повсюду. С трудом разбираемые слова плохо отпечатанного стихотворения попадали в исключительно благоприятную аудиторию:

Ночью товарищ погиб,—
Жить ему стало невмочь.
Труп его свежий зарыт
В ту же зловещую ночь.
. . . .
С другом надежным сойдись,
Острый клинок отточи,
Нужно не плакать, а мстить,—
Мстить за погибших в ночи.

В желающих «мстить» недостатка не было: на смену каждому павшему подходили десятки, сотни новых добровольцев.

Глава V
АЗЕФ И БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИ ГЕРШУНИ

Все это время Азеф жил в Берлине, объясняя свое пребывание здесь служебиой командировкой от Всеобщей Компании Электричества, которая предполагает дать ему более крупный пост и теперь отправила его в Берлин для усовершеиствоваиия по специальиости. Это объясиеиие, конечно, не соответствовало действительности. Комаидировку в Берлии он имел только от департамеита полиции,— на

берлинских же заводах, как это видно из документов, он работал бесплатно, для того чтобы иметь возможность маскировать этой работой действительные причины своего пребывания в Берлине.

С внешней стороны для полиции Азеф в это время работал с большим старанием. Его письма в департамент полны имен и фактов. Выдерживал он их в стиле человека, целиком сливающего себя с делом розыска. Себя и полицию он часто объединял в одно общее местоимение «мы»: «мой приезд туда много даст нам во всех отношениях», «поездка моя в Париж и Швейцарию была очень полезна для нас». Временами у него прорывалось даже что-то похожее на настроения соревнования с революционерами. Так, сообщая подробности относительно организованного Гершуни транспорта заграничных изданий и давая указания, как будет лучше этот транспорт арестовать, Азеф прибавляет: «...а то уж больно хвалится Гершуни, что замечательный он путь устроил».

Но это — только внешняя сторона. В действительности именно с этого времени он начинает вести двойную игру, утаивая от департамента целый ряд весьма важных для последнего сведений: сопоставляя его доклады в департамент — для этого времени они сохранились полностью — с тем, что известно об Азефе по рассказам из революционного лагеря, можно совершенно точно установить, что Азеф в этот период систематически скрывал от полиции все, относившееся до боевой деятельности Гершуни. Он, прежде всего, в своих докладах умолчал о том, как ставился вопрос о терроре во время переговоров относительно объединения. Как сказано выше, об этом тогда говорилось подробно, а В. М. Чернов, единственный из оставшихся в живых участников тогдашних совещаний, считает даже, что Азеф не мог не знать и конкретных планов Гершуни — его намерения направить первый удар против Сипягина. Обо всем этом в докладах Азефа нет и звука.

С еще большей определенностью эта тактика умолчаний выступает после убийства Сипягина. По собственному признанию Азефа, о роли Гершуни в этом деле он узнал от Гоца «уже через несколько дней» после выступления Балмашева. Так как известно, что Гоц был в Берлине и останавливался на квартире Азефа 17—18 апреля 1902 г., то нет никакого сомнения, что признание Азефа относится именно к этим дням. А между тем в течение последующих пяти недель, то есть в течение всего того времени, пока Гершуни оставался в пределах России, Азеф в своих докла-

дах департаменту пытался убедить последний в непричастности Гершуни к этому делу: он настаивал, что Гершуни слишком увлечен работой по созданию партии, чтобы пускаться в авантюры с террором, и высказывал уверенность, что покушение организовано какой-то самостоятельной террористической группой, которая не связана с эмиграцией. И только в конце мая, когда Гершуни уже выбрался за границу, Азеф начал осторожно подготовлять департамент к своему сообщению о причастности Гершуни к Боевой Организации. Он создает особую версию о том, при каких условиях ему удалось об этом узнать: как он предложил Гоцу 500 рублей на нужды Боевой Организации и как в ответ на это Гоц предложил ему эти деньги передать непосредственно Гершуни, который должен приехать со дня на день. И только затем последовал рассказ о свидании с Гершуни, из которого Азеф якобы совершенно точно узнал о роли Гершуни в Боевой Организации.

Один из полицейских мемуаристов, Л. А. Ратаев, в течение ряда лет руководивший полицейской работой Азефа, подводя позднее итоги своим сношениям с последним, приходит к выводу, что причиной «измены» Азефа — старого и преданного полицейского агента — было его знакомство с Гершуни: последний, по мнению Ратаева, обладал способностью увлекать и почти гипнотизировать людей; под такое-то его гипнотическое влияние подпал и Азеф. Едва ли это объяснение верно. Из позднейших признаний Азефа мы знаем, что он соглашался предать Гершуни, но только не сошелся относительно платы: обстоятельство, которое невозможно согласовать с версией о гипнотическом влиянии. Дело обстояло проще: в то время на дружбе с Гершуни держалось все положение Азефа в партии. Ему верили остальные потому, что знали о доверии к нему Гершуни. Арест Гершуни легко мог вызвать подозрения против Азефа, а такие подозрения, если даже не говорить об опасности для жизни, неизбежно влекли за собой потерю исключительно легкого и хорошего заработка. Едва ли можно сомневаться, что именно по этим соображениям Азеф берег тогда Гершуни.

Встречи последнего с Азефом состоялись в первой половине июня в Швейцарии. Гершуни был увлечен успехом и полон самых смелых планов. Он намечал покушения против нового министра внутренних дел Плеве, харьковского губернатора Оболенского, который только что подавил крестьянские волнения, применив при этом массовые порки, а также против Зубатова. К участию в обсуждении всех

этих проектов он привлек Гоца и Азефа. Последнего он вообще настойчиво втягивал в работу Боевой Организации, и в частности в работу по устройству в Швейцарии динамитной мастерской. Азеф брался за все эти дела, активно участвовал во всех переговорах... Но положение, в которое он попадал, его явно смущало: он еще не привык к двойной игре. В департамент он писал: «Нам необходимо лично повидаться для переговоров относительно моей дальнейшей практики. Мое положение несколько опасно. Я занял активную роль в партии социалистов-революционеров. Отступать теперь уже невыгодно для дела, но действовать тоже необходимо весьма и весьма осмотрительно».

Из того, что ему стало известным во время разговоров с Гершуни, он о многом сообщил департаменту: о планах покушений на Плеве и на Зубатова, о переговорах по устройству динамитной мастерской, и т. д. Но сообщил все же далеко не обо всем. Так, в его докладах нет ни звука о проекте покушения на Оболенского, а именно это покушение, как совершенно точно знал Азеф, Гершуни решил выполнить в первую очередь, отправившись из Швейцарии в Харьков и Киев. Далее, рассказав подробно про переговоры с И. И. Мейснером относительно устройства динамитной мастерской, Азеф умолчал, что Мейснер от сделанного ему предложения в конце концов тогда отказался; лиц же, которые взялись за это дело и работой которых Азеф тогда руководил, он в своих докладах совсем не назвал.

Но самым характерным в его докладах являются его сообщения о роли Гершуни. Отрицать причастность последнего к Боевой Организации теперь стало невозможным: об этом знали слишком многие. Азеф теперь ее и не отрицает, но он настойчиво стремится убедить департамент, что роль Гершуни в терроре только вспомогательная: он собирает деньги, вербует молодых террористов и пр. Главными же руководителями всех террористических предприятий, по его утверждениям, являются какие-то неизвестные ему нелегальные революционеры. Причины такого поведения ясны: Азеф хотел, продолжая беречь Гершуни как главную свою опору в партии, предавать второстепенных работников Боевой Организации, изображая их перед департаментом за главных ее руководителей.

Департамент согласился с доводами Азефа о необходимости личного свидания, и в июле 1902 г. Азеф приехал в Петербург. Там в это время произошли большие перемены в руководящем составе департамента полиции. Толь-

ко что иазиачеииый директором департамеита Лопухии при полиом одобреиии Плеве привлек к руководству делом политического розыска Зубатова и всех его ближайших помощников. Решеио было все виимаиие иаправить иа усилеииое развитие секретиой агеитуры. Азеф, который имел возможиость подойти к самому цеитру Боевой Оргаиизации, был желаиииым гостем. Все его сомиеиия были рассеяиы. Вопрос о нем был доложеи самому Плеве, и последиий прямо потребовал, чтобы Азеф, совершеиио ие считаясь ии с какими правилами, существовавшими в департаменте для секретных агеитов, постарался войти в партийиый цеитр и в Боевую Оргаиизацию [1].

Боевая Организация уже в этот период была учреждеиием, в оргаиизациоииом отиошеиии вполие автоиомиым. Ее едииоличиым руководителем был Гершуии, который в меру иеобходимости прииискивал и привлекал к той или иной работе помощников. Методы его работы были элемеитарио просты. Во время своих разъездов по России, которые он совершал по общепартийиым делам, ои специальное виимаиие уделял вербовке людей, которые хотели и, по его миеиию, могли прииять участие в террористической борьбе. Их ои, так сказать, «брал иа учет»,— иногда оставляя иа старых местах, иногда заставляя отойти от общепартийиой работы, а порою и убеждая выехать для большей безопасиости за граиицу. Ближе всего к работе Боевой Организации в то время стояли П. П. Крафт и М. М. Мельников. Довереииым лицом за граиицей был М. Р. Гоц.

В полиом соответствии с этой оргаиизациоииой слабостью Боевой Оргаиизации все ее выступлеиия иосили характер «коротких ударов». Никакой сложиой подготовки не ве-

[1] Департамент полицин во всех офнциальных заявлениях позднее настаивал, что ему совершенно не было известно о причастности Азефа в этот период к Боевой Организацни. Между тем в секретной справке, составленной департаментом в феврале 1909 г., совершенно определенно говорится: «По требованию Плеве и руководивших в департаменте Азефом лиц он вошел в центральную организацию и в боевую группу». Эта справка была сохранена департаментом в строжайшем секрете. В 1917 г. следователь Чрезвычайной следственной комиссии Коренев задал вопрос относительно этого места «справки» одному из лиц, причастных к составлению последней, а именно Климовичу. Последний ответил: «Я не могу точно указать, откуда именно почерпнуты включенные в справку сведения о требованиях, предъявленных покойным министром Плеве о том, чтобы агентура департамента проникла и в боевую группу социалистов-революционеров. Полагаю, что это могло быть включено в справку со слов старослужащих особого отдела, в частности Пешкова, которому были известны требования Плеве».

лось. Террорнст действовал револьвером. В покушеннн очеиь многое зависело от импровнзации, блестящий талант которой был прнсущ Гершунн в полной мере. Зубатов впоследствин совершенно правнльно говорнл о нем, что ои был «художииком в деле террора» н часто действовал без предварнтельно разработаниого плана, «по вдохновенню».

Такова была действнтельиая роль Гершуин в Боевой Органнзацин, н о ней Азеф, конечио, был превосходно осведомлен. Но департаменту он изобразнл дело в совершеиио ином внде, выдав Мельннкова н Крафта за иаиболее опасных террорнстов, а Гершунн за их помощннка. Соответствеиио с этнм осиовное вннмание департамеита было скоицентрироваио на выясненнн личиостей н поимке нмеиио Мельникова н Крафта.

Получнв разрешенне департамента подойтн к центру Боевой Органнзации, Азеф уговорнл Гершунн устроить совещанне лнц, нанболее близко прикосновенных к работе последией,— это было первое н еднественное совещание этого рода, состоявшееся до ареста Гершунн. Собралось оно в Кневе, в октябре 1902 г. Участне в нем прииялн Крафт, Мельииков, Азеф и подъехавший с иекоторым запоздаиием Гершуии. Ннкто из ннх мемуаров об этом совещании ие оставнл, н никакнх подробностей о нем мы поэтому не знаем. Известно лишь, что на нем обсуждался плаи покушення на Плеве: два всадника-офнцера — Грнгорьев (тот самый, который должеи был совершить покушеиие на Победоносцева во время похорон Снпягнна) н его товарнщ Надаров — должны былн иапасть на карету мнннстра; однн должеи был убнть лошадей н тем самым остановнть карету; другой брал иа себя мииистра. Само собой разумеется, осуществлення этот плаи ие получнл: предупрежденный Азефом, департамент взял означенных офнцеров под бднтельное наблюдение.

На кневское совещанне Азеф, коиечно, поехал не одни: его сопровождало иесколько опытнейших фнлеров, которым Азеф и «показал» всех участников совещаиия. Арестов в Кневе иикакнх пронзведено не было, но за Мельннковым н Крафтом началось особо тщательное наблюденне, н в течение блнжайших месяцев онн былн арестованы. Наблюденне за Гершуин было менее тщательным, аресту его не прндавалн столь большого значення, н ему удалось вскоре ускользнуть от следовавшнх за ннм фнлеров.

Кроме поездкн в Кнев на совещанне, Азеф знмою 1902/03 г. совершил ряд другнх поездок по России — в Москву, Харьков, Саратов н т. д , всюду прнезжая в со-

провождении филеров. Результатом его визитов повсюду бывали аресты. Основной же его базой в этот период был Петербург. Здесь Азеф был представителем «общепартийного центра» и в качестве такового ставил перевозку литературы через Финляндию, сносился с писателями народнического направления, которые доставляли материал для «Революционной России»,— с Пешехоновым, Мякотиным, Клеменсом, Иванчиным-Писаревым и др.; собирал данные об образе жизни Плеве и т. д. На его же плечах лежала и вся местная работа. Пешехонов свидетельствует, что Петербургский комитет социалистов-революционеров тогда вообще состоял из одного только Азефа. В силу этого последнему пришлось заниматься такой мелкой работой, как сношения с молодыми студентами-пропагандистами, желавшими вести пропаганду с.-р. идей в рабочей среде. Эта последняя деятельность в жизни Азефа едва не сыграла роль той «апельсинной корки», на которых спотыкалось так много «великих людей».

Среди молодежи, свести знакомство с которыми пришлось на этой почве Азефу, был один совсем юный студент, некто Н. Крестьянинов. Представления о революции и революционерах у него были самые наивные, романтические. Революционеров он представлял в виде «изящных молодых людей с бледными, благородными лицами». Судьбе захотелось, чтобы первым революционером, с которым свели этого желторотого романтика, был Азеф. Впечатление было, конечно, очень сильное, по закону контрастов. Внешность Азефа, как говорит Крестьянинов, ему запомнилась навсегда: «Угловатая, неинтеллигентного склада голова с темными подстриженными щетиной волосами, низко набегавшими на узкий лоб, большие выпуклые непроницаемые глаза, медленно скользившие по лицам присутствующих, производили какое-то странное, несколько неприятное впечатление... Но от всей грузной, тяжело поместившейся на стуле фигуры, от бронзового, как мне показалось, неподвижного лица веяло силой и хладнокровием...»

Азеф предложил Крестьянинову заняться пропагандой среди рабочих — род деятельности, с которой обычно начинали все революционеры тех лет. Но рабочий кружок, данный им Крестьянинову, не принадлежал к числу обычных: он был организован охранным отделением из агентов последнего. Это охранное отделение, оказывается, находилось в тупике: оно не хотело допустить существования кружков, в которых с его ведома рабочим внушались бы революционные идеи, но в то же время не могло не оказать помощи

Азефу, положение которого в партни было бы поколеблено, если бы ему не удалось наладить хотя бы несколько рабочих кружков. Исход был найден: кружки составлялнсь нз двух-трех агентов полиции, которые обязаны были всю получаемую от партийного пропагандиста нелегальную лнтературу, не читая, сдавать по начальству. При таком положеиии, казалось полиции, будут и овцы целы, и волкн сыты: пропагандист аккуратно приходил в кружок, читал там свои лекции и передавал разные брошюры; а по окончании лекций «пропагандируемые» агеиты являлись по начальству, докладывали, как прошел вечер, и сдавали непрочитанной всю полученную литературу. Уверенность среди пропагандистов, что онн ведут партийную работу, создавалась; в письмах за границу Азеф эти свои достижения, конечно, регистрировал,— и в то же время никакого «потрясения основ» не пронсходило, с точки зрення полиции деятельность пропагандистов была вполие безопасиа и потому, поскольку она не выходила за указанные пределы, пропагандистов можно было не трогать.

Все было рассчитаио хорошо, но в деле с Крестьяниио-вым сорвалось: член кружка рабочий-провокатор Павлов почувствовал симпатию к новому молодому пропагандисту; «собачья» работа провокатора ему опротивела, тем более что «старший сыщик» его чем-то обидел; в результате — после первого же посещения Крестьяннновым кружка Павлов рассказал ему о своей службе в полиции, о действительном характере подобиых кружков н о своем желании вернуться к «честной жизни». При дальнейших встречах Павлов сообщил ряд таких деталей, которые убедили Крестьянинова в том, что в партии имеется крупный предатель и что этим предателем является не кто другой, как Азеф.

— Охраннпкам о вашей партии все, брат, известно,— говорил Павлов,— у вас есть кто-то из главиых. Все обсасывает. Ваши думают, что все шито-крыто, а там смеются... Вот, например, я сегодня слышал, что у вас есть склад электрических прииадлежностей — Энергия... там вы храните оружие, литературу. Охраиное его не арестует, потому что там сидит уже кто-то нз агентов, значит, ваше оружие н литература никуда не убежит.

Склад Эиергия был организоваи Азефом вместе с двумя его старыми товарищами по Дармштадту, искренне предаиными революции, и был одним из главных опорных пунктов оргаиизации социалистов-революционеров в Петербурге.

Подобиое открытие могло ошеломить и весьма опытного, бывалого человека; юный же Крестьяиинов, естествен-

но, был сбвершеиио раздавлен. Ои чувствовал, что безнадежио запутался в сетях, раскииутых провокаторами, что его скоро арестуют, и в то же время иичего не мог предприиять для разоблачения провокации, так как все, к кому ои обращался, относились к его рассказам как к бреду нервиобольного. Ои и иа самом деле был в это время болен: его мучили кошмары. Ему все же удалось добиться составлеиия небольшой комиссии для расследования его сообщений. В эту комиссию вошли видные писатели, примыкавшие к партии: Пешехонов, Гуковский. Они выслушали Крестьянинова, который рассказывал, как он сам призиает, сбиваясь и путаясь, и только потом уже сообразил, что миогого важиого он вообще ие рассказал. Этим сбивчивым рассказам противостояли «немногословные, ио совершенно отчетливые» объяснения Азефа. Правда, как это ясно теперь, при более внимательной проверке эти «отчетливые объясиеиия» далеко не полностью подтвердились бы, но судьи были малоопытны в подобных вопросах, многое прииималось иа веру; партийиый центр иа их запрос дал самый лучший отзыв об Азефе: он стоит «вне всяких подозрений». В результате судьи почувствовали себя почти виновatыми перед «невинно заподозреииым» Азефом и как должное принимали упреки, которые к концу «суда» стали вполне определеиио звучать в заявлениях Азефа.

«Этому молодому человеку еще простительио ошибаться, но вам, вам, пожилым людям...» — укоризиенно начинал и не договаривал Азеф.

Азефу удалось выйти из суда полностью реабилитироваиным, но было ясно, что судьба его висела иа волоске.

Приблизительно в это же время опасность провала подошла с другой стороны. Как рассказано выше, Азеф выдал полиции план нападения двух офицеров на Плеве. За этими офицерами в течение почти полгода велась тщательная слежка, но она дала очень мало результатов. 21 февраля 1903 г. их арестовали: на этот день был иазиачен царский парад, в котором должны были принять участие и эти офицеры, и полиция боялась, как бы они ие совершили покушения на царя. На допросах полиция осторожио приоткрыла перед ними краешек завесы над тем, что она знала. Григорьев и его невеста были совершеиио раздавлены: полиция оказалась осведомленной о том, что иамечалось совсем в небольшом кружке лиц. Уже через двatри дня после ареста они начали давать «откровеиые показания», назвав всех, с кем имели сношения. Держать в тайне эти признания департамент ие мог: допросы велись

в присутствии представителя прокурорского надзора, и при том показания эти должны были лечь в основу готовившегося процесса Боевой Организации. А в таком случае приходилось производить аресты лиц, в этих показаниях названных. В числе их имелись люди, близко связанные с Азефом, например, фельдшерица Ремянникова, на квартире которой Азеф часто бывал. Тот факт, что эти аресты, захватывая людей, с которыми Азеф был близко связан, не трогали его самого, неизбежно навлекал на него некоторые подозрения, и Азеф очень сердился на полицию за это мало бережное к нему отношение.

Была недовольна и последняя: руководители ее — Зубатов и Лопухин — уже поняли, что Азеф говорит им далеко не все, что знает, что он умалчивает, как писал потом Зубатов, «об очень серьезном». Это было сказано даже слишком мягко: Азеф в это время умалчивал перед полицией о *самом главном*, что тогда последнюю интересовало,— о роли Гершуни в Боевой Организации и о своих с ним сношениях.

Вопрос о последнем приобрел для департамента исключительно большое значение. Из показаний Григорьева и Юрковской ему впервые стала ясна роль Гершуни. На докладе о следствии по делу Григорьева царь заявил, что «озолотит» того, кто произведет арест Гершуни. Плеве рвал и метал: вызвав к себе Зубатова, он заявил ему, что отныне карточка Гершуни будет стоять у него на столе до того момента, когда его арестуют,— как постоянное напоминание о важности этого дела. Фотографии и приметы Гершуни были разосланы по всем розыскным учреждениям. Был пущен слух, что за его голову дадут премию — пятнадцать тысяч. Поиски велись по всей России, и в целом ряде мест производили аресты лиц, имевших несчастье быть похожими на Гершуни. А последнему все удавалось ускользать.

Естественно, что Зубатов наседал и на Азефа, требуя от последнего помощи в этом деле. Азеф имел полную возможность это сделать. Позднее он признался Бурцеву, что соглашался выдать Гершуни, но требовал за это 50 тысяч рублей, не меньше: обещание царя «озолотить» того, кто арестует Гершуни, он, очевидно, знал и предпочитал, чтобы «озолочен» был он сам, а не его начальство.

Едва ли может быть сомнение, что именно на этой почве развернулся конфликт между Азефом и его патроном — Зубатовым. Последний «открыто выразил Лопухину свои сомнения в допустимости» практикуемой Азефом систе-

мы умолчаний. Специально в целях воздействия на Азефа было устроено его свидание с Лопухиным, но и оно не помогло: на претензии департамента Азеф отвечал контрпретензиями за недостаточно бережливое отношение к его сообщениям. Подводя итоги работе Азефа, Лопухин писал 1 марта 1903 г. Ратаеву: «Он был нам полезен, но меньше, чем могли ожидать, вследствие своей конспирации, к тому же наделал много глупостей, связался с мелочью, связи эти скрывал от нас, теперь эту мелочь берут, а та, того гляди, его провалит. Он теперь все время около провалов, ходит по дознаниям, и, не будь прокуратуры, с которой мы спелись, скандал давно произошел бы». Было решено откомандировать Азефа за границу. «Через неделю он вернется на старое пепелище»,— прибавлял Лопухин в том же письме.

Эта неделя затянулась... Не сговорившись с Зубатовым об условиях выдачи Гершуни, Азеф поехал в Москву на свидание с последним. Свидание это состоялось приблизительно в конце марта на квартире инженера Зауера, знакомого Азефа еще по Дармштадту, который в это время занимал место помощника директора московской электрической станции общества 1886 г. Его квартирой Азеф пользовался для особо важных встреч. Свидание было обставлено очень конспиративно и, по-видимому, осталось совершенно неизвестным полиции: Гершуни и Азеф прожили у Зауера в течение трех дней, никуда не выходя из его кабинета. Именно во время этого свидания состоялась передача Азефу всех партийных связей, которые были в распоряжении Гершуни: последний назначил Азефа своим преемником по всем делам — и прежде всего по делам Боевой Организации. Несомненно, во время этого же совещания было принято решение о покушении против уфимского губернатора Богдановича, по приказанию которого незадолго перед тем был произведен расстрел безоружных рабочих-стачечников в Златоусте: по крайней мере несомненно, что непосредственно же после этого свидания, только с заездом в Орел для свидания с Брешковской, Гершуни выехал в Уфу. К этому покушению Азеф был им привлечен в качестве ближайшего помощника: он должен был снестись с намеченными Гершуни террористами-исполнителями, которые жили где-то в Западном крае, и переправить их в Уфу. Азеф за поручение взялся и выполнил его точно, но помощь приезжих исполнителей оказалась ненужной: приехав в Уфу, Гершуни узнал, что местными социалистами-революционерами во главе с В. В. Леоновичем не

только проведено необходимое предварительное наблюдение за Богдановичем, но и найдены исполнители, местные: железнодорожный рабочий Дулебов и интеллигент «Апостол», настоящее имя которого в печати до сих пор не названо. Их план был санкционирован Гершуни и удачно приведен в исполнение: 19 мая 1903 г. около полудня к Богдановичу, по своему обыкновению прогуливавшемуся в укромном углу соборного сада, подошли два молодых человека и, вручив ему приговор Боевой Организации, буквально расстреляли его из браунингов, а затем перепрыгнули через низкую ограду сада и скрылись в лощинке, которая вела от расположенного на горе города к реке. Все поиски оказались безрезультатными. Было произведено много арестов, но никаких следов действительных исполнителей найти не удалось.

Так много раз счастливо ускользавший из хитро расставленных сетей Гершуни попался почти случайно. Из Уфы он выбрался вполне благополучно. Успел написать и переслать за границу подробное описание события в Уфе и официальное заявление о нем от имени Боевой Организации. Повидался в Саратове кое с кем из единомышленников и пробирался за границу, полный планов на будущее. На свою беду, по пути он решил заехать в Киев, хотя знал, что этот город для него особенно опасен. С дороги дал туда условную телеграмму, указав время своего прибытия. Случайно эту телеграмму подглядел маленький провокатор — студент Розенберг, который даже не догадывался, о ком идет речь. Этой нити было достаточно для местной полиции. На указанной в телеграмме пригородной станции была устроена засада. Когда вечером 26 мая подошел указанный поезд, из него вышел хорошо одетый мужчина в фуражке инженера и с портфелем под мышкой. Сначала он медленно пошел вдоль поезда, делая вид, что осматривает колеса, и в то же время оглядываясь по сторонам. Филеры не двигались с мест. Поезд, свистнув, ушел. Гершуни вышел на улицу и приостановился, якобы оправляя шнурки на ботинках, а на самом деле осматриваясь по сторонам: нет ли подозрительных симптомов. Их было — увы — больше чем достаточно: весь район был полон филеров. Взгляд Гершуни они поймали и по нему узнали, что это тот, кого они ищут. «Наш,— бросил старший филер,— глаза его, с косинкой». Заметив слежку, Гершуни подошел к ларьку с фруктовыми водами и выпил стакан лимонада. Филеры заметили, что он волновался, рука дрожала и едва держала стакан: Гершуни чувствовал, что на его шее затя-

гивалась петля. Через несколько мннут он был арестован, закован в кандалы и отправлен в Петербург, где его ждали крепость, военный суд и смертиый прнговор, замеиенный бессрочной каторгой...

Азеф в это время был за граиицей. Ои боялся, что полиция заподозрит его в причастности к покушеиию, а потому уже в мае послал своему начальинку, Ратаеву, какую-то незначнтельиую по содержаиию телеграмму из Берлииа: он иа всякий случай обеспечивал свое alibi.

Глава VI

ОХОТА ЗА ПЛЕВЕ

Во время своего последиего приезда за граннцу, в иачале 1903 г., Гершунн оставил у Гоца, который был его постояниым поверенным по всем делам и специальио по делам Боевой Оргаинзацнн, свое, так сказать, завещаиие: подробный обзор всех связей последией, адреса, явкн, паролн н т. д., а также список лиц, которые предложнли себя для работы в Боевой Оргаиизацни. В случае ареста Гершунн, согласно этому завещанию, во главе Боевой Организацнн должен был стать Азеф. Гоц полностью одобрял этот выбор Гершуин, а потому вполие поиятио, что когда в июне 1903 г. иа женевском горизоите появился Азеф, то он был встречен Гоцем н блнзкимн к нему людьмн как прнзнанный новый вождь Боевой Органнзации, который должен увеличить славу последней. И он не спеша принимал дела.

На очереди в это время с особой остротой встал вопрос о покушеннн протнв Плеве. Незадолго перед тем разразнлся известный антиеврейский погром в Кишниеве. В течеиие двух дней, 19—20 апреля 1903 г., органнзоваино руководимые толпы погромщиков беспрепятствеино разрушали еврейскне дома, грабилн магазииы, насиловали жеищии, убивалн, не щадя нн возраста, ни пола. Ни полиция, ин войска не делалн попыток прекратить погром. С нх стороны громилы, наоборот, нередко слышалн слова полиого одобреиия н поощреиия. Зато в тех случаях, когда группы евреев пыталнсь оказывать сопротивление, полицня обнаруживала свое существование: разгоняла группы самообороны, пронзводнла аресты, не церемоиилась пускать в ход оружие. Убитые составнли много десятков,— общее колнчество пострадавших нсчнслялось сотиями.

Главиым вниовннком все считалн Плеве, который считал

антиеврейские погромы полезным средством для борьбы с революционным движением и открыто высказывал эту точку зрения в доверительных беседах с представителями администрации.

Впечатление, произведенное известиями о погроме, было огромным — как в России, так и за границей: ведь этот погром действительно воскрешал самые худшие призраки средневековья. Огромное впечатление произвел он и на Азефа. Последний не был евреем-националистом. В воспоминаниях московского раввина Мазе рассказано, как насмехался Азеф над еврейской религией, над обычаями и обрядами, как мало он придавал значения своей связи с еврейским народом. Но евреем он себя все же чувствовал. Судя по всему, особенно прочно в нем жили воспоминания о тяжелых годах детства: Ивановская рассказывает, что во время их встреч в Варшаве и Вильно, как бы серьезна ни была тема их разговоров (а они встречались там в период подготовки покушения на Плеве), Азеф никогда не пропускал ни одного из тех босоногих уличных торговцев — еврейских мальчишек, которых так много бегало по улицам этих городов,— без того, чтобы не купить у него чего-нибудь на грош или два. И его глаза, так часто глядевшие «холодными, навыкате», наверное, именно в эти минуты чаще всего становились похожими на обычные «грустные еврейские глаза». А ведь одной из самых жутких страниц в рассказах о Кишиневе были сообщения о зверски убитых детях — о грудных младенцах, которым разбивали головы ударами о стену.

Как и вся Россия, Азеф ответственным за эти события считал Плеве и не скрывал своего возмущения против последнего. Так он держал себя не только в революционной среде, где это возмущение было только общим настроением. Именно в этом смысле он вел беседы и со своим полицейским начальством. Еще до своего отъезда за границу, под свежим впечатлением от первых известий из Кишинева, Азеф имел разговор о них с Зубатовым и, по рассказу последнего, «трясся от ярости и с ненавистью говорил о Плеве, которого считал главным виновником» кишиневского преступления. И позднее, за границей, в беседах со своим начальником по полицейской линии, с Л. А. Ратаевым, Азеф высказывался в том же духе. Нет никакого сомнения в том, что это обстоятельство оказало решающее влияние на судьбу Плеве; если в других случаях Азеф, по соображениям корыстной выгоды более или менее пассивно допускал совершиться террористическим актам, то в

деле Плеве он активно прилагал усилия к тому, чтобы довести его до успешного конца.

Но, конечно, огромную роль в поведении Азефа в деле Плеве играли и соображения «корыстной выгоды». Раньше основным источником его доходов была касса департамента полиции. От революционных организаций никаких доходов он не имел или имел доходы совсем незначительные. Революционная карьера ему была нужна постольку, поскольку она была необходимым условием карьеры полицейской. Поэтому он с «чистой совестью» продавал секреты этих организаций. Теперь положение существенно менялось. В безотчетном распоряжении главы Боевой Организации находилась касса последней, а через эту кассу проходили многие тысячи. Из этой кассы становилось возможным извлекать доходы более значительные, чем те 500 рублей в месяц, которые платила касса департамента. И вполне естественно, что у Азефа начинают все большую и большую роль играть соображения об укреплении своего положения в революционной среде,— говоря проще, о закреплении и на будущее возможности бесконтрольно пользоваться революционной кассой. А для этого обязательно необходима успешная деятельность руководимой им Боевой Организации: систематические неудачи последней неминуемо должны были привести к замене его на руководящем посту кем-либо другим.

Создавалась исключительно «счастливая» для Азефа обстановка: «экономика» толкала его туда же, куда его влекло и «чувство». Убийство Плеве становилось для него желательным со всех точек зрения.

Силы, которыми располагала Боевая Организация при вступлении Азефа в руководство ее делами, были достаточно велики: имелось много добровольцев, имелись деньги. Вместе с Гоцем, который стал его ближайшим поверенным и советником по делам Боевой Организации, Азеф разработал план нападения на Плеве: было известно, что он регулярно ездит к царю для докладов; нужно было проследить маршрут этих поездок, выяснить их дни и часы и произвести нападение на его карету на улице с бомбами в руках, наподобие того, как было организовано нападение на Александра II в 1881 г.

При этом плане покушение переставало быть индивидуальным актом революционера-одиночки, которому Боевая Организация оказывала только сравнительно небольшое содействие. Для его подготовки и исполнения теперь требовалась сложная организация, включающая в себя це-

лую группу людей: наблюдение должны были вести специальные наблюдатели, игравшие роль извозчиков, продавцов газет, мелких торговцев вразнос и т. д.; особые люди обслуживали «технику»,— занимались изготовлением взрывчатых веществ и снаряжением бомб; особое значение приобретала деятельность организаторов-руководителей, которые согласовывали работу отдельных частей организации и направляли ее. Непосредственный же акт покушения становился только конечным звеном большой подготовительной работы, и сам исполнитель — только более или менее случайно выступавшим вовне представителем большого организованного коллектива.

План был заботливо продуман во всех деталях и принят. В первоначальный состав отряда, который должен был действовать против Плеве, вошли Е. С. Сазонов, Б. В. Савинков, М. И. Швейцер, А. Д. Покотилов и два брата Мацеевских — все молодежь, бывшие студенты, за участие в студенческих волнениях 1899—1902 гг. исключенные из высших учебных заведений. За суровость, с которою были подавлены эти волнения, вначале носившие чисто академический характер, правительство вообще заплатило очень дорогой ценой: офицерский состав всех революционных организаций эпохи революции 1905 г. — как социалистов-революционеров, так и социал-демократов — почти сплошь состоял из бывших участников этих волнений.

Никакого опыта боевой работы, никакой специальной подготовки члены вновь сформированной боевой группы не имели. Эти недочеты искупались обилием молодого революционного энтузиазма, преданности делу и готовности к самопожертвованию. Опыт пришел только много позднее, отравив ядом скепсиса первоначальные настроения, и тогда стало ясно, что в этом деле молодой энтузиазм много важнее солидного опыта. В тот же период, к которому относится рассказ, единственным носителем опыта, единственным практиком-руководителем молодых энтузиастов был Азеф. Он был связующим звеном между отдельными частями организации, члены которой вначале между собою были связаны только через него.

Азеф лично перезнакомился со всеми членами отряда, всех их подверг обстоятельным допросам-испытаниям и затем послал на места, где они должны были вести свою долю подготовительной работы. Точно и деловито разъясняя уезжавшим детали плана и их специальные задачи в общей работе, Азеф неизменно с убеждением прибавлял:

«Если не будет провокации, Плеве будет убит!»

Эта его спокойиая увереииость передавалась всем участнникам оргаинзацин. С нею двииулись оин в путь поздией осенью 1903 г.

Поход протнв Плеве был открыт...

Вначале не все шло гладко. Особенио нервничал Савиков, который руководнл работой группы наблюдателей в Петербурге. Работа эта началась успешно. Скоро удалось увндеть карету Плеве, онн уже зиалн начальные этапы его поездок. Но Азеф, который обещал к декабрю быть в Петербурге, не подавал прнзнаков жизин: н сам ие приезжал, и ннкакнх известнй не присылал, даже ие отвечал на запросы. Савинков терялся н не знал, чем объяснить это поведенне руководителя органнзацни. В добавленне появнлнсь прнзиакн полицейской слежкн, которая, судя по всему, иоснла случайиый характер, если только весь рассказ о ией Савиикова (этот рассказ вообще едииствеиное о ией свидетельство) ие является отражеиием его тогдашнего нервиого состояния. Во всяком случае, она явнлась каплей, переполнившей чашу терпення Савникова: ои прекратил иаблюдение, распустнл свою группу и в спешном порядке покинул Петербург.

Смущенный н растерянный, созиающий, что ои в нзвестных пределах нарушил боевую днсцнплнну, н в то же время не знающнй, как мог ои поступнть иначе, Савников заявнлся сиачала к Чернову, затем к Гоцу. Онн прииялн его почтн как дезертира с поля битвы: Азеф ие приехал, нбо был занят важиымн партийиыми деламн; письма его ие дошлн по вине самого Савникова, который дал иеверийй адрес. Необходнмо иемедленно вернуться в Россню, где в блнжайшем будущем предстонт переход к решительиым действням. Этн беседы ободрнлн Савиикова, который уже сомиевался в своих снлах и проснл перевестн его иа какоелибо менее сложиое боевое дело, н когда от Азефа прнбыло указаине о прнезде в Москву для переговоров о дальиейшей работе, Савннков выехал туда, прнхватнв с согласня Гоца для работы в Боевой Оргаиизацни своего старого друга, И. П. Каляева: вдвоем ои ие так чувствовал одиночество, ие так терялся в иовой обстаиовке.

Запоздание с приездом Азефа в Петербург объяснялось, коиечио, не так просто, как это выходило нз рассказов Чернова н Гоца. Этн месяцы у Азефа ушли иа выясиение обстаиовки, которая складывалась в охранном мнре. Убнть Плеве он хотел, ио рисковать при этом ои не собирался,— не только своей жизиью, но и своим жаловаиьем.

Переехав летом 1903 г. за граиицу, Азеф перешел под

руководство Л. А. Ратаева, незадолго перед тем назначенного руководителем русской политической полиции за границей. Человек далеко не глупый, Ратаев совсем не был пригоден для этого ответственного поста. Светский человек, донжуан и записной театрал, к своей полицейской работе он относился как чиновник. Больше двух десятилетий службы в департаменте на ответственных постах дали ему знание техники полицейского дела. Когда он хотел, он совсем неплохо разбирался в весьма запутанной обстановке. Но хотел этого он редко. Сыском интересовался он только по обязанности, он его не захватывал, свою душу ему он не отдавал. Это прекрасно видели те, кто в то время стоял во главе департамента полиции. Плеве открыто говорил, что Ратаев, занимающий ответственный пост по департаменту, это — «пятно» для последнего. Зубатов не называл Ратаева иначе, как «корнет Отлетаев». Назначение его за границу было не чем иным, как почетной ссылкой его из департамента, где он перед тем заведовал особым отделом, то есть руководил всем делом политического сыска в империи вообще. Ратаев понимал это значение своего назначения за границу и чувствовал себя обиженным.

Подобный человек, естественно, менее всего мог импонировать Азефу, необходимость чего особенно остро ощущалась именно в тот критический момент полицейской карьеры последнего. Можно смело сказать, что в течение всего периода работы Азефа под начальством Ратаева (этот период продолжался до выхода Ратаева летом 1905 г. в отставку) не Ратаев руководил Азефом, а последний использовал Ратаева в своих интересах: заметал следы своей деятельности, разузнавал о степени осведомленности департамента, устранял своих противников по партии.

Первые месяцы своего пребывания за границей Азеф вообще не давал никаких сведений Ратаеву, оговариваясь, что он «не успел еще оглядеться и занят упрочением связей». Только с конца сентября он начинает присылать сообщения, заполняя их сведениями о жизни эмигрантских групп — не одних только социалистов-революционеров, но и социал-демократов. Только поздней осенью, то есть, по-видимому, уже после того как боевой отряд против Плеве был отправлен в Россию, Азеф, по воспоминаниям Ратаева, «несколько оживился». В это время он приехал в Париж и явился к Ратаеву лично, напомнив последнему во время свидания того старого Азефа, который ему был знаком раньше, когда Азеф в деле доносов «сам шел вперед», не думая о риске провала, так что «порою даже нужно

было его сдерживать». Азеф был «бодр, энергичен и разговорчив», но говорил-то он обо всем, что угодно, только не о том покушении на Плеве, подготовкой которого он руководил. Наоборот, поскольку речь шла о последнем, Азеф явно пытался выведать, что же именно в этой области известно полиции. И его попытки далеко не были безуспешными: Ратаев рассказал ему, что у департамента имеются сведения о прибытии за границу Е. С. Сазонова, который в разговорах с близкими людьми высказывал твердое намерение убить Плеве. Не сморгнув глазом, прибавляет Ратаев, Азеф ответил, что Егора Сазонова он не знает, но что с братом его, с Изотом, он когда-то встречался и может сделать при случае попытку его расспросить. Из этой беседы Азеф легко мог сделать вывод, что никаких точных сведений об его замыслах у полиции нет, во всяком случае, их нет у разговорчивого Ратаева. Для Азефа, который, по-видимому, всего только за несколько дней перед этим разговором снарядил Сазонова в Россию, эти сведения, конечно, представляли огромный интерес.

Вскоре затем Азеф стал собираться в Петербург. Поездка ему была нужна в двух отношениях: он ехал для того, чтобы организовать одно покушение против Плеве и провалить другое. В руководящих кругах партии не все были довольны переходом Боевой Организации в ведение Азефа. С. Клитчоглу, оказывавшая некоторую помощь Боевой Организации еще во времена Гершуни, теперь при поддержке ряда влиятельных партийных деятелей в России (Потапова и др.) создала на юге небольшую террористическую группу и перебралась в Петербург для того, чтобы поставить покушение против Плеве. Это было прямой угрозой Азефу. Если бы покушение Клитчоглу удалось, то Боевая Организация, наверное, была бы изъята из его ведения, а вместе с тем, конечно, из его заведования была бы изъята и касса Боевой Организации. Все это заставляло Азефа желать гибели группы Клитчоглу, тем более что выдачей ее он укреплял свое положение в глазах полиции и потому мог бы свободнее действовать в деле подготовки того покушения, которым он сам руководил.

В силу этих соображений, как только получились первые сведения о планах Клитчоглу, он сообщил о них Ратаеву и уговорил последнего поехать с ним вместе в Петербург для раскрытия этого террористического предприятия. Ратаев с тем большей готовностью пошел навстречу этому проекту, что он надеялся раскрытием покушения поднять свои фонды в глазах министра. Иметь же его под рукой для Азефа,

который пускался в сложную двойную игру, было очень полезно: Ратаев, полностью доверявший Азефу, был удобным прикрытием.

Ехали они вместе, чуть ли не в одном поезде. Кроме доноса на группу Клитчоглу Азеф, если доверять некоторым сведениям, вез еще динамит для своей собственной группы. Прикрытие Ратаева он использовал полностью!

В Петербурге группа Клитчоглу была быстро раскрыта, но на почве ареста ее у Азефа вышел большой конфликт с департаментом: зная о том, что этот арест предстоит в скором времени, Азеф хотел уклониться от личной встречи с Клитчоглу, но департамент настоял, дав обещание, что аресты не будут произведены в непосредственной близости от их свидания. После этого Азеф на свидание пошел и узнал от Клитчоглу все подробности как о составе группы, так и об ее планах. Все эти подробности он передал департаменту, но последний не выполнил обязательства: петербургское охранное отделение вело интригу против Ратаева, и по его указаниям арест Клитчоглу был произведен почти непосредственно вслед за ее свиданием с Азефом. По свидетельству Ратаева, подобный «нелояльный» поступок полиции подействовал на Азефа «самым удручающим образом». Азеф, не стесняясь, заявлял, что в подобных условиях для него «становится трудным работать» на полицию. Его непосредственный начальник, Ратаев, был полностью с ним согласен и поддерживал его в переговорах с руководителями департамента. Создавался прочный союз «обиженного» Азефа с «обиженным» Ратаевым против тех, кто нарушил торжественное обещание,— против департамента и особенно против петербургского охранного отделения. Для той сложной игры, которую вел Азеф, складывалась исключительно благоприятная обстановка: Ратаев не все сообщения Азефа передавал департаменту, а последний, в свою очередь, многое из них скрывал от охранного отделения.

В самый разгар этих ведомственных интриг Азеф вырвал время для поездки в Москву, где его ждали вернувшийся из-за границы Савинков и некоторые другие члены Боевой Организации. Азеф сурово отчитал Савинкова за нарушение обязанностей боевика: «Ваша обязанность была ждать меня и следить за Плеве». Тут же был намечен план дальнейшей работы. Всю подготовительную работу должны были провести Савинков и Каляев. Едва ли нужно прибавлять, что об этих московских свиданиях Азеф не осведомил Ратаева ни одним намеком.

Во второй половине февраля 1904 г. члены Боевой Организации стали собираться в Петербурге и возобновили работу по наблюдению за Плеве. Азеф сохранял за собою верховное руководство — обсуждал с ними собираемые ими сведения, давал указания. Если бы полиция вела за ним внешнее наблюдение, выследить всю Боевую Организацию ей не представило бы большого труда. Азеф это понимал, а потому в сношениях с Ратаевым держал себя так, чтобы иметь возможность в любой момент повернуть фронт и продать Боевую Организацию. В своих ежедневных докладах Ратаеву он перемешивал элементы правды с вымыслом так, чтобы в будущем он мог этим докладам придать наиболее выгодное для себя толкование, и прежде всего проверял, ведет ли за ним полиция внешнее наблюдение. С этой целью он «почти ежедневно» докладывал Ратаеву о таинственных террористах, которые являются к нему из-за границы с условными паролями. Имен их Азеф, по его заявлениям, не знал, но приметы описывал, по-видимому, в точном соответствии с действительными приметами членов Боевой Организации, сохраняя, таким образом, для себя возможность в случае нужды доказать, что относительно указанных лиц он своевременно предупреждал полицию. Но в то же время он не давал полиции никаких конкретных указаний, которые могли послужить отправной точкой для ее поисков. Только раз он сообщил, что у него назначено свидание в бане с каким-то важным террористом, причем приметы этого террориста совпадали с приметами Каляева. Об этом было доложено директору департамента, и для наблюдения за свиданием был отправлен сам Е. П. Медников, который считался талантливым сыщиком и заведовал всем делом «наружного наблюдения» в департаменте: филеров из местного охранного отделения, по соображениям конкуренции, к делу не подпускали. Никаких результатов это наблюдение в бане для полиции не дало: Азеф в баню пришел и мылся весьма усердно, но на свидание с ним туда никто не явился. Так полиция и не получила прямых нитей для установления наблюдения за боевиками, но зато для Азефа в результате его ежедневных встреч с Ратаевым стало ясным, что полиция в двойной игре его не подозревает и контролирующего наблюдения за ним не ведет. С этой стороны, следовательно, большой опасности не существовало.

Тем временем боевики выяснили дни и часы поездок Плеве для доклада царю. Дорога, по которой он ездил, не была известна, и Азеф настаивал на продолжении работы

по наблюдению. Но молодым боевикам не терпелось, они рвались в бой и настаивали на том, чтобы покушение было произведено немедленно же: они предлагали напасть на карету министра около дома департамента полиции, в котором жил Плеве,— при выезде из него или на обратном пути. Азеф возражал против этой торопливости, указывая, что около дома министра полицейская охрана более тщательная, а потому больше шансов на арест террористов в результате случайного внешнего наблюдения. Молодежи доводы эти казались недостаточно основательными: она уже видела эту охрану и считала, что покушение вполне возможно. Азефу ничего не оставалось, как дать свое согласие.

«Хорошо,— заявил он им,— если вы этого хотите, попробуем счастья!»

На совместном совещании была намечена подробная диспозиция. Покушение назначили на 31 марта — всего через несколько дней после совещания, на котором было принято это решение.

В этом последнем обстоятельстве скрывалось самое большое неудобство для Азефа: он имел полное основание опасаться, что если покушение состоится в такой непосредственной близости от периода его пребывания в Петербурге, то полиция, при всей ее доверчивости, может заподозрить неладное. Ратаева в это время в Петербурге уже не было — по делам службы ему пришлось спешно выехать в Париж, причем он перед отъездом передал Азефа в распоряжение лично директора департамента Лопухина. Верный своей общей тактике, Азеф направился на квартиру к последнему, для того чтобы еще раз прощупать почву и в то же время перестраховаться от возможных в будущем подозрений. В качестве предлога Азеф выбирает сообщение об якобы подготовляемом революционерами покушении на Лопухина в отместку за аресты. Такого покушения никто не готовил, но не весь рассказ о нем Азефа был чистым вымыслом: всю организационно-техническую сторону покушения Азеф изложил в общем правильно, следуя только что им разработанному плану покушения на Плеве; было указано то же самое место покушения — около дома департамента, на Фонтанке; названы бомбы как орудие покушения. Только вместо имени Плеве он поставил имя Лопухина и не назвал ни имен участников, ни времени, на которое покушение было назначено. Попутно Азеф поставил вопрос о прибавке ему жалованья. Возможно, что Азеф прибавил бы к своему рассказу и еще кое-какие детали, если бы к его просьбе о жалованье отнеслись с бо́льшим внима-

нием. Но этого не случнлось: то ли Лопухии заподозрнл Азефа в своего рода вымогательстве (связь между просьбой о прнбавке и раскрытнем заговора против того, от кого зависело решеине вопроса о прибавке, действительно была слишком очевидиа), то ли ои действнтельио решил наводнть экоиомию иа расходоваинн полнцейских деиег, только к просьбе Азефа ои отиесся больше чем холодио, хотя и ие ответнл прямым отказом, обещав сиестись предварительио с Ратаевым. Дело явио откладывалось в долгий ящик. На этом закоичился визнт.

Непосредствеино после этого разговора Азеф покниул Петербург. С члеиами Боевой Оргаиизации ои условился встретиться после покушеиия, 4 апреля, в Двинске, ио поехать ои предпочел ие в Двннск, а за граиицу: сиачала ои сообщил Гоцу о предстоящем покушеини, вместе с подробиым изложеиием своих сомиеиий. Затем явился в Парнж к Ратаеву. Таким путем он перестраховывал себя иа все стороны — от всех возможных обвинеиий. Еслн бы полиция воспользовалась его указаннямн относительио подготовкн покушеиня протнв Лопухииа и оргаиизовала бы вннмательный иадзор за подходамн к здаиию департамента, она могла бы натолкиуться иа боевнков, готовивших покушеиие протнв Плеве. Заслуга этого ареста в глазах полнцин приiадлежала бы ему, Азефу,— но в глазах террористов подозреиие иа иего пасть ие могло бы: ои был как раз тем, кто указывал иа эту опасность задумаииого предприятия; его ие послушались — в этом и беда; из допросов же стало бы ясио, что о покушеини иа Плеве полиция и ие подозревает, что она предполагает, будто имеет дело с планом покушения против Лопухниа. При самой насторожениой подозрнтельности прншлось бы арест объясиить внешиим иаблюдением. Еслн же полицня окажется иевиимательной н, иесмотря на предостережение Азефа, покушеиие протнв Плеве же состоится как раз у здаиия департамента, то у Азефа заранее подготовлено объясиение: о том, что какое-то покушенне готовится, он предупреждал н даже точио указывал, в каком месте оио иамечено; ои только ие зиал, протнв кого оно иаправлеио — в детали плаиа ои ие был посвящен, а, впрочем, возможио, что в последнюю минуту плаи был нзменеи, после того как революционеры в процессе подготовки устаиовили, что можио убнть ие Лопухина, а самого Плеве. В глазах же революционеров удачиое покушеиие против Плеве, совершениое отрядом Азефа, все равно было бы поставлено в заслугу больше всего ему: все зиали, что без него иеопытные бое-

вики испугались и разбежались из Петербурга, и что только он своим авторитетом вернул их на места и заставил продолжить работу...

Игра была рассчитана тонко — и Азеф при всех ее исходах оставался в чистом выигрыше.

В беседе с Ратаевым Азеф сообщил о своем визите к Лопухину и в ответ несомненно узнал от него, что запрос о прибавке ему жалованья из Петербурга не поступал. Лопухин не собирался ее делать. Тем временем прошло 31 марта. Покушение почему-то не состоялось, но зато не было известий и об арестах. Полиция явно не могла, несмотря на все намеки, поймать неопытных молодых боевиков, которые целой стаей бродили вокруг здания департамента — непосредственно под носом у многочисленной и разнообразной охраны. Нетрудно понять, какие настроения владели теперь Азефом: с дураками, которые ничего не понимали в деле полицейского сыска и к тому же так скупились на прибавки, конечно, не имело никакого смысла церемониться.

И Азеф действительно перестал «церемониться».

Уже через несколько дней после своего приезда в Париж Азеф заявил Ратаеву, что у него опасно заболела старуха мать и ему необходимо выехать к ней во Владикавказ. Ратаев не хотел его отпускать, но Азеф «так просил и настаивал, что скрепя сердце» Ратаев вынужден был согласиться на его поездку. Конечно, при этом Азеф надавал всяких обещаний, и прежде всего обещал выяснить тех неизвестных террористов, о посещениях которых он докладывал Ратаеву в Петербурге. По-видимому, повидался Азеф перед отъездом и с Гоцем — как он ему объяснил необходимость поездки, догадаться нетрудно: молодежь опять что-то напутала, приходится ехать, чтобы привести дела в порядок...

В Двинске на условленной явке Азеф террористов уже не нашел, но в поезде, по дороге в Петербург, 11 апреля он случайно столкнулся с одним из них, с Покотиловым, и от него узнал о событиях за время его отсутствия.

31 марта весь отряд вышел на улицу,— согласно с выработанным планом: бомбы были у троих — Сазонова, Покотилова и Боришанского; Каляев и Мацеевский были сигнальщиками, Савинкову принадлежало общее руководство. Все они сгруппировались на небольшом участке — между зданием департамента и Невою. Министра обкладывали, как зверя в берлоге. Но совершить покушение не удалось. То ли внимание охраны на улицах в результате визита

Азефа к Лопухину было более настороженным, чем обычно; то лн необстреляниые боевнкн несколько нервнннчалн, ио одному из них, Борншанскому, показалось, что его окружают сыщнкн, н он счел правильиым удалнться со своего поста. Это виесло расстройство во всю днспознцию, и покушение не состоялось, хотя свободио могло бы быть произведеио двумя остальиыми метальщиками, которые ннкакой слежки за собою ие замечали. После этой неудачн Савников и Покотилов выехали в Двннск, где на 4 апреля была условлена нх встреча с Азефом. Последнего там ие было, ие было и писем от него. Молодые террорнсты решилн, что Азеф арестован н что онн теперь предоставлеиы собствеииым силам, и Савннков вновь потерял равновесие. По существу, свободио можно было бы держаться за старый плаи и попытаться осуществнть покушение в день следующего выезда Плеве к царю: отряд ведь остался весь нетронутым, бомбы нмелнсь. На этом н настанвал Покотилов. Но Савннков был другого миеиня. Он полагал, что отсутствне Азефа вызвано его арестом, н считал, что сил организации после потерн Азефа иедостаточио для проведеиня покушення протнв Плеве. Отказываться от участия в террорнстической деятельностн ои не собирался, но предлагал в первую очередь заняться менее трудиым делом — совершить покушеине на киевского генерал-губернатора Клейгельса. Это покушеине было делом сравнительно легким, так как Клейгельс не скрываясь езднл по Кневу, ио и полнтического зиачеиия оно инкакого не нмело: в свое время, года за трн перед тем, Клейгельс был ненавистеи особеино для студеитов Петербурга за ту жестокость, с которой по его прнказу полнцня нзбнвала студентов-демоистраитов. Но с тех пор пронзошло так много событнй, что о Клейгельсе помиилн только немногие.

Состоялось совещаиие боевнков, на котором Савинков развил свою точку зрення. С ннм согласилнсь Каляев и Швейцер; остальные настаивали иа продолжеинн похода против Плеве. Решенне было приинято нанхудшее нз всех возможных: решеио было разбить отряд на две частн, нз которых одна (Сазоиов, Покотилов, Борншанскнй н Мацеевский) попытается довестн до коица дело протнв Плеве, а вторая (Савннков, Каляев н Швейцер) займутся Клейгельсом.

Таким образом нз первоначальной посылкн Савннкова о том, что *весь* их отряд в целом иедостаточеи для проведення дела протнв Плеве, получнлся неожнданный вывод, согласио которому это дело поручалось одной *части* этого

отряда. В такнх условиях все предприятие становнлось делом явио безнадежиым.

Покотилов, когда его встретнл Азеф, ехал в Петербург для проведення покушеиия. Он с Борншаискнм уже выходнлн перед тем, 7 апреля, иа улицу, ио не встретнлн Плеве. Теперь ои собнрался сделать еще одиу попытку — 14 апреля. Азеф попробовал его отговорить, но ие нмел успеха: у Покотилова былн слишком напряжены иервы, чтобы ои мог согласнться иа отсрочку. Его судьба как террорнста была действнтельио нсключнтельной: он был террористом-неудачинком совершенно особого сорта. Еще весиою 1901 г. он прнехал в Петербург, решив убить мниистра народного просвещеиия. Но пока он делал подготовительные шаги, миннстр был убнт Карповичем, совершеино самостоятельно прншедшнм к этому решеиию. После этого Покотилов встретнлся с Гершуин н предложил себя для покушеиия на Снпягниа. Его кандндатура столкиулась с кандидатурой Балмашева, н выбор Гершуин пал иа последиего. Покотилов добился, чтобы Гершунн предоставил ему право иа ближайшее покушенне, которое предпримет Боевая Организацня. Гершуии обещаиие дал и сговорился с Покотиловым, что последиий выступнт против Оболенского. Но уже в последний момеит свон услуги для этого дела предложнл Фома Качура — рабочий, уроженец тех губериий, крестьяне которых были перепороты Оболенскнм. Покушение, пронзведеииое имеино нм, произвело бы зиачительио большее впечатленне, чем покушенне, совершенное студеитом Покотнловым. И Гершуин еще раз уговорнл последнего уступить Качуре свое право иа выступление. Теперь пришла, иакоиец, его очередь. Он уже два раза выходнл на улицу с бомбами — и оба раза неудачно. Ждать дальше ои не может. Что бы ии случилось, он пойдет н в этот раз. Все уговоры былн бесполезиы. Покотилов поехал в Петербург и там в иочь на 14 апреля — деиь, когда было назиачено покушеиие,— погиб при взрыве бомбы, которую он приводнл в боевую готовность. Террористом-неудачнником ои остался до конца...

Известие об его гнбелн, естественно, не могло ие пронзвестн самого тяжелого впечатлеиия иа остальных членов органнзации, н без того, как мы зиаем, сильио растеряиных и потерявшнх веру в свои снлы. Борншаиский немедлеиио примчался в Кнев, н здесь на совещаинн оставшнхся членов органнзацнн было решено ликвндировать дело Плеве, сконцентрнровав все виимаиие на одиом Клейгельсе. В Петербург выехал Швейцер, который должен был предложнть

обоим оставшнмся еще там «извозчикам» — Сазонову и Мацеевскому — немедленно продать их извозчичье сиаряжеиие и выехать за граиицу, так сказать, выйти в резерв.

Имеино в этот момент, едва ли не на следующий день после выезда в Петербург Швейцера, в Киеве появился Азеф. Ои, по-видимому, уже побывал в Одессе н, во всяком случае, хорошо зиал, какое недоверчивое отношение складывается у миогих видных деятелей партии к руководимой им, Азефом, Боевой Органнзации. Слетов встретнл Савиикова в Киеве, в период первого побега последиего нз Петербурга, и выиес из этой встречи далеко не солндиое впечатлеинe о той оргаиизацни, в которой Савиников играл такую крупную роль. Таково было впечатленне не одиого только Слетова, и иа состоявшемся в иачале апреля 1904 г. в Одессе совещании ряда видных партийных работииков было прииято решение обратиться с офнциальным запросом к заграиичим руководителям партии о совремеиином состояиии Боевой Оргаиизацни. Запрашивавшие прибавлялн, что в случае отсутствия удовлетворительиого ответа онн «оставят за собою полную свободу действий как в отиошении новой постаиовки террористических предприятий, так и в своих отиошеииях к появляющимся иа нашем горизонте представителям совершенно нам не известиой Боевой Оргаиизации». В этом была прямая угроза устроить виутрипартийиое восстание против Азефа. Буквальио вся его партнйиая карьера была теперь поставлеиа иа карту. Только удачиое выступлеиие протнв Плеве могло радикально нсправить положеиие. Тем суровее он должен был быть в своих объясиеииях с Савинковым.

С места в карьер ои потребовал ответа:

«Что вы затеяли? К чему это покушение на Клейгельса? И почему вы ие в Петербурге? Какое нмеете право вы своей властью нзменять решення Центрального Комитета?»

И, молча выслушав объяснения, решительио отвел все аргументы Савиикова:

«Если бы я и был арестован, вы не нмели права лнквидировать покушеине иа Плеве. Вы мне говорите, что нет сил для убийства Плеве? Смерть Покотилова? Но вы должны быть готовы к гибели всей организацни до последиего человека. Что вас смущает? Если иет людей — нх иужио иайти. Если иет диаамита, его необходимо сделать. Но бросать дело никогда нельзя. Плеве во всяком случае будет убит. Если мы его не убьем — его не убьет никто...»

Коиечио, в устах Азефа эта суровая непреклоиность была лицемериой позой, прииимать которую ему было тем

более легко, что речь ведь шла о несчастиях только для других: свою собственную безопасность, как мы видели, он перестраховал весьма заботливо и на все стороны. Но имитация суровой непреклонности обреченного террориста ему удавалась очень хорошо, а главное, Савинков и его товарищи и сами не могли не чувствовать, что они были не на высоте положения. Тем поспешнее согласились они с Азефом и решили вновь концентрировать все силы на подготовке покушения против Плеве.

«Настойчивость Азефа, его спокойствие и уверенность подняли дух организации,— вспоминал позднее Савинков.— Не преувеличивая можно сказать, что Азеф возродил организацию: мы приступили к делу с верою и решимостью во что бы то ни стало убить Плеве».

Их рвение Азеф подогрел сообщением о том недоверии к Боевой Организации, которое господствует среди многих руководящих деятелей партии. Эти рассказы заронили в настроение «боевиков» первые семена вражды к партийному центру, что тоже входило в далеко идущие расчеты Азефа. Но в тот момент они оказали и положительное действие: молодежь горела желанием *делом* реабилитировать свою честь, которая, им казалось, была задета недоверием Центрального Комитета.

В начале мая авангард боевиков уже был в Петербурге. Конспиративная квартира была снята в самом центре города — на Жуковской, 31. Ее хозяином стал Савинков, который жил под именем богатого англичанина Мак-Кулоха. Роль хозяйки квартиры — его «содержанки» исполняла Дора В. Бриллиант — дочь зажиточного и старозаветного еврейского купца, совсем юной ушедшая из семьи, чтобы отдаться революционному движению: позднее она сошла с ума в Петропавловской крепости и умерла в доме умалишенных. Жили они «богато», держали «лакея» и «кухарку»: первым был Е. С. Сазонов, второй — П. С. Ивановская, старая революционерка, член Исполнительного Комитета партии «Народная воля». Она в свое время принимала участие в подготовке покушений против Александра II, была осуждена на бессрочную каторгу и теперь, почти через четверть века, бежала из Сибири, чтобы вновь встать в ряды террористов. Наблюдение успешно и быстро продвигалось вперед: наблюдатели были уже опытны в своем деле, некоторые из них, особенно Каляев, свою роль разыгрывали, как настоящие артисты.

К середине июня в Петербург приехал Азеф. В течение последних полутора месяцев он кружил по всей России:

отвез свою мать на воды, на Северный Кавказ, побывал в Самаре, в Уфе. Всюду он заботливо выполнял поручения Ратаева: в Самаре старался «выяснить», кто же именно был тот террорист, который погиб в Петербурге при взрыве бомбы; в Уфу он заехал специально затем чтобы повидаться с Изотом Сазоновым и разведать у него относительно планов его брата Егора. Эти две личности — неизвестный террорист в Петербурге и Егор Сазонов — особенно интересовали Ратаева, он слал специальные о них запросы Азефу, но старания последнего приносили мало результатов. Даже от Изота Сазонова никаких сведений относительно его брата получить не удалось, кроме самых общих догадок, что тот «что-то затевает», но что именно, неизвестно.

Покушение на Плеве Азеф на этот раз ставил совсем серьезно — и выдавать полиции секреты своей Боевой Организации меньше всего собирался! [1]

Только из Петербурга он счел возможным сообщить настоящее имя «неизвестного террориста» — Покотилов; судя по дате, которая стоит на этом письме, оно написано

[1] В письме к Ратаеву из Москвы от 7 июля 1904 г. Азеф сообщил, что в квартире адвоката Трандафилова, который жил в том самом доме по Жуковской ул., в котором помещалась и конспиративная квартира Боевой Организации, находится склад нелегальной литературы. Ратаев в своих позднейших записках о деле Азефа полагает, что это сообщение Азеф сделал для того, чтобы без опасности для себя навести полицию на след Боевой Организации. «Расчет Азефа,— писал Ратаев,— был, вероятно, таков, что, следя за Трандафиловым, наблюдение наткнется, не может не наткнуться на Сазонова и Савинкова, в особенности на последнего, вся прежняя деятельность которого протекала в Петербурге». Это объяснение неправильно: в момент, когда Азеф писал свое донесение от 7 июля, конспиративная квартира на Жуковской уже была предназначена для ликвидации, и Савинков с Сазоновым ее уже покинули, так что ни о какой попытке косвенного наведения полиции на след Боевой Организации в этот момент не может быть и речи. Донос Азефа на Трандафилова на самом деле был не попыткой наведения полиции на след Боевой Организации, а ходом в целях создания алиби для самого себя на тот случай, если следствие в будущем откроет факт посещения Азефом указанного дома на Жуковской: по свидетельству Савинкова, во время пребывания Азефа в этой конспиративной квартире за домом была замечена полицейская слежка, которая весьма обеспокоила Азефа. Он мог полагать, что кто-нибудь из филеров его признал — его знали в лицо очень многие из петербургских филеров,— и это могло бы иметь весьма неприятные последствия в случае обнаружения полицией роли конспиративной квартиры на Жуковской. Его донесение на Трандафилова давало ему возможность в этом случае говорить, что, посещая дом на Жуковской, он ходил не на конспиративную квартиру, а к Трандафиловым, на которых своевременно и доносил.

едва ли не с конспиративной квартиры на Жуковской. На этой квартире Азеф прожил более недели, навел ревизию на деятельность молодежи, вновь поругал Савинкова, который на этот раз допустил вопиющие нарушения основных правил конспирации, повидался с остальными наблюдателями и опять уехал «по партийным делам», назначив общее свидание всех руководящих членов Организации в Москве на начало июля. Совещание состоялось в назначенный срок. Шло оно в Сокольничьем парке. Были окончательно намечены участники, установлена диспозиция, назначен срок. В качестве метальщиков должно было выступить 4 человека — двое бывших студентов, Сазонов и Каляев, и двое рабочих из Белостока — Боришанский и Сикорский. Азеф должен был ждать известий в Вильно.

Первое покушение было назначено на 21 июля, оно не могло состояться из-за случайного запоздания Сазонова к назначенному месту встречи. На этот раз Азеф был верен своему обещанию и выжидал результатов. Вместе с ним в Вильно была Ивановская. Назначенный день прошел — условной телеграммы не было. Азеф казался сильно взволнованным, глаза его опасливо бегали по сторонам, прощупывая встречных, говорил он хмуро: «Значит, полная неудача или провал». На карту им поставлено было очень много. В своих последних письмах к Ратаеву он не только не делал никаких попыток «перестраховать» себя, подобно тому как он поступал в марте; наоборот, явно рискуя навлечь потом на себя подозрение, он стремился усыпить бдительность департамента, сообщая, что социалисты-революционеры решили отложить покушение против Плеве и поставили на очередь покушение против иркутского генерал-губернатора Кутайсова, который незадолго перед тем обратил на себя внимание жестокою расправою с ссыльными.

На следующий день тревога несколько рассеялась: приехали боевики, все те, кто выходил на улицу в качестве метальщиков, и с горькой улыбкой на лице Сазонов рассказал о причине отсрочки. Азеф нервничал, крутил головою, вновь и вновь возвращался к вопросам, выясняя самые, казалось бы, ничего не значащие детали, чтобы потом, учтя опыт неудачи, внести мелкие изменения в план. Боевики прожили в Вильно целую неделю, почти все время проводя вместе с Азефом и Ивановскою. Перед отъездом их в Петербург вместе провели и всю ночь — в невзрачном трактирчике с вялой заспанной прислугой. «В маленькой, тускло освещенной комнате,— вспоминает Ивановская,— сидели задумчивые обреченные, перекидываясь ничего

ие зиачащими словами. Однн Азеф казался спокойиым, виимательиым, преувеличеиио ласковым». На прощаиие ои расцеловал всех отъезжавшнх.

Миого поздиее, во время встречи с Бурцевым во Франкфурте, уже разоблачеииый Азеф говорил об этом прощании: «Когда я тогда целовал Сазонова, это ие был поцелуй Иуды».

Многое зависнт, коиечно, от того, в чем видеть характериую особенность поведеиия Иуды: теперь иесомнеино, что Азеф не предавал Сазоиова полнции, ие доиосил иа него, а, иаоборот, заботливо охранял его от опасиостей и подготовлял успех его выступлеиия... Но мотивы, которые определялн это поведенне Азефа, все же былн мотивами погонн за «корыстиой выгодой»...

Через деиь, 28 июля, террористы виовь вышли против Плеве. На этот раз никто ие опоздал. Вовремя были розданы бомбы. Точио в иазиачеиый срок двииулись метальщикн по Измайловскому проспекту иавстречу карете Плеве. Первым шел Борншанскнй: ои должен был пропустить карету мимо. Его роль иачииалась только в том случае, если бы покушеиие второго не удалось, и Плеве, отказавшись от дальиейшей поездкн, повериул бы иазад. Тогда его должиа была настигиуть бомба Борншаиского. За иим шел Сазонов: ои был осиовиым метальщиком. Если его удар попадал в цель, то этим ои спасал жнзнь тех, кто шел следом за ннм: им не прншлось бы входить в дело. Первым нз этих следующих был Каляев, который за этн месяцы стал близким, интимиым другом Сазоиова. Последним шел Сикорскнй. Раз попав в эту сеть, Плеве не имел уже возможиости вырваться из иее.

Деиь был солиечиый, ясиый. Точио в назиачеииый час показалась карета Плеве: он ие опаздывал к докладам у царя. Случайно как раз около Сазоиова коин замедлили бег: нм приходилось обгоиять чьи-то медлеиио тащившиеся дрожкн. Быстро сойдя с тротуара, Сазоиов броснлся иаперерез карете. Сквозь стекло дверкн ои увидел, как метнулся заметивший его Плеве,— в это самое стекло и ударнла 12-фуитовая бомба. Раздался тяжелый, грузиый звук взрыва.

Плеве покончнл свои земиые счеты.

...В тот же вечер об этом стало известио в Швейцарин. Под Жеиевой, иа мнриых берегах мирного озера шел съезд заграничиой организации социалнстов-революциоиеров. В самый разгар серьезиых преиий ворвался кто-то с телеграммой в руках. «На иесколько мииут,— вспомииал позд-

иее Слетов,— воцарнлся какой-то бедлам. Несколько мужчии н жеищнн ударились в истерику. Большииство обннмалось. Кричалн здравицы. Каждый за себя н для себя, не слушая других. Как сейчас вижу Н.: стоит в староие, бьет о пол стакаи с водой и со скрежетом зубов кричит: «Вот тебе за Кишииев!»

Глава VII
БОЛЬШОЙ ПОХОД БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Убнйство Плеве произвело огромное впечатлеиие иа все слои русского общества. А. В. Пешехонов в день убийства ходил по улицам Петербурга, прислушнваясь к долетавшим до него обрывкам разговоров, и вериулся с выводом, что это выступлеиие Боевой Оргаиизации «можио считать одиим из самых удачиых актов революцнонной борьбы». Поскольку речь идет об актах террористических, вывод этот, иесомненио, правилен: на ием сходятся н все остальные свидетельства. Конечно, противиики террора как метода революциониой борьбы и после этого акта не нзменили своего прнципнального к нему отношеиня. Возражения общего характера, которые они выднвгали, по-прежнему оставалнсь в силе. Но сам по себе взрыв бомбы на Измайловском проспекте даже протнвииками террора был восприият как чувствнтельиый удар по абсолютизму — по той снстеме, живым воплощением которой в тот момеит был Плеве.

Особеиио восторженно этот акт, как н следовало ожидать, был встречен соцналнстами-революцноиерами. Они его расценивали как *их* победу, как *их* торжество. И только вполие естествеино, что авторитет Азефа — главного «оргаинзатора этой победы» — подиялся на иебывалую высоту. Ои сразу стал иастоящим «героем» партии. В Жеиеве его ждала торжественная встреча. Забыты были старые споры, умолкли голоса иедоброжелательства. Е. К. Брешковская — старая революцнонерка, уже отбывшая две каторги в Сибнри и теперь одна нз основательииц партни социалистов-революционеров, пользовавшаяся огромиым влняиием среди молодежи,— прнветствовала его по старорусскому обычаю: низким поклоном, до самой земли. Она недолюблнвала Азефа. Ои был чужим ей по духу человеком. Она никогда ие могла поиять, что нменно привело его — с его трезвым практицизмом и холодной расчетливостью — в ряды революцноииой партии, куда оиа сама привыкла приводить лншь юиых энтузиастов. И, ие понимая его, она иистинк-

тивно не доверяла ему: без осознанных мотивов, без конкретно осязаемых поводов, лишь следуя тому здоровому инстинкту, который заставляет нормального человека с недоверием относиться ко всему, что не поддается разумному объяснению. По своей врожденной прямоте она и не скрывала раньше этих своих недоверия и антипатии — тем острее она чувствовала теперь потребность высказать свою признательность тому, кто, несмотря на все трудности и все недоверие, все же довел до успешного конца дело Плеве.

Этот земной поклон Брешковской был показателен не только для ее личного отношения к Азефу. Можно смело сказать, что вместе с нею перед Азефом склонилось общественное мнение всей партии вообще. Конечно, люди, питавшие к нему личную антипатию, еще остались, и та же Брешковская в личных беседах с близкими друзьями признавалась: «Не люблю я его». Но даже те, кто так относился к нему лично, преклонялись теперь перед ним как организатором-террористом. Террор взлетел на небывалую высоту. Он стал «святая святых» для всей партии, а Азеф — отныне всеми признанным «главой террора», имя которого ставится наравне и даже выше имен крупнейших террористов прошлого — выше имен Желябова, Гершуни. Вокруг него создается настоящая легенда: он человек железной воли, неисчерпаемой инициативы, исключительно смелый организатор-руководитель, исключительно точный, «математический» ум. «Прежде у нас был романтик,— говорил Гоц, сопоставляя Азефа с Гершуни,— теперь у нас реалист. Он не любит говорить, он еле-еле бормочет, но уж он проведет свой план с железной энергией, и ничто его не остановит». Больше других в создании этой легенды участвуют члены Боевой Организации: они увлечены Азефом, идеализируют его и преданы ему. Свою дальнейшую работу они мыслят только под его руководством. Его положение — положение непременного руководителя Боевой Организации — закреплено «всерьез и надолго».

Но у самого «непреклонного террориста», счастливого «организатора победы» в первые дни после нее настроение было далеко не «победным». Плеве был крупной ставкой в его игре. Устранить его он хотел непременно и к этому устранению шел, нередко забывая свою обычную осторожность, отказываясь от своей обычной системы «перестраховок» на все стороны и от всех случайностей. В последнее время он весьма невысоко ставил проницательность своего полицейского начальства, мало с ним считался, мало его опасался. Но теперь, когда Плеве был устранен, когда обеща-

ние, данное им Гоцу, было выполнено, Азефа охватила тревога: не слишком ли он злоупотребил доверчивостью Ратаева? Лучше, чем кто бы то ни было другой, Азеф понимал, как много он оставил уязвимых мест. На *их* месте он сам, конечно, легко разглядел бы свою двойную игру. Не догадается ли департамент, не заподозрит ли он его — таковы были мысли, которые неизбежно должны были первыми прийти в голову Азефа по получении известия об успехе покушения. И эти мысли его испугали.

Известия о результатах покушения Азеф вместе с Ивановской поджидал в Варшаве — так было условлено с остальными членами организации. Вечером накануне покушения они встретились в ресторане и до позднего часа опять и опять перебирали детали хорошо известного плана. Прощупывали, не упустили ли какой-либо мелочи, не оставили ли какого-нибудь уязвимого места. Мысль была устремлена в одну точку. «Что-то ждет нас завтра?» — с тревогой в голосе говорил на прощание Азеф. Наутро встретились вновь, незадолго до того часа, когда по приблизительному расчету должно было прийти известие о покушении, если бы таковое состоялось. Вместе шли по одной из главных улиц города — по Маршалковской. Разговор, конечно, вертелся все вокруг той же темы. Около Венского вокзала откуда-то выскочила и рассыпалась по улице стайка мальчишек-газетчиков со свежими выпусками экстренных телеграмм: покушение на Плеве, в него брошена бомба. Об исходе покушения телеграмма не говорила. «Неужели неудача?» — тревожно бросает Азеф: его все еще беспокоит только эта сторона дела. Через несколько минут новая ватага мальчишек с новыми телеграммами. «Азеф,— вспоминает Ивановская,— рванул дрожащими руками новую телеграмму: «Замордовано Плевего» (убийство Плеве),— громко читал он, и вдруг он осунулся, опустив свои вислые руки вдоль тела.— У меня отнялась поясница,— объяснил он».

Было отчего: в эту минуту, конечно, он забыл обо всем, кроме предстоящих объяснений со своим полицейским начальством. Как-то закончатся они?

По уговору, Азеф вместе с Ивановской должен был ждать в Варшаве приезда Савинкова, принять от него полный отчет и дать указания относительно дальнейшей судьбы отряда. Но в назначенный час на место встречи с Савинковым явилась одна только Ивановская: не предупредив ее, Азеф уже в день покушения покинул Варшаву и с курьерским поездом помчался в Вену. Ему было ясно, что придумать какое-нибудь объяснение для своего внезапного отъезда, ко-

торое удовлетворит товарищей по организации, не представит труда. Заботило его теперь совсем иное: он думал о создании хоть сколько-нибудь достаточного алиби в глазах полиции. Этой цели должна была служить его телеграмма из Вены к Ратаеву, посланная им тотчас же по прибытии туда: совершенно незначительная по содержанию, она должна была документально доказать, что об убийстве Плеве Азеф узнал в Вене и что известие это для него было столь же неожиданным, как и для его адресата, для Ратаева.

Как показало дальнейшее, эта предусмотрительность Азефа была далеко не лишней: в тот момент его судьба действительно висела на волоске.

Убийство Плеве захватило департамент врасплох. Возможность этого убийства там давно предвидели, с нею давно считались. «Время было такое,— объяснял позднее Лопухин,— что не надо было никаких тайных агентов, чтобы понять, что раз существует группа, проповедующая политический террор, Плеве должен стать первой его жертвой». Целый ряд раскрытых подготовлений к этому убийству достаточно убедительно подтверждал правильность подобного «умозрительного» заключения. И все же у руководителей департамента и у самого Плеве прочно держалась уверенность, что удар удастся отвратить. А. Ф. Кони вскоре после взрыва на Измайловском проспекте рассказывал своим знакомым о встрече с Плеве. Они столкнулись незадолго перед тем на утренней прогулке на Аптекарском острове. Плеве гулял один, без всякой охраны, и Кони спросил его, как может он идти на риск подобных прогулок, зная, что революционеры мечтают о покушении на него. Плеве в ответ самодовольно усмехнулся: «Обо всех их планах я буду знать заблаговременно». Он полагал, что не напрасно он в отмену всех правил разрешил Азефу войти в состав боевого центра социалистов-революционеров. С этой стороны он считал себя хорошо охраняемым. Тем неожиданнее был удар, нанесенный Сазоновым. В департаменте растерялись и совершенно терялись в догадках. «Если Азеф ничего не знал,— говорили там,— то дело совсем плохо». Одно время думали даже, что авторами покушения были социалисты-поляки.

Когда пришлось поверить, что бомба брошена членом Боевой Организации, то в департамент для объяснений был вызван Ратаев. Нет никакого сомнения, что перед выездом в Петербург последний повидался с Азефом, но сведениями относительно этого их свидания мы не располагаем: свою «Историю предательства Азефа» Ратаев довел только до момента взрыва бомбы Сазонова. Но со свидетельства Лопу-

хина мы знаем, что говорил ему Ратаев: по рассказам последнего, «Азеф свою неосведомленность в данном случае объяснил тем, что департамент полиции недостаточно, по его словам, осторожно относился к сообщаемым им сведениям, слишком часто пользуясь ими для предупреждения различных замыслов социалистов-революционеров, которые под впечатлением своих обусловленных таким образом неудач стали проявлять исключительную осторожность, пресекшую и для Азефа источник осведомленности как раз в самое тревожное время». Из этого ясно, что в разговорах с Ратаевым Азеф продолжал вести ту самую игру на задетом самолюбии последнего, которую он начал еще в дни ареста группы Клитчоглу, и по-прежнему имел полный успех. Во всяком случае, перед Лопухиным он прикрыл Азефа, а Лопухин поверил его объяснениям или сделал вид, что поверил.

В результате — опасность прошла мимо Азефа. Об его действиях не было произведено никакого расследования, а такое расследование неизбежно привело бы к весьма неприятным для Азефа результатам: теперь мы знаем, что в руках департамента тогда имелось совершенно достаточно данных, сопоставление которых вскрыло бы игру Азефа. Следствие по делу Сазонова установило, что его товарищ по покушению, Сикорский, последние перед покушением дни провел в Вильно. Было известно, далее, что как раз в те же дни жил в Вильно и Азеф: оттуда им был отправлен Ратаеву один из его докладов. Наконец, больной Сазонов (он был тяжело ранен при взрыве бомбы) в бреду назвал ряд имен, и среди них имена Валентина и Тетушки, на свидание с которыми следует спешить. Этот бред был записан агентами департамента и внимательно изучался ими, а среди них были люди, хорошо знавшие, что Валентин — это партийный псевдоним Азефа, под которым он известен широким кругам членов партии («Тетушкой Сазонов называл Ивановскую, и в своем бреду он имел в виду встречи в Вильно). Связать эти разрозненные указания и положить их в основу детального расследования, конечно, не представило бы затруднений для любого следователя средних способностей, если бы только мысль начала работать в этом направлении, если бы существовала хоть тень желания выяснить эту сторону дела.

Но именно этой-то тени желания у департамента и не имелось. Впрочем, все следствие по делу об убийстве Плеве проведено с величайшей небрежностью: при чтении документов о нем временами трудно отделаться от ощущения, что следователи только по обязанности участвовали в поисках виновников, что в душе они сочувствовали совершившемуся

и готовы были присоедиинить свои голоса к хору радующихся. Всеми иенавидимый при жизии Плеве всеми покиаутым сходил в могилу.

Азеф, коиечно, лучше других видел всю опасиость своего положеиия. Он знал и про бред Сазоиова, и про то, что факт пребывания Сикорского в Вильио устаиовлеи. Неумеиие полиции связать все эти нити было для иего, иесомиеино, лучшим подтверждением его общего миеиия об ее руководителях. Теперь он окончательно убедился, что обманывать их не представляет большого труда. Страх прошел. Тем с большею смелостью ои повел дальше свою игру — в том направлении, в котором он вел ее в эти дии подготовки убийства Плеве. Полицейские докумеиты периода после этого убийства склонны считать одним из иаиболее блестящих во всей полицейской деятельиости Азефа. Эта мысль вошла позднее и в известную речь Столыпиииа об Азефе в Государственной думе. «Немедленно после этого [убийства],— говорил тогда Столыпии,— Азеф посылает чрезвычайио важиые и цеиные донесения, которые ведут к раскрытию целого ряда преступиых замыслов». В этой речи вообще миого грубых ошибок — данная принадлежит к числу грубейших. На деле именно в этот период Азеф более смело, вериее, более беззастенчиво, чем когда-либо, использует свое положеиие полицейского агента для прикрытия деятельности Боевой Организации [1].

Члены этой последней вскоре после убийства Плеве собрались в Женеве. Подводили итоги, принимали даиь преклоиеиия за сделанное, готовились к дальиейшему. Здесь впервые им стало в подробиостях известио о треииях в Цеитральиом Комитете — о желании иекоторых члеиов последиего подчииить Боевую Оргаиизацию своему иепосредствеиному

[1] Донесення Азефа за этот пернод опублнковаиы в № 1 «Былого» за 1917 г. В. К. Агафонов («Загранннчная охранка». С. 255) совершеино правнльно отметнл, что однн этн донесения не дают полного представлеиия о выдачах Азефа, так как о многом он сообщал во время личных встреч со своим полнцейским руководителем Л. А. Ратаевым. Но в иашем распоряженин, кроме этих донесений Азефа, нмеется также «Краткнй обзор деятельности заграничной агентуры с 13 сентября 1902 г. по июль 1905 г.», составленный Ратаевым в начале 1906 г., когда он хлопотал об уснленной для себя пенснн. В этом обзоре Ратаев стремится показать свою деятельность с наиболее выгодной стороны и особенно подробно перечнсляет свон сообщення о деятельности боевых групп. Сколько-нибудь существенных пропусков в этом обзоре быть не может, а потому в сопоставленнн с ннм донесения Азефа совершенно достаточны для тех выводов, которые делаются в тексте. За сообщение этого ценного документа, в лнтературе до сих пор неизвестного, автор приносит благодарность С. Г. Сватикову.

и более строгому контролю, об оттенке критического отношения к ее личному составу, в особенности к ее руководителю. Во многом теперь это была уже только история, но история, которая сильно подействовала на настроение «боевиков». У них появились элементы раздражения против Центрального Комитета, против тех, кто, участвуя сам только в «мирной» работе партии, осмеливается критически относиться к ним, на каждом шагу рискующим своею жизнью. Азеф умело использовал благоприятную для него обстановку. Он передавал об отдельных, случайно сорвавшихся замечаниях, о неодобрительных отзывах отдельных лиц — не останавливаясь и перед прямым вымыслом — и тем усиливал, разжигал недовольство. Действовал он очень осторожно. Формально все время как бы стремился смягчить обстановку, уговаривал не придавать большого значения отдельным словам отдельных лиц, но на деле, конечно, своими рассказами постоянно подливал масла в огонь. Своей цели он достиг. Чтобы пресечь самую возможность попыток контроля со стороны Центрального Комитета, Боевая Организация выработала свой устав, который делал ее совершенно независимой от партийных центров. Формально во главе организации был поставлен особый комитет из трех человек: Азеф, Савинков и Швейцер. Но фактически решающая роль была предоставлена «члену-распорядителю», каковым был выбран Азеф. В его же распоряжении находилась и касса Боевой Организации, в которую теперь поступали многочисленные специальные пожертвования, по свидетельству Савинкова (это вообще единственное, что мы знаем о размерах этой кассы), исчислявшиеся многими десятками тысяч. Права контроля над этой кассой Центральный Комитет не имел; комитет Боевой Организации, обладавший этим правом, никогда о реализации его не подумал. Азеф распоряжался ею так, как он хотел. А департамент в это время все еще держал его на «жалких» 500 рублях месячного жалованья и при этом задерживал выдачу денег, причитавшихся Азефу в возмещение расходов по поездкам, произведенным по «служебным делам»!

Это укрепление положения Азефа в Боевой Организации влекло за собою укрепление его положения в Центральном Комитете. В последний он вошел еще в 1903 г. — в качестве преемника Гершуни. Но положение его там было далеко не прочно. Если были люди, сомневавшиеся в его пригодности для руководства Боевой Организацией, то еще большие сомнения существовали по вопросу об его пригодности для поста одного из членов руководящего общеполи-

тического коллектива партии. Азеф не скрывал своего преиебрежительиого отиошения к вопросам теории и программы. Ои подчеркиуто гордился тем, что ие прииадлежит к числу «теоретиков» и третировал разговоры иа эти темы как «пустую болтовию». К социализму ои отиосился по меиьшей мере скептически н ие делал из этого секрета. «Социальиые проблемы ои отодвигал в далекое будущее»,— свидетельствует о ием Чериов. В беседе с Пешехоновым ои высказывался еще откровеииее. «Неужели вы верите в социализм? — удивлеиио спрашивал ои.— Это нужио, коиечио, для молодежи, для рабочих, ио не для иас же с вами...» И ие только по вопросам программы ои держался взглядов, столь мало согласуемых с программой той партии, в Центральиый Комитет которой он входил. «В массы и в массовое движеиие,— пишет о ием Чериов,— как непосредствеииую революциоииую силу ои совершеиио ие верил; едииствеиио реальиой ои признавал в даиный момент борьбу за политическую свободу, а едииствеиным действеииым средством, которым располагает революция,— террор. Казалось ниогда, что к работе пропагаиды, агитации, оргаиизации масс ои отиосится преиебрежительио, как к культурничеству, н «революцией» призиает лишь борьбу с оружием в руках, ведомую иемиогочислеиными кадрами коиспиративиой оргаиизации».

Свидетельства других современииков звучат даже более определеиио. Им ие «кажется» — оии совершеиио точио утверждают, что имеиио в таком духе часто высказывался Азеф. Его иазывалн «либералом с террором», то есть умереиным либералом по взглядам, которого только прииятие террора как метода борьбы против самодержавия привело в ряды партии социалнстов-революцноиеров. Он н сам этого ие отрицал и несколько поздиее прямо говорил, что ои вообще лишь «попутчик» партии, что ои уйдет из иее, как только будет завоеваиа политическая свобода. В этих условиях страиным приходится считать ие то, что существовали люди, которые сомиевались в пригодиости Азефа для роли члеиа Цеитральиого Комитета. Действительио страиной, неиормальиой была вообще возможиость самого появлеиня его в составе этого учреждеиия.

Политический успех дела Плеве вызвал усилеиие террористических иастроеиий в партии. Быстрым скачком выросло «влияиие сторонииков исключительиого значеиия политического террора и преобладающего значеиия Боевой Оргаиизации с ее специфическими чертами заговорщичества»,— говорит об этом времеии С. Н. Слетов. На террор партия возлагала свои осиовиые иадежды. В террор бросала оиа свои

лучшие снлы. Вокруг террора оиа концеитрировала главную агитацию. Это влияло и на очередные лозунги партии, и на направление ее практической деятельности. Массовая работа в нзвестной мере отступала иа задний план. Горячее сочувствие, с которым убийство Плеве было встречено умеренно-либеральными кругами, создавало, казалось, достаточно прочную базу для установления длительного соглашения с ними. И действительно, попытка такого соглашения между социалистами-революциоиерами и либералами вскоре была сделана — иа «конференции представителей оппозициоиных и революцноиных оргаиизаций российского государства», которая состоялась в октябре 1904 г. в Париже. Этот шаг был логическнм выводом из переоценки роли политического террора.

На этой почве в партии нарастали большие конфликты, в которых Азеф играл большую роль. Он говорил мало, но в своих немногословиых репликах яснее других, проще н грубее формулировал точку зреиия заговорщически-террористического крыла. Все другие делали оговорки, вводили ограничительные толкования, связывали иовый курс с общими соцналистическими посылками. Азеф всем этим не иитересовался. «Либерал с террором» по взглядам, он и по существу *хотел*, чтобы его партия стала на позицню приемлющего террор либерализма. И как это всегда бывает, последовательиая четкость позиции придавала особый вес словам Азефа, привлекала к нему большее внимание. На глазах нз техиического руководителя Боевой Организации он перерастал в вождя-практика террористически-заговорщического крыла партни.

Главной опорой Азефа в партии, была, конечио, Боевая Организация. Он понимал это и делал все, чтобы прочнее закрепить свое в ней положение. Ее работе он уделял больше всего вниманoccия, на нее он тратил больше всего старания и сил. И его роль в жизни Боевой Оргаиизации была действительио огромиа. Правда, им ие было обиаружено ни выдающейся инициативы, ни необычайного по своей широте размаха. Легенда о том, что именно он создал те новые методы террористической борьбы, которые Боевая Организация применила в 1904—1906 гг.,— только легеида. В гораздо большей мере, чем Азеф, действительиую иинициативу в деле поисков новых путей проявлял М. Р. Гоц, который тем больше думал над этими вопросами, чем меньше ои сам по болезни мог прииять непосредствениое участие в террористической работе. Обычно именно он подавал новые ндеи, Азеф нх уточнял, разрабатывал и проводил в жизнь. Но начальником генерального штаба Боевой Организацни был

именно Азеф, вся основная штабная работа лежала на нем, равно как и вся основная работа организационного характера. И в этих областях его роль была действительно очень большой, его влияние на жизнь Боевой Организации — определяющим.

Это влияние начиналось с момента подбора членов организации. Прием в нее новых членов производил обычно сам Азеф, который цепко держался за эту свою функцию, особенно вначале. К кандидатам он предъявлял большие требования и отбор среди них производил очень строгий. Очень характерны приемы, к которым он при этом прибегал. Его предшественник на посту руководителя Боевой Организации, Гершуни, встречаясь с новым добровольцем, передавал ему частичку своего собственного увлечения террором. Неправильно было бы думать, что он сознательно стремился «завлекать» молодежь на путь террористической борьбы. Такого грубого утилитаризма в его поведении не было. Но даже независимо от своего желания, своими речами, своей собственной верой, всей сосредоточенной страстностью своей натуры он разжигал во встречных жажду борьбы, пафос самопожертвования. Азеф, наоборот, прежде всего пытался отговорить такого кандидата от этого его намерения, подчеркивал все трудности той работы, которая предстоит террористу, уговаривал идти не в террор, а заняться какой-либо другой формой партийной работы. Даже такие недоброжелательные к Азефу свидетели, как Слетов, говорят, что в подобные моменты Азеф проявлял себя человеком, «вполне по-товарищески относящимся к людям». Иногда Азеф как будто бы даже сознательно стремился оттолкнуть нового кандидата,— и чем больше пафоса этот последний проявлял, чем с большим подъемом он говорил, тем, кажется, меньше было у Азефа желания принять его в Боевую Организацию. Горячим фразам Азеф не верил,— и только тогда, когда испытуемый показывал, что решение пойти в террор им хорошо выношено, что оно им проверено наедине с самим собою, что идет он не под влиянием минуты, не увлеченный красивыми словами,— только тогда перед ним открывались двери организации.

Нет никакого сомнения, это поведение Азефа определялось его общим неверием в людей. Бесспорно также, что большую роль играло и *профессиональное* положение Азефа: он не просто боялся измены — он опасался предательства, которое разоблачит его двойное собственное предательство. Но каковы бы ни были эти мотивы, одно ясно: результаты их с точки зрения интересов Боевой Организа-

ции были положительными. В то время как среди террористов, завербованных Гершуни, имелся целый ряд лиц, не устоявших во время испытаний тюрьмою и страхом предстоящей казни (Григорьев, Юрковская, Качура), Боевая Организация эпохи Азефа не знала предателей — если, конечно, не считать его самого.

К уже принятым членам организации Азеф, как правило, проявлял самое заботливое внимание: расспрашивал о личных нуждах, входя даже в мелочные детали, давал советы, указания. Обо всем помнил, все замечал. Об этом в один голос говорят все, кто имел с ним дело. «Нам всем, то есть всем членам Боевой Организации,— вспоминает один из таковых, В. М. Зензинов,— Азеф казался необычайно внимательным, чутким и даже нежным». Конечно, такое отношение было деланным. Гораздо более естественным Азеф бывал в те минуты, когда он срывался с этого сознательно выбранного тона и, как резюмирует «Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа», «выказывал присущие его натуре жестокость и черствость». Но те, с которыми Азеф имел дела, внимание обращали не на эти последние черты, объясняя их теми или иными случайными причинами, а на обычную заботливую внимательность Азефа и соответственным образом относились к нему. «Странно и даже кощунственно вспомнить,— пишет тот же Зензинов,— но я должен сказать: все работавшие с ним в терроре товарищи не только безмерно уважали, но и горячо его любили!»

Нет никакого сомнения в том, что подобное отношение к членам организации было результатом сознательно продуманной линии: превращая Боевую Организацию в опорный пункт своего влияния, Азеф не мог не стремиться прочнее привязать членов этой организации к себе лично. Так он прочнее держал организацию в своих руках — и он действительно достиг своей цели: «боевики» последними поверили в его измену.

Так строя свои личные отношения с членами организации, Азеф в то же время систематически проводил полное обособление ее от остальных организаций партии. В известных пределах такое обособление вызывалось самим характером деятельности «боевиков». Но Азеф это обособление возвел в принцип, довел его до крайних пределов и к обособлению организационному прибавил элементы обособления психологического. Систематически он воспитывал среди «боевиков» пренебрежительное отношение ко всем другим родам партийной работы, неверие в массы и массовое

движеиие, иидифферeитизм к вопросам теории и программы. Вслед за Азефом оии иачииали все это считать «пустяками», которые ие заслуживают серьезиого виимаиия. Важио, зиачительио только одио: та охота за представителями власти, которую ведут оии, члеиы Боевой Оргаиизации. Надо здесь же подчеркиуть, что далеко ие все члеиы последией поддавались этому влияиию Азефа. Да и ие все оии были в одииаковой степеии важиы для последиего. Те «боевики», которые приходили в оргаиизацию, чтобы прииять иепосредствеииое участие в террористическом акте и отдать при этом свою жизнь, иа *политику* этой оргаиизации влияиия оказывали мало. Важиы были главиым образом «старшие офицеры» оргаиизации, игравшие роль помощииков Азефа в подготовительиой оргаиизациоиио-техиической работе. На иих больше всего виимаиия обращал Азеф, и имеиио оии, в первую очередь среди иих должеи быть изваи Савииков, сильиее других подпадали под его влияиие. Имеиио у иих развивалось то иастроеиие, которое поздиее А. Н. Слетовой-Чериовой было очеиь метко изваио «психологией революциоиивых кавалергардов».

Поздией осеиью 1904 г. Боевая Оргаиизация, сильно пополиеииая в своем составе, стала готовиться к иовому походу.

В Париже состоялись совещаиия руководителей Боевой Оргаиизации с члеиами Цеитральиого Комитета. На этих совещаииях было решеио в первую очередь ударить по вождям придвориой реакциоииой партии, каковыми в то время являлись великие киязья Сергей и Владимир Александровичи — два старших дяди царя, ближайшие и иаиболее влиятельиые его советиики, сопротивлявшиеся всякого рода прогрессивиым реформам. Убийство их, помимо всего прочего, звучало бы как совсем прямое предостережеиие их племяииику-царю. Кроме иих, было поставлеио иа очередь давио уже иамечеииое дело против киевского геиерал-губериатора Клейгельса. Предполагалось, что все эти три удара — в Петербурге, Москве и Киеве — будут иаиесеиы приблизительио в одио и то же время. Это, коиечио, должио было увеличить их резоиаис и зиачеиие.

В соответствии с этим плаиом Боевая Оргаиизация выделила три отдельиых отряда. Во главе петербургского встал М. Швейцер, во главе московского — Савииков, во главе киевского — Боришаиский. Размеры отрядов были различиы: в состав киевского входило всего три человека, в состав московского — четыре. Задачи петербургского отряда были иаиболее сложиы. Кроме осиовиой — убийство

великого князя Владимира,— перед ним были поставлены и некоторые добавочные, тоже нелегкие и значительные: он должен был выяснить возможности устранения также и некоторых других представителей власти — товарища министра внутренних дел Дурново, позднее петербургского генерал-губернатора Трепова, а потому его состав доходил до 15 человек. Недостатка в добровольцах не было: желающих принять участие в работе организации было значительно больше, чем она могла вместить. В изобилии имелись и материальные средства.

Азеф руководил разработкою всех этих планов, подбирал людей, распределял роли. Под его верховным руководством работала лаборатория в Париже, в которой изготовлялся необходимый динамит. Он налаживал переправу последнего в Россию. Он добывал паспорта и снабжал ими выезжавших в Россию «боевиков». Во второй половине ноября 1904 г. основные группы их тронулись в путь. Азеф оставался за границей: он должен был приехать несколько позднее, когда отряды обоснуются на местах, закончат предварительную разведку и вплотную подойдут к решающим действиям. Тогда — по плану — должен был приехать Азеф в качестве, так сказать, верховного ревизора, проанализировать собранный материал, пересмотреть наново и утвердить планы действия. Риск для своего главного руководителя Боевая Организация сознательно стремилась свести к предельному минимуму.

Все это время Азеф, конечно, не забывал и о Ратаеве. В течение второй половины 1904 г. он представил целый ряд докладов, о которых его полицейское начальство даже много позднее вспоминало как об особенно ценных,— и они действительно были такими. Он подробно сообщил о съезде представителей заграничных организаций партии социалистов-революционеров, о международном социалистическом конгрессе в Амстердаме, о переговорах партии социалистов-революционеров с финляндской революционной партией «активистов», о парижской конференции «революционных и оппозиционных партий» и о многом другом.

Но подробность этих отчетов отнюдь не свидетельствовала ни о полноте даваемой Азефом информации, ни о точном ее соответствии действительности. Изучая их теперь, мы легко можем понять и действительные мотивы поведения Азефа, и характерные особенности его метода «работы».

Он сообщает очень подробно и, по-видимому, вполне точно обо всем, что относится к области переговоров социалистов-революционеров с другими партиями. Склонности

щадить секреты этих других партий у него нет и в помине. Но событиям внутренней жизни партии социалистов-революционеров он придает вполне определенное освещение.

Департамент, как это легко понять, больше всего интересовался террористической деятельностью партии. Азефа прямо засыпали вопросами этого рода. На них концентрировалось основное внимание. Не давать никаких данных о терроре Азеф не мог. И он их давал, но давал сознательно ложные, наводящие полицию на ложный след, уводящие ее поиски в сторону от действительной работы Боевой Организации.

Согласно его донесениям, своей ближайшей задачей в области террора партия социалистов-революционеров ставит убийство царя. Это решение якобы принято на съезде заграничных организаций социалистов-революционеров в июле 1904 г., и Азеф несколько раз подчеркивает: «Покушение на его величество готовится,— для меня это не подлежит никакому сомнению». Это была сознательная неправда, так как не только никакого покушения на царя тогда не готовилось, но и вообще вопрос этот серьезно не ставился. «Центр тяжести Боевой Организации,— доносил далее он,— находится в Одессе», то есть городе, к которому эта организация тогда никакого отношения не имела, но в котором жило много стариков — бывших политических ссыльных и каторжан по различным процессам 70—80-х годов. В подавляющем большинстве они теперь примыкали к социалистам-революционерам; многие из них поддерживали ту оппозицию против Азефа, с которой последнему еще совсем недавно пришлось пережить так много неприятных столкновений. Именно этих «стариков» Азеф стремился теперь выдать за членов Центрального Комитета партии и за руководителей Боевой Организации. Поименно из них он называл В. И. Сухомлина, Н. Геккера, Гедеоновского и других — людей, которые тогда в состав Центрального Комитета не входили, а к Боевой Организации вообще никогда отношения не имели.

Наиболее опасными террористами-практиками Азеф выставлял Слетова и М. Селюк — наиболее решительных противников того террористического крыла, вождем которого был Азеф. Их он аттестует как членов Центрального Комитета, посылаемых в Россию «для руководства террористическими предприятиями» и в первую очередь покушением на царя. Все это самым грубым образом расходилось с действительностью: Слетов ехал в Россию после своего выхода из Центрального Комитета не для террора, а

для постановки массовой работы среди крестьянства. Он был противником одностороннего увлечения террором. Азеф это превосходно знал и сознательно давал ложные сведения, чтобы тюремная дверь за Слетовым захлопнулась поплотнее и чтобы он, Азеф, на более долгое время был избавлен от неприятной борьбы с противником его политической линии. Эта цель была достигнута. На основании доносений Азефа Слетов и затем Селюк были арестованы и вышли на свободу только много позднее, уже после октябрьской амнистии 1905 г.

Аналогичным образом Азеф рекомендует полиции и других своих фракционных антагонистов. Их стремится устранить во что бы то ни стало!

Совсем иной характер носят сообщения Азефа, когда речь заходит об его ближайших соратниках — действительных членах Боевой Организации. По его письмам к Ратаеву можно проследить, с каким старанием пытается он отвести подозрения полиции от них всех. Ни одного имени он не называет по доброй воле. В тех случаях, когда ему приходится отвечать на запросы Ратаева, получившего сведения о членах Боевой Организации из какого-нибудь другого источника, Азеф всегда пытается или отрицать свою осведомленность, или отвести подозрение по ложному следу. Только тогда, когда полиция и без того хорошо осведомлена, Азеф подтверждает ее сведения. Именно так он поступает относительно Савинкова: на первые запросы он отвечал уклончиво, и только тогда, когда Ратаев прислал ему карточку Савинкова, Азеф признал, что именно это лицо и является террористом, известным под именем «Павел Иванович». И, во всяком случае, ни одного раза он не дает ни одного указания, которое в той или иной мере могло бы помочь установлению слежки за тем или иным членом Боевой Организации или привести к его аресту.

Таков был общий характер «работы» Азефа для полиции в этот период. Он подробно информировал ее о всевозможных конференциях и совещаниях, которые носили общеполитический характер. Он предавал всех, кто выступал в качестве оппозиции к нему, Азефу, не останавливаясь при этом перед прямыми измышлениями, лишь бы попрочнее засадить в тюрьму таких неудобных для него оппозиционеров. Но он не только не выдавал ничего, что имело прямое или косвенное отношение к руководимой им, Азефом, Боевой Организации,— он, наоборот, делал все, чтобы последнюю охранить. Для этого он постоянно старался осведомляться от Ратаева о том, что полиция узнавала из

других источников,— и, судя по документам, ему удавалось в этом отношении добиваться достаточно многого: Ратаев верил «старому сотруднику», потерять которого он, как он писал Азефу, «боялся больше всего на свете».

При таком заботливом прикрытии тыла переброска отрядов Боевой Организации из Парижа в Россию удалась как нельзя лучше: без единого провала все члены организации добрались до назначенных мест и приступили к подготовительной работе.

Тем временем общие события в России нарастали быстрым темпом. Поражение за поражением следовало на Дальнем Востоке. Росла безработица. В напряженной атмосфере достаточно было искры, чтобы произошел взрыв. За этой искрой остановки не случилось: из-за какой-то мелочи были уволены пять рабочих на одном из заводов Петербурга. В период кризиса, который царил тогда, увольняемых было много тысяч, и ничьего внимания эти увольнения к себе не привлекали. На этот раз случилось иное. В виде протеста против увольнения забастовали сначала их ближайшие товарищи — одна смена соответствующего цеха. Их поддержал весь завод. Весть о стачке перелетала из фабрики на фабрику, с завода на завод. Она так отвечала общему настроению, что, казалось, по собственному почину повсюду тревожно гудели заводские сирены, рабочие останавливали машины и через в необычное время распахнутые заводские ворота черным потоком выливались на улицы рабочих предместий. Через несколько дней стоял весь город, а в ближайшее воскресенье многотысячные толпы, с иконами и царскими портретами, тянулись через городские заставы к Зимнему дворцу, чтобы там «самому царю» вручить покрытую многими десятками тысяч подписей петицию с перечислением своих нужд, с изложением своих требований. Их встретили залпы, унесшие многие сотни человеческих жизней и навсегда разбившие одну большую, старую иллюзию. Наутро в рабочих предместиях уже пели:

Побежденный на Востоке,
Победитель на Руси,—
Будь ты проклят, царь жестокий,
Царь, запятнанный в крови!

И вторя этому настроению, священник Гапон — авантюрист и проходимец, по воле исторической случайности вознесенный в тот день на верхушку народной волны,— провоз-

глашал в своих воззваниях: «У нас нет больше царя».. «Берите бомбы и динамит — все разрешаю!»

Так кончалось Кровавое воскресенье 9 (22) января 1905 г., которое поставило одну из значительнейших вех в истории России последнего столетия.

Все эти события не могли не действовать на членов Боевой Организации как шпоры на горячую лошадь. Общая обстановка нервировала их. Хотелось спешить с выступлением — ведь это выступление так хорошо отвечало бы общей напряженной атмосфере. Все время рождались новые и новые планы. Казалось, что существует возможность убить самого царя. Тем острее находившиеся в России работники Боевой Организации ощущали отсутствие среди них ответственного «члена-распорядителя», который мог бы разрешить сомнения и дать руководящие указания.

К Азефу в Париж летели самые настоятельные призывы немедленно приехать на место действия. Но к этому Азеф менее всего чувствовал себя склонным. Он был уверен, точнее, он вполне определенно *знал*, что второй раз провести ту игру, которую он провел в деле Плеве, ему не удастся. Он знал, что полиция теперь догадается об его предательстве, что его роль будет разоблачена. В неизбежной перспективе вставало не только крушение всех заманчивых житейских планов, которые он так заботливо создавал для будущего,— под угрозу ставилась сама его жизнь. А этот «суровый террорист» и «непреклонный революционер», этот «азартный игрок» человеческими головами, как рисовала, а порой и теперь еще рисует творимая легенда, в глубине души был жалким, физиологическим трусом, влюбленным в маленькие радости жизни и судорожно за них цепляющимся. Поэтому-то одна мысль о предстоящей поездке в Россию приводила его в подлинный трепет, бросала его в состояние настоящей истерики. В одну из таких минут его случайно подсмотрела Ивановская. «По какому-то неотложному делу,— вспоминает она,— я однажды зашла в квартиру жены Азефа. Толкнувшись в первую комнату и не найдя там никого, я заглянула в полуоткрытую дверь второй комнаты, рассчитывая там встретить хозяйку. Мелькнувшая перед глазами картина заставила меня быстро попятиться назад, но и в этот краткий момент память успела зафиксировать слишком многое. На широчайшей кровати, полуодетый, с расстегнутым воротом фуфайки, лежал откуда-то вернувшийся Азеф... Его горой вздувшееся жирное тело тряслось, как зыбкое болото, а потное, дряб-

лое лицо с быстро бегавшими глазами втянулось в плечи и выражало страх избиваемой собаки с вверх поднятыми лапами. Это большое, грузное существо дрожало как осиновый лист (как я узнала это впоследствии) только при мысли о необходимости скорой поездки в Россию». Страх перед этой поездкой доходил до того, что Азеф готов был бросить все и умолял свою жену уехать с ним в Америку.

В таких условиях серьезно думать об его поездке в Россию, конечно, не приходилось. Молодые начальники отправленных в Россию отрядов были предоставлены собственным силам. Все решения им приходилось принимать на свой страх, всю работу проводить самим, без чьих-либо руководящих указаний. Из-за границы приходили одни только известия о необходимости спешить, о политической важности как можно более скорого выступления. И это только увеличивало то нервное напряжение, которое создавалось и общей атмосферой, и обстановкой работы. А если чего этим молодым начальникам отрядов и не хватало, так это как раз спокойной методичности в работе, той холодной уравновешенности, которая дается только в результате большого опыта.

Из большого плана, намеченного за границею, осуществить удалось только одну часть: брошенною И. П. Каляевым бомбою 17 февраля 1905 г. в Москве был убит великий князь Сергей Александрович. От киевского предприятия скоро отказались: преследование провинциального генерал-губернатора, по-видимому, казалось Боришанскому делом слишком второстепенным — таким оно и было в действительности,— и он поспешил переехать в Петербург, чтобы принять участие в работах здешнего отряда. Именно здесь Боевая Организация должна была нанести теперь свой главный удар. Он был намечен на 1 (14) марта 1905 г. В этот день все виднейшие представители власти должны были собраться в Петропавловский собор ко гробу убитого за 34 года перед тем императора Александра II для очередной панихиды. Боевая Организация предполагала запереть все пути к собору и в четырех из гостей должны были быть брошены бомбы: в великого князя Владимира Александровича, в петербургского генерал-губернатора Трепова, в министра внутренних дел Булыгина и в его товарища П. Н. Дурново. Это был бы действительно небывалый по силе удар: Боевая Организация собиралась справить достойные поминки по тем, кто за 34 года перед тем отдал свои жизни в борьбе против Александра II.

Всею работой по его подготовке руководил М. И. Швейцер — едва ли не иаиболее талаитливый и симпатичиый из всех молодых террористов. Истиииый демократ и социалист по настроеииям, он прииадлежал к числу тех иемиогих террористов, которые совершеино не поддавались на все попытки Азефа пропитать их преиебрежительным отиошеиием к массам. Он интересовался европейским социалистическим движеиием и виимательио следил за его успехами.

Durch die Gassen
Zu den Massen
(Переулочками к массам) —

эти слова венской рабочей песеики он любил мурлыкать себе под нос за опасной работой в лаборатории. И оии весьма характерны для его настроений: в своем сознании через «переулочек» террора ои шел к широкому, массовому социалистическому движению будущего.

Молодой, красивый, на редкость смелый и бесстрашный, он был богат иииципативой, крепок и выиослив, и если чем грешил, так это только молодой самонадеянностью. На этот раз ои ие рассчитал своих сил и взял на свои плечи явио иепосильиую ношу: ту работу, которую осторожный Азеф в период дела Плеве распределил между тремя, Швейцер теперь, в несравиеиио более сложиом предприятии, выполнял один. Он ие только нес на себе всю основную работу главиого оргаиизатора, не только иепосредственно сам сносился со всеми членами непомерно разросшегося отряда, он оставил за собою и функции техника при сиаряжении бомб. Это была в высшей степеии опасная работа, так как малейшая невиимательиость, самая иезначительиая оплошность или небрежность могли повести к взрыву и, следовательио, гибели лица, занятого этой работой. Швейцер не хотел подводить под этот риск никого другого. Химик по специальности, он считал, что меиьше других рискует при выполнении этой операции. У него действительно был большой опыт в таких делах. Находчивость и никогда его не оставлявшее хладиокровие до сих пор всегда помогали с честью выходить из весьма опасиых положений. Теперь случилось иное. Он явно переутомил себя напряженной работой. 10 марта вечером он в последний раз встретился с ближайшими товарищами по руководству делом — с Ивановской и Н. С. Тютчевым, членом Центрального Комитета. Впервые за все время оии почувствовали какой-то намек на колебания в его голосе, какую-

то тень усталости в движениях. Эта усталость погубила его. Ночью на 11 марта в своем номере гостиницы он снаряжал бомбы, которые назавтра должен был раздать членам отряда. Какое-то неверное движение вызвало взрыв. Швейцер был разорван на куски...

Его смерть внесла естественное расстройство в работу отряда. В довершение всего на его след напала полиция: близко к отряду удалось подойти провокатору, который указал полиции на некоторых из его участников. Это была нить, по которой был прослежен весь отряд. Члены его чувствовали, что вокруг них опускаются сети. Осторожность требовала сняться с мест, скрыться, чтобы затем, осмотревшись и реорганизовавшись, вернуться вновь к работе. Но было жалко бросать то, на что потрачено так много сил. Покушение 14 марта, конечно, не могло состояться, но частное выступление против Трепова и Булыгина казалось возможным провести. К тому же со дня на день ждали возвращения из-за границы Савинкова, который туда уехал по окончании московского дела. Была надежда, что с ним приедет и Азеф. А бегство отряда могло поставить их в очень тяжелое положение, так как они остались бы без явок и связей. Решено было ждать их приезда и уже только затем приступить к нужной реорганизации. Это было ошибкой. Ни Савинков, ни тем более Азеф в путь не трогались: Азеф тормозил этот отъезд. А между тем полицейские сети сомкнулись: 29—30 марта в Петербурге были произведены аресты всех оставшихся членов отряда. Только одной Д. В. Бриллиант удалось ускользнуть. При обысках был взят динамит. Полиция торжествовала. Со слов ее руководителей, «Новое время» — влиятельная реакционная газета в Петербурге говорила об этих арестах как о «Мукдене русской революции». Еще раз жестоко «побежденный на Востоке» абсолютизм наивно думал, что он спасает себя этой маленькой «победой на Руси».

Глава VIII
ДВА ПРЕДАТЕЛЯ

Но если не для революции вообще, то для Боевой Организации партии социалистов-революционеров аресты 29—30 марта действительно явились тяжелым, непоправимым разгромом — настоящим «Мукденом» ее главной армии: большой поход, организованный ею с таким колоссальным напряжением всех сил, поход, на котором она и политиче-

ски сконцентрировала свои основные надежды, закончился полным поражением. Это был не только материальный, не только организационный удар. Это был удар политический. «Впоследствии Боевая Организация,— рассказывает летописец последней, Савинков,— никогда уже не достигала такой силы и такого значения, каким она пользовалась» в период между убийством Плеве и петербургскими арестами. Важна была не столько гибель всего старого личного состава организации, который уже побывал под огнем и имел известный навык в боевой работе. Гораздо большее значение имел тот факт, что Боевая Организация в результате этих арестов оказалась отсутствующей на арене политической борьбы в момент, когда ее присутствие там с точки зрения ее идеологов должно было казаться наиболее необходимым.

В дни упоения успехом в деле Плеве сложилась концепция о ведущей роли Боевой Организации: она, с ее террором должна была идти впереди всего революционного движения в стране, концентрируя на себе общее внимание, привлекая общие симпатии. Массовое движение мыслилось как фон, на котором развертывается героическая борьба одиночек из Боевой Организации. К выступлениям этой последней должны приурочиваться всевозможные массовые демонстрации и политические заявления. Эта концепция вождей Боевой Организации пользовалась большим влиянием не только внутри партии социалистов-революционеров. К ней склонны были тяготеть многие представители и других политических группировок. Вопрос о политических демонстрациях, развертываемых вокруг террористических актов, был одним из главных пунктов конкретной программы политического действия, намеченной на упомянутой выше парижской конференции представителей оппозиционных и революционных партий в октябре 1904 г. Даже наиболее осторожные участники последней — представители русских либералов и польских национал-демократов — соглашались приурочивать организуемые ими кампании (подача петиций, выступления на земских собраниях и т. д.) к моментам совершения террористических покушений. Обстановка, которая существовала в России в дни Плеве, создала иллюзию реальности подобного рода концепций: этот удар действительно был нанесен одиночкою в момент, когда страна молчала.

И вот теперь положение в корне менялось. Массовое движение развернулось с небывалою силой. Волна стачек, демонстраций, крестьянских волнений, различных восстаний — короче: волна массового движения во всех его фор-

мах — шла, прогресснвно нарастая. Оружне же центрального террора отказалось служить. В наиболее нужный момент героическая одиночка, которая должна была вести за собою массы, сама оказалась в нетях...

Это было похоронами тех заговорщически-террорнстнческих иллюзий, которые ярким пламенем вспыхнули в днн Плеве. Геронческий период Боевой Органнзацнн кончался. Начннались ее будни.

Известня о событнях в Петербурге, конечно, не могли не произвестн огромного впечатления на находнвшнхся в это время за граннцей членов руководящего коллектнва Боевой Организации — на Азефа и Савинкова. Уже после телеграммы о гибели Швейцера было ясно, что нм необходнмо спешить в Петербург: среди оставшихся там членов отряда не было людей, достаточно квалнфицированных для самостоятельного ведения столь сложного предприятия. По рассказу Савинкова, он тогда же предложил Азефу немедленно вместе выехать в Петербург. После сказанного выше о тогдашних настроениях Азефа ясно, что Азефу эта поездка менее всего могла казаться заманчивой. Не отказываясь прямо — такой отказ теперь дискредитировал бы его,— Азеф стал затягнвать свой отъезд, ссылаясь на необходимость предварительно урегулировать лежавшие на нем общепартийные обязанности: это была его обычная снстема отговорок. Савинков мог поехать один, тем более что это было нм обещано петербуржцам н они его там ждали. Но он решил дожидаться Азефа, хотя ему не могло не быть ясно, что в создавшейся обстановке дорог каждый день, быть может, даже каждый час. И действнтельно, умелый руководнтель еще мог бы многое спасти: документы показывают, что большннство членов отряда было прослежено полнцией уже после гибелн Швейцера... Но такой руководитель нз-за границы не прнехал. Петербургскнй отряд фактнчески был брошен на пронзвол судьбы — н вскоре Азеф с Савинковым имелн возможность читать обшнрные телеграммы нностранных газет с подробными отчетамн о петербургских арестах.

Ехать в Петербург теперь уже не было необходимости: спасать было некого. Боевая Организация фактнчески на время перестала существовать, ее нужно было стронть наново.

Точных сведений о причннах петербургскнх арестов не имелось. В нх обстановке был целый ряд подозрнтельных моментов, но собрать сведения о ннх н пронзвести нужные сопоставлення удалось только значнтельно позднее. О том, что вннoвником арестов является предатель, вначале не подозревалн. А между тем такой предатель существовал.

Им был Ник. Юр. Татаров. Он был не новичком в революционном движении: впервые он понес кару еще в 1892 г. за участие в одной студенческой истории. Позднее он был три раза арестован по различным политическим делам и в конце 1901 г. выслан в Восточную Сибирь. Ссылку он отбывал в Иркутске — столице Восточной Сибири, и здесь близко сошелся с рядом старых ссыльных, бывших деятелей партии «Народной воли». Под их влиянием он примкнул к молодой партии социалистов-революционеров и быстро занял видное место в сибирских организациях последней. Им была организована иркутская тайная типография этой партии, в которой было напечатано несколько брошюр и прокламаций. Типография эта осталась нераскрытой полицией, и рассказы о ней немало способствовали закреплению репутации Татарова как опытного конспиратора и убежденного революционера.

Это последнее далеко не соответствовало действительности. Позер и любитель хорошо пожить, в революционное движение Татаров пошел только потому, что это давало возможность играть видную роль в той студенческой среде, в которой он вращался Ни глубоких убеждений, ни стойкости у него не имелось

Пребывание в ссылке «излечило» его от увлечения революцией, а родственные связи и знакомства позволили ему нащупать пути к заманчивой карьере, которая обещала дать много денег и возможностей хорошо пожить. Его отец был протоиереем кафедрального собора в Варшаве и имел обширные связи среди высших чинов администрации и полиции. Он был знаком и с графом Кутайсовым — генерал-губернатором Восточной Сибири, который в прежние годы служил в Варшаве в качестве начальника варшавского жандармского округа. Один из сыновей Кутайсова был сверстником и едва ли не школьным товарищем Татарова-сына. В Иркутске знакомство было восстановлено, и политический ссыльный, организатор революционной типографии, бывал в гостях в доме генерал-губернатора. Старик Кутайсов вспомнил о своей былой жандармской практике и соблазнил Татарова заманчивой карьерой провокатора. Он же служил и посредником на первых стадиях переговоров Татарова с департаментом полиции. Последний с радостью ухватился за предложение: время было тревожное, центральной агентуры среди социалистов-революционеров департамент не имел, кроме Азефа, который жил за границей и сведения которого далеко не удовлетворяли департамент. Новый агент, имеющий обширные связи в центрах

партни, был как иельзя более желателеи для департамента. 27 января 1905 г. департамеит по телеграфу дал разрешение Татарову иа выезд в Петербург: официальиым предлогом досрочиого освобождеиия из ссылки была болезиь старика отца; разрешеине иа заезд в Петербург было мотивнроваио семейнымн обстоятельствами. 9 февраля Татаров выехал из Иркутска и около 20-го прибыл в Петербург.

Здесь ои иашел целый ряд своих зиакомых по иркутской оргаиизации социалистов-революциоиеров, заиимавших видиые посты в партии социалнстов-революциоиеров: Фридеисона, Тютчева и др. Как хорошо нзвестиого им партийного товарища, оин осведомилн Татарова о партийиых иовостях. Из этнх рассказов ему стало известио, что в Петербурге находится отряд членов Боевой Оргаиизации и что в его состав входит, между прочими, Иваиовская, которую Татаров знал по Снбнри. Последияя жила иелегально, ио кто-то был так неосторожеи, что сообщнл Татарову и ее адрес. Это была исходиая точка, опираясь иа которую полиция иачала свое иаблюдение.

Во время арестов 29—30 марта Тютчева не тронулн, дав ему возможиость скрыться: как вндио нз докумеитов департамента, сделаио это было «в видах охраиеиня агентурного нсточнника», то есть для того, чтобы Татаров н в будущем имел возможиость нспользовать свои хорошне отиошеиия с Тютчевым в целях получения нужиой ниформацнн. Этот расчет был правилен: Тютчев помог Татарову стать сиачала разъездным агентом Цеитральиого Комнтета, а затем н члеиом последиего. Правда, степеиь доверня к иему была совершеиио ииой, чем к Азефу; в частиости, к делам Боевой Организацни его совершенио ие подпускали. Но, во всяком случае, возможиость узиавать очень многое Татаров приобрел. Отныие внутри Цеитральиого Комитета полнция имела уже ие одного, как было раиьше, а двух агентов. Моиополнн Азефа в деле осведомления департамеита о внутреиней жизин цеитров партии социалистов-революцноиеров пришел конец.

Трудно сказать, когда именно Азеф узиал об этой перемеие в своем положеини. Вериее всего, что первые подозрення у иего возинкли уже после петербургскнх арестов 29—30 марта. Ему самому слншком часто приходилось вместе с Зубатовым и Ратаевым разрабатывать такие плаиы арестов, при которых действительиый предатель оставался в теии, чтобы ои ие мог не поиять общего зиачеиия того ребуса, который представляла картниа петербургскнх арестов. Кроме того, кое о чем ои должеи был догадываться

по тем запросам, которые приходнлн из департамента и стаиовились ему нзвестиымн от Ратаева. Но, с другой стороны, все эти нсточиикн показывалн, что ннформацня, которою располагал департамеит, не отлнчалась в отношенин Боевой Оргаинзации ии точностью, нн полнотою. Татаров сам многого не зиал, путался в своих догадках и путал департамент. Так, в первых сообщеннях об арестах говорилось, что в числе арестованиых иаходится Савинков, н департамент долго держался за это предположение, путая Монсеенко с Савииковым. Далее, департаменту так и ие удалось раскрыть иастоящее имя Швейцера. По-прежиему совершенио не разъясненииыми для департамента оставались дела об убнйствах Плеве и великого киязя Сергея. Все это свндетельствовало, что нсточннк иинформацнн, которою располагал департамеит, сам о многом не был осведомлен, а следовательно, не прниадлежал к числу цеитральных деятелей партни и, во всяком случае, ие прннадлежал к Боевой Оргаинзации. Вернее всего, что нменно таков был вывод, который делал Азеф в течение первых месяцев после петербургских арестов. В полном соответствии с этим стояло н его поведеиие: он заметно увеличнл свою осторожность в доиесениях Ратаеву, стал еще более подозрителен прн прнеме новых членов, ио общей лиииии своего поведения все еще не менял.

В партнйных кругах тем временем создалась совершенно новая обстановка. Влняние чнсто террористического крыла под влнянием роста массового двнжения в стране становилось все меньшнм. Велась работа по доставке в Россню огромных партий оружня н по подготовке на лето массовых крестьянскнх восстаннй. Азеф был решнтельным противииком этнх планов и «презрнтельно пофыркивал» — как выражается один мемуарнст,— когда в его прнсутствии заходнла речь о массовом двнжеинн. По его миеиию, самым целесообразным было все нмеющнеся у партии средства иаправнть главным образом на развнтие центрального террора. Но ореол последиего теперь был уже далеко не тот, что в первые месяцы после убнйства Плеве. В выдаче средств для Боевой Органнзацнн Центральный Комнтет, коиечно, не отказывал, но ассигновки эти далеко ие соответствовали аппетнтам Азефа. Тем более неотложным казалось дело фактнческого восстаиовлеиия Боевой Оргаиизации, за которое н взялись Азеф с Савииковым.

Эта задача оказалась теперь много более сложной, чем можно было думать. Все наиболее актнвиые люди теперь рвалнсь на массовую работу, а потому, несмотря на

общий революционный подъем, Боевая Организация — небывалая в ее истории вещь — испытывала недостаток в добровольцах, желавших войти в ее состав. Наличных сил было так мало, что о постановке большого террористического предприятия не приходилось и думать. После совещаний был намечен следующий план работы: Савинков с наличными силами Боевой Организации выехал вперед в Киев для организации покушения на Клейгельса. Это дело продолжали считать относительно легким, а успешное проведение его — полагали — явится доказательством того, что петербургские аресты не уничтожили Боевую Организацию. Азеф же должен был выехать несколько позднее в объезд по России со специальною целью вербовки новых кандидатов для Боевой Организации.

Нетрудно понять, что и теперь в Россию он ехал не с легким сердцем. Но риск такой поездки для него теперь был много меньшим, чем в дни «большого похода» Боевой Организации, так как больших террористических предприятий теперь на очереди не стояло. Восстановить же Боевую Организацию — навербовать для нее новые силы,— можно было только в России. Именно поэтому Азеф теперь пошел на риск поездки.

Эту поездку Азеф, конечно, подготовил и со стороны своего полицейского начальства. Недовольный ростом влияния в партии сторонников ориентации на массовые восстания, он принимал против них свои специфические меры; его письма к Ратаеву от этих месяцев полны доносов именно на них. Некоторых из них, например М. А. Веденяпина, В. П. Троицкого и других, он выдает за террористов, которые едут в Россию для организации террористических предприятий. Внимание полиции он все время направляет по этому руслу. Этими же сообщениями он доказывает и необходимость своей поездки в Россию, на которую Ратаев, хотя и с большой неохотой, в конце концов дал согласие.

Несмотря на все старания Савинкова, покушение на Клейгельса и на этот раз не удалось: исполнители, привлеченные для этого дела, в последнюю минуту заколебались и не выполнили взятых на себя обязательств. Их пришлось устранить из состава Боевой Организации. Но зато поездка Азефа дала хорошие результаты. Добровольцев, предложивших себя на роль непосредственных исполнителей и вполне удовлетворявших строгим требованиям Азефа, нашлось пять. Имелось достаточно людей и для всех остальных функций. С такими силами можно было браться и за предприятия центрального значения. Общее совеща-

ние всех членов Боевой Организации вместе с Азефом и Савинковым было назначено в Нижнем, на начало августа. Уже вполне конкретно очерчивалась и программа ближайшей деятельности: на первую очередь должно было быть поставлено покушение против Трепова.

Обстановка, казалось, складывалась очень благоприятно, но не только довести до конца, даже начать это дело Боевой Организации не удалось. Съехавшиеся участники совещания поджидали приезда еще одного кандидата в работники Боевой Организации,— А. В. Якимовой. Видный деятель партии «Народной воли» 1879—1881 гг., хозяйка той «сырной лавки на Садовой», из которой был проведен подкоп под улицу для взрыва во время ожидавшегося проезда царя,— она отбыла 20-летнюю каторгу и теперь бежала из Сибири для того, чтобы вновь занять место в рядах террористической организации. Она несколько запоздала, и Азеф выехал по общепартийным делам в Москву. Первые слова, с которыми он обратился к Савинкову по возвращении, были:

— За нами следят!

Из его рассказа Савинков узнал, что в Москве Азеф встретился с Якимовой и после этого заметил за собой филеров. Для Азефа было несомненно, что за Якимовой следили и что теперь слежка завезена в Нижний, а потому он настаивал на необходимости немедленно покинуть этот город. Савинков и другие члены организации вначале сомневались в правильности опасений Азефа, но через день-два и для них стало ясным, что полицейская слежка за ними действительно ведется. Тогда по разработанному Азефом плану все участники нижегородского съезда разъехались разными путями. Встреча была назначена в Петербурге. Все обошлось благополучно, никто не был арестован, только Якимова недели через три была взята с поезда во Владимире.

На основании материалов, ставших известными позднее, закулисная сторона этой нижегородской эпопеи представляется в следующем виде: незадолго до своей поездки в Нижний Якимова виделась в Минске с Татаровым, которому, как члену Центрального Комитета, она сообщила, что вскоре поедет в Нижний на совещание членов Боевой Организации и увидится там с руководителями последней — Валентином (Азефом) и Павлом Ивановичем (Савинковым). Об этом Татаров немедленно же сообщил своему полицейскому руководителю, и с этого момента за Якимовой началась настоящая гонка: к ней были приставлены лучшие филеры из департамента, которые ни на минуту не упускали ее из

виду. Все встречи ее регистрировались. Несомненно, что именно этих филеров заметил Азеф во время свидания с Якимовой в Москве; несомненно также, что их привезла за собою Якимова и в Нижний.

Все это создавало для Азефа совершенно новую обстановку: достаточно опытный в деле полицейского сыска, по поведению филеров он не мог не понять, что слежка носит неслучайный характер. Вполне возможно, что он даже узнал некоторых из них и установил, что имеет дело с филерами не местными, а от департамента (с ними ему за годы своей деятельности сталкиваться приходилось довольно часто, и при его памяти на лица он не мог не знать многих из них). Если так, то ему должно было стать ясным, что слежка является результатом провокации, и притом провокации центральной, которая осведомлена о задачах поездки Якимовой. В этих условиях перед Азефом неизбежно должна была встать двойная задача: все предыдущее поведение обязывало его к заботе о сохранении с таким трудом сколоченного нового остова Боевой Организации,— и наряду с этим он должен был отвести подозрения полиции от себя лично. Тот факт, что он не сообщил своевременно о предстоящем съезде боевиков, ставил его самого под опасность разоблачения полицией его двойной игры. И он торопится принять участие в выдаче полиции нижегородского съезда, сообщает одновременно о подготовлявшемся в Нижнем покушении на местного губернатора, но делает все это таким образом, чтобы иметь возможность другой рукой спасти весь личный состав Организации. Гибнет только одна Якимова, относительно которой Азефу ясно, что она уже раньше предана кем-то другим, и которая в глазах Азефа поэтому стала со всех точек зрения опасной. Вся игра разыграна Азефом с большой тонкостью и предусмотрительностью. Он имел полное основание полагать, что теперь и «волки» будут сыты, и «овцы» останутся целыми, и его фонды поднимутся в обоих лагерях. Не его вина, если на деле вышло совсем иное и он сам оказался поставленным под удар с обеих сторон.

В департаменте полиции за последние перед тем месяцы произошла настоящая революция в области личного состава. Лопухин, который в течение почти трех лет занимал пост директора департамента вышел в отставку. Он не мог не уйти. Трепов — генерал-губернатор Петербурга и любимец царя — после получения телеграммы из Москвы об убийстве великого князя Сергея заявился в департамент, молча прошел в кабинет Лопухина и, бросив всего только одно

слово: «Убийца!», ушел, с шумом захлопиув за собой дверь. Лопухнн пытался реабнлитнровать себя и лично отправнлся в Москву для производства расследоваиия. Он хотел иайтн иаличне небрежиости в деятельиости московского охраниого отделення, которое якобы имело даииые о подготовке покушеиия на Сергея, но не использовало нх н к тому же скрыло от департамеита. Это было ошибкой: иа самом деле след, который был в распоряжеиии московского охраииого отделеиия, вел не к той группе, которая совершнла убнйство Сергея, а к покушенню, которое одио время готовнлось местиым Московскнм комитетом социалистов-революциоиеров (группа А. Р. Гоца, Виоровского и др.), но было отмеиено по требованию Савинкова. Никаких следов, ведущих к группе Савиикова — Каляева московское охраииое отделеиие в действительности ие имело. Во всяком случае, Лопухину поездка в Москву не помогла. Во время одиого из ближайших докладов миинстра внутреииих дел царь выразил свое иеудовольствне работой департамента полнцнн, и Лопухиину осталось только покинуть свой пост. В начале марта ои вышел в отставку,— н, быть может, наиболее обидиым для него было то обстоятельство, что на смеиу ему шел его злейшнй враг Петр Иванович Рачковский.

Начало полицейской карьеры последнего, говоря высоким стилем, теряется во мраке исторни. Не обладая иикаким образованнем, он еще с коица 60-х годов начал службу в качестве мелкого чииовника различных губериаторских канцелярий — в Киеве, Одессе, Варшаве н т. д. Есть указання, что он и тогда уже промышлял по мелочам в областн полицейского сыска. Официально иа этот путь он вступнл в 1879 г., когда стал секретиым агентом зиамеинтого в те времена III отделення собственной его нмператорского велнчества каицелярин. Вскоре он был разоблачеи революционерами н открыто перешел на полицейскую службу, явнвшись одним нз пионеров насаждения в России снстемы провокацнн. Быстро выдвииувшийся, ои с 1884 г. заиимал пост руководнтеля русской полицнн за граинцей. На нем он развнл весьма эиергичную деятельиость, заводя целый ряд своих агентов средн эмиграцнн. Простой сыск его ие удовлетворял, он стремился оказывать влнянне н на общую полнтнку. По своему положеиию он смог завестн блнзкие связн с руководнтелями французской полиции, а через ннх с рядом вндиейшнх представителей прессы н полнтнческнх деятелей Францнн, стремнвшнхся тогда к заключению союза с Россией. Путем нгры на бирже ои создал себе солидиое состоянне, которое дало ему возможность вестн шнрокнй

образ жизни. Это, коиечно, содействовало укреплению его связей. Он был хорошо зиаком с Флураисом, Коистаном, Делькассэ, даже с самим президентом Лубэ. С Делькассэ он снимался на одной карточке. Одновремеио он завел личиые связи и со многими крупными мира сего в России: им ои помогал в игре иа парижской бирже, от них узнавал полезные новости, их использовал для влияния на политику. Особеиио сблизился ои с генералом Гессе — дворцовым комеидантом, человеком, весьма близким к царю, и через иего втянулся в самую гущу придвориых интриг. В деле подготовки франко-русского союза Рачковский, несомненно, сыграл заметиую роль.

Ои процветал, но жизненный путь его был далек от безупречиости. Его фииаисовые операции часто переходили грань уголовио иаказуемого. В деле полицейского сыска ои с самого начала усвоил новейшую «французскую» систему провокации, которая ие остаиавливалась перед бросанием бомб и подкладыванием адских машин, когда это казалось полезиым в интересах запугивания среднего обывателя и создания таким путем необходимого «общественного мнения». На его деиьги и по подстрекательству его агентов были изготовлены «русские бомбы», обиаруженные в Париже в 1890 г. Его агент Яголковский подстроил ряд «анархистских» покушений в Бельгии, в том числе взрыв собора в Льеже. Эти факты не представляют исключения, и указанные агеиты во всех этих случаях действовали по ииструкциям Рачковского и при его содействии избежали иаказаний.

Это все было еще полбедою: русское правительство на все смотрело сквозь пальцы, а за особо удачные провокаторские проделки даже сами цари — Алексаидр III и Николай II — посылали Рачковскому свое «моиаршье спасибо». Хуже было то, что Рачковский в своем сыскном усердии зарывался и временами затрагивал вопросы, иепосредственио отиосившиеся к виутреиией жизни царской семьи. Так, еще в середине 80-х годов ои удостоил своим виимаиием личиую жизнь поселившейся во Франции вдовы Александра II, княгиии Юрьевской, и писал грязнейшие доиосы как про нее, так и про ее детей. Это взорвало Алексаидра III: какиикак речь шла об его единокровных братьях и сестрах, формальио призианных его отцом. Рачковский получил жесточайший нагоияй и при жизни Алексаидра III не рисковал больше соваться в эту область. При Николае II, которому он был личио представлеи и который к иему очень благоволил, Рачковский виовь осмелел и рискнул вмешаться в дворцовые интриги, дав очень нелестный отзыв об известном

авантюристе-«магнетизере» Филипсе, который был приглашеи к царскому двору для того, чтобы заглянуть в будущее и предсказать время появления давно желанного наследника престола. На этом Рачковскнй сломал себе шею. Плеве давно его недолюблнвал и теперь воспользовался случаем, чтобы его окончательио похороиить. Лопухиным были собраны точные данные о всех подвигах Рачковского, Плеве лично составил доклад царю (Рачковский был в это время иастолько влиятелен, что вопрос о нем не мог быть решеи без резолюции царя), н согласие на устранеиие было получено. Лопухнн и еще раз прнложил к этому свою руку, так средактировав нзвещеиие об увольиеиии, чтобы оио звучало по возможиостн более оскорбительно, н так переслав его, чтобы с содержанием его ознакомился возможно более широкий круг лиц из чиновиого мнра. Этой обнды Рачковский Лопухнну не простнл. Теперь прнходнло время ему брать реванш.

Назначенный петербургским генерал-губернатором н снабжениый диктаторскнми полиомочиями Трепов с первого момеита своего прибытня в Петербург стал искать человека, которому он смог бы вручить верховное руководство полицней. Выбор его пал на Рачковского. Департамент полнции и Мнннстерство внутренних дел пытались оказать противодействие. Дурново— товарнщ мнннстра виутренних дел, заведовавшнй в это время полнцией,— с помощью Лопухина нзвлек из архива и вновь представил царю старый доклад Плеве о Рачковском, иа котором «собственною его величества рукою» была иачертана резкая резолюция о Рачковском. Ничто не помогло. Трепов победил, и 18 февраля 1905 г., то есть на следующий деиь после убнйства Сергея, Рачковскнй был иазиачен чнновинком особых поручеиий при Министерстве внутреиних дел с возложением на него особой миссин по верховному руководству деятельиостью петербургского охранного отделення. Он взял в свои руки центральиую секретиую агентуру по партни социалистов-революциоиеров н лично сноснлся с Татаровым, руководя всеми арестамн, производимымн по сообщеииям последнего. В июле Трепов получил повышенне — был назначен товарнщем миииистра внутренних дел. Рачковского он продвинул за собою: 9 августа последовало секретное (то есть оставленное без офицнального распубликования) распоряжение о назначенин Рачковского вице-директором департамента полнцни с возложением на него функцни руководства всею политическою частью работ департамента. Звезда Рачковского взошла на небывалую высоту, н он первым

делом начал сводить счеты со всеми теми служащими департамента, которые были ставленниками Лопухина и Зубатова,— главных виновников того позора и поношения, которое они навлекли на голову Рачковского. Понижения, перемещения и отставки следовали одна за другой. Одной из первых жертв пал Ратаев — преемник Рачковского на посту руководителя политическим сыском за границей. Рачковский немедленно после своего вступления в новую должность вызвал Ратаева в Петербург, потребовал сдачи имеющейся у него агентуры и совершенно недвусмысленно указал, что в услугах его больше не нуждается.

Это был чувствительный удар и по Азефу. Ратаеву, конечно, ничего не оставалось, как подчиниться. Он вызвал Азефа, только что покинувшего Нижний Новгород, в Петербург, и здесь 21 августа передал его Рачковскому. Это была их первая встреча [1]. На положении Азефа она отразилась самым тяжелым образом: отныне он принужден иметь дело не с Ратаевым, которого он знал в течение ряда лет и все слабые стороны которого он успел изучить, а с человеком, совсем для него новым и к тому же значительно более опытным в деле полицейского сыска, значительно более искушенным в области распознавания людей. Положение осложнялось и тем, что у Рачковского имелось много больше, чем у Ратаева, возможностей контроля сообщений Азефа: к нему поступали все сводки по наружному

[1] В литературе широко распространены утверждения о тесной связи, существовавшей между Рачковским и Азефом в более ранние периоды полицейской службы этого последнего. На этом основании построены все догадки о роли Рачковского в убийстве Плеве и в других террористических актах Боевой Организации, совершенных под руководством Азефа. Все эти утверждения не находят никакого подтверждения ни в свидетельствах осведомленных лиц, ни в документах. И сам Азеф (в беседах с Бурцевым после своего разоблачения), и Рачковский с Ратаевым — то есть все те лица, которые наиболее близко осведомлены о деле,— категорически отрицали существование между ними сношений. Единственный свидетель, утверждающий факт таких сношений,— Лопухин, в рассказах которого вообще имеется немало ошибок памяти. Совершенно определенно можно утверждать, что именно такой ошибкой памяти и вызван рассказ Лопухина о пересылке им через Рачковского 500 рублей Азефу для внесения в кассу Боевой Организации: из документов видно, что всю переписку об этих деньгах Азеф вел непосредственно с департаментом в лице Ратаева, и деньги ему департаментом высланы 23 июня 1902 г. тем же самым способом, каким ему высылались все остальные суммы. Документы свидетельствуют, что в тот период Рачковский вообще не догадывался о действительной роли Азефа и в своих докладах от весны и лета 1902 г. писал о нем как об активном социалисте-революционере.

наблюдению, в которых регистрировались все встречи Азефа, свидетельствовавшие, что последний стоял в самом центре партии. Далее, о роли Азефа Рачковскому теперь сообщал и Татаров, который хотя и далеко не во все был посвящен, но все же знал уже очень многое из внутрипартийных дел. Азеф почувствовал это изменение своего положения. Он понял, что теперь он *должен* выдавать — и выдавать очень многое,— чтобы самому не быть проваленным перед полицией. На этот путь он и встал.

21 августа 1905 г. было важной датой в его биографии: в этот день он выдал Савинкова, обязался выдать Брешковскую, совершил целый ряд других предательств, и в этот же день он получил прибавку к жалованью (правда, совсем небольшую: 600 рублей вместо прежних 500) и обещание щедро оплатить все расходы по поездкам. Договор был заключен. На следующий день Азеф получил жалованье сразу за несколько месяцев и 1300 рублей за разъезды, а под вечер, в купе первого класса курьерского поезда, выехал в Саратов, ловить «бабушку» — Брешковскую. Его сопровождал сам начальник наружного наблюдения департамента, старый знакомый Азефа — Е. П. Медников. Другим поездом выехал другой отряд филеров; он должен проследить и поймать Савинкова, который отдыхал в имении у знакомого товарища, адрес которого ему был предупредительно дан Азефом.

Обе эти задачи оказались невыполненными: и Брешковской, и Савинкову удалось ускользнуть от ареста. В результате конечный итог этой партии выдач Азефа был относительно совсем невелик: динамитная мастерская Горохова в Саратове, такая же мастерская Коноплянниковой в Москве, ряд более мелких арестов... Но из центральных деятелей партии никто не погиб. Целиком был спасен и весь личный состав Боевой Организации: его Азеф легко мог предать, так как знал, где можно найти людей, динамит и пр.,— но сделать это он счел невыгодным и ограничился предательством одного только Савинкова. Он, конечно, предал бы и всех остальных, если б Рачковский нажал на него более сильно...

Судьба избавила его от этого испытания, так как готовила иное, горшее. Если член Центрального Комитета партии социалистов-революционеров раскрыл перед Рачковским действительную роль Азефа в революционном движении, то теперь, в свою очередь, один из наиболее доверенных чиновников департамента, Л. П. Меньщиков, сообщил Центральному Комитету про полицейские заслуги Азефа. В до-

бавление к опасности быть обвиненным в двойной игре Рачковским Азеф оказался поставленным вплотиую перед угрозой такого же обвинения со стороны революционеров.

Л. П. Меньщиков был старым, испытанным служащим ведомства политической полиции. В 1887 г. он был арестован в Москве по делу одного из маленьких революционных кружков и вскоре убедился, что со всех сторон опутан сетями предательства и провокации. По его рассказам, у него тогда же возникла мысль «клин выбить клином», то есть поступить на службу в полицию для того, чтобы разоблачить революционерам ее тайны. Намерения эти завели Меньщикова очень далеко. Он поступил на службу в московское охранное отделение и быстро выдвинулся своим умением составлять точные и ясные доклады. Угрюмый, молчаливый, всегда холодно вежливый — как рассказывает о нем один его сослуживец,— он держался несколько особняком среди этих последних, но был ценим начальством и дослужился до ответственного места в департаменте полиции. На этом посту он пребывал уже больше двух лет, когда «чистка», начатая Рачковским, поставила его дальнейшую службу под угрозу: Меньщиков был одним из «птенцов гнезда» Зубатова, которых теперь изгоняли из департамента. К этому времени у него накопился обширный материал относительно различных полицейских тайн — и он решил вступить на путь разоблачения секретных агентов полиции.

8 сентября 1905 г. к одному из членов Петербургского комитета партии социалистов-революционеров, Е. П. Ростковскому, на место его службы явилась неизвестная дама под густой вуалью и, передав запечатанный конверт, быстро удалилась. В конверте было письмо с предупреждением, что партию социалистов-революционеров предают два серьезных шпиона: «бывший ссыльный некий Т.», и «инженер Азиев, еврей», недавно приехавший из-за границы. В письме приводились и точные указания о том, какие именно выдачи этими лицами были совершены.

Азефу это письмо стало известным в тот же день: он случайно зашел по делам к Ростковскому, который знал его как одного из наиболее влиятельных членов Центрального Комитета. Растерянный и ошеломленный той тайной, которую вскрывало перед ним только что полученное письмо, Ростковский показал его Азефу. Азеф побледнел, но самообладания не потерял и на вопрос, о ком идет речь, коротко ответил: «Т. это — Татаров, а инженер Азиев, это — я. Моя фамилия — Азеф». Затем он бросил окурок и ушел,

оставив Ростковского, конечно, еще более растерянным, чем он был до этого разговора.

В результате дальнейшее развитие событий пошло совсем иным путем, чем того хотел автор письма.

В тот же день вечером Азеф виделся с Рачковским и подробно ему обо всем рассказал. Рачковский был в восторге от самообладания, проявленного Азефом, но Азеф далеко не был в восторге от проявленного департаментом неумения хранить доверенные ему тайны. Вслед за этим Азеф выехал в Москву, где рассказал о письме члену Центрального Комитета Потапову, и потом в Женеву.

Впечатление, произведенное письмом, было огромным,— и в Москве, и за границей. Все фактические указания, касавшиеся дел организации, были верны. «Я только два раза прослушал текст письма,— вспоминает Ракитников, входивший тогда в состав московского бюро Центрального Комитета,— с тех пор прошло четыре года, а я и теперь помню его почти дословно. Точно каждое слово его выжжено в мозгу каленым железом. Общее впечатление было: сидим, опутанные со всех сторон полицейской паутиной; каждое движение, чуть не каждая мысль наша известны департаменту полиции до тонкости,— и он в сознании того, что мы в его власти, еще издевается над нами, ведет с нами какую-то непонятную игру».

Для всех деятелей Центрального Комитета было ясно, что предательство в центре партии действительно имеется, но обвинение против Азефа было почти без колебаний отвергнуто.

Мысль о возможности заподозрить в предательстве главного руководителя убийства Плеве казалась нелепой, даже оскорбительной. В итоге обвинение против Азефа, по существу, даже не разбирали. Никакого расследования о нем не было произведено. Кроме самого узкого круга центральных деятелей партии, о письме никто не узнал. От партийных дел Азеф ни на минуту не был отстранен. По-прежнему его держали в курсе всех, даже наиболее секретных предприятий партии, в том числе и дела Татарова, которое приняло совсем другой характер, чем дело Азефа.

Обвинения, выдвинутые в письме против этого последнего, с самого начала далеко не казались столь же необоснованными, как обвинения против Азефа. Гоц, который горячо защищал Азефа, первым заявил о необходимости внимательного расследования дела Татарова. Этот последний в начале августа приехал за границу и уже успел навлечь

на себя подозрения товарищей и широкими тратами, и неконспиративными планами. Произведенное предварительное расследование быстро обнаружило ряд крайне подозрительных моментов в его поведении; он был уличен в том, что говорил товарищам заведомую неправду. Тогда Центральный Комитет уже официально избрал комиссию для расследования дела Татарова в составе Баха, Савинкова, Тютчева и Чернова.

Вопросы этой комиссии застигли Татарова врасплох: он ничего не подозревал о возникших против него подозрениях. Рачковский предал его и ничего ему не сообщил про письмо Меньщикова, о котором знал от Азефа. По ряду пунктов ответы Татарова были неправдивы. Его уличали во лжи. Он брал свои показания обратно, менял их, выкручивался. Человек, который так ведет себя, находясь под обвинением в предательстве, конечно, только усиливает самые худшие против себя подозрения. Было установлено, что он *мог* совершить все те выдачи, которые ему были приписаны в письме Меньщикова, но точной уверенности в том, что он их в действительности совершил, все же еще не было.

Взвесив весь собранный материал, комиссия единогласно пришла к выводу, что Татаров состоял в каких-то сношениях с полицией, но характер этих сношений комиссии был неясен. Поэтому мысль об убийстве Татарова была отклонена; решено было ограничиться отстранением его от всех партийных дел, а расследование его дела — продолжить. Ему разрешено было уехать на родину, но с него взяли обязательство извещать Центральный Комитет о всех своих передвижениях.

Азефа в дни вынесения этого решения не было в Женеве — он уезжал на некоторое время в горы, чтобы отдохнуть и «привести в порядок свои нервы». Когда он вернулся, Татарова уже не было в Женеве. Азеф был возмущен. Когда ему сообщили о состоявшемся решении комиссии, он, по рассказу Аргунова, «стал горячиться, ругал всех «мягкотелыми», «воронами» и т. п., доказывая, что Татарова нужно было тут же убить, что престиж партии этим подорван и многое другое». «Какие еще доказательства вам нужны,— возмущенно заявлял Азеф.— Разве в таких делах бывают более точные доказательства?» Все свидетели сходятся на том, что если бы Азеф во время вынесения приговора комиссии был в Женеве, то Татаров не остался бы в живых.

Впрочем, жить ему и так оставалось немного. В октябре открылись двери тюрем, и на свободе очутилась большая

часть из арестованных 29—30 марта. Их рассказы не оставляли никакого сомнения в предательстве Татарова: он был настолько неосторожен, что даже ходил в охранку опознавать некоторых из арестованных и был, в свою очередь, узнан ими. К нему в Киев приехал его хороший знакомый по Иркутску, Фриденсон, чтобы сделать еще одну попытку получить объяснения. Татаров продолжал отрицать выдвинутое обвинение; при этом он заявил, что в процессе собирания материалов для своей реабилитации он смог через одного своего родственника, полицейского пристава в Петербурге, получить вполне достоверное сообщение: предатель в партии действительно имеется — им является Азеф. Никаких данных Татаров не привел. Это его заявление в создавшейся обстановке было воспринято как попытка спасти себя ценою клеветы на того, погубить кого полиция давно стремилась всеми силами. Особенно возмущены были «боевики», и нет сомнения, что именно этот ответ Татарова сыграл роль той последней капли, которая переполнила давно уже полную чашу. Татарова решено было убить.

Азефа старались держать в стороне от этого дела: полагали, что все к нему относящееся должно задевать больную рану. «Нам казалось необходимым,— вспоминает Савинков,— избавить Азефа от тяжелых забот по убийству оклеветавшего его провокатора». Азефу было не до таких «сентиментальностей». Он очень интересовался ходом дела, узнавал о нем подробности, а в решающий момент, когда шло совещание, разрабатывавшее техническую сторону поездки для убийства, Азеф непозванным вошел в комнату, где происходило это совещание «боевиков», уселся и стал вставлять свои замечания. «Меня,— прибавлял Савинков, рассказавший об этом эпизоде в своих показаниях перед «судебно-следственной комиссией по делу Азефа»,— это тогда несколько покоробило, не с точки зрения каких бы то ни было подозрений, а просто я подумал, что я бы (на его месте) не вошел».

В других условиях Азеф, наверное, тоже нашел бы в себе достаточно такта для того, чтобы не прийти на подобное совещание, но тогда, даже сознавая все неудобства своего поступка, Азеф вести себя иначе не мог: Савинков и не подозревал, какие большие и *разносторонние* неприятности причинил Азефу Татаров. С точки зрения Азефа последний должен был быть убит, хотя бы для этого пришлось совершить и нечто большее, чем бестактности.

В Варшаву, где тогда жил Татаров, выехал целый отряд членов Боевой Организации во главе с Савинковым.

Было разработано несколько планов, но все они не могли быть проведены в жизнь: Татаров явно боялся за свою жизнь и почти не выходил из дома своего отца, в котором он жил. Пришлось пойти напролом: 4 апреля 1906 г. член организации, нижегородский рабочий Назаров, вошел в квартиру Татарова-отца и попросил свидания с сыном. Отец и мать не хотели его впустить: они явно знали об опасениях сына. На шум в переднюю вышел Татаров. Назаров выхватил револьвер и стал стрелять. Старик отец толкнул руку, и пули пошли вверх. Все трое бросились на Назарова. Тот выхватил кинжал, поцарапав в борьбе старуху мать, и нанес Татарову-сыну удар в левый бок. Татаров сделал два шага и упал. Он был убит. Назарову удалось скрыться.

В сухой пыли полицейских архивов, открытых после революции, найдены документы, которые устанавливают «цену крови»: за всю свою полицейскую «работу» с марта 1905 г. и по день смерти Татаров получил в общей сложности 16 100 рублей. Это было очень много, если принять во внимание, что «работать» Татарову пришлось в течение каких-нибудь 7—8 месяцев. Но это выйдет совсем дешево, если мы вспомним, что за свое предательство он заплатил ценою жизни...

Глава IX

В ДНИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ БИТВ

Первая стадия дела Татарова — собирание сведений, допросы, совещания членов комиссии за границей — закончилась около конца октября 1905 г. Волнения и тревоги, вызванные этим делом, столь значительным для центральных групп руководителей партии социалистов-революционеров, непосредственно вплетались в волнения и тревоги, вызываемые приходившими известиями о решительной схватке, развертывавшейся в далекой России. Наконец было получено и сообщение об издании царем знаменитого манифеста 17 октября.

Это известие взбудоражило всю русскую революционную эмиграцию, которая и без того только с трудом сидела за границей, ведя налаженную годами издательскую работу. Во всех партиях и группах шли собрания, всюду велись споры о значении нового манифеста, о том новом, что он внесет в деятельность революционных групп...

После получения первых известий о манифесте руководящий зарубежный центр социалистов-революционеров

собрался, как обычно, у Гоца: болезнь уже держала последнего прикованным к креслу; обессиленное болями, неподвижно свисало тело, и только большие, темные глаза, казалось, еще острее, чем раньше, горели сосредоточенной страстью.

В центре спора стоял вопрос о терроре. Как быть теперь с террористическими методами борьбы? Что делать с «любимым детищем партии» — с Боевою Организацией? Старая тяжба между сторонниками единоличного террора и ориентации на массовые движения встала в новой форме, создав новые группировки внутри партийного центра. Наиболее решительно против террора выступил Гоц. В новой обстановке террор ему казался совершенно недопустимым. «С террором кончено,— решительно заявил он,— и руководители Боевой Организации должны понять, что им остается только одно — открыто сказать: «Ныне отпущаеши».

Эта точка зрения встретила возражения. Особенно страстно в защиту террора говорил Савинков. Он считал, что именно теперь, когда правительство заколебалось, партия должна была добивать его беспощадными ударами террора. Не отказываться от террористической борьбы, а, наоборот, усилить ее должна Боевая Организация.

Он остался почти в единственном числе. Большинство сходилось на том, что применение террора в создавшейся обстановке оторвало бы партию от массового движения, сделало бы ее позицию непонятной для широких слоев трудящегося населения страны. Все свое внимание партия должна сосредоточить на использовании всех открывшихся возможностей воздействия на массы, возможно шире развернуть свою партийно-политическую агитацию, начать строить открытые массовые организации рабочих и крестьян. Применение террора станет возможным только в том случае, если реакция сделает попытку отнять у народа те уступки, которые она сейчас вынуждена была дать. Поэтому большинство склонялось к мысли, высказанной на этом совещании В. М. Черновым: террористическую борьбу приостановить, но Боевую Организацию не распускать, а держать ее наготове, так сказать, под ружьем,— для того чтобы иметь возможность бросить ее в борьбу в тот момент, когда создастся подходящая обстановка.

Азеф в этих спорах стоял несколько особняком. Конкретный вопрос о применении террора в создавшейся обстановке для него, по-видимому, был еще не вполне ясен. В принципе он склонялся к мысли о необходимости отказа

от террора, но по своему положению руководителя Боевой Организации он был склонен делать некоторые уступки Савинкову. Но эти колебания в области конкретных выводов отнюдь не помешали ему с полной ясностью подчеркнуть специфические особенности своей общей позиции: исключительно политический характер революционности. «Либерал с террором», применение революционных методов борьбы он считал возможным только до тех пор, пока речь шла о борьбе против абсолютизма. Революционное вмешательство в ход социальной борьбы, в частности в ход борьбы крестьянства за землю, он считал гибельным и открыто заявил, что «простится с партией», если последняя встанет на этот путь. Не скрываясь, он объявил себя «только попутчиком» партии до того момента, когда будет достигнута действительная конституция. После достижения ее, говорил он, он станет «последовательным легалистом и эволюционистом», противником всяких насильственных действий.

В. М. Чернов рассказывает, что эти заявления Азефа многих из присутствующих удивили. Но в действительности *нового* для его позиции в них ничего не было: во имя этих взглядов он вел в свое время борьбу со сторонниками «аграрного террора» и массовых восстаний, во имя их он тянул партию на соглашение с умеренно-либеральными группами... Теперь он только высказался несколько более полно и откровенно, чем это делал раньше.

Споры у Гоца затянулись с утра и до позднего вечера. Решения никакого принято не было, так как право такого решения принадлежало общему собранию всех членов Центрального Комитета, которое должно было состояться в России. Все «заграничники», кроме больного Гоца, решили немедленно же двинуться туда, чтобы на месте принять активное участие в развертывавшихся событиях. Тем не менее в истории партии социалистов-революционеров значение этого совещания чрезвычайно велико: на нем определились те позиции, с которыми «заграничники» поехали в Россию.

Все расходились в приподнятом настроении. Чернов, Савинков и Азеф втроем зашли в кафе: за спорами все позабыли об еде, и теперь голод дал себя чувствовать. За ужином доканчивали разговор. Савинков резко нападал на выяснившиеся в спорах взгляды большинства. В его речах было много настроения, мало — политики. Узкий специалист террора, без широкого политического кругозора, момент завоевания свобод в России он всегда непосредственно связывал с каким-нибудь героическим актом Боевой Орга-

низации и теперь заявлял, что если партия не встанет на предлагаемый им путь, если не будет организоваио какое-нибудь коллективиое выступление, вроде взрыва Зимнего дворца, то он пойдет на единоличный акт: подойдет на улице к какому-нибудь бравому жандарму или полицейскому сыщику и «выпустит в него последиюю в своей жизни пулю».

Во время этой беседы Азеф больше молчал: был заият своими думамн. Но потом, когда Савииков ушел и Азеф остался вдвоем с Черновым, ои с неожиданной горячностью вдруг иачал развивать план взрыва охранного отделения как «единствеиного дела, которое имело бы смысл» н явнлось бы «логическим завершением» деятельиости Боевой Организации.

«Кто может что-нибудь против этого возразить? — горячо говорил он.— Охранка — живой символ всего самого насильственного, жестокого, подлого и отвратительиого в самодержавии. И ведь это можно сделать. Под видом кареты с арестованным ввезти во внутреиний двор охранки несколько пудов дииамита и взорвать его. Так, чтобы и следов от деятельности всего этого мерзостного учреждения не осталось...»

Этот план действительно в высшей степени показателен для тогдашних настроеиий Азефа, и не случайно к нему он несколько раз возвращался в этот период в беседах с разными деятелями партнн.

Из труднейшего испытания, перед которым его поставило письмо Меньщикова, Азеф, казалось, вышел с честью. Если у него раньше и были сомнения относительно степени доверия к нему со стороны партийных руководителей, то теперь все эти сомнения должиы былн исчезнуть. Доверие к нему было поистине беспредельным. И тем не меиее Азеф не мог быть спокоеи. Быть может, впервые в своей жизни он уже не в форме смутного предчувствия, а как вполие реальиую вещь увидел возможиость разоблачения и ощутил приставленным к виску холодное дуло револьвера. И что хуже всего, опасность разоблачения ему грознла не с одиой только, а с двух сторон: он предавал ие только революционеров полиции, ио и полнцию революционерам, а потому, если бы его действительная роль была вскрыта, преследовать его стали бы и революционеры, и полиция. Вести эту игру можно было только до тех пор, пока о ней никто не догадывался. Поскольку появились подозрения, постольку ее нужио было кончить и нли выходить совсем из игры, или становиться определенно на ту или иную сторону.

Судя по всему, в тот период Азеф склонялся к мысли о полном переходе на сторону революции. Это было, прежде всего, выгоднее, ибо тогда казалось, что в происходившей схватке верх брала именно революция. Далее, это неизбежно должно было казаться и более безопасным: организатор совсем еще недавних убийств Плеве и великого князя Сергея легче мог рассчитывать на снисходительное к себе отношение со стороны революционеров, чем со стороны «державного племянника» одной из своих жертв. Надо думать, что именно поэтому он прерывал сношения с полицией: в течение нескольких месяцев после получения письма Меньщикова Азеф не подавал о себе никаких известий в департамент полиции. Только к своему старому знакомому Л. А. Ратаеву, тогда жившему на покое в Париже, он заглянул для того, чтобы рассказать, что он «разоблачен» перед революционерами и теперь уже лишен возможности работать для полиции. Этот визит Азефа к Ратаеву последний относит к «поздней осени» 1905 г. К этому периоду внутрипартийное положение Азефа было окончательно выяснено. Он превосходно знал, что никаких подозрений против него не имелось. С этой точки зрения никаких оснований для прекращения работы на полицию у него не было, и если он все же от этой работы отходил, то только потому, что *хотел* от нее отойти: «разоблачение» было одним лишь предлогом...

При подобных настроениях Азеф действительно больше всего на свете должен был желать одного: уничтожения секретных архивов политической полиции,— так, чтобы «и следов от деятельности всего этого мерзостного учреждения не осталось». Тогда он стал бы свободным человеком. Тогда его прошлое перестало бы тяготеть над ним, и угроза разоблачения — тем более неприятная, чем больше было шансов на победу революции — перестала бы отравлять радость бытия и мучить сны тяжелыми кошмарами...

В Россию Азеф поехал позже других «заграничников»: он вообще никогда не спешил, во всех случаях жизни перелагая на других риск эксперимента,— тем меньше желания спешить у него было теперь. Он выждал, пока проехали остальные, получил известия о том, как их встретила обновленная родина, и только после этого тронулся в путь. Но к решающим заседаниям Центрального Комитета он все же поспел. Они состоялись в Москве. Съехалось до 30 человек: полноправными членами считались все, кто был введен в центр с самого начала существования партии, в том числе и все те, кому амнистия только что подарила

свободу после долгих месяцев — порою, лет — заключения в тюрьмах и ссылках. «Заграничники», естественно, играли руководящую роль на этих заседаниях: они явились цельною, сплоченною группой с уже оформленной точкой зрения на создавшуюся обстановку. Их взгляды победили, и мнения, на которых сошлось большинство во время совещания у Гоца, стали решениями партии.

Азеф во время этих совещаний говорил очень мало и молча присоединялся к решениям большинства. Присоединился он таким образом и к решению о полном прекращении террора. С этим решением он солидаризировался и по существу, защищая его во время частных бесед. Едва ли не всего один только раз он взял себе слово во время этих заседаний: когда речь шла о судьбе Боевой Организации. После того как террор решено было прекратить, Чернов предложил свою резолюцию: Боевую Организацию все же не распускать, а «держать ее под ружьем», наготове на случай попыток реакции перейти в наступление. Эта точка зрения грозила собрать большинство. Тогда Азеф поднялся и с присущей ему авторитетностью специалиста в делах Боевой Организации заявил:

— «Держать под ружьем» невозможно. Это — слова. Я беру на свою ответственность: Боевая Организация распущена!

Авторитетный тон сделал свое дело: Центральный Комитет санкционировал роспуск.

То, что Азеф увидел после своего приезда в Россию, не внушало ему уверенности в победе революции. На собрания и митинги, которыми тогда был полон Петербург, он не ходил — они его не интересовали. Но к обывательским разговорам прислушивался внимательно и уже очень скоро пришел к выводу:

— До полной победы нам далеко. Будет еще реакция!

Штаб-квартира Центрального Комитета в те дни помещалась при редакции «Сына Отечества» — ежедневной петербургской газеты, ставшей центральным органом партии. Сюда сходились все руководящие деятели партии, здесь обсуждались вопросы партийного поведения в Совете рабочих депутатов, на всевозможных съездах, здесь же писались статьи, игравшие роль руководящих директив для партийной агитации и пропаганды во всей стране. В процессе споров, которые шли в помещении редакции, намечались основные линии тех принципиальных разногласий, которые заполнили идейное развитие партии в течение ряда последующих лет: складывалось умеренное крыло, определенно

переходившее на чисто эволюционистскую точку зрения и через несколько месяцев оформившееся в особую партию «народных социалистов»; с другой стороны, начинало выявляться и крайнее левое крыло, проповедовавшее немедленное превращение происходящей в России революции в революцию социалистическую,— будущая группа «социалистов-революционеров-максималистов». Можно было быть разных мнений о том или ином из этих течений, или даже обо всех них, вместе взятых,— но нельзя было не видеть, что именно здесь формируется общественное мнение партии, именно здесь находится центр ее теоретической и политической мысли.

Все эти вопросы мало интересовали посетителей той маленькой комнатки, с отдельным входом прямо из передней, которая была отведена для «боевиков». Споры, которые так волновали посетителей главных комнат редакции, сюда почти не долетали. Если о них и говорили, то говорили только с пренебрежительной насмешкой. «Делом» они все считали только одно: бросание бомб. Все остальное — «пустая болтовня». И теперь, когда «специалисты по болтовне» запретили им делать настоящее «дело», в «боковушке» готовы были почти злорадствовать при виде приближающегося поражения революции. Роль первой скрипки во время всех подобных разговоров играл Савинков. Азеф говорил мало: он довольствовался ролью закулисного дирижера.

У него были и свои особые заботы. Как-то вечером в конце ноября или в самом начале декабря на него было сделано покушение: два хулигана-черносотенца напали на него в глухом переулке. Не с целью грабежа: это было ясно. Ударили ножом в спину и скрылись. К счастью, шуба была хорошей — теплой и толстой. Нож только прорезал ее, Азеф не был даже ранен. Но взволнован он был свыше всякой меры. «Лицо в багровых пятнах,— рассказывает свидетель,— губы нервно вздрагивают». Было не совсем понятно, как могла такая «мелочь» — в России того времени подобные нападения со стороны черносотенцев были самым обыкновенным явлением — взволновать «старого революционера», «непоколебимого террориста». Никто, конечно, и не подозревал о тех думах, на которые это покушение неизбежно должно было навести Азефа: из газет тогда было известно, что формированием «черной сотни» в Петербурге руководила политическая полиция во главе непосредственно с самим Рачковским. Именно полицией инспирировались все нападения на революционеров и вообще прогрессистов.

И Азеф не мог не думать: неужели и это нападение на него организовано по приказу Рачковского? Неужели оно является местью за его, Азефа, попытку прекратить работу для полиции? Или — еще хуже — неужели оно является местью Рачковского за ту сторону деятельности Азефа, которую последний так старательно прятал от департамента и которая теперь вскрыта Татаровым? Неужели он, Азеф, только для того избежал опасности быть убитым революционерами, чтобы пасть жертвой покушения, организованного его бывшим полицейским начальством?

Перспектива была малоутешительная. А так как к тому же для Азефа стало ясно, что по крайней мере для ближайшего периода верх снова возьмет реакция, то вывод напрашивался сам собою: надо было во что бы то ни стало «мириться» с Рачковским.

Когда именно Азеф начал делать свои первые попытки в этом направлении, точно неизвестно. Едва ли это и будет когда-нибудь установлено. Мы знаем только, что после нескольких месяцев перерыва Азеф вновь начал стучаться в двери департамента и писать письма Рачковскому. Очень похоже, что первые такие письма должны быть отнесены уже к периоду Декабрьского восстания: по крайней мере, все задуманные тогда социалистами-революционерами предприятия — взрыв моста на железной дороге, чтобы помешать посылке войск для подавления московского восстания, взрыв охранного отделения, взрыв электрических, телефонных и др. проводов, арест председателя Совета министров графа Витте и т. д.,— о которых Азеф был осведомлен, не могли быть приведены в исполнение,— как прибавляет Савинков, «отчасти потому, что в некоторых пунктах намеченные места охранялись так строго, как будто полиция была заранее предупреждена о покушении». Так как обо всех этих планах были осведомлены лишь очень немногие и так как среди этих осведомленных, насколько до сих пор известно, других предателей не было, то вполне возможно, что именно этими выдачами Азеф хотел начать дело своего примирения с Рачковским [1]. Если дело обстояло так, то результат для Азефа был малоутешителен: Рачковский использовал его сообще-

[1] А. В. Герасимов, который тогда был непосредственным руководителем всех арестов по Петербургу, совершенно категорически утверждает, что материалов от Рачковского для арестов по социалистам-революционерам, которые носили сколько-нибудь крупный характер, он в это время не получал, а поэтому он считает маловероятным предположение, что Азеф в это время давал Рачковскому сколько-нибудь обширную информацию.

ния, но на письма не отвечал, свиданий не назначал... Причины такого поведения Рачковского сталн ясны позднее.

Декабрьское восстание в Москве, в Харькове, в Донецком бассейне, на Кавказе, в Прибалтийском крае, в Снбири закончнлось поражением революцнонеров: собравшееся с силами правительство беспощадно подавило все попытки сопротивления... Революционные партни вновь были загнаны в подполье, и Центральный Комитет социалнстов-революционеров в январе 1906 г. принял решение о возобновлении террора.

В качестве важнейших актов былн намечены покушения протнв министра внутренних дел Дурново, которого считали главным вдохновителем реакционного курса правнтельственной политики, и московского генерал-губернатора Дубасова, который только что в крови потопил восстание московских рабочих. Кроме ннх намечены были покушення также и на некоторых из менее значительных представителей власти, особенно отличившихся во время подавления восстаний в декабре 1905 г. В целом намеченная кампания Боевой Организации должна была явнться ответом на ту жестокость, которую правнтельство проявило в пернод лнквндации «дней свободы».

Руководство всей работой Боевой Организации принадлежало по-прежнему Азефу. Ближайшими его помощникамн были Савинков и Моисеенко. Опорной базой была Финляндня, получавшая после октября 1905 г. полную свободу внутреннего самоуправления: среди ее полнтических деятелей находилось много людей, сочувствовавших н активно помогавших деятельности Боевой Организацин. В кандидатах, заявлявших о своем желанин работать в терроре, недостатка не было. На прнзывы Боевой Организации откликнулись все ее старые члены, частью только недавно освобожденные нз тюрем; нашлось много и новых добровольцев. Чнсло членов организации быстро дошло почти до 30. В нзобнлнн имелись материальные средства: деньгн, взрывчатые вещества. Казалось, налицо имелись все данные для успеха... Но работа ставнлась «по-казенному»: старыми методами. Извозчики и уличные торговцы папиросамн должны были выслеживать выезды намеченных лиц; затем должны были выступать бомбометатели. Все точно по тому рецепту, который с таким успехом был прнменен в деле Плеве... «Художниками в деле террора» теперешних руководителей Боевой Организации Зубатов никогда не назвал бы. Работу онн вели по трафарету, без смелой выдумки, без богатой ннициативы.

В этих условиях миого шаисов, что кампания Боевой Организации ие имела бы успеха и в том случае, если б в дело не вмешалась измена. А она вмешалась и в обстановке побеждавшей реакции иачала плести такие причудливые узоры, каких ие смог бы выдумать наделенный даже самой богатой фантазией ромаиист.

Глава X
ИЗМЕНА ГАПОНА

Известия о трагических событиях петербургского Кровавого воскресенья 9 (22) января 1905 г. в загадочных героических тоиах рисовали фигуру вождя этого движения, священиика Гапоиа, который с крестом в руке вел народные массы к царскому дворцу в поисках справедливости и свободы. Читатели зарубежиых газет в течение ряда дией с напряжеииостью искали известий о его судьбе: пули пощадили его, но удастся ли ему избежать ареста? Берлииский «Vorwärts» первым оповестил мир о благополучном прибытии Гапона в Женеву. Все спешили приветствовать его. Только старый В. Адлер, хорошо знавший людей, скептически говорил, что для революции было бы лучше числить имя Гапона в списке своих погибших героев, чем продолжать иметь с иим дело как с вождем. С этим скоро все согласились.

Слава и деньги погубили Гапона. О нем писали во всех газетах, его фотографин продавались во всех магазииах, за автобиографию ои получил громадные деньги. В нем развилось тщеславие, желание везде и всюду играть главную роль. Встать в ряды больших, в течение ряда лет сложившихся революционных коллективов ои не сумел. Вначале заявил о своем вступлении в ряды социал-демократов, но, осмотревшись и увидев, что в этой партии он сможет играть только второстепенную роль, он уже через несколько дней поспешил уйти из нее. Несколько дольше задержался он в рядах партии социалистов-революционеров, но и здесь не соглашались объявить его «вождем»: для этого он действительно не имел даииых. Тогда он порвал и с социалистами-революционерами и сделал попытку создать свою собствеииую, иезависимую от революционных партий организацию. Здесь он действительно был «вождем»,— ио зато кроме «вождя» в этой организации никого не было, никакой революционной работы она ие вела, иикто за ией не шел. Были только деньги, и притом довольно большие: под имя Гапона

давали и многие русские, и иностранцы. А в личной своей жизни Гапон скатывался со ступеньки на ступеньку: стал завсегдатаем лучших кабаков в Париже и других городах, в которых бывал, играл в Монте-Карло, тратился на женщин, в пьяном угаре этих кутежей растерявая все связи с идейными революционерами.

«Дни свобод» застали его идейно и морально уже выпотрошенным, не пользующимся в революционных рядах ничьим доверием, ничьим уважением. Когда в ноябре он приехал в Петербург и сделал попытку создать свою организацию, за ним не пошел никто. Но охотники эксплуатировать его имя и его былую популярность в интересах различных темных дел, конечно, нашлись: в тесные сношения с ним вступил некто И. Ф. Манасевич-Мануйлов — полицейский сыщик и журналист бульварной прессы, в то время состоявший в качестве чиновника для особо грязных поручений при графе Витте. Он скоро сообразил, что Гапон теперь пойдет на все, и начал сводить его с руководителями полицейского сыска. Несколько раз Гапон виделся с Лопухиным, который теперь состоял в отставке, но прилагал судорожные усилия, чтобы вновь быть допущенным к делу политического розыска. Затем начались встречи с Рачковским.

Этот последний умел обходить и не таких людей, как Гапон, а главное, имел достаточно средств, чтобы купить его. Сначала шли разговоры о высокой политике, о том, что правительство жалеет о событиях Кровавого воскресенья, что тогда вышло «печальное недоразумение», которое больше не повторится; что теперь все понимают и ценят Гапона и очень нуждаются в его помощи для того, чтобы направить рабочее движение в России по руслу мирного развития, чтобы вырвать его из-под влияния тех самых социал-демократов и социалистов-революционеров, которые с таким пренебрежительным третированием относятся теперь к Гапону. А когда стало ясно, что Гапон попадается на закидываемую приманку, то разговоры перешли на вещи более конкретные и более близкие сердцу Рачковского: последний стал жаловаться на то, что террористы с их покушениями препятствуют нормальному развитию страны и что, если бы удалось устранить опасность террористических актов, правительство смогло бы смелее пойти по пути реформ.

Встречи происходили в отдельных кабинетах лучших петербургских ресторанов. Разговоры шли за ужинами. Казенных денег Рачковский на угощение не жалел, особенно с того момента, когда увидел, что Гапон далеко не рав-

нодушен к хорошей еде и тонким винам. «А едят они как хорошо, если бы ты знал!» — восклицал позднее Гапон, рассказывая об этих ужинах. За таким угощением язык Гапона развязывался, тем более что пьянел он легко и быстро. Это было, конечно, на руку Рачковскому и помогало ему перейти к прямым предложениям.

«Вот я стар,— жаловался он, рисуя перед Гапоном заманчивые перспективы.— Никуда уже не гожусь. А заменить меня некем. России (то есть русской политической полиции) нужны такие люди, как вы. Возьмите мое место. Мы будем счастливы. Но вы должны нам помочь. Осветите нам положение дел в революционных организациях».

Охмелевший и подкупленный лестью Гапон сдался на эти предложения и мало-помалу рассказал все, что знал о делах в революционном лагере, в особенности все, что знал о террористической деятельности социалистов-революционеров, о их Боевой Организации. Не отказал он в своей помощи Рачковскому и на дальнейшее: он был уверен, что завербует себе в помошники своего хорошего знакомого и друга инженера П. М. Рутенберга, который и теперь близко стоял к Боевой Организации, и через него сможет разузнать обо всех новых планах террористов.

Рачковский был упоен успехом. Ему казалось, что теперь-то он создаст прочную центральную агентуру, которая будет давать ему сведения о Боевой Организации. Он понимал, что Гапон будет стоить ему очень дорого. Но игра казалась стоящей свеч.

Так как вопрос был слишком ответственный, то Рачковский сообщил о своих переговорах с Гапоном министру внутренних дел Дурново. Этот последний к обсуждению вопроса привлек начальника петербургского охранного отделения полковника А. В. Герасимова. Рачковский сделал подробный доклад о всем ходе своих переговоров с Гапоном. Он считал, что Гапон сумеет завербовать Рутенберга, и весьма оптимистически расценивал те перспективы, которые в этом случае открываются перед политической полицией. По рассказам Герасимова, он с самого начала далеко не разделял этого оптимизма. Особенно маловероятным ему показался план привлечения Рутенберга: последнего он знал — за полгода перед тем Рутенберг был арестован и во время допросов в охранном отделении произвел на Герасимова впечатление стойкого и убежденного революционера. А так как из данных полицейского наблюдения было известно, что Рутенберг очень выдержан в личной жизни — не пьет, не увлекается женщинами, то Герасимов не верил и в то, что

Гапону удастся деньгами соблазнить Рутенберга на измену.

Ввиду этих сомнений Дурново предложил Рачковскому устроить свидание Гапона с Герасимовым, чтобы последний мог проверить свои выводы на основе личного впечатления. Без большой охоты (в Герасимове он видел опасного конкурента, которого Дурново настойчиво выдвигал вперед) Рачковский принужден был согласиться.

Свидание состоялось в Café de Paris, и в результате его Герасимов только укрепился в своем недоверии к планам Рачковского — Гапона: последний произвел впечатление человека легкомысленного и болтливого, большого хвастуна. Сам он действительно был готов выдать все, что знал, но из его ответов было видно, что связей с активно действующими террористами он больше никаких не имел и надеялся только на Рутенберга, который якобы предан ему лично и пойдет за ним куда угодно. Так как Гапон не производил впечатления человека, который может импонировать серьезным людям, то Герасимов больше чем сомневался в основательности его надежд на Рутенберга и вполне определенно сказал об этом Дурново. Тем не менее ввиду настояний Рачковского Дурново предоставил последнему продолжать переговоры с Гапоном.

Рутенберг в это время был нелегальным и скрывался в Москве. Гапону удалось от общих знакомых узнать его адрес, и 19 февраля 1906 г. он заявился к Рутенбергу. Последний действительно был очень привязан к Гапону лично. Он наблюдал Гапона в лучший период жизни последнего — во время январского движения 1905 г.: слышал его речи на рабочих собраниях, помогал ему выработать знаменитую петицию к царю, рядом с ним лежал на снегу под градом солдатских пуль в день Кровавого воскресенья и затем спас его от ареста, переодев его и доставив на безопасную квартиру. С личностью Гапона для него связывались воспоминания о начальных этапах русской революции, и хотя позднее, наблюдая Гапона за границей, он разглядел его слабые стороны и далеко не считал его героем, но в честность его верил и как человека очень любил.

Но по первым же словам, которые Рутенберг услышал от разыскавшего его теперь Гапона, он понял, что имеет дело с совсем иным человеком. Гапон пробовал хитрить. Революционера Рутенберга в свои сети он собирался завлечь рассказами о якобы задуманных им грандиозных революционных предприятиях — о том, что он имеет возможность организовать террористические акты против министров, о плане «повторить девятое января, только в еще большем

размере» и т. д. Но эта хитрость ему удавалась плохо: в рассказах было много противоречий, он проговаривался о своих встречах с Рачковским, которого он якобы собирается использовать в революционных целях; глаза его при этом беспокойно бегали, обнаруживая нечистую совесть говорившего. Рутенбергу скоро стало ясно, что Гапон вступил в сношения с полицией и ведет темную игру, к которой собирается привлечь и его, Рутенберга. Так как эта игра могла иметь в высшей степени опасные последствия, то Рутенберг решил во что бы то ни стало разузнать о ней во всех подробностях и для этого прикинулся готовым пойти на предложения Гапона. Эта уловка удалась, и Гапон рассказал ему о многом из того, что он задумал: Рутенберг должен помочь ему, Гапону, в раскрытии замышляемых террористами покушений, и тогда они получат большие деньги от Рачковского, многие десятки тысяч рублей.

Рутенберг сделал вид, что готов принять это предложение, и обещался поехать к своим друзьям, от которых он сможет получить нужные сведения,— на самом деле он ехал, чтобы рассказать обо всем, что узнал, руководителям партии и Боевой Организации. Гапон был весьма доволен, условился с Рутенбергом о дальнейших встречах уже в Петербурге и выехал с докладом о своих успехах к Рачковскому. Последний от своих агентов уже знал, что Гапон несколько раз встречался с Рутенбергом, и потому с еще большим, чем прежде, доверием отнесся к хвастливым рассказам Гапона. Фонды последнего поднялись и у Дурново: время тревожное, в деле поимки террористов никаким источником пренебрегать не приходится. Переговоры стали носить теперь уже вполне конкретный характер: шла речь о той плате, которую Гапон с Рутенбергом должны получить за выдачу подготовляемого террористами покушения. Гапон запросил ни больше ни меньше, как 100 тысяч рублей. Рачковский пришел в ужас от подобных аппетитов и клятвенно уверял Гапона, что таких цен на полицейском рынке не платят. Дурново, которому было доложено о требованиях Гапона, сделал контрпредложение: 25 тысяч и ни копейки больше. Гапон должен считаться с тяжелым состоянием русских финансов. Торги шли с переторжками. Гапон был упорен, и вопрос пошел вверх по инстанциям. Дурново советовался с председателем Совета министров графом Витте, сообщив ему о требовании Гапона и о своем контрпредложении. По воспоминаниям Витте, он рекомендовал не особенно верить Гапону; по рассказам Герасимова, Витте, наоборот, был вообще главным вдохновителем всей авантю-

ры с Гапоиом. Во всяком случае, что касается до денег, то н сам Витте призиает, что за ценой он советовал не стоять: 25 или 100 тысяч рублей — большого зиачеиия, по его мнению, не составляло; как нн плохо было состоянне русских фииаисов, государственная казна такой расход еще могла выдержать.

Тем времеием Рутенберг приехал в Гельснигфорс н нашел Азефа, которому подробно рассказал обо всем, что узнал от Гапоиа. Негодоваине Азефа не знало границ. «Он думал,— вспоминает Рутенберг,— что с Гапоном иужио покоичнть, как с гадиной. Для этого я (то есть Рутенберг) должен вызвать его на свндаиие, поехать с иим на извозчнке (на рысаке Боевой Оргаинзацнн) в Крестовский сад, остаться там ужниать поздно ночью, покуда все разъедутся, потом поехать на том же нзвозчнке в лес, ткнуть Гапона в спииу иожом и выброснть из саней».

В отношеиии предателей Азеф всегда был беспощадеи...

Но вопрос о Гапоне, конечио, ие мог быть решеи так просто: в глазах людей, прннимавшнх актнвное участие в полнтнческой деятельиостн, он давио уже перестал пользоваться уважеиием. Но широкне массы о темиых моментах его жизнн ннчего не зналн. В нх представленнн он все еще был окутан героическим ореолом событий Кровавого воскресеиья, а потому было осиоваине опасаться, что далеко ие все поверят нзвестню об его измене, что многие будут склониы во всем вндеть нитрнгу против Гапоиа со стороиы его политических противников. Другне члены Цеитральиого Комнтета, которые былн ознакомлены с рассказами Рутеиберга, указали иа эти обстоятельства. Гапона было решеио убить, но ие одного, а вместе с Рачковскнм, чтобы нз самой обстановкн убнйства была ясна связь Гапона с полнцней. Выполиеиие этой задачн было поручено Рутеибергу: ои должен был продолжнть свою нгру, создать у Гапона н Рачковского увереиность в том, что ои согласен стать предателем, завлечь их иа общее свиданне и там убнть обонх. План был продуман в деталях. В помощь Рутенбергу был дан еще один член Боевой Оргаиизацнн, который должеи был играть роль извозчика, производящего иаблюдение за Дуриово. Сиошения с инм Рутеиберга должны былн создать у полиции уверенность, что они действительио нмеют дело с подготовляемым покушеннем.

Рутенбергу вся эта игра была противиа, но он поннмал, что нзмеиа Гапона может нметь весьма н весьма тяжелые последствня для революционного движення, а потому подчнинлся принятому решению.

Числа около 10 марта Рутенберг вернулся в Петербург и возобновил свои сношения с Гапоном. Последний пенял за медлительность, но был доволен, что теперь Рутенберг дал, наконец, свое согласие, и посвятил его в подробности своих новых переговоров с Рачковским. Много разговоров было о деньгах. Рутенберг делал вид, что ему даже 100 тысяч рублей кажутся слишком ничтожной платой, и выражал свое недовольство Гапону за то, что тот так «продешевил». Гапон был рад чисто коммерческому подходу Рутенберга к вопросу, но советовал не увлекаться, не запрашивать слишком много и убеждал, что даже 25 тысяч за одно выданное покушение — сумма очень неплохая: так как риск провала небольшой, то можно будет идти этим путем и дальше, а четыре таких выдачи в год дадут целых сто тысяч — заманивал он Рутенберга. Больше всего Гапон настаивал на ускорении личной встречи Рутенберга с Рачковским: последний очень торопил с этой встречей, в зависимость от ее исхода ставя все дальнейшие предложения.

После некоторых колебаний и оттяжек — трудно было преодолеть глубоко вкоренившееся чувство брезгливости — Рутенберг дал согласие на такую встречу. Она была назначена на 17 марта в ресторане Контана. Рачковский был очень доволен, но в самый последний момент ему по телефону позвонил Герасимов и дал совет не ходить на это свидание: ввиду подозрительности поведения Рутенберга он предполагал возможность ловушки. Рачковский долго не соглашался последовать этому совету, уверяя, что Герасимов ошибается, и настаивая на том, что свидание с Рутенбергом может быть весьма интересным. На всякий случай Герасимов принял меры предосторожности. Отдельный кабинет, соседний с тем, в котором должно было произойти свидание, был занят агентами охранного отделения. Но в конце концов Рачковский решил на свидание не идти, и Рутенберг только напрасно там его дожидался. А вскоре после этого Рачковский и вообще изменил свое отношение к предложениям Гапона и Рутенберга, стал ими меньше интересоваться и сделался чрезвычайно осмотрительным и осторожным.

Причины этой последней перемены становятся понятными только теперь.

Весь этот период после разгрома Декабрьского восстания Азеф чувствовал себя совсем не спокойно. Реакция явно взяла верх. В возможность близкой победы революции Азеф перестал верить. Заведование кассой Боевой Организации, конечно, и теперь продолжало оставаться много

более выгодным делом, чем работа на департамент, но выгодиым оио было только прн условии хорошнх отношеиий с департамеитом. Коифликт с последним ие только сводил на иет все выгоды материального характера — он ставил Азефа еще н перед лицом таких опасностей, размеры которых нельзя было иедооцеиивать. Тем больше беспоконло Азефа поведеиие Рачковского: Азеф несколько раз писал ему, делая более нлн менее значнтельные сообщення н настойчнво прося о свнданин. Ои стремнлся восстановить свон прежние служебиые отношения. Все было иапрасио: Рачковский как воды в рот набрал. Это усиливало тревогу Азефа. Он знал, что Татаров был осведомлеи о многих — хотя и далеко не обо всех — сторонах его деятельности. Не было иикакого сомиения, что все это теперь известно Рачковскому, и Азеф, коиечио, отсутствне ответов нз департамеита ставнл в прямую связь с полученнем Рачковскнм информацнн от Татарова. Еслн так, то над ним собнралась гроза, н тем настоятельиее было теперь желанне Азефа смягчнть гиев богов полнцейского Олимпа.

По-виднмому, так н обстояло дело в действнтельиостн. Точиых даиных о мотивах поведеиия Рачковского, правда, не нмеется, ио понятным это поведенне станет только в одном случае: если мы прнмем, что Рачковскнй ие доверял Азефу н не хотел иметь с иим иикакого дела. Ведь о прошлой деятельности Азефа он знал; он знал, какое положение Азеф заинмает в партии; агентов, которые давали бы ему ннформацию о виутреиией жизни центральиых учреждений социалистов-революцнонеров, он искал с большой энергией, н тем не меиее оставлял без ответа все навязчнвые просьбы о встрече... Одиому из очень вндных, хотя далеко не умиых деятелей политического розыска, жандармскому полковннку П. П. Заварзниу, Рачковскнй позднее говорнл, что ои улнчнл Азефа в двойиой игре н потому прервал с ним всякие сношеиия. Рассказы Заварзниа далеко ие во всех частях заслуживают веры, но даиное его сообщенне вполне отвечает всему тому, что нам точно известно об отиошеинн Рачковского к Азефу, и потому должно быть призиано правильным.

Все это объясияет, почему рассказы Рутеиберга должны были прнвести Азефа в состояиие настоящего бешеиства: нз иих он узиал, что кроме Татарова его роль перед Рачковским разоблачил также и Гапон. Тем хуже для последнего: его во что бы то ии стало должна была постичь та же судьба, что н Татарова. Он должен быть во всяком случае убит.

Несколько более сложен был для Азефа вопрос о Рачковском. В отиошении последиего было возможио идти двумя путями: с одной стороны, было можно делать ставку на его устраиеине. Это имело свои преимущества: с иим уходнл тот руководитель департамеита, который относился с подозреннем к его, Азефа, ролн. Но, с другой стороиы, было возможио разоблачнть перед ним планы Рутеиберга н тем самым попытаться его умилостивить. О том, что передумал Азеф в этот период, коиечно, можно только догадываться, ио по его поведению видио, что вначале он, по-видимому, был склоиеи допустнть двойиое убийство Гапона и Рачковского и лншь поздиее, увидев, что Рачковскнй ведет себя осторожно н нзбегает ходить иа свидания с Рутеибергом, постарался нзвлечь ту единственную выгоду из создавшегося положеиия, которую одиу только и можно было нзвлечь,— а нмеиио, предал Рачковскому план Рутеиберга. Об этом мы узнаем из свидетельств Гераснмова: последний показал на допросах в следствеииой комиссин 1917 г., что Азеф во время своих поздиейших свиданнй с Рачковским упоминал о своих пнсьмах-предупреждениях против Рутенберга [1]; но по времени эти предупреждения отиосятся к сравнительно поздиему перноду, так как, по рассказам того же Гераснмова, иа первые свидаиия с Рутеибергом Рачковский очеиь хотел пойти, будучи нскреиие уверен, что Рутеиберг готов заключить сделку о предательстве, а этого, коиечио, не было бы, если бы Азеф сообщил Рачковскому о плаие двойного убийства иемедленно после того, как этот плаи был разработаи.

Во всяком случае, несомнеиио, что с определеииого момеита Азеф ставит перед собою двойиую задачу: обязательиое убийство Гапоиа, с одиой стороиы, и спасенне Рачковского — с другой. Азеф вообще очеиь любил выставлять себя в ролн спасителя жизней своих иепосредствеиных полицейских руководителей: так было в его отношениях с Лопухиным; подобиые попытки он делал н в другнх случаях, и его опыт учнл, что такая роль создавала для него в высшей степеин благоприятиую обстаиовку, так как «спасениые» нм его полицейские руководнтели, считая себя в долгу перед иим, всегда бывали более склоииы снисходнтельиее смотреть иа его поведеине.

Непрнятным препятствием было решеиие Центральиого Комитета убнть Гапоиа не нначе, как вместе с Рачков-

[1] В этнх показаниях Герасимова говорится: «Припоминаю, что Азеф говорил Рачковскому о пнсьме, в котором он предупреждал Рачковского об опасности для его жизнн со стороны Рутенберга».

ским. Но его оказалось возможным обойти: Азеф взял на себя поручение Центрального Комитета о непосредственном руководстве всем предприятием Рутенберга и, разрабатывая вместе с последним детали намеченного плана, дал ему директиву в крайнем случае, то есть если не удастся завлечь в ловушку Рачковского, убить хотя бы одного Гапона.

Этот свой план Азефу удалось осуществить полностью.

Развязка приближалась. Рутенберг чувствовал, что вокруг него затягиваются сети полицейского наблюдения, и понимал, что он не сможет завлечь в ловушку Гапона и Рачковского вместе. Для продолжения игры не хватало нервов, и Рутенберг решил пойти тем путем, который оставляли ему на крайний случай инструкции Азефа: он решил убить одного Гапона.

Убийство Гапона было решено облечь в форму суда над ним группы близких к нему рабочих — товарищей Гапона по участию в январских событиях 1905 г. Под Петербургом была снята уединенная дача. На эту дачу был завлечен Гапон, якобы для окончательных переговоров об условиях выдачи Боевой Организации. Гапон не подозревал расставленной ему ловушки. Сердитый на Рутенберга за его медлительность и всевозможные затяжки, он теперь говорил с особенной откровенностью и грубостью:

— Чего ты ломаешься,— убеждал он Рутенберга,— 25 тысяч тоже хорошие деньги!

А когда Рутенберг указал, что его мучит совесть: ведь если «боевиков» арестуют, то они все будут повешены,— Гапон жестко ответил:

— Ну что же! Конечно, жаль, но ничего не поделаешь! Лес рубят — щепки летят.

И утешал Рутенберга тем, что никто об этом предательстве не узнает:

— Рачковский такой умный человек, все хорошо устроит.

Через тонкую дощатую перегородку эти разговоры слушали приглашенные в качестве судей рабочие. Они раньше почти боготворили Гапона как вождя январского движения. Тем острее было теперь их негодование. Они с трудом сдерживали себя, и когда Рутенберг наконец решил прекратить игру и раскрыл перед ними дверь, они не вышли, а выскочили и с криками, почти со стонами бросились на Гапона. Тот узнал их: среди них было несколько хорошо и близко ему знакомых. Он упал на колени и хватал за руки, моля о пощаде.

— Братцы... братцы...— лепетал он,— во имя прошлого... простите меня...

— Мы тебе теперь ие братцы, Рачковский тебе братец! — иеслось ему в ответ.

— Ты нашу кровь продал охранке, за это нет прощеиья,— дополняли другие.

У Рутенберга ие хватило сил присутствовать при расправе. Он ушел из комнаты и почти истерически рыдал:

— Ведь друг он мие когда-то был... Боже мой... Какой ужас!

Тем временем иа шею Гапоиа иакииули петлю и прицепили к железному крюку, вбитому иад вешалкой. Через иесколько секунд все было коичеио. Это произошло 10 апреля 1906 г., около 7 часов вечера... Все молча покииули дачу, заперев ее на замок.

В Финляидии, куда Рутеиберг уехал немедлеиио после этих событий, его ждало совсем неожидаииое известие: Азеф отрекся от всего — и от того, что ои дал разрешеиие на убийство одного Гапона, и от того, что он своевремеиио был предупреждеи о последией развязке. С полной категоричностью он заявлял, что никогда согласия иа отступления от первоначального решения Центрального Комитета ои ие давал, и готов был считать личиым оскорблеиием, если ктоиибудь позволял высказать хоть тень колебания в вопросе о том, кому нужно верить: ему, Азефу, или Рутеибергу. В довершение ко всему последний оказывался в положеиии не только человека, нарушившего партийиую дисциплиму, ио и клеветника иа одиого из иаиболее «уважаемых» членов Цеитрального Комитета. От убийства Гапона партия отрекалась, оно было объявлеио личиым делом Рутеиберга. В реакциониой печати стали появляться двусмысленные намеки иа то, что ои состоял в сиошениях с руководителями политической полиции и что Гапона он убил ие то как конкурента, не то из боязии его разоблачений... Легко поиять, что пережил в это время Рутеиберг... Ои был сломлен и ушел от революциониого движения.

Глава XI
ПРИМИРЕНИЕ АЗЕФА С ДЕПАРТАМЕНТОМ ПОЛИЦИИ

В иастоящее время, оглядываясь иа прошлое, трудно даже поиять, как могли руководители Центрального Комитета и Боевой Оргаиизации — люди, казалось, обладавшие достаточным опытом в подобиого рода делах,— допустить те элемеитарио грубые ошибки, которые были допущеиы

ими при разработке плана двойной игры Рутенберга с Гапоном — Рачковским. В террористических предприятиях шансы успеха стоят в прямой зависимости от степени неожиданности наносимого удара. А между тем, ведя через Рутенберга свою игру с Рачковским, руководители Боевой Организации осведомили полицию не только о том, что покушение готовится на Дурново, но и о том, что наблюдение за намеченной жертвой производится террористами, переодетыми извозчиками: псевдопокушение на Дурново, устроенное специально для того, чтобы выдать его Рачковскому, было точной копией того покушения, которое одновременно и параллельно готовилось против того же Дурново с самыми серьезными намерениями.

Конечно, ни сам Рутенберг, ни непосредственные его помощники не имели никакой связи с террористами, готовившими действительное покушение, и потому полиция, следя за Рутенбергом, не имела никакой возможности добраться до Боевой Организации. В этом отношении расчеты авторов плана игры с Рачковским были правильны. Но они упустили из виду, что полиция может пойти и другим путем: вообще усилить поиски террористов, переодетых извозчиками. А именно это и случилось в действительности.

Еще после арестов членов Боевой Организации в марте 1905 г., когда было установлено, что террористы применяют приемы работы в качестве извозчиков, полиция приняла ряд мер для организации наблюдения за постоялыми дворами, где жили извозчики. После получения известий о существовании извозчиков-террористов, производящих наблюдение за Дурново, надзор этот был усилен. От содержателей постоялых дворов требовали представления сведений о всех извозчиках, которые в каком-либо отношении кажутся странными, не подходящими к общей массе людей этой профессии. Все такие случайные сведения тщательно проверялись. Одно из них натолкнуло на «боевика», участвовавшего в наблюдении за Дурново: приставленный к нему филер установил, что он выезжает на дежурства исключительно к дому, где жил Дурново, и часами стоит здесь, отказывая случайным седокам. Постепенно было выяснено, что этот «извозчик» связан с еще двумя такими же, как и он, «извозчиками» и с каким-то четвертым господином, который регулярно встречается с ними со всеми и явно руководит их работой.

Картина была настолько типична, что никаких сомнений относительно ее значения быть не могло. Оставалось производить аресты, но здесь встретилось одно весьма су-

щественное затруднение: старший филер Тутышкин, руководивший наблюдением за этой группой террористов, в своих суточных рапортичках того четвертого террориста, который поддерживал сношения с «извозчиками», называл «наш Филипповский». «Мне это,— рассказывает А. В. Герасимов, бывший в то время начальником охранного отделения в Петербурге,— конечно, не могло не броситься в глаза». Вызванный для объяснений Тутышкин сообщил, что четвертого наблюдаемого он знает давно: лет за 5—6 перед тем его ему показал в Москве в кондитерской Филиппова (отсюда и прозвище: «Филипповский») тогдашний руководитель наружного наблюдения Е. П. Медников, который рассказал, что это — один из самых важных и ценных секретных агентов и что его надо старательно оберегать от случайных арестов.

В таких условиях производить арест было невозможно: можно было не только «провалить» агента, но и вообще навлечь большие неприятности. Герасимов отправился в департамент, чтобы выяснить личность «Филипповского» и характер его отношений с полицией. Делал он это с тем большей охотой, что уже давно вел энергичную борьбу против ведения департаментом самостоятельной агентуры, настаивая на передаче ее всей в его собственные руки. Но в департаменте категорически отрицали не только какую бы то ни было связь с «Филипповским», но и простую осведомленность об этой личности. «Я,— рассказывает Герасимов,— настойчиво просил проверить, чтобы не было недоразумения: может быть, это какой-либо агент департамента, известный под другим именем? Или случайно затесавшийся сотрудник из заграничной агентуры? Но Рачковский уверял, что никакого его агента около Боевой Организации нет и быть не может».

Объяснения в департаменте не дали никаких результатов. Но указания Тутышкина были слишком точны и сам он был старым, вполне надежным и точным в своих указаниях агентом, чтобы его сообщениями можно было пренебрегать. Поэтому решено было сначала объясниться с самим «Филипповским», и для этого филерам было поручено арестовать его, но только так, чтобы факт этого ареста не мог получить огласки.

Приказ был выполнен в точности: числа около 15 апреля «Филипповского» подстерегли на безлюдной улице, около Летнего сада, когда он в сумерках шел после свидания с одним из «извозчиков». Как полагается по правилам, филеры схватили его под руки и «честью» попросили следовать за ними. «Филипповский» пробовал протестовать, но ему посоветовали «для его же пользы» не доводить дело до сканда-

ла иа улице, усаднли в заранее прнготовленную закрытую пролетку и доставнли в охраниое отделение. Здесь «Филиповский» возобиовил свои протесты, предъявил документы на имя инженера Черкаса и требовал иемедлениого освобождеиия, угрожая обращением в газеты. Гераснмова, лично поджидавшего таииственного «Филипповского», угрозы эти не смутили: печати ои меньше всего боялся. Арестоваиному заявили, что он ие то лицо, за которое он себя выдает, что арестовавшим нзвестно, что он служнт или в прошлом служил в департаменте и т. д., н было предложено «поговорить откровенио». «Филнпповский»-Черкас быстро сбавил тон, но от беседы уклонился.

— Не хотите говорить,— ответнл Гераснмов,— не надо. Мы можем ие спешить. Посидите, подумайте иа досуге, а когда надумаете, скажнте только надзирателю.

И «Филнпповский» очутнлся в одной нз одиночек, устроенных при охранном отделеннн.

«Думал» он сравнительио долго: дня два. Очевидно, обдумывал создавшуюся обстановку. Наконец, решил сдаться и попросил вызвать его для разговора. Герасимов ие заставил себя ждать: дело это его интересовало миого больше, чем он показывал.

Теперь у «Филипповского» был совсем нной тон.

— Я согласен говорить откровенио,— заявил он с самого же иачала,— ио хочу, чтобы при разговоре присутствовал мой прежний иачальник, Петр Иваиович.

«Петром Иваиовичем» был Рачковский, против присутствия которого Герасимов ничего ие имел: последиего он и иедолюбливал, и иесколько презнрал, а «беседа» обещала быть для Рачковского весьма неприятиой.

Связаться с Рачковским по телефоиу не представило труда.

— Так и так,— говорнл Герасимов,— мы, Петр Иванович, задержали того самого «Филипповского», о котором я вас спрашивал. Представьте, ои говорит, что хорошо вас зиает и служил под вашим иачальством. Он сейчас сиднт у меня и хочет говорить в вашем присутствии».

«Рачковский,— рассказывает Гераснмов,— по своему обыкиовению завертелся: что, да как, и в чем имеиио дело? И какой это может быть «Филипповский»? Разве что Азеф?»

— Тут,— прнбавляет Герасимов,— я впервые в своей жизни услышал эту фамилию.

После этого телефонного разговора Рачковский немедленио примчался в охранное отделеиие, и здесь в кабинете Герасимова и в его присутствии состоялось бурное объяснеиие.

Рачковский разлетелся к Азефу со своей обычной «сладенькой» улыбочкой:

— А, дорогой Евгений Филиппович, давно мы с вами не видались. Как поживаете?

Но Азеф после двух дней пребывания в одиночном заключении на скудном арестантском довольствии меньше всего был склонен к любезным излияниям. К тому же он, несомненно, понимал, что переход в наступление для него и тактически наиболее выгоден. Поэтому он с места в карьер обрушился на Рачковского с площадной бранью. «В своей жизни,— рассказывает Герасимов,— я редко слышал такую отборную брань. Даже на Калашниковской набережной не часто так ругались. А Рачковскому хоть бы что. Только улыбался и приговаривал: «Да вы, Евгений Филиппович, не волнуйтесь, успокойтесь!»

Когда Азеф, наконец, несколько отошел и разговор принял более мирный характер, то выяснилось, что с Рачковским он не виделся больше полугода — с того самого дня, когда революционерами было получено письмо из департамента, содержавшее разоблачительные сведения об Азефе и Татарове. Вначале он сам не подавал о себе признаков жизни, так как считал себя разоблаченным и боялся еще больше скомпрометировать себя перед революционерами. Но за последние месяцы он делал ряд попыток возобновить свои сношения с департаментом, написал несколько писем Рачковскому с различными сообщениями. Во всех этих письмах он настойчиво просил о назначении ему свидания для личных разговоров, но никакого ответа не получал. Рачковский бросил его «на произвол судьбы», не обращая никакого внимания на его многолетнюю службу для департамента и на все его заслуги в прошлом. Именно за это он и отчитывал теперь Рачковского.

Маневр перехода в наступление Азефом был проведен очень неплохо. Про подозрения, которые у него имелись относительно двойной роли Азефа, Рачковский, по утверждениям Герасимова, теперь и не заикнулся. По-видимому, он просто боялся ворошить всю ту кучу вопросов, которая была связана с этим делом, превосходно понимая, что если начнут рыться в темных делах департамента, то неизбежно найдут много неприятного и относительно него самого. Именно эти общие опасения создали в департаменте неписаную, но тем более прочную традицию: вообще не касаться определенной группы вопросов. С другой стороны, несомненно, теперь Рачковский чувствовал себя в известной мере связанным в отношении Азефа тем, что последний

«спас ему жизнь», предупредив относительно подготовлявшегося Рутенбергом покушения: на этот факт в своих филиппиках Азеф настойчиво напирал, а судьба Гапона с полной определенностью свидетельствовала, что отведенная опасность была вполне серьезной. Все это, вместе взятое, заставило Рачковского не выдвигать во время объяснения с Азефом тех действительных аргументов, которые заставляли его воздерживаться от сношений с последним. Поскольку же он такого рода обвинений не выдвигал, постольку его позиция была в высшей степени трудносащитимой. И он действительно, вопреки своему обыкновению, держал себя крайне смущенно, подыскивал различные оправдания для своего поведения, но делал это сбивчиво и невразумительно. Аудиторию он имел, во всяком случае, не на своей стороне. «Я сам,— пишет Герасимов в своих неизданных воспоминаниях,— почувствовал угрызения совести за действия Рачковского и был удивлен, что во главе руководителей политического розыска стояли такие бездарности. Азеф прочитал Рачковскому надлежащую и вполне заслуженную отповедь».

Как ни серьезна была эта размолвка, кончилась она тем, что «милые помирились». Рачковский, по рассказу Герасимова, признал, что он поступал неправильно, и просил Азефа возобновить свою работу для полиции. Азеф для приличия несколько поломался, но затем «смилостивился» и дал согласие. В действительности в тот момент он только этого и хотел: мы уже знаем, что без перестраховки со стороны полиции он чувствовал себя в высшей степени неспокойно и сам стремился к возобновлению своей старой связи.

Несмотря на «скромность», присущую всем участникам того разговора, совершенно обойти молчанием вопрос о том, почему Азеф оказался причастным к подготовке покушения на Дурново, было невозможно. Объяснения Азефа были весьма характерны. Как пишет в своих воспоминаниях Герасимов, Азеф заявил, что, будучи оставлен Рачковским без руководства, он «считал себя свободным от службы в департаменте полиции» и потому считал себя вправе «приняться за свою профессиональную работу в партии», войдя в состав ее Центрального Комитета и начав принимать участие в деятельности Боевой Организации. Это объяснение удовлетворило и Рачковского, и Герасимова: они, по-видимому, считали вполне нормальным, что их секретные сотрудники, когда они остаются без полицейской работы, начинают заниматься организацией покушений на министров. Видя такое к нему отношение, Азеф, можно сказать,

обиаглел и потребовал возмещеиия тех убытков, которые ои поиес из-за разрыва сиошеиий с департамеитом. И ои добился своего: было решеио, что ои получит 5 тысяч рублей, то есть ие только жаловаиье за все пропущеииые месяцы, но и иекоторую сумму иа покрытие расходов по поездкам — по примеру того, что ои получал в иормальиое время... Своими материальиыми иитересами ои отиюдь ие был иамереи поступаться.

В обмеи за это ои дал иекоторую ииформацию о деятельности и плаиах Боевой Оргаиизации. Эта ииформация далеко ие была обильиой: об исчерпывающей ее полиоте и говорить ие приходится. Из двух осиовиых предприятий, которые тогда вела Боевая Оргаиизация, об одиом — о покушеиии против Дубасова — Азеф совершеиио ие упомяиул. Работа по подготовке второго осиовиого предприятия — покушения против Дуриово — в то время велась двумя группами террористов: с одиой стороиы, группой из трех «извозчиков» (Абр. Р. Гоц, Павлов и А. Третьяков), сиошения с которыми поддерживал Азеф, и, с другой стороиы, смешаииой группой «извозчиков» и различиых «уличиых торговцев» (Кудрявцев, Петр Иваиов, Гориисои, Пискарев и Вс. Смириов), работой которых руководил Б. В. Савииков. Первая группа и без того была полиостью прослежена полицией. Выдавать ее ие приходилось, Азеф мог только подтвердить правильиость уже собраииых охраииым отделеиием сведеиий, что ои и ие премииул сделать. Что же касается до второй группы, иа след которой охраииое отделеиие ие иапало, то о ией Азеф ие сказал ии слова. Таким образом, отиосительио обоих осиовиых предприятий Боевой Оргаиизации в этот момеит ои ие сообщил полиции абсолютио иичего иового.

Такое иовое было только в его рассказах о двух сравиительио второстепеииых предприятиях Боевой Оргаиизации — о задумаииых последиею покушеииях против геиерала Мииа и полковиика Римаиа — двух офицеров Семеиовского полка, особеиио отличившегося своей жестокостью при подавлеиии Декабрьского восстаиия в Москве. Общее руководство этими покушеииями Боевая Оргаиизация возложила иа В. М. Зеизииова, который под руководством Азефа разработал весьма иесложиый плаи: террористы-исполиители — таковыми были иамечеиы бывшие студеиты Самойлов и Яковлев — должиы были явиться иа квартиры озиачеииых офицеров переодетыми в воеииую форму и, коиечио, под чужими фамилиями. Оба эти предприятия Азеф теперь выдал. Имеи иамечеииых исполиителей ои ие иазвал, ио ои рассказал,

каким образом эти покушения предположено осуществнть, и тем самым дал полиции возможность принять свои меры предосторожности.

Таков был общий баланс этого свидания Азефа со своими полицейскими руководителями, первого после перерыва в почти семь месяцев. Из него ясно, что Азеф в этот момент совсем не собнрался прекращать свою двойную игру: выдавая одни из намеченных предприятий Боевой Органнзации, он по-прежнему умалчивал о других.

С тем большею охотою и подробностями рассказывал он во время этого свндания о деле Гапона — Рутенберга, не думая при этом скрывать свою насмешку над Рачковским. «Что,— говорил он,— удалось вам купить Рутенберга? Хорошую агентуру в Боевой Организации вы завели, нечего сказать!» От него от первого Рачковский и Герасимов узнали точно, что Гапона уже нет в живых. Рачковский подозревал, что с ним случилось что-то неладное, так как Гапон в течение нескольких дней не подавал о себе никаких вестей, но только теперь, из рассказа Азефа, он узнал, какая именно судьба постигла Гапона, о том, что труп последнего в течение уже нескольких дней виснт в пустой даче где-то на границе Финляндии. Точного адреса этой дачн Азеф не сообщил, возможно, что он его действнтельно не помнил. Поиски пришлось вести через местную полицию по всем пограничным населенным пунктам как в России, так и в Финляндии. Тело было найдено только спустя месяц после убнйства...

По обсуждении создавшейся обстановки решено было ареста «боевиков», с которыми был связан Азеф, не производить: Азеф заявил, что такой арест окончательно скомпрометнрует его в глазах революционеров и совершенно лишит возможности продолжать службу. Поэтому решено было просто «спугнуть» террористов, распространив через имеющиеся у департамента связи слух о том, что полиция напала на след этой группы и собирается ее арестовать. Сам Азеф был, конечно, освобожден.

Обо всех этих переговорах Герасимов поставил в известность и министра внутренних дел Дурново. По рассказу Герасимова, во время этого своего доклада он высказал сомнение относнтельно возможности успешной работы Азефа в качестве секретного агента: против него уже существовали подозрения в революционных рядах; как агента его зналн не только ответственные служащие департамента, но и многие филеры, и потому ни в каком случае нельзя было ручаться за то, что кто-либо не предаст его снова. А послед-

ствия такого предательства для Азефа будут самыми печальными: он сам говорил, что его убьют. Ввиду всего этого Герасимов, по его словам, был склонен отказаться от услуг Азефа. Но Дурново посмотрел на вопрос совсем иными глазами: он был большой циник и не имел никакого желания считаться с тем, что жизни Азефа может грозить опасность. «Боевики» доставляли ему слишком большие неудобства: по докладам Герасимова, ему не раз приходилось отказываться от выездов на самые интимные свидания и вести образ жизни зверя, обложенного в его собственной берлоге. Поэтому все, что хоть немного облегчало условия его существования, он считал допустимым.

«Ведь рискуем не мы,— приблизительно так говорил Дурново,— так пусть он об этом и думает. Если он согласен, то нам-то что об этом беспокоиться? Время теперь такое, что каждый сотрудник нужен до зарезу. Пускай работает, там видно будет».

Приказ о выдаче 5 тысяч рублей Дурново подписал без всяких возражений. Таким образом, сделка с Азефом была утверждена. Руководить его работой должен был Рачковский, но с тем, чтобы при свиданиях присутствовал и Герасимов.

Отсутствие Азефа из-за этого ареста продолжалось несколько дней, но большого внимания на себя со стороны революционеров оно не обратило: в условиях боевой работы это было явлением более или менее обычным. Азеф объяснил, что заметил за собою слежку и вынужден был в течение нескольких дней скрываться, заметая свои следы. Это было тем более правдоподобно, что известия о полицейской слежке за тем отрядом, которым руководил Азеф, теперь начали поступать со всех сторон. Слежку за собой начали замечать прежде всего сами «извозчики»: Герасимов дал филерам инструкцию вести себя так, чтобы быть замеченными. Кроме того, до центра Боевой Организации теперь начали с разных сторон доходить те слухи, которые были пущены полицией о предстоящих арестах террористов-«извозчиков». Так, В. И. Натансон, жена одного из членов Центрального Комитета, будучи в гостях у какого-то видного кадета, услыхала за столом разговор о трех «извозчиках», которые ведут наблюдение за Дурново и арест которых предстоит в ближайшем будущем. Другому члену Центрального Комитета, А. А. Аргунову, о том же было передано от имени одного из сочувствующих. Все эти сведения, конечно, были немедленно переданы Азефу, который поспешил поделиться ими с Савинковым. После тщатель-

ного обсуждения оба они пришли к выводу, что ничего иного не остается, как немедленно же ликвидировать указанную группу «извозчиков», чтобы спасти хотя бы людей. Азефом был разработан план такой ликвидации, который и был «успешно» осуществлен. Арестован в этот момент никто не был, все «извозчики» были переарестованы спустя несколько месяцев поодиночке и на основании филерских показаний осуждены на каторжные работы.

Ликвидация этого отряда совпала с общим острым кризисом внутри Боевой Организации.

Утверждая программу деятельности последней, Центральный Комитет поставил условием выполнение ее до дня открытия Государственной думы. Предвиделось, что после открытия последней общая политическая обстановка в стране будет такова, что партия вновь будет вынуждена по политическим соображениям отказаться от применения террористических методов борьбы. Теперь день открытия Государственной думы — 10 мая 1906 г. — был уже совсем близок. Выборы всюду приносили победу прогрессивным партиям. Не было никакого сомнения в том, что Дума в подавляющем большинстве будет настроена оппозиционно, и не в одних только умеренно-либеральных кругах люди тешили себя надеждой на капитуляцию старой власти перед «волей народных избранников», впервые появлявшихся на арене политической жизни России.

Неизбежность близкой приостановки деятельности Боевой Организации становилась все более и более очевидной. А между тем намеченная программа ни в одной ее части осуществлена не была. Боевую Организацию всюду преследовали неудачи. Вслед за «извозчиками», которые выслеживали Дурново, под удар попал второй основной отряд организации, готовивший в Москве покушение против Дубасова. Азеф не дал департаменту никаких указаний относительно этого отряда, но московская полиция самостоятельно напала на его след, и только с большим трудом Савинкову, который руководил подготовкой покушения в Москве, и его товарищам удалось ускользнуть от ареста.

В виде дополнения к этому удару полное крушение потерпело и покушение на Мина и Римана. После получения от Азефа сведений о подготовке этих покушений Герасимов поставил на квартирах указанных офицеров особую охрану, которая получила инструкцию из посетителей пропускать на свидания с ними только тех, кто лично известен. Незнакомые, как они себя ни называли бы и какие мундиры они ни носили бы, на свидания должны были

быть пропускаемы только после наведения о них надлежащих справок. В виду этих инструкций оба террориста, хотя они явились в офицерских мундирах и назвались весьма громкими фамилиями (один князем Вадбольским, другой — князем Друцким-Соколинским) на свидание допущены не были — под предлогами случайного отсутствия Мина и Римана в их квартирах. Мундиры и княжеские титулы помогли им только в одном отношении: они не были тут же задержаны. Но когда Яковлев («князь Друцкой-Соколинский») через несколько часов попытался явиться к полковнику Риману вторично, он был арестован: к этому моменту полиция уже установила, что он не то лицо, за которое себя выдавал.

Вся широко задуманная кампания Боевой Организации опять грозила закончиться ничем, и ее деятели склонны были этот факт воспринимать как удар для их чести. Молодежь стремилась во что бы то ни стало *реабилитировать честь Боевой Организации* и была готова идти на самые отчаянные предприятия. А. Р. Гоц носился с планом открытого нападения террористов на дом, в котором жил Дурново: «боевики», одетые в особые «панцири» из динамита, должны были силой прорваться внутрь дома и там взорвать себя, чтобы под развалинами здания похоронить Дурново и всех, кто был в его квартире. Этот план по разным соображениям был отвергнут. Но решено было совершить перегруппировку сил и напрячь все усилия для того, чтобы до открытия Думы произвести два основных покушения — на Дурново и Дубасова. Руководство первым покушением теперь перешло в руки Савинкова. За дело Дубасова взялся «сам» Азеф.

Все усилия первого остались безрезультатными: на след отряда, которым он руководил, полиция напасть не смогла, но меры предосторожности, принятые для охраны Дурново, были настолько велики, что террористам не удалось ни одного раза даже просто увидеть его.

Более удачлив был Азеф. Покушение он назначил на 6 мая — день рождения государыни. В этот день Дубасов, по своему официальному положению московского генерал-губернатора, должен был обязательно быть в Кремле на торжественном молебне. На обратном пути с этого молебна и должно было быть совершено покушение. Действовал Азеф крайне осторожно: отправив вперед всех остальных участников покушения, сам до последнего момента оставался в Финляндии. Судя по всему, покушение он действительно хотел довести до успешного конца. За неделю перед

покушением от случайного взрыва в Москве выбыли из строя техники и был потерян почти весь запас динамита. При желании Азеф имел полную возможность отказаться от покушения, и всем было бы ясно, что вина за неудачу падает на случайные причины. Вместо этого он в экстренном порядке принял меры, и образовавшаяся в организации предприятия брешь была заполнена.

Сам Азеф в Москву приехал только накануне назначенного для покушения дня. Поездку эту он совершил с разрешения Рачковского и Герасимова, которым он необходимость этой поездки мотивировал личными делами. О покушении на Дубасова при этом не было сказано ни слова.

В назначенный день покушение состоялось. Дубасов ехал в открытой коляске в сопровождении своего адъютанта графа Коновницына. Около самого генерал-губернаторского дома, на углу Чернышевского переулка и Тверской площади, мимо стоявших у дворца часовых к коляске прорвался член Боевой Организации Б. Вноровский и бросил бомбу, которая разорвалась под коляской. Взрывом был убит адъютант граф Коновницын и сам Вноровский. Дубасов был выброшен из коляски, получил ушибы и несколько поранений, которые не представляли опасности для жизни, но требовали продолжительного лечения. Он ушел в отпуск, из которого на активную службу так больше и не вернулся. Азеф, руководивший всем покушением, в момент взрыва находился совсем поблизости, в кондитерской Филиппова. Эта кондитерская немедленно после покушения была оцеплена полицией, которая хотела выяснить, нет ли там соучастников покушения. Азеф арестован не был: старый филер, руководивший проверкой задержанных посетителей кондитерской, знал его по прежним временам как секретного сотрудника и дал распоряжение об его освобождении.

Это покушение, хотя и не полностью удавшееся, было единственным в активе Боевой Организации за этот период, тем сильнее оно способствовало укреплению репутации Азефа. После письма Меньщикова, хотя Азеф и был реабилитирован полностью, червь сомнения все же закрался в души многих. Все были уверены, что в период организации убийств Плеве и великого князя Сергея он был искренним революционером. Но кое-кто начинал допускать возможность вступления его в сношения с полицией после того, как эти покушения были осуществлены.

Хороший знаток людей, Азеф, несомненно, чувствовал нарастание подобных настроений. Желание положить им конец и толкнуло его на тот риск, который был для него

связан с участнем в покушеннн против Дубасова. Он не ошнбся в расчетах: это покушение иа время реабилитнровало его в глазах даже ианболее подозрнтельных революцнонеров.

Для достиження имеиио этого результата Азеф и шел иа риск чрезвычайио неприятных объясненнй с Рачковским и Гераснмовым. Этн объясиеиня ие замедлнли последовать.

В Росснн была траднция: каждое «порядочиое» охраиное отделеине нмело своего агента среди местной террористической оргаиизацнн. К этому прилагались все уснлня и на это ие щаднли ннкакнх средств. Не иметь такого агента счнталось своего рода признаком «дурного тоиа». Московское охранное отделенне ннкто ие имел права упрекнуть в нежелаинн счнтаться с траднцнямн. Близко к самому центру местиого боевого отряда оио держало своего старого н заслужеииого агеита — З. Жученко, которая имела отношение ко всем террористическим предпрнятням, органнзованиым местиымн «боевнкамн». В состав цeнтральной Боевой Оргаиизацин оиа не входнла, ио иекоторых нз ее деятелей зиала и кое-какне сведення об ее деятельностн, особенио поскольку это касалось Москвы, по своему положеиню получать могла. Именно оиа за иесколько недель перед тем навела московскую полицию иа след группы Савникова. Азеф держался осторожиее, с местной органнзацией ин в какие отношеиия ие вступал. Но один из руководнтелей местиых террористов, М. Сладкопевцев, случайио встретил его на улнце, узиал н после того как покушение на Дубасова состоялось, рассказал свонм блнжайшнм товарищам о том, что это покушенне, иесомненно, оргаиизоваио «самнм» Азефом. Жученко была среди тех, кто узиал эту иовость от Сладкопевцева, н ие замедлнла сообщнть ее в охраниое отделенне. Оттуда полетелн телеграфиые доклады в Петербург. Они уже были получеиы в департаменте, когда состоялось первое после этого покушення свнданне Азефа с Рачковскнм и Гераснмовым.

Это свидаиие носнло бурный характер. Позднее Азеф рассказывал Бурцеву, что, указывая на иего, Рачковский кричал:

— Это его дело в Москве!

На это Азеф не без вызова ответил:

— Если мое, то арестуйте меия!

Расчет его был ясеи: ои был увереи, что полицня побоится большого скаидала. А скандал вышел бы действительно исключнтельиым по своим размерам: Азеф не просто отрнцал свою причастность к покушеиню иа Дубасова, ои утверждал, что действнтельиым оргаинзатором его был ие кто нной, как указаиная З. Жученко. Трудио сказать,

догадывались ли они о действительной роли друг друга, но этими утверждениями они ставили своих полицейских руководителей в совсем невозможное положение: если бы это дело получило огласку — что было неизбежным в случае ареста Азефа,— полиция не только потеряла бы двух своих важнейших сотрудников по партии социалистов-революционеров; она должна была считаться с тем, что вскрытие провокаторской роли двух ее агентов в крупнейших террористических организациях вызвало бы в стране настоящую бурю возмущения против полиции. А в тогдашней обстановке — это было всего за день — за два перед открытием первой Государственной думы — подобное разоблачение могло бы иметь огромные последствия и политического характера. И без того шаткое положение правительства неизбежно сделалось бы совсем невозможным. В этих условиях Рачковский и Герасимов с точки зрения интересов тех групп, представителями которых они были, ничего иного делать не могли, как стараться потушить столь неприятное для них дело. Так они и сделали. Расчет Азефа оправдался.

Официальной версией, по-видимому, была сделана та, за которую еще и теперь держится Герасимов в своих воспоминаниях.

«Возможно допустить,— пишет он,— что Жученко принимала участие в организации этого покушения, но этим не исключается и предположение, что Азеф, будучи в течение многих месяцев свободным от службы в департаменте полиции, мог по поручению партии организовать покушение, а, сорганизовав его, расстроить ему уже не удалось. Кажется, только одно не подлежит сомнению — что как Азеф, так и Жученко знали о подготовлявшемся покушении, но по соображениям шкурного характера они о нем не доносили, так как уже были на подозрении у партии».

Эта версия во всех ее частях не соответствует действительности: Жученко к покушению на Дубасова никакого отношения не имела. О нем она узнавала стороной, из вторых и третьих рук, и о том, что узнавала, она «честно» сообщала своему начальству. На ее совести лежит достаточно ее собственных преступлений, чтобы существовала необходимость взваливать на нее ответственность также и за чужие грехи. Что же касается до роли Азефа, то ее действительный характер ясен из предыдущего. Позволительно сомневаться, что сами Герасимов и Рачковский брали всерьез эту ими созданную версию: они имели вполне достаточно материалов для суждения об Азефе и

были достаточио опытиыми в подобных делах людьми, чтобы могли действнтельио, а ие для внда только прииять подобное противоречивое объясиеиие.

По их поведению видио, что в действнтельности этнм объяснением они и не думали удовлетворяться: факты свидетельствуют, что ие после своего апрельского «ареста», а имеиио после даииого объяснеиия из-за покушеиия протнв Дубасова Азеф прекратил попытки ведения двойной игры н стал некоторое время послушным и старательиым исполиителем предписаний своего полицейского иачальства. Без причин он этого ие сделал бы: очевидио, во время этого объяснения он прниуждеи был убедиться, что двойиая нгра в дальнейшем для него будет связаиа с весьма серьезными опасиостямн.

Конечно, во время этого же объясиеиия ему пришлось заплатить «выкуп» за свое участие в деле Дубасова: таким выкупом явилась голова Савиикова. Роль последиего полиция преувеличнвала, считая его главиой оргаиизаторской снлой Боевой Оргаиизации. Азеф в своих первых беседах с Гераснмовым всеми силами поддерживал эту версию. С тем большей иастойчивостью Герасимов потребовал теперь его выдачн. Азеф иа это пошел, и ие его вииа, если Савинков все же смог спастись от приготовленной для него петлн.

10 мая при общем ликоваиии столнцы открылась Государственная дума,— первое в историн Россин представительиое учреждение. Оппозициоииые партии имели в ией подавляющее большиинство. В Центральном Комитете социалистов-революциоиеров была предрешеиа прностаиовка террора на время существования этой Думы. Формальиое объявлеиие об этом решеиии было отложено до Совета партии — совещаиия члеиов Цеитральиого Комитета с представителямн местиых крупиейших органнзаций. Член Центральиого Комитета Азеф был в курсе этнх решений Центрального Комитета. Это не помешало ему за иесколько дией до открытия работ Совета партии направить Савиикова в Севастополь для оргаиизации там покушення против адмирала Чухнина, который в конце 1905 г. жестоко подавил волнения в Черноморском флоте. Начиная от самого Петербурга и Савников н его помощиикн былн взяты под иаблюдеине лучшнми филерами петербургской охраики. Арест нх должен был быть произведен иа юге: таким путем должна была быть отведена возможиость подозрения против Азефа; с другой стороны, там иа месте должны были быть найдены такие данные для обвииення, чтобы Савнников ие смог ускользнуть от смертиого приговора.

Случай помог осуществлению этих полицейских планов: через два дня после прибытия Савинкова в Севастополь местными социалистами-революционерами было организовано покушение на коменданта города, генерала Неплюева. Савинков и его товарищи к этому делу никакого отношения не имели, и полиции это было превосходно известно. Тем не менее они были арестованы и преданы по этому делу военному суду. Смертный приговор был обеспечен. Но другой «случай» спас Савинкова: примчавшимся из Петербурга товарищам — членам Боевой Организации удалось организовать смелый по замыслу и по выполнению побег. Переодетый в солдатскую форму, Савинков был выведен из тюрьмы и благополучно выбрался за границу. Без главного обвиняемого процесс потерял свою остроту, и никто из остальных подсудимых не получил смертного приговора. А Савинков, после короткой передышки за границей, к осени был на своем старом посту в рядах Боевой Организации. В жизни последней за эти месяцы произошло много перемен. Савинков поспел как раз ко времени, чтобы помочь Азефу — тому, кто его предал,— в осуществлении плана общего упразднения Боевой Организации.

Глава XII

ГЕРАСИМОВ И СТОЛЫПИН — НОВЫЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ РУКОВОДИТЕЛИ АЗЕФА

Через несколько дней после открытия Государственной думы в Москве собрался Совет партии социалистов-революционеров, который единогласно высказался за приостановку террористической борьбы. Но так как настоящей веры в готовность правительства пойти на соглашение с Государственной думой ни у кого не было, то одновременно Совет дал Центральному Комитету право своею властью, не дожидаясь следующего собрания Совета, возобновить террор в тот момент, когда этого потребуют интересы революции.

Азеф участвовал в этих заседаниях Совета. Его отношение к вопросу о приостановке террора было двойственным: в разговорах с «боевиками» он фрондировал против этого решения, продолжая свою линию внесения трений между Центральным Комитетом и Боевой Организацией; в беседах же с руководителями Центрального Комитета он не только поддерживал предложение о временной приостановке террора, но порою шел дальше и говорил, что,

по его мнению, роль революционных партий вообще закончена, что теперь политическое развитие страны пойдет под руководством либералов.

Принятому Советом решению Азеф во всяком случае подчинился и Боевую Организацию временно распустил. По существу, для него этот роспуск был лучшим выходом: приостановка террористической борьбы давала ему время для того, чтобы спокойно и на досуге разобраться в той новой обстановке, которая складывалась для его полицейской работы. А эта обстановка действительно стала совершенно новой, в которой совсем непригодными оказывались старые, в течение ряда лет Азефом испытанные приемы ведения двойной игры.

Перемены, происходившие в составе правительства, не могли не отразиться и на личном составе руководителей политической полиции. Во главе Министерства внутренних дел, которому в конечном итоге была подчинена вся политическая полиция, встал совершенно новый для чиновного Петербурга человек — П. А. Столыпин, который вначале чувствовал себя еще очень непрочно среди верхов столичной бюрократии и делал много усилий для того, чтобы окружить себя людьми, на преданность которых он мог положиться. В первую очередь им был обновлен руководящий состав департамента полиции. Рачковский был сначала отстранен от дел фактически, а вскоре затем, с начала июня 1906 г., уволен и формально. Причиной удаления была отнюдь не роль Рачковского в деле организации погромов, роль, которая как раз в эти дни стала достоянием гласности. Об этой стороне деятельности Рачковского Столыпин был осведомлен вполне точно: А. А. Лопухин, раскрывший эти «подвиги» Рачковского, был другом детства Столыпина и не замедлил информировать о них последнего. Это ни в малой степени не помешало Столыпину взять Рачковского под свою защиту, когда вопрос о действиях последнего был вынесен на трибуну Государственной думы. Причины были просты: за спиною Рачковского в этой его погромной деятельности стояли ближайшие к царю лица; ей помогал сам царь, совершенно недвусмысленно дававший понять вновь назначаемым губернаторам, что он будет рад, если количество евреев в их губерниях в результате погромов будет несколько сокращено. Столыпин все это знал и понимал, что, беря в этом вопросе под свою защиту Рачковского, он содействует укреплению личного к нему доверия царя. Но те самые придворные связи Рачковского, которые заставляли Столыпина защищать его прошлую

деятельность, делали его, с точки зрения Столыпина, непригодным для роли руководителя политической полиции в настоящем: имея такие связи, Рачковский всегда был склонен вести свою собственную политику, не во всем согласованную с желанием министра, а это меньше всего входило в расчеты Столыпина. Руководителем политической полиции последний хотел иметь человека, который был бы целиком и полностью предан ему и только ему одному. Особенно непригодным для этой роли Рачковского делала его близкая связь с Треповым, который как раз в тот момент пытался уговорить царя согласиться на создание «думского министерства» без Столыпина. Таким образом, по злой иронии судьбы, организатор погромов Рачковский эту новую, и теперь уже окончательную, служебную аварию потерпел в качестве возможного союзника сторонников либерального курса.

На место Рачковского в департамент были призваны новые для политической полиции люди — Трусевич и другие — мало знакомые с делом полицейского розыска и потому не игравшие самостоятельной роли. Фактически же центральной фигурой в деле руководства политической полицией стал начальник охранного отделения в Петербурге полковник Герасимов.

Этот последний действительно был весьма крупной звездой на охранном небосклоне. В истории русской политической полиции последних перед революцией десятилетий он сыграл одну из самых значительных ролей.

В те годы он был сравнительно молод (он родился в 1861 г.), инициативен и энергичен, смел до авантюризма, самоуверен до дерзости и в добавление ко всему полон честолюбивых планов, в борьбе за осуществление которых он менее всего склонен был считаться с количеством чужих отдавленных ног. Плебей по происхождению (его отец был из податного сословия: казак-украинец), он в жандармы пошел для того, чтобы сделать карьеру. В своей ранней молодости, учеником реального училища в Харькове, он имел некоторое касательство к революционным кружкам учащейся молодежи. Кое-кто из его школьных товарищей позднее играл видную роль в революционном движении, например И. И. Мейснер, недавно скончавшийся в Берлине. Сам Герасимов в этих кружках не засиделся: путь тюрем и ссылок меньше всего казался ему привлекательным. Потерпев неудачу на попытке пробиться в инженеры, Герасимов пошел в юнкерское училище и затем в течение нескольких лет тянул офицерскую лямку в одном из резервных

пехотных батальонов. Эта служба не удовлетворяла — и не могла удовлетворять: монотонная, скучная жизнь и притом без надежд сделать карьеру в будущем. Выскочить из колеи оказалось возможным в одном направлении: перейти в корпус жандармов. Этот переход Герасимову дался нелегко. Конец 80-х годов был периодом общей борьбы с «кухаркиными детьми». Офицерский состав корпуса жандармов с особым старанием стремились заполнять одними только дворянами. Плебеям, к числу которых принадлежал Герасимов, ставили разного рода препятствия. С большим трудом удалось пробиться вначале. Нелегко было и двигаться по служебной лестнице позднее. Мужицкая напористость, с одной стороны, обнаружившиеся полицейские таланты — с другой, помогали преодолевать препятствия. К началу 1900-х годов положение стало много лучшим: когда революционное движение разрослось, начальству стало не до справок о «социальном происхождении» жандармских офицеров, способных вести борьбу против этого движения. В феврале 1905 г. — в период, когда дело полицейского сыска разваливалось по всей империи и когда с ним особенно плохо было в Петербурге,— Герасимов получил назначение на пост начальника петербургского охранного отделения. Это был один из наиболее ответственных постов в русской политической полиции вообще. Герасимов быстро сумел сделать его еще более ответственным.

Особенно сильно он выдвинулся в октябре — декабре 1905 г. Растерянность среди руководителей политической полиции в тот период достигла высших пределов. Департамент полиции боялся принять какие-либо меры для подавления вырвавшегося наружу революционного движения. Революционная агитация велась открыто, захватывая все новые и новые слои и расшатывая последние устои старой власти. Герасимов был тем, кто настаивал на переходе к репрессиям. По его рассказам, он тогда считал, что перед властью стоит один выбор: «или мы будем,— как писали в их газетах,— служить революционным украшением петербургских фонарей, или их пошлем в тюрьмы и на виселицу».

В первую очередь он требовал немедленного ареста Петербургского Совета рабочих депутатов. Руководители департамента полиции во главе с Вуичем и Рачковским были против этих арестов: они опасались, что последние вызовут революционный взрыв, для подавления которого у правительства нет надежных сил. Герасимову пришлось выдержать жестокую борьбу. По его настоянию было созвано

специальное междуведомственное совещание для всестороннего обсуждения вопроса. Председателем его был Щегловитов — будущий министр юстиции в годы жесточайшей реакции, расстрелянный в сентябре 1918 г. в Москве по приговору Чрезвычайной Комиссии. Это совещание почти полностью встало на точку зрения департамента полиции. Только один представитель прокуратуры, известный позднее обвинитель по политическим процессам, Камышанский, поддержал Герасимова. Большинство приняло решения, в которых высказалось против немедленного ареста Совета и наметило программу мер, которые, по его мнению, должны были смягчить опасности революционной агитации, без применения крутых репрессий.

Поражение на этом совещании не остановило Герасимова, он отправился к министру внутренних дел Дурново для того, чтобы лично защищать свою точку зрения. Здесь его также ждала неудача: выслушав Герасимова и ознакомившись с протоколом совещания, Дурново заявил, что он все же присоединяется к мнению большинства этого последнего. В этот последний момент, по рассказам Герасимова, в дело вмешался министр юстиции Акимов, который присутствовал при докладе Герасимова, но до сих пор никак не проявлял своего к нему отношения. Услышав решение Дурново, Акимов вышел из состояния пассивного наблюдателя и заявил, что со своей стороны он целиком присоединяется к мнению Герасимова: «Положение действительно таково, что медлить нельзя: или мы их, или они нас». И так как Дурново все еще колебался, то Акимов заявил, что в таком случае он берет ответственность на себя и в качестве генерал-прокурора империи тут же на своем блокноте написал полномочие Герасимову на производство всех тех обысков и арестов, которые последнему кажутся необходимыми. Так, по рассказам Герасимова, была в декабре 1905 г. решена судьба Петербургского Совета рабочих депутатов...

Как известно, аресты тогда прошли с точки зрения правительства благополучно: в Петербурге совсем никакого взрыва не произошло, восстания в Москве и в провинции были подавлены сравнительно легко. Из докладов с мест вскоре стало ясным, что замедление с репрессиями значительно понизило бы шансы правительства в борьбе с революцией. После этого Дурново проникся большим уважением к полицейским талантам Герасимова и начал всячески его выдвигать, открыто называя его самым крупным из деятелей политического розыска того времени.

Жаловаться на плохую карьеру теперь не было осиований, но аппетит приходит во время еды. Уже достигнутое казалось иедостаточиым, тем более что в работе все еще приходилось считаться с инструктивными указаниями департамента, к руководителям которого Герасимов и тогда и после относился с преиебрежительиым презреиием, не стесняясь называть их «высокопревосходительными господами с курииыми мозгами»[1]. От этой зависимости от департамеита Герасимова освободил Столыпин, быстро поиявший, как важио для иего иметь целиком на своей стороне начальника политической полиции в столице. Герасимов получил такие права и приобрел такое влияние, которого ии раиьше, ии позднее не имел ни один из иачальников охранного отделения в Петербурге. Департамеит полиции был оттеснен иа второй плаи. Ни о каком контроле с его стороиы над Герасимовым ие могло быть и речи. Герасимов делал все, что хотел, и диктовал свою волю департаменту. Вся цеитральная агентура, то есть все секретные сотрудники, которых полиция имела в центральных оргаиизациях революциоиных партий, перешла в его руки. Обо всех своих действиях департамент должен был предварительно сноситься с Герасимовым. Наученные опытом, руководители охраниых отделеиий иа местах в наиболее важных вопросах предпочитали советоваться не с департаментом, а именно с Герасимовым, совместио с которым они затем решали, нужно ли о даином деле информировать департамент или предпочтительнее оставить его в иеведеиии. Охранное отделение в Петербурге иа время стало фактическим центром всего политического розыска в империи, и Столыпии был едииственным, кому был на деле подчииен начальник этого отделения: Герасимов регулярно делал ему устные доклады обо всем, что представляло мало-мальски значительный интерес в области политического розыска. В наиболее острые периоды такие доклады им делались каждый деиь. Особенно подробио Герасимов должен был сообщать обо всем, что охранному отделению становилось известным из области внутреиией жизни центральных оргаиизаций революционных партий: жизнью этих последних Столыпин весьма интересовался и за нею внимательно следил. С подобной же полнотою его приходилось информировать относительно внутренней жизии левых фракций Государственной думы. Входил он и во все детали политического розыс-

[1] Именно так отзывался он о них в беседах с А. А. Петровым-Воскресенским (см. «Записки» последнего, с. 178).

ка в узком значении этого слова — поскольку речь шла о событиях и людях центрального значения — и порою давал прямые указания относительно того, кто именно должен быть арестован, чей арест, наоборот, может быть отложен. Фактически в течение всего этого периода, то есть с лета 1906 г. и до ухода Герасимова с поста начальника петербургского охранного отделения в 1909 г., именно Столыпин лично был верховным политическим руководителем этого отделения, а вместе с тем и центрального политического розыска по всей империи.

Основное, на чем сосредоточил свое внимание Герасимов, когда получил возможность ставить дело розыска по своему усмотрению, была организация центральной внутренней агентуры в революционных партиях, без каковой агентуры он считал дело борьбы с революционным движением вообще безнадежным.

Но официальная точка зрения, господствовавшая в департаменте полиции о пределах допустимого применения внутренней агентуры, по мнению Герасимова, по рукам и ногам связывала руководителей политического розыска. Согласно этой официальной точке зрения, идеалом считалось, когда агент не принимает непосредственного участия в деятельности революционных организаций и не входит в их состав, а в частном порядке получает нужные для полиции сведения от тех членов таких организаций, доверием которых он пользуется в силу своих хороших личных с ними отношений. Мало желательным, но допустимым считалось участие агента в организациях второстепенного значения, в которых они должны были играть подчиненную роль, в случае нужды исполняя поручения руководителей, но ни в коем случае не руководя сами деятельностью других. И уже совершенно недопустимым считалось участие агентов в центральных организациях, которые руководят деятельностью больших партий и союзов, инструктируют и направляют их работу, дают другим ответственные поручения и т. д.

Таковы были официальные нормы. На практике они никогда не соблюдались. Полицейские руководители в ряде случаев давали прямые инструкции своим агентам входить в состав руководящих революционных организаций; выше мы видели, что именно так обстояло дело с Азефом, который в 1902 г. вошел в состав Боевой Организации по прямому указанию руководителей департамента и даже самого министра Плеве. Но, поступая так, руководители политического розыска на эти свои действия сами смотрели как

на, быть может, неизбежное, но, во всяком случае, несомненное нарушение законных норм, как на своего рода секретную болезнь, избежать которой порой бывает невозможно, но скрывать которую необходимо даже от самых близких. Поэтому очень часто между агентом и его полицейским руководителем устанавливалось молчаливое соглашение: агент входил в состав нужной организации, но своему руководителю об этом формально не сообщал, продолжая номинально числиться «сочувствующим»; руководитель же, превосходно понимавший, в чем дело, делал вид, что верит этой благочестивой версии.

Герасимов считал подобный порядок и ошибочным и опасным с точки зрения полиции: контролировать действия агента, положение которого внутри революционной организации официально не известно, было, естественно, более трудно, чем контролировать деятельность агента, роль которого была полиции точно известна; возможность всякого рода злоупотреблений в этом случае была несравненно большей; полнота же использования этого агента полицией — несравненно меньшей. Поэтому Герасимов поставил своей задачей легализовать «секретную болезнь» центральной агентуры. Он не только разрешал своим агентам вступать в центральные организации революционных партий, но и прямо толкал их на это, ставя их в то же время под возможно более тщательный взаимный контроль и делая каждого из них, так сказать, ответственным перед полицией за всю деятельность соответствующей организации.

Легализуя центральную агентуру, Герасимов наряду с тем вводил значительные изменения и в тактику полиции по отношению к тем центрам революционных партий, в составе которых он имел своих агентов. И в прежние времена, как уже указано выше, полиция арестовывала далеко не всех тех революционеров, относительно деятельности которых она была осведомлена. Но задачей полиции во всех подобных случаях бывало через отдельных, ей известных революционеров добраться до самого центра данной организации, выяснить весь руководящий состав последней — для того чтобы затем одним ударом вырвать ее всю, с корнем. Именно такова была система Зубатова. Герасимов, наоборот, ввел систему сознательного оберегания от арестов тех центров революционных организаций, в составе которых он имел вполне надежных агентов. Мотивировал он эту свою тактику следующими соображениями: в обстановке, когда рево-

люционное движение носит массовый характер — а именно так обстояло дело в те годы, о которых сейчас идет речь,— уничтожить полностью революционные организации нельзя. Переарестовать всех революционеров нет никакой возможности. На место арестованных членов центральной группы всегда найдутся новые добровольцы, которые восстановят разбитую организацию. Но агента полиции, который входил в состав арестованного центра, всякий такой арест неизбежно ставит под удар: если он арестован вместе с другими, то он на время выходит из числа активных сотрудников полиции; если он оставлен на свободе, то весьма вероятно, что на него может пасть тень подозрения. Поэтому в результате ареста организация существовать не перестает, но имеется много шансов, что старый агент, осведомлявший полицию относительно ее деятельности, выйдет из строя. Чтобы быть в курсе работ этой организации в ее новом составе, полиции придется искать нового агента, а такие поиски нелегки, они во всяком случае всегда отнимают некоторое время, в течение которого организация остается без внутреннего осведомителя, и ее работа, следовательно, будет идти вне контроля полиции. Ввиду всего этого, по мнению Герасимова, подобного рода аресты с точки зрения полицейского розыска только вредны. Полиция должна идти совсем иным путем. Организационные центры, поскольку в их составе имеется хорошая агентура, не следует разбивать арестами. Их нужно, наоборот, даже оберегать — для того чтобы держать под постоянным и самым тщательным контролем и иметь возможность во всякое время парализовать наиболее вредные проявления их деятельности. Если такая организация ставит, например, тайную типографию, заводит динамитную лабораторию, устраивает склад оружия, взрывчатых веществ и т. д., то полиция должна производить аресты лиц, непосредственно прикосновенных к данным предприятиям, не затрагивая руководящего центра организации как целого. Вполне возможно производить и аресты отдельных членов центра — особенно тех, чья деятельность становится чрезмерно вредной,— но такие аресты нужно производить постепенно, как аресты индивидуальные, и притом, конечно, считаясь с последствиями этих арестов для внутриорганизационного положения агента. Члены, особенно хорошо относящиеся к последнему, должны по возможности оберегаться; наоборот, его внутриорганизационные противники должны при

первой же возможности изыматься из обращения. Производство ареста центральной организации как целого допустимо только в особо важных случаях, например в моменты острых политических кризисов, когда ожидаются особо важные выступления данной организации, предотвратить которые может арест руководящей ячейки, который внесет разброд в ряды организации.

Далеко не все в этой системе было ново. Отдельные элементы ее можно найти в практике многих видных деятелей полицейского сыска более ранних периодов. Герасимов только объединил эти элементы в одно целое, связал отдельные положения в сравнительно стройную систему. В своем законченном виде, логически додуманном до конца, это была настоящая полицейская утопия: все центры всех революционных организаций должны были бы существовать как бы посаженные под стеклянные колпаки; каждый шаг их известен полиции, которая решает, что одно проявление их деятельности, с ее точки зрения менее опасное, она допустит; другое, более вредное, пресечет в корне; одному из членов организации дозволит писать прокламации и выступать с речами на митингах, так как он менее талантлив и его выступления производят меньше впечатления, а другого, более даровитого, посадит в тюрьму.

По рассказам Герасимова, осуществлять на практике эту свою систему организации полицейского розыска он начал еще до появления Столыпина на посту министра внутренних дел, но ему все время приходилось натыкаться на сопротивление со стороны старых руководителей департамента, которые считали недопустимыми вводимые Герасимовым новшества. Отрицательное отношение к последним они пытались внушить и Столыпину, который вначале тоже с большой опаской смотрел на эксперименты Герасимова. Но затем вскоре — и это Герасимов ставит в большую заслугу Столыпину — последний понял все преимущества системы Герасимова и дал ему carte blanche.

Конечно, несмотря на неограниченные полномочия и почти столь же неограниченные кредиты, провести в жизнь полностью свою систему Герасимову не удалось: утопии, даже полицейские, не так-то легко воплощаются в действительность. Но изложенными принципами он руководствовался неукоснительно и смог достичь, по его мнению, весьма значительных результатов: целый ряд ре-

волюционных центров им был поставлен под самый тщательный контроль [1].

В подобных условиях Азеф, перешедший теперь в исключительное ведение одного Герасимова, был, конечно, настоящим кладом для последнего. По рассказам, которые в свое время циркулировали среди наиболее осведомленных деятелей полицейского розыска, Герасимов, зная о действительной роли Азефа в прошлом, в этот период поставил перед ним дилемму: или бросить двойную игру и начать «честно» служить полиции, или пойти на виселицу. Сам Герасимов категорически утверждает, что ничего подобного в действительности не было, что никогда ультиматумов этого типа Азефу он не ставил; он настаивает, что вообще в то время роль Азефа в организации убийств Плеве и великого князя Сергея ему известна не была и что Рачковский, если он об этой роли был осведомлен, ему, Герасимову, ничего о ней не сообщил.

Верна ли эта версия, судить трудно. Но, во всяком случае, несомненно — и это признает Герасимов,— что в связи с делом Дубасова известные подозрения против Азефа у него имелись, и эти подозрения заставляли его на первых порах работы с Азефом с особенной подозрительностью относиться к последнему. Но Азефу быстро удалось рассеять эту подозрительность и завоевать полное доверие Герасимова. «Ввиду невыясненных обстоятельств покушения на Дубасова,— пишет Герасимов в уже цитированных своих неизданных воспоминаниях,— ко всем донесениям Азефа приходилось относиться с большой осторожностью, но благодаря честному и доб-

[1] По утверждению Гераснмова, нз числа секретных агентов центрального значения, которые работали под его руководством, далеко не все были позднее раскрыты. Роль целого ряда из них до настоящего времени остается совершенно неизвестной. Объясняется это тем, что никаких сведений о них Герасимов в свое время в департамент не представлял (а именно иа основании сведений департамента в 1917 г. были раскрыты имена большинства обнаруженных агентов по Петербургу, так как архив самого петербургского охранного отделения почти целиком погиб в дни революции), сношення с нними поддерживал только сам лично, никто другой их не знал, а после ухода Герасимова с поста начальника охраиного отделения они также оставили свою полицейскую работу: Герасимов рассказывает, что, уходя из охранного отделения, он предложил наиболее ответственным из своих агентов решить, хотят ли они быть переданными его преемнику или предпочитают оставнть службу совсем, и целый ряд из них выбрал последнее. Из их числа, по утверждению Гераснмова, до сих пор иикто не раскрыт.

росовестному исполнению им своих обязанностей все сомнения, возникшие по отношению Азефа в деле Дубасова, вскоре рассеялись». Сведения, которые Азеф сообщал, поскольку их удавалось проверять, всегда оказывались точными и правильными; его осведомленность относительно внутренней жизни партии — совершенно исключительной. Ценность его как агента вырастала очень быстро, а наряду с этим росло и доверие к нему.

Об укреплении этого доверия Азеф очень заботился и явно прилагал усилия к тому, чтобы рассеять все сомнения, которые имелись против него. Много и подробно рассказывал он о своей прежней работе — конечно, в желательном для него освещении — и во время этих якобы откровенных разговоров весьма ловко играл на самолюбии Герасимова, на его презрении к «высокопревосходительным господам с куриными мозгами» из департамента, которые в изложении Азефа только и делали, что подводили его под удары революционеров. «Он мне неоднократно жаловался,— пишет Герасимов,— как руководившие им лица его не щадили, и высказывал удивление, как он мог в то время пользоваться еще доверием центра партии, несмотря на циркулировавшие слухи об его предательстве». Эти рассказы давали вполне удовлетворительное объяснение поведению Азефа в прошлом, поскольку в этом прошлом видели только простую утайку Азефом от департамента части известных ему сведений. И все эти рассказы о прошлом перемежались с осторожными, но все же ясными намеками на то, что теперь-то, с Герасимовым, который совершенно не похож на прежних руководителей Азефа, работа пойдет совсем по-иному...

В результате победа Азефа была полная: он завоевал настолько полное доверие Герасимова, что последний еще и теперь сомневается, верны ли имеющиеся в литературе сведения относительно роли Азефа в период организации убийств Плеве и великого князя Сергея, то есть того периода, когда Герасимов не имел никакого личного соприкосновения с Азефом. Что же касается до тех лет, когда Азеф работал под непосредственным руководством Герасимова, то последний до сих пор готов ручаться, что Азеф полностью и во всем был с ним искренен. «За этот промежуток времени,— пишет Герасимов в своих записках,— я принимаю всю ответственность за провокационные действия Азефа, если таковые имели место, и смею утверждать, что со стороны Азефа я никогда

не был обманут, а о провокации даже говорить не приходится». Это заявление весьма самонадеянно, и дальше мы увидим, что Азеф от Герасимова все же скрывал очень многое, а главное, готовил такой удар, который был бы ударом грома для Герасимова. По существу, отношение Азефа к Герасимову ничем не отличалось от его отношения к Ратаеву, полное доверие которого он завоевал для того, чтобы позднее использовать его в своих целях. Разница была только в том, что положение Азефа теперь было значительно более трудным, обстановка — более сложной, и потому платить за нужное доверие приходилось более дорогой ценой. Но для характеристики отношения Герасимова к Азефу его готовность и теперь еще «ручаться» за последнего в высшей степени интересна. Тот факт, что Азеф, уже скомпрометированный в глазах полиции, сумел завоевать такое доверие со стороны Герасимова,— человека, вообще говоря, отнюдь не склонного к излишней доверчивости,— едва ли не лучше всего свидетельствует, каким хорошим знатоком людей был Азеф и как ловко он умел нащупывать слабые стороны их характера.

Свои отношения к Азефу Герасимов строил на базе внимательного отношения к интересам последнего. Азеф рассказывал, передает Герасимов, что в прежние годы ему была обещана департаментом на случай провала пенсия или устройство места в качестве инженера на одном из глухих заводов Урала. Герасимов откровенно заявил, что Азеф не должен особенно полагаться на подобные обещания, так как департамент не имеет привычки их честно выполнять. Вместо этого Герасимов дал Азефу совет начать теперь же копить деньги про черный день и для этого по собственной инициативе, без прямой просьбы Азефа, увеличил вдвое оклад его жалованья, повысив его до 1000 рублей в месяц. «Я посоветовал ему,— рассказывает Герасимов,— это жалованье не тратить — он ведь получал деньги на жизнь от партии,— а все целиком класть в банк на текущий счет. Азеф последовал этому совету и составил завещание, хранившееся у меня, согласно которому все эти деньги в случае его смерти должны быть пересланы его жене».

Одновременно были приняты все возможные меры для предупреждения «провала» Азефа. Его задачи как агента были точно определены. О разных «мелочах» — о литературно-издательской деятельности, об отдельных ли-

цах, о провинциальных организациях и т. п. — он мог ничего не сообщать, даже если и имел данные. «Об этом всем мы могли получать сведения и из других источников»,— говорит Герасимов. Его задачей становилась информация исключительно о людях и событиях центрального значения — обо всем, что делается в Центральном Комитете партии, в ее Совете, на съездах и конференциях, а равным образом в центрах тех фракций Государственных дум, которые были близки к социалистам-революционерам, то есть в трудовой группе, а позднее и в партийной фракции социалистов-революционеров. Специальной и особо важной его задачей была, конечно, информация Герасимова обо всем, что происходит в Боевой Организации: так как Герасимов знал, что Азеф является верховным руководителем последней, то Азеф был сделан прямо ответственным перед охранным отделением за все ее действия. Ни один ее шаг не должен был быть совершен без того, чтобы охранное отделение о нем не было заранее осведомлено. Взамен этого Герасимов гарантировал, что со своей стороны он все свои действия в отношении указанных организаций, обслуживаемых Азефом, будет предпринимать по соглашению с последним, а информация, доставляемая последним, будет держаться в строжайшей тайне даже от департамента для того, чтобы предупредить возможность выдачи секретов кем-либо из чиновников последнего.

Азеф «работал» очень хорошо. Его информация была исключительно богата фактическими указаниями, исключительно ценна и точна. Именно от него Герасимов получал основную информацию о настроениях оппозиционных и революционных групп в Государственной думе, которая в течение первых месяцев работы Азефа с Герасимовым стояла в центре политической жизни всей страны. Его сообщения поэтому составляли основной материал и для ежедневных докладов Герасимова министру Столыпину, который скоро обратил внимание на эту ценную информацию и пожелал узнать ее источник. Герасимов рассказал Столыпину все, что сам знал об Азефе, его прошлом и его теперешней роли в партии. Личность Азефа живо заинтересовала Столыпина, который после этого стал специально расспрашивать Герасимова относительно сообщений Азефа, и в тех случаях, когда тот или иной для него особенно интересный вопрос Азефом еще не был достаточно выяснен, Столыпин просил Гера-

симова задать этот вопрос Азефу. Позднее Столыпин несколько раз в беседах с Герасимовым выражал даже желание лично встретиться с Азефом для того, чтобы в устной беседе подробнее ознакомиться с настроениями и взглядами, распространенными в революционной среде. Такую встречу Столыпина с Азефом Герасимов по разным причинам устроить не мог, но вопросы Столыпина Азефу передавать ему приходилось часто. Касались они, конечно, не чисто полицейских дел — об этих делах достаточно подробно расспрашивал Азефа и сам Герасимов. Столыпин обычно интересовался знать, какова, по мнению Азефа, будет реакция революционных групп на то или иное подготовляемое правительством мероприятие, какие группировки внутри думских фракций существуют по тому или иному вопросу и т. д. Азеф знал, кто именно ставит перед ним эти вопросы, был, несомненно, польщен вниманием к нему Столыпина и с особенным старанием давал свои ответы, являвшиеся, по существу, настоящей политической экспертизой.

Порою Столыпин интересовался и личным мнением Азефа относительно того или иного вопроса. Герасимов, в частности, вспоминает, что в период разгона первой Государственной думы ему пришлось передавать Столыпину мнение Азефа относительно введения в состав правительства так называемых «общественных деятелей», то есть представителей умеренно-либеральных кругов (речь тогда шла персонально о Шипове, Гучкове и др.). Азеф был горячим сторонником этого введения и всячески стремился доказать его полезность и даже необходимость. Равным образом вспоминает Герасимов и ответы Азефа на вопрос Столыпина относительно аграрной реформы последнего: Азеф стоял за уничтожение сельской общины и за создание частнособственнического крестьянства как лучшего оплота против грозящей стране аграрной революции. Вообще, по рассказам Герасимова, Азеф в вопросах политических высказывался «как умеренный кадет или, вернее, как левый октябрист». Столыпин всегда с живейшим вниманием выслушивал все подобные сообщения Герасимова и только удивлялся, как это человек подобных взглядов может входить в состав политического центра партии социалистов-революционеров, которая занимает совсем иную позицию...

В свое время, в дни после разоблачения Азефа, всех поразило определение роли последнего, данное в первом

правительственном сообщении по этому делу: как известно, тогда он был назван «сотрудником правительства». Все были уверены, что это только злополучная обмолвка составителя сообщения, который «агента полиции» назвал небывалым титулом «сотрудника правительства». В свете приведенных выше рассказов Герасимова выражение правительственного сообщения приобретает иной смысл: если даже оно и было по оплошности включено в документ, предназначенный для опубликования, то по существу оно, несомненно, более точно отвечало действительной роли Азефа за последние годы его работы на полицию, чем стереотипное название «агент полиции».

Глава XIII

БОЛЬШОЙ ПОХОД АЗЕФА — ГЕРАСИМОВА — СТОЛЫПИНА ПРОТИВ БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Так проходили недолгие месяцы существования первой Государственной думы — период коротких каникул, установленных для деятельности Боевой Организации.

К концу этого периода стало ясно, что никакого соглашения между Государственной думой и правительством состояться не может и что спор будет решен силой: кто кого победит. В подобной обстановке отказ от террора с точки зрения руководителей партии переставал быть правильным.

Последний толчок для пересмотра вопроса дало обращение в Центральный Комитет со стороны севастопольской организации. Руководитель боевой дружины последней, специально для этого приехавший в Петербург, настоятельно потребовал разрешения убить адмирала Чухнина. Общее решение о необходимости устранить последнего партией было принято еще давно — немедленно после кровавого подавления Чухниным Севастопольского восстания в ноябре 1905 г. Был сделан целый ряд попыток привести в жизнь это решение, все они до сих пор терпели неудачу. Сомнений относительно необходимости этого акта у Центрального Комитета, таким образом, быть не могло. Вопрос, следовательно, стоял в общей форме: продолжают ли оставаться в силе те соображения, которые заставили Совет партии за неполных два месяца перед тем принять решение об общей приостановке террористической деятельности. Приехавший севастополец доказывал, что устранение Чух-

нина не только не окажет вредного влияния на агитационную деятельность партии, но, наоборот, именно с этой точки зрения оно больше всего необходимо: по общей оценке всех севастопольцев, оно поднимет там революционное настроение, особенно настроение солдат и матросов, которые больше всего ненавидят Чухнина. А это особенно важно для партии в данный момент, когда она напрягает все усилия в первую очередь для подготовки военных восстаний. Центральный Комитет согласился с этими доводами и дал севастопольцам просимое ими разрешение. Чухнин вскоре действительно был убит: этот акт был совершен добровольцем — матросом Акимовым, который после убийства смог благополучно скрыться.

Но положение в Севастополе не было исключением. Подобная же обстановка складывалась и в других местах. Подготовка к восстаниям повсюду шла полным ходом, и, по оценке Центрального Комитета, отдельные террористические акты в этой обстановке могли только способствовать нарастанию революционной волны. Поэтому было решено воспользоваться тем правом, которое было предоставлено Центральному Комитету Советом партии и возобновить деятельность Боевой Организации. В качестве первого и единственного задания ей в этот момент было дано поручение убить Столыпина, относительно которого уже не было никаких сомнений, что именно он является главным противником соглашения правительства с Думой на основе создания ответственного перед последней министерства.

Во главе Боевой Организации — это было вещью само собою разумеющеюся — встал Азеф. Собрать старых членов организации не составило труда: большинство их жило в Петербурге или Финляндии, ожидая того момента, когда смогут приступить к своей старой работе. Не было недостатка и в новых добровольцах. Нужный отряд был сформирован очень быстро и немедленно приступил к подготовительной работе. Настроение было самое бодрое. Общая атмосфера тех дней зажигала и заставляла всех верить в успех предприятия. Только Азеф держался очень сдержанно и в разговорах не скрывал, что он далеко не так уверен в успехе, как все другие. Это входило в его действительные планы: подготовляя неудачу всего предприятия, он заблаговременно готовил и соответствующее объяснение.

В курс разговоров о возобновлении деятельности Боевой Организации Азеф с самого начала ввел и Герасимова. По-видимому, только относительно Севастополя он не сооб-

щил никаких подробностей, очевидно, используя свое право не говорить о «мелочах». Что же касается до Петербурга, то охранному отделению были известны все детали планов Боевой Организации, весь ее состав, все мелочи ее внутренней жизни. Аресты могли быть произведены в любой момент, но они не входили в расчеты Герасимова. Азеф заявил, что при наличии в партии серьезных подозрений против него арест работающих под его руководством боевиков неизбежно повлечет за собою полный его провал: в лучшем случае он должен будет отойти совершенно от всех партийных дел. Потеря Азефа меньше всего входила в расчеты Герасимова, и провал одного состава Боевой Организации казался слишком незначительным результатом установившегося тесного союза начальника охранного отделения с руководителем Боевой Организации. Возможности, которые открывал такой союз, надлежало использовать более блестящим образом. Нащупать наиболее выгодную линию поведения было нелегко. Вначале просто пошли по линии наименьшего сопротивления: никаких арестов боевиков не производили, но все начинания их расстраивали. Делал это Азеф своими собственными силами: как главному руководителю боевиков ему было нетрудно направлять их работу по ложному пути. Наблюдение тогда велось за поездками Столыпина к царю и в Государственную думу. По соглашению с Герасимовым Азеф так размещал наблюдателей, что в течение сравнительно долгого времени они вообще не смогли ни одного раза встретить министра. Результаты начали сказываться очень быстро: боевики нервничали, видя безрезультатность своей работы.

Видя подобные результаты саботирования работы Боевой Организации, Азеф предложил Герасимову план, которому нельзя отказать ни в смелости, ни в оригинальности: он предложил возвести дело саботажа работы Боевой Организации в систему и таким путем привести и боевиков, и Центральный Комитет к выводу о невозможности успешного ведения центрального террора. Боевую Организацию следовало заставить работать, как машину на холостом ходу: с максимальным напряжением сил и нервов ее человеческого состава, но без каких бы то ни было практических результатов. У боевиков должно было поддерживаться ощущение, что они делают все, что только в силах человеческих, но в каждой их новой попытке они должны были наталкиваться на якобы непроницаемую стену принятых полицией мер предосторожности, преодоление кото-

рых не под силу Боевой Организации. Все это должно было убедить боевиков и Центральный Комитет в правильности того вывода, к которому Азеф их старался подвести,— к выводу о том, что прежними методами вести дело центрального террора невозможно и что надо по крайней мере на время распустить Боевую Организацию.

Герасимову этот план очень понравился, и с его участием он был разработан в деталях. Получился настоящий план длительной кампании, на службу которой должны были быть поставлены весь боевой опыт и весь внутрипартийный авторитет Азефа, с одной стороны, и весь аппарат охранного отделения — с другой.

Этот план был представлен на утверждение Столыпина, того самого, фиктивной подготовкой покушения на которого Азеф должен был заняться. Вначале Столыпин несколько колебался, подробно расспрашивал о деталях. Он, видимо, боялся «маленьких неисправностей механизма», платить за которые пришлось бы ему: как-никак, а ведь именно за ним велась охота, именно его голова стояла на карте в том случае, если бы в плане оказалась какая-либо погрешность. Но Герасимов смело ручался, что никакой «несчастной случайности» быть не может: такое ручательство он, в свою очередь, взял с Азефа. Последний дал его, хорошо зная строгость внутренней дисциплины, которая царила в Боевой Организации: ни один член ее не рискнул бы выступить в партизанском порядке, без санкции руководителя организации; к тому же в порядке подготовительных работ, о котором пока только и шла речь, боевики-наблюдатели и не имели возможности сделать самостоятельную попытку покушения, так как, по правилам организации, они выходили для наблюдения, не беря с собой оружия, которое могло только служить лишнею против них уликою при случайном аресте, возможность которого всегда существовала. Со своей стороны Герасимов гарантировал, что будут приняты и все возможные меры дополнительного полицейского контроля и что боевики все время будут находиться под самым бдительным наблюдением. Таким образом, никакой реальной опасности от задуманной игры, по уверению Герасимова, Столыпину грозить не могло,— результаты же обещали быть самыми положительными: Боевая Организация была бы поставлена под прочный и длительный контроль. В конце концов план Азефа — Герасимова начал даже нравиться Столыпину, и он дал на него свое согласие.

Поход Боевой Организации против Столыпина, который

был в действительности походом Азефа — Герасимова — Столыпина против Боевой Организации, был начат.

Если смотреть на вещи так, как их видели члены Боевой Организации, то работа последней шла по-обычному. Устраивали конспиративные квартиры, часть боевиков превратилась в извозчиков, другие изображали посыльных, уличных торговцев, разносчиков. Дело ставилось на широкую ногу, и перед расходами не останавливались. Касса Центрального Комитета в тот период была полна, через нее проходили сотни тысяч рублей, а у кассиров уже существовало освященное традицией правило: для Боевой Организации давать столько, сколько ее руководители просят, не задавая вопросов, на что именно деньги нужны. Считалось, что экономию можно наводить на чем угодно, только не на расходах Боевой Организации [1].

После этих подготовительных шагов началась работа по наблюдению за Столыпиным. Это наблюдение вели несколькими группами, в разных местах. Наблюдатели прилагали все усилия, чтобы получить нужные результаты, работали с увлечением, самоотверженно, но почти без всяких результатов. Редко-редко кому удавалось издали увидеть проезжавшего министра, чаще же всего им приходилось наблюдать стайки агентов охраны, которые старательно прощупывали глазами всех, кто попадался им на дороге. Если же удавалось установить ту или иную деталь, которая, казалось, выводила наблюдение на правильный путь и создавала надежду, что скоро будет возможно приступить к более активным действиям,— на горизонте неожиданно появлялись тревожные симптомы, которые не только убеждали в тщетности только что возникшей надежды преодолеть бдительность полицейской охраны, но и заставляли опасаться немедленного провала боевиков-наблюдателей.

Это выступал на сцену Герасимов, до того момента спокойно выжидавший за кулисами союзник Азефа.

Поскольку имелась возможность, последний справлялся своими собственными силами, идя по пути внутреннего саботажа работы боевиков-наблюдателей: давал им ложные

---

[1] Большие расходы на Боевую Организацию входили составной частью в плаи Азефа — Гераснмова: они должны были ослаблять кассу партии. Герасимов рассказывает, что в целях такого ослабления кассы он рекомендовал Азефу по возможности чаще производить «позаимствования» из этой кассы на свои личные нужды, увеличивая таким путем свои сбережения «на черный день». «Впрочем,— оговаривает тут же Герасимов,— скоро я убедился, что Азеф в этих моих советах не нуждался. Этим он занимался и до знакомства со мною».

указания, заставлял караулить на путях, по которым Столыпин не ездил, и т. д. Но для такого саботажа существовали известные границы: нужно было не дать возможности заметить его существование, нужно было все время поддерживать в боевиках уверенность, что организация делает все, что в ее снлах, для достижения положительных результатов. А боевики, видя неудачу нх работы, начиналн проявлять инициативу, делали попытки вырваться из того заколдованного круга, который их окружал, предлагали свои планы. Когда такие самостоятельные поиски боевиков становились особенно настойчивыми, Герасимов, по соглашению с Азефом, прибегал к приему «спугивания».

Для этого давали возможность пойти по какому-ибудь найденному самими боевиками новому пути. Азеф высказывал свои сомнения, но давал согласие на то, чтобы была сделана попытка. Первые шаги обнадежнвали. Настроеине приподнималось. И без того все время напряженные нервы у всех участнннов работы натягивалнсь, как струны. Не следует забывать: люди зиали, что все время ходят по самому краешку своей общей братской могилы. И вот, когда напряжение доходило до высшей точки, тогда Герасимов «пускал браидера»: на арго охранного отделения «брандерамн» называли особо иеумелых филеров, специальной задачей которых было так вестн иаблюденне, чтобы его не мог не заметить наблюдаемый. «Для этой целн,— рассказывает Герасимов,— у иас имелись особые специалнсты, настоящие михрютки: ходит за кем-ннбудь — прямо можно сказать, носом в зад ему упирается. Разве только совсем слепой не заметит. Уважающий себя филер на такую работу никогда не пойдет, да и нельзя его послать: н нспортится, и себя кому не надо покажет».

Конечно, появлеиие «брандера» боевики замечали. Тотчас же об этом событии сообщали Азефу. Последний порой вначале относился к сообщению даже иесколько иедоверчиво: иет лн ошибки? не иачали ли люди иервничать? Ведь в боевой работе это явление довольио обычное... Начиналась проверка сообщения, которая показывала, что ошибки нет, что полицейская слежка действительно ведется, и притом в самой откровенной форме. Тогда Азеф приннмал решение: ничего не поделаешь, если полиция напала на след, то надо все бросать и думать только о спасенин людей. Такова была одна из максим боевой работы, им же установленных. И он давал подробные инструкции — относительно того, в каком порядке должны были скрываться попавшие под наблюдение полнцин боевики: при бес-

порядочном бегстве полиция могла начать арестовывать тех, кто еще не успел скрыться. Лошадей, экипажи, квартиры и т. п. — все это, конечно, бросали на произвол судьбы. Но боевики, следовавшие указаниям Азефа, благополучно скрывались от преследовавших их шпионов...

Такие «спугивания» практиковались относительно редко: злоупотреблять этим сильнодействующим средством, естественно, было нельзя. При этом, конечно, каждый раз вносились некоторые варианты в детали. Но все било в одну точку: на каждом шагу боевики убеждались, что полиция так хорошо изучила все приемы работы Боевой Организации, что не было никакой возможности подойти близко к Столыпину. И каждый раз, когда благополучно скрывшиеся боевики собирались где-нибудь в Финляндии и начинали подводить итоги, они все приходили к выводу, что полиция напала на их след совершенно случайно и даже еще не успела разобрать, с кем именно она имеет дело (этим объясняли сравнительную легкость побега от филеров). Но из того, что такие случайности происходили каждый раз, как только боевики-наблюдатели подходили сравнительно близко к министру, казалось, с несомненностью следовал вывод о непроницаемости для боевиков стены полицейской охраны, которая окружала министра. А так как Азеф «заранее предвидел» слабые места всех задуманных предприятий и так как он же разрабатывал планы побегов из-под наблюдения филеров, то его авторитет еще больше возрастал, легенда об его «хладнокровии» и «предусмотрительности» получала, казалось, новое убедительное подтверждение.

И после каждой такой неудачной попытки Азеф все настойчивее и настойчивее внушал и боевикам, и посвященным в работу Боевой Организации членам Центрального Комитета мысль о том, что «старыми методами» вести дальше центральный террор невозможно.

— Полиция,— говорил он,— слишком хорошо изучила все наши старые приемы. И в этом нет ничего удивительного: ведь у нас все те же извозчики, торговцы и пр., которые фигурировали еще в деле Плеве. Нового ничего у нас нет, и при старой технике ничего и не придумаешь нового. Тяжело это, но надо признать...

Так проходили недели, месяцы... Государственная дума уже давно была распущена. Вспыхнули и были раздавлены восстания в Кронштадте, Свеаборге, Ревеле. По стране прокатилась волна террора и разрозненных партизанских выступлений: покушений на губернаторов, жандармов, поли-

цейских, нападений на казенные учреждения и пр. Но настоящего массового взрыва, подобного тому, который потряс страну в 1905 г., не произошло: рабочие, движение которых в 1905 г. было становым хребтом общей борьбы, теперь молчали,— уставшие от поражений прошлых лет, истощенные безработицей и промышленным кризисом. В этих условиях правительство быстро оправилось от временных колебаний. Были введены военно-полевые суды — для «скорострельных» расправ со всеми, кто причастен к различного рода вооруженным выступлениям революционеров. С каждым днем усиливалась реакция, и Столыпин, ее главный вдохновитель, уже успел стать наиболее ненавистным для страны представителем власти.

В работу Боевой Организации чужеродным телом вклинилось покушение на Столыпина, организованное «максималистами». Отделившись от партии социалистов-революционеров и создав свою собственную организацию, они решили самостоятельно вести и террористическую борьбу. Ставили ее они совсем иначе — не так, как Боевая Организация: они не признавали той длительной подготовительной работы наблюдения, которая лежала в основе всей работы Боевой Организации, а действовали как партизаны — короткими ударами, внезапными набегами. Именно так они организовали покушение на Столыпина: три члена их организации, вооруженные бомбами, явились в официальные часы приема на дачу Столыпина. Охрана заподозрила неладное и отказалась впустить их внутрь здания. Тогда они бросили свои бомбы в передней. Взрыв разрушил большую часть министерской дачи. Погибло несколько десятков человек: чины охраны, много посетителей, явившихся на прием к министру; в числе погибших были, конечно, и сами террористы. Тяжелые ранения получили малолетние дети министра, но сам министр почти не пострадал: расходясь воронкой, волны взрыва только слегка затронули его кабинет.

Известие об этом покушении Азеф получил в Финляндии. Оно привело его в состояние, близкое к панике. «В августе, в день взрыва дачи Столыпина,— пишет в своих воспоминаниях Вал. Попова, член Боевой Организации, тогда работавшая в финляндской лаборатории последней,— неожиданно к вечеру к нам приехал Иван Николаевич (Азеф). Он был очень взволнован, таким я еще не видала его. Не только взволнован, но подавлен и растерян. Сидел молча, нервно перелистывая железнодорожный указатель. Хотел ночевать, но потом раздумал и ушел на станцию».

Причины такого его волнения тогда были непонятны, теперь они ясны: Азеф опасался, что Столыпин и Герасимов сочтут состоявшееся покушение за дело той Боевой Организации, за которую он только недавно поручился своей головой, и понимал, что в этом случае ему не так легко удалось бы оправдаться, как это было в деле с Дубасовым. С другой стороны, имелась опасность, что, не зная истинных организаторов покушения, охранное отделение начнет арестовывать находящихся у нее на учете членов Боевой Организации и тем самым провалит Азефа в глазах революционеров. Именно поэтому Азеф спешил в Петербург — для объяснения с Герасимовым. К его счастию, в этот момент он уже пользовался полным доверием Герасимова, и последний не сделал «опрометчивого шага». Но для того чтобы полностью очистить свою Боевую Организацию в глазах Столыпина, Азефу пришлось добиться от Центрального Комитета опубликования официального заявления о непричастности партии социалистов-революционеров и ее Боевой Организации к этому покушению и даже «морального и политического» осуждения того способа, которым это покушение было совершено. Такие заявления были не совсем обычны в истории революционного движения; в Центральном Комитете были колебания, нужно ли оно: Азеф был настойчив и требовал его, действуя именем Боевой Организации. В конце концов согласие было дано, отношение к способу совершения покушения, по существу, действительно было отрицательным, но составить текст заявления пришлось самому Азефу: этот документ был вообще едва ли не единственным из официальных партийных документов, автором которого был непосредственно Азеф. Настолько для него было важно, чтобы такое выступление партией было сделано.

С организаторами же покушения, с руководителями «максималистов» Азеф рассчитался и иными способами: с этого момента он начал с особым старанием собирать все сведения относительно них — для того чтобы передавать эти сведения своему полицейскому начальству.

В партии заявление Центрального Комитета относительно покушения «максималистов» было встречено далеко не с единодушным одобрением. Было немало людей, считавших его неправильным и по существу: бывают случаи, когда террористы, по их мнению, не имеют права останавливаться и перед соображениями о случайных жертвах во время организуемых ими покушений; такие примеры в прошлом известны, вполне мыслимо повторение их в будущем, а

потому партия не должна была себя связывать столь категорическими заявлениями. И уж совсем многие считали заявление бестактным и ненужным: никто не приписывал данное покушение партии; «максималисты» не собирались от него отрекаться и немедленно же выпустили прокламацию, в которой открыто заявляли, что именно они были его организаторами; в этих условиях заявление Центрального Комитета производило впечатление какого-то забегания вперед, какого-то непонятного желания перед кем-то оправдаться.

Эти споры дали толчок и для вынесения наружу общего вопроса о работе Боевой Организации.

«Центральный Комитет осуждает способ, к которому прибегли максималисты... Но почему наша Боевая Организация не применяет лучшего? Почему она вообще молчит?» — эти вопросы начали раздаваться все громче и громче в рядах партии — как со стороны совсем мало посвященных ее членов, так и со стороны тех, кто был относительно хорошо осведомлен. Многие начинали критиковать работу Боевой Организации, причем в числе таких критиков оказывались и некоторые из членов Центрального Комитета, и люди, хорошо знакомые с техникой боевой работы, из бывших провинциальных боевиков. Несколько человек из среды последних составили даже специальную группу, которая поставила своей задачей проконтролировать наблюдательную работу Боевой Организации. Действовали они втайне от Азефа, и им довольно скоро удалось установить, что наблюдение Боевой Организации идет по ложному пути. Это, конечно, дало новый материал для критики деятельности Боевой Организации, а на этой почве стали возникать острые конфликты — между Боевой Организацией и ее критиками.

Создавал их и руководил ими, конечно, Азеф. Но он предпочитал, по своему обыкновению, по большей части держаться в тени. Руководящую роль вовне играл Савинков.

Он только что вернулся в ряды Боевой Организации после почти четырехмесячного отсутствия, вызванного арестом в Севастополе. Его тамошние приключения — суд с нависшей над ним угрозой смертной казни, совершенно сказочный по удачливости побег, — о которых много писалось в газетах, создали ему огромную популярность в партийных рядах. Все окружали его любовным вниманием — как человека, чудом сорвавшегося с виселицы. С особою нежностью к нему относились члены Боевой Органи-

зации. В их рядах — если не считать Азефа, на которого все боевики смотрели скорее как на вождя-руководителя, стоящего над ними, чем на равного, — Савинков был самым старшим по своему боевому стажу. Он вошел в Боевую Организацию за три года перед тем, в тот ее героический период, когда готовилось покушение на Плеве, и с тех пор без перерыва оставался в ее рядах, на самых опасных постах. Для своих более молодых товарищей по Боевой Организации он был живой историей последней, живым хранителем лучших традиций ее прошлого. Близкий друг Сазонова, Каляева, Швейцера — всех тех, вокруг имен которых уже создалась легенда восторженного поклонения, он любил вспоминать об этом прошлом на тех замкнутых товарищеских пирушках, которые устраивали боевики в моменты редких перерывов их боевой деятельности. Блестящий рассказчик, он с особенным увлечением говорил о той атмосфере истинно братской любви и доверия, которая существовала в Боевой Организации прежних лет, когда, употребляя выражения Сазонова, «наша Запорожская Сечь, наше рыцарство было проникнуто таким духом, что слово «брат» еще недостаточно ярко выражало сущность наших отношений». Подобные же настроения Савинков стремился культивировать внутри Боевой Организации и теперь. С любовным вниманием он подходил к каждому, кто входил в ее ряды, и только вполне естественно, что с таким же любовным вниманием относились и к нему все его товарищи по Боевой Организации. Он хотел быть и действительно был «сердцем Боевой Организации», как о нем говорит один мемуарист из числа членов последней (В. М. Зензинов), и легко понять, с каким восторгом была встречена боевиками весть об его удачном побеге из севастопольской тюрьмы, с каким энтузиазмом они приняли его теперь вновь в свои ряды.

Все это были хорошие, симпатичные стороны Савинкова; но уже в тот период, о котором теперь идет речь, не они были наиболее для него характерными.

По своей натуре он принадлежал к числу людей, которые совершенно незаменимы для *вторых* ролей, если вблизи от них имеется кто-нибудь, кто может быть хорошим *первым*. Он обладал несомненным и большим личным мужеством. В своей жизни он не раз смотрел прямо в глаза смерти, и нет сомнения, что он, не дрогнув, взошел бы на эшафот, по крайней мере в те годы своей работы в Боевой Организации. Но мужество солдата явление совсем иной категории, чем мужество вождя. А тех свойств, которые

обязательно нужны для того, чтобы стать последним, у Савинкова как раз и не имелось. У него не было мужества инициативы, мужества самостоятельного решения, мужества самостоятельной мысли — если говорить о мыслях больших, определяющих не отдельные поступки людей, а целые линии их длительного поведения. Во всех этих вопросах уверенным он себя чувствовал только тогда, когда мог прислониться к кому-нибудь, кто импонировал ему своей внутренней устойчивостью — наличием того, чего так не хватало самому Савинкову.

На беду последнего, тем *первым*, к кому он прислонился в годы своей работы в Боевой Организации, был Азеф. Нет никакого сомнения, что, наряду со своим практицизмом, он покорил Савинкова полным отсутствием внутренних колебаний, разъедающих душу сомнений — всей той внутренней раздвоенности, которая была столь характерной для интеллигентов-террористов той эпохи. Каждый из них ставил перед собою вопрос о «праве на убийство». Они все не сомневались, что представитель власти, против которого они в тот или иной момент готовили покушение, приносит вред народу; все они были уверены в том, что его устранение полезно для блага миллионов. Но перед многими из них с мучительной остротой вставал другой вопрос: пусть так, но имеет ли вообще один *человек* право отнять жизнь у другого *человека*, хотя бы во имя блага миллионов? Не есть ли жизнь каждого человека сама по себе такое высокое благо, что посягнуть на него не имеет права никто? В поисках ответа на этот вопрос многие уходили в дебри философских построений, и мирный кенигсбергский профессор второй половины XVIII в. старик Кант был бы, конечно, безмерно удивлен, если бы смог, встав из могилы, узнать, что его нравственный закон нередко играл роль того категорического императива, который заставлял многих русских террористов начала XX в. брать в свои руки динамитные бомбы.

Все эти сомнения были, конечно, совершенно чужды Азефу. О своем *праве* делать то, что он делал, он вообще едва ли когда-либо думал. Он шел своим путем потому, что он был для него *выгоден*, и соображениями этой личной выгоды в широком смысле слова определялись все те колебания и отклонения, которые ему приходилось на этом пути делать. Этих действительных мотивов своего поведения Азеф, конечно, никому объяснять не мог. А потому вполне естественно, что ему оставалось только пренебрежительно отмахиваться, когда в его присутствии заходили

разговоры на подобные темы: к чему все эти сложные построения, когда ясно, что то или иное действие диктуется интересами дела, интересами террористической борьбы?

Савинков в Боевую Организацию пришел, конечно, с совершенно иными, чем у Азефа, настроениями, это едва ли нужно оговаривать. Он немало думал над всеми теми больными вопросами, которые мучили совесть его товарищей по организации, и едва ли правы те, кто полагает, что все сомнения этого рода, которые так часто он высказывал и в личных беседах, и в литературе, были для него только напетыми с чужого голоса, не отражали его собственных интимных переживаний. Какая-то трещинка в его душе, по-видимому, действительно была с самого начала — не случайно М. Р. Гоц, хорошо его знавший и с большою любовью к нему относившийся, называл его «надломленной скрипкой Страдивариуса». Но определяющим для его дальнейшего развития все же был не этот надлом, а то положение, которое ему пришлось волею судеб занять внутри Боевой Организации.

С нравственным законом Канта в душе человек мог пойти на убийство другого — и за жизнь этого другого отдать свою собственную. Именно потому-то лучшие из террористов-интеллигентов, как говорят документы, в своих интимных переживаниях больше думали о том, как они *умрут*, чем о том, как они *убьют* другого. Последнее с точки зрения их настроений было тяжелою необходимостью; первое — радостным подвигом. Пойти на этот подвиг, если бы это оказалось нужным, в свое время смог бы и Савинков: его поведение во время ареста в Севастополе не оставляет никаких сомнений на этот счет. Его несчастьем было то, что ему пришлось выполнять иные функции...

В терроре, кроме террориста-исполнителя, необходимо должен существовать террорист-организатор — тот, кто расчищает дорогу для первого, кто подготовляет возможность его выступления. По ряду причин Савинков стал именно таким террористом-организатором. Не следует думать, что он сам ничем при этом не рисковал. Риск террориста-организатора был очень велик, и каждый раз, когда Савинкова провожали на какое-нибудь «дело», его близкие прощались с ним, как с обреченным: шансов погибнуть у него всегда было больше, чем шансов вернуться невредимым. Но он был очень ловким, талантливым конспиратором и умел выкручиваться из самых трудных положений, умел спасаться от ареста тогда, когда на его месте девять

из десяти его товарищей по Боевой Организации спастись не могли бы. Во многом именно этим своим талантам конспиратора он и был обязан тем, что ему, а не кому-либо другому товарищи поручили функции террориста-организатора... Все это — несомненно, но с точки зрения *результата* это значения не имеет. А результатом было то, что ближайшие друзья Савинкова шли на гибель и отдавали свои жизни, а он оставался жить... и продолжал провожать на гибель других.

Хотел он этого или не хотел, но в положении Савинкова каждый обязательно должен был начать думать не о том, как он умрет, а о том, как он убьет, даже, вернее, о том, как он сорганизует убийство. Независимо от воли человека, в таких условиях должны были создаваться совсем иные настроения, чем те, которые двигали Сазоновым, Каляевым и другими, — настроения профессионального «охотника за черепами», настроения «мастера красного цеха», если употреблять меткие выражения, которые введены в литературный обиход самим же Савинковым. Террор для него все больше и больше становился самоцелью.

В. М. Зензинов рассказывает в своих воспоминаниях, как он вместе с А. Р. Гоцем в начале 1906 г. вели спор с Савинковым относительно движущих мотивов их личного поведения. Зензинов и Гоц — оба прошли курс учения в немецких университетах, были кантианцами по своему философскому мировоззрению и нравственный закон Канта клали в основу своих террористических выводов. «С удивлением, с недоумением, — пишет Зензинов, — мы услышали от Савинкова, что его категорическим императивом является воля Боевой Организации. Напрасно мы ему доказывали, что воля более или менее случайных лиц не может сделаться для человеческого сознания нравственным законом, что с философской точки зрения это безграмотно, а с моральной — ужасно. Савинков стоял на своем». Интересы Боевой Организации и той террористической деятельности, которую она ведет, стояли для него выше, чем все остальное.

На этой почве вырастали и все конкретные выводы. Вся партия распадалась на две части: на членов Боевой Организации и на всех прочих. Первые — ближайшие товарищи по борьбе, должны были составлять одно тесное неразрывное целое, братский союз на жизнь и на смерть. Вторые — существа низшего порядка, имели право только восторгаться первыми, помогать им, но ни в коем случае не предъявлять своих требований, не критиковать их дей-

ствий. Всякая критика Боевой Организации, исходящая от небоевиков, объявлялась оскорблением для «чести» Боевой Организации, и против этой критики все боевики должны выступать сплоченным строем и со всею решительностью. Понятие о «чести» у революционера Савинкова было чисто офицерское, и оно входило важным составным элементом в ту психологию «революционных кавалергардов», которую воспитывал Азеф внутри Боевой Организации и которая наиболее яркое свое выражение получила как раз в настроениях Савинкова.

При подобных настроениях Савинкова Азефу не составило труда превратить его в свое послушное орудие и в деле проведения в жизнь «большого плана» Азефа — Герасимова — Столыпина.

В ряды Боевой Организации Савинков вернулся, конечно, не без чувства горечи, вызванного ее бездействием в эти критические дни: эти ощущения тогда были общи для всех. Он тоже искал объяснения ее неудачам и, естественно, прежде всего прислушивался к рассказам Азефа, на которого привык смотреть снизу вверх. Азеф давал свои объяснения. Он говорил и о неудовлетворительности старых методов работы Боевой Организации, и об улучшениях, которые введены в дело полицейской охраны министров и которые не позволяют боевикам подойти близко к последним — короче, обо всем том, что было намечено по планам Азефа — Герасимова. Но в то же время он играл и на специфических настроениях Савинкова, на его понимании «чести» Боевой Организации, на его раздражении против «штатских» членов Центрального Комитета, которые осмеливаются непочтительно говорить о боевиках. Критические замечания, которые тот или иной из членов Центрального Комитета осмелился сделать в частных разговорах относительно деятельности Боевой Организации, в его рассказах превращались в систематическое дискредитирование этими членами Центрального Комитета руководителей Боевой Организации, во внесение деморализации в среду членов последней. Отдельные указания, которые срывались с уст партийных кассиров в ответ на все более и более возраставшие требования Азефа (действуя согласно разработанному им с Герасимовым плану, Азеф в это время так вздул финансовые требования Боевой Организации, что даже привыкшие к большим расходам последней партийные кассиры начали кряхтеть), вырастали в систематическое притеснение Боевой Организации и в отказы в средствах на ее необходимые расходы.

Савинков прежде всего уцепился за последние части этих рассказов и ринулся в бой против Центрального Комитета.

Собрание ЦК, на котором был поставлен вопрос о работе Боевой Организации и о претензиях последней против Центрального Комитета, состоялось в сентябре 1906 г. в Финляндии (на Иматре). На этом собрании присутствовали члены Центрального Комитета Крафт, Натансон, Панкратов, Слетов, Чернов и Азеф и в качестве представителя Боевой Организации Савинков; как и всегда в подобных острых случаях, Азеф заявил, что не может защищать точку зрения Боевой Организации по своей непривычке говорить публично, и потребовал приглашения Савинкова, способного эту точку зрения изложить и защитить. Именно Савинков и начал прения по этому вопросу. В большой, запальчиво-страстной речи он изложил обвинения Боевой Организации против Центрального Комитета. Это был настоящий обвинительный акт. Предупреждая упреки против Боевой Организации за ее недостаточную активность, он предъявил контриск к Центральному Комитету и доказывал, что «в неудачах Боевой Организации виновен Центральный Комитет: он не дает средств и достаточно людей для надлежащего развития боевой деятельности, он равнодушно относится к вопросу о терроре и не только не питает внутреннего доверия к руководителям Боевой Организации, но в лице двух своих членов, тов. Чернова и Слетова, явно дискредитирует Боевую Организацию, отзываясь о ней легко и неуважительно. При таких условиях,— говорил он,— Боевая Организация не может продолжать работать. Савинков, при поддержке Азефа, требовал, чтобы Центральный Комитет изменил свое отношение, высказал им полное доверие и, в качестве санкции, предал суду тов. Чернова и Слетова»[1]. В противном случае Савинков и Азеф отказывались вести боевое дело.

Обвинения эти поразили своей неожиданностью и необоснованностью. Они не только не отвечали истинным настроениям и всего Центрального Комитета в целом и специально названных его членов в частности, — утверждения, в основе их лежавшие, в ряде случаев просто не

[1] Так излагает речь Савинкова «Заключение Судебно-следственной комиссии по делу Азефа» (С. 51), опираясь на показания опрошенных ею участников указанного собрания. В своих воспоминаниях Савинков скрадывает эти подробности своего тогдашнего выступления.

соответствовалн действительностн. Было непонятно, как моглн возникнуть подобные лжетолковання, подобиые нскажеиия фактов. Прения носнли острый характер. Савннков держал себя прямо вызывающе, особеино в отношенин Слетова, с которым у него были старые лнчные счеты: зимою 1903/04 г., в дин первого побега Савинкова нз Петербурга, с порученной ему работы над подготовкой покушеиня протнв Плеве, Слетов встретил Савникова в Кневе — растерянного, почтн испуганного — и составнл очеиь невыгодиое о ием миеине, которое н высказал тогда же вслух, доказывая, что набраииая Азефом молодежь непригодна для боевого дела н только компрометнрует Боевую Организацию. Этот отзыв дошел до Савинкова — эту заботу взял иа себя Азеф, — и теперь Савннков вымещал свон старые обиды.

Заседание тянулось целую ночь — до утра, — порою превращаясь в иастоящее суднлнще: по требованню Савинкова была устроена даже очная ставка между Черновым и агентом Боевой Органнзацни Э. М. Лапнной («тов. Белла»), в разговоре с которой Чернов якобы допустнл оскорбительиые для боевиков замечаиия. Лишь с большим трудом удалось несколько сгладнть конфликт. О неудачах Боевой Органнзации, о необходнмостн нзменнть методы ее работы на заседаннн почтн совершенно не говорнлн: в результате маневра Савинкова центр тяжестн вопроса был совершенно перемещен. Конечно, руководителям Боевой Органнзацин было вотнровано полное доверне н, кроме того, в состав Центральиого Комнтета был введен Савинков: чтобы ее представительство было более полиым и чтобы Центральиый Комитет ие забывал о нуждах террора.

Это столкновение дало Азефу лншнее подтвержденне прочностн его положения в Боевой Оргаинзацнн н в Центральном Комнтете, и он прнступнл к проведеиию последией части намеченного плана похода протнв Боевой Органнзации. Именно после этого собрання он начал с особеиным стараннем обрабатывать нанболее влнятельных членов Центрального Комнтета, прежде всего М. А. Натансоиа и В. М. Чернова, стараясь прнвлечь их на свою сторону. В длиниых «задушевных» беседах, которые он так любнл, ои развивал перед ними свою точку зрения на прнчнны «крнзнса Боевой Органнзацнн». От Савникова и его выступлеиия на последнем собранни Центрального Комнтета ои во время этих бесед вполне определенно отмежевывался. Это выступленне, говорил он, свндетельствует о иастрое-

ниях, которые господствуют среди членов Боевой Организации. Последние видят неудачи, которые преследуют их на каждом шагу, и нервничают, готовы винить в них всех и каждого. Но по существу — дело, конечно, не в поведении Центрального Комитета, не в тех или иных неловких фразах отдельных его членов. Савинков своим выступлением только напрасно обострил вопрос и увел обсуждение от действительного существа дела — от выяснения действительных причин неудач Боевой Организации. Эти причины лежат в совершенно иной плоскости. Надо иметь смелость взглянуть в глаза правде и признать, что все старые методы работы Боевой Организации устарели: полиция знает их как свои пять пальцев и умеет предупреждать покушения. И что самое главное, на пути этих старых методов ничего нового выдумать вообще невозможно. Нужно искать новые пути. Таковые может дать использование для нужд террора новейших завоеваний техники. Особенные надежды в тот момент Азеф возлагал на подкопы: здесь, по его мнению, перед террором открывались большие возможности. Но для этого необходима большая подготовительная работа. И он предлагал «сделать соответствующие выводы»: распустить Боевую Организацию и приостановить центральный террор. Конечно, эта приостановка должна носить временный характер. Партия использует ее для подготовки новых, более жестоких ударов: Азеф с Савинковым на время уедут за границу, займутся там изучением современной техники подрывной работы и через несколько месяцев представят центру доклад о том, что партия может сделать в области центрального террора.

Азеф прилагал все усилия к тому, чтобы быть по возможности более убедительным, и был крайне удивлен, когда выяснилось, что на его доводы не поддаются даже те члены Центрального Комитета, которые до сих пор проявляли больше всего склонности идти за ним в вопросах боевой работы. Приостановка террора, даже временная, едва ли не всем членам Центрального Комитета казалась вещью совершенно недопустимой, особенно в тот момент. Многие готовы были согласиться, что старые методы Боевой Организации устарели, что нужен целый ряд организационных перемен. Но о приостановке террора никто не хотел и слышать.

Более успешной была пропаганда Азефа в рядах Боевой Организации. Савинков пытался было сопротивляться, выдвигая различные планы. Азеф позволял ему эту игру: все попытки Савинкова, конечно, разбивались о комбинирован

ные действия Азефа и Герасимова, и Савнков с каждым разом все больше и больше убеждался, что его надежды тщетны, что скептицизм Азефа правнлен. Подступиться к Столыпнну, казалось, действнтельно не было ннкакой возможности. По прнглашенню царя, после покушення, совершенного «макснмалнстами», Столыпнн переехал в Зимний дворец и жил там, почтн ннкуда не выезжая, еслн не считать нерегулярных поездок к царю в Петергоф. Но н эти поездкн былн обставлены такнми мерамн предосторожностн, которые делалн его недосягаемым для боевнков: он езднл водою, на казенном паровом катере, который подавали в нужные днн прямо к Зимнему дворцу, на Лебяжью Канавку, так что Столыпину нужно было только перейти узенький тротуар, чтобы очутнться на воде. Савнков проектировал забросать этот катер бомбамн в тот момент, когда он будет проходнть под одним нз мостов через Неву, но выяснилось, что мосты в этн моменты тщательно охраняются, катер мчнтся под ннмн полной скоростью, а потому не было ннкакнх шансов на то, что второпях брошенные бомбы — еслн нх вообще удастся броснть — попадут в цель. Тогда Савнков выдвинул план открытого нападения группы боевнков на Столыпнна в тот момент, когда тот переходит через тротуар к катеру. Но н этот план отпал: охрана мнннстра в этом пункте была многочисленна, боевикн прорваться смогли бы только после настоящего сражения, а Столыпин при первом же выстреле, несомненно, нмел полную возможность скрыться назад, в подъезд непрнступного Знмнего дворца.

Так однн за другим рушилнсь все выдвигаемые Савинковым проекты, а сам Савинков окончательно перешел на сторону Азефа. В октябре должно было состояться собрание Центрального Комнтета; вслед за тем открывалась вторая сессня Совета партни. Азеф н Савинков решнлн выступнть на ннх с заявленнем о своей совместной отставке. Азеф был уверен в успехе н ручался Гераснмову, что на Совете будет прннято решенне о приостановке центрального террора.

Немедленно же все члены Боевой Органнзацни, находившиеся на работе в Петербурге, были сняты со своих постов н вызваны в Фннляндню. Здесь, в штаб-квартире Боевой Органнзацнн, которая помещалась в «Отеле турнстов» на Иматре, состоялось совещанне всех членов Боевой Организацнн. Прнсутствовало человек около 20. Азеф почти со всемн вел предварнтельные разговоры и лично ознакомнл с мотивамн прннятого решення. На общем совещанин

те же мотивы изложил Савинков. Формально он и Азеф предоставляли на усмотрение организации решить вопрос, присоединится ли она к ним или будет продолжать вести работу самостоятельно и после их ухода. Но фактически всем своим авторитетом они давили на организацию в направлении присоединения ее к их решению об общей отставке. Их выступления произвели большое впечатление. Те, у кого были сомнения в правильности предлагаемого решения, колебались выступать против тех, в ком они уже давно привыкли видеть общепризнанных вождей организации. Большинство согласилось с их доводами, и одна из участниц совещания, В. Попова, сочла своим долгом публично засвидетельствовать свое глубокое уважение к руководителям организации, которые «так глубоко взглянули на положение дела и так безоговорочно приняли на себя ответственность за последние неудачи». Формального решения это совещание, по-видимому, никакого не приняло, но общий итог его был таков, что на последовавшем собрании Центрального Комитета Азеф и Савинков свой взгляд о необходимости временной приостановки центрального террора излагали не в качестве своего только личного взгляда, а как позицию всей Боевой Организации в целом.

Это собрание Центрального Комитета состоялось в том же «Отеле туристов». В нем приняли участие члены Центрального Комитета Аргунов, Крафт, Натансон, Ракитников, Слетов, Чернов и, конечно, оба представителя Боевой Организации, Азеф и Савинков. Последний сделал обстоятельный доклад о причинах неудач Боевой Организации и заявил, что последняя в своем полном составе не видит возможности продолжать работу дальше.

Разговоры, которые Савинков и Азеф вели в течение предшествовавших недель с рядом членов Центрального Комитета, во многом должны были их подготовить к такому заявлению Боевой Организации, но тем не менее оно прозвучало неожиданно категорично и произвело ошеломляющее впечатление. Из членов Центрального Комитета, кажется, ни один не считал возможным приостановку центрального террора в момент наивысшего расцвета террора правительственного: с их точки зрения, это было и политически, и психологически недопустимо. Разгорелись страстные дебаты. Делались всевозможные попытки переубедить руководителей Боевой Организации, но последние были непреклонны. Тогда Центральный Комитет решил пойти на прямые переговоры с общим собранием всех боевиков: мера, которой до того момента история социа-

листов-революционеров не знала, так как она свидетельствовала о желании Центрального Комитета поднять восстание членов Боевой Организации против ее признанных руководителей — против Азефа и Савинкова. Представителями Центрального Комитета для этих переговоров были выбраны Натансон, Чернов и, кажется, Слетов. Азеф и Савинков были явно возмущены этой апелляцией Центрального Комитета к общему собранию боевиков, но формально протестовать против нее, конечно, не имели никакой возможности.

На собрании боевиков из делегатов говорил главным образом Чернов, подробно изложивший те мотивы, которые заставили Центральный Комитет считать совершенно недопустимой приостановку центрального террора. По рассказу Чернова, он к большому своему изумлению по отдельным репликам присутствующих уже очень скоро понял, что члены Боевой Организации далеко не так единодушны в своей солидаризации с Азефом и Савинковым, как это можно было вывести из рассказов последних. Начавшиеся прения не только показали, что такой солидарности действительно нет, но и обнаружили наличие у ряда членов Боевой Организации недовольства бюрократическим централизмом, введенным в организацию Азефом и Савинковым. Первым в этом смысле высказался Влад. Вноровский — брат погибшего при покушении на Дубасова. Он считал, что причиной последних неудач Боевой Организации является прежде всего полное подавление личной инициативы боевиков, введенное Азефом, и настаивал на перестройке организации на демократических началах. С большим раздражением на Вноровского обрушился Савинков, но Вноровский нашел некоторых сторонников. Ряд других боевиков, даже не солидарных с Вноровским, согласились с тем, что политическая обстановка не позволяет партии приостановить террор. Единый фронт всех членов Боевой Организации был, таким образом, неожиданно быстро разбит, и для Центрального Комитета стало ясно, что уход Азефа и Савинкова еще не означает ухода от работы всех боевиков.

Центральный Комитет, заслушав сообщение об этом собрании боевиков и еще раз убедившись, что решение Азефа и Савинкова во всяком случае непоколебимо, постановил принять их личные отставки. Боевую Организацию объявил распущенной, но из тех ее членов, которые выразили желание продолжать работу в терроре, создал особый боевой отряд при Центральном Комитете, который

с точки зрения своего положения в партии пользовался значительно меньшими правами, чем старая Боевая Организация.

Во главе этого отряда встал Зильберберг. Бывший студент-математик, обладавший большими математическими способностями [1], он был незаурядным организатором и очень смелым террористом. Но с самого начала своей террористической работы он подпал под исключительное влияние Савинкова и Азефа и во время всех переговоров с Центральным Комитетом стоял полностью на их стороне. Он, в частности, одним из первых заявил об отказе работать под руководством Слетова. Поэтому нет никакого сомнения в том, что позднейшее изменение решения и согласие руководить боевым отрядом им было сделано также с согласия Азефа и Савинкова. Поступая так, он сам, конечно, руководствовался соображениями о пользе боевой работы: поскольку не было полной приостановки центрального террора, необходимость которой он вслед за Азефом и Савинковым защищал; поскольку часть членов Организации борьбу все же продолжала, постольку он считал себя обязанным все свои силы и опыт отдать этой борьбе. Но мотивы Азефа, когда он давал Зильбербергу свое согласие на его работу в отряде, были, конечно, совершенно иными: не имея возможности теперь же вернуться к боевой работе и взять обратно свой отказ (вопрос был поставлен слишком остро, чтобы существовала возможность такого отступления), Азеф заботился о том, чтобы в его отсутствие во главе действующих террористов стоял во всяком случае человек, ему полностью доверяющий, от которого он имел бы возможность постоянно узнавать все нужные детали относительно боевой работы.

В последних стадиях обсуждения вопроса Азеф личного участия принимать уже не смог: в эти дни он тяжело захворал. У него образовался опасный нарыв в горле и одно время боялись даже за его жизнь: был вызван специалист-профессор, и в течение ряда дней Азеф лежал в

[1] Арестованный в феврале 1907 г. и приговоренный к смертной казни, он последние дни перед приведением этого приговора в исполнение увлекся математической проблемой деления угла на три равных части и написал небольшой трактат на эту тему, который он послал в Академию наук. Департамент полиции не счел возможным передать рукопись по назначению, хотя ничего не относящегося к теме в ней, конечно, не было. Рукопись была конфискована и хранилась в архивах департамента. Только после революции 1917 г. она была оттуда извлечена и опубликована.

постели. Ближайшие его друзья по Центральному Комитету, только что выступавшие против его предложений, чувствовали себя несколько неловко. Они опасались, что Азеф почувствовал в их поведении элементы личного к нему недоверия и потому наперерыв друг перед другом оказывали ему знаки самого заботливого внимания. Несмотря на болезнь, Азеф живо интересовался всеми подробностями переговоров, равно как и всем ходом работ вскоре затем открывшейся сессии Совета партии. Приходивших к нему он расспрашивал обо всех подробностях этих заседаний, но раздражения по поводу своего поражения он скрывать не собирался. Особенно резко он его проявлял по отношению к тем боевикам, которые помогли сорвать налаженный им и Савинковым единый фронт Боевой Организации. Очень выразительный рассказ об этих настроениях Азефа имеется в уже не раз цитированных выше воспоминаниях В. Поповой:

«Опасность для жизни больного скоро миновала, и я увидела «Ивана Николаевича» (Азефа), когда ему было уже лучше. На дверях его комнаты... висело объявление: «Здесь больной, просят соблюдать тишину»... В один из таких моментов зашла к «Ивану Николаевичу» и я. Он указал мне на ящик маленького столика около кровати и сказал, правда, еще хрипло и с трудом:

— Там два женских паспорта. Один вы можете взять, выберите себе, какой более подходит.

Я взяла паспорт на имя Анны Казимировны Янкайтис. Конечно, в этот момент я и не подозревала, какую опасность для меня представляла эта «товарищеская» услуга Азефа. Затем я простилась с ним. Я чувствовала на себе его упорный, гнетущий взгляд. Было какое-то недовольство и раздражение в этом взгляде, для меня столь непривычном. Он был мне непонятен. «Что же, неужели он так раздражен на то, что мы не признали его аргументов и без него решаемся продолжать работу?» — думалось мне после этого визита».

Эту «товарищескую» услугу снабжения «хорошими и вполне надежными» паспортами Азеф оказал еще нескольким членам вновь организуемого боевого отряда. Им она стоила, действительно, очень дорого: список всех этих паспортов им был передан Герасимову, который, в частности, вполне отчетливо помнит, что в этом списке стояло и имя автора цитированных воспоминаний.

Это была его месть непослушным, которые помешали выполнить полностью так тщательно продуманный и с таким

старанием выполнявшийся плаи похода протнв Боевой Оргаиизации. Формальио последияя была упраздиена, но только формальио. Цеитральный террор партией приостаиовлен ие был. Наоборот, борьба по вопросу о Боевой Организации дала толчок к усиленной коицеитрацни снл на боевом деле. В результате авторам плаиа большого похода против Боевой Организацин — Азефу, Герасимову и Столыпииу — вскоре пришлось убедиться, что достигнутые ими итогн с их точки зреиия былн скорее отрицательиыми.

Глава XIV

ТЕРРОР БЕЗ АЗЕФА

Вскоре после окоичаиия работ Совета партии слегка оправившийся от болезни Азеф уехал за граиицу — отдохиуть и подлечнться. «Я со времеи Гершунн в терроре, — говорил ои, — н имею право иа отдых». Вместе с женой ои устроился в Аляссио, на итальяиской Рнвьере. Жена окружнла его заботливым винмаинем. «Ведь он все время с веревкою на шее ходит», — думала и говорила оиа о своем муже. Со виимаиием и уважеиием отиоснлись к иему н члены иебольшой русской колоиии, которая подобралась в Аляссно н состояла почтн исключительно нз старых революционеров, в той или иной степеии осведомлениых о «заслугах» Азефа перед делом революцин. Азеф благодушествовал: отдыхал, гулял, иабнрался снл, вел «разговоры по душам» о том, как тяжела жнзиь вечно травнмого полицней революцнонера-террориста... Только изредка ои вырывался нз этой среды — под предлогом поездок для деловых партийных свиданий. По-видимому, обычно это бывали поездки в соседиее Монте-Карло, чтобы «встряхиуться» от пресиых радостей семейного уюта.

Партийной жизиью, и в особенности боевой работой, ои нн иа мннуту ие переставал нитересоваться. Перед выездом за граиицу ои вндел ся со всемн теми членами Боевой Организацин, которые собирались продолжать работу в терроре, и получил от иих самую подробиую иифорнацию обо всех их плаиах и предположеиях, зиал состав участников виовь создаваемых боевых групп н т. д. Получать иифорнацню он не переставал и в Аляссио: поскольку это позволялн требоваиия осторожиости, бывшие соратники Азефа по Боевой Организации сообщали ему

обо всех новостях в боевом деле. Но, конечно, сообщать они могли далеко не обо всем. Целый ряд конспиративных подробностей о технических деталях работы доверять бумаге, при всем желании получить совет «старшего товарища», было нельзя. Поэтому о многом Азеф узнавал с большим запозданием от случайных приезжих, часто уже после того, как новые проекты получали свое осуществление на практике.

Со своей стороны Азеф занялся выполнением обещания, данного Центральному Комитету, и изучал вопрос о том, какие из технических изобретений последних лет можно с успехом приложить к боевому делу. Случай помог ему придать вполне конкретную форму разговорам на эту тему: ему сообщили, что один инженер, по фамилии Бухало, уже зарекомендовавший себя рядом талантливых изобретений, работает над проектом воздухоплавательного аппарата; по своим взглядам этот инженер-изобретатель принадлежит к анархистам, но наиболее важным он считает убийство царя и потому готов предоставить свое изобретение целиком в распоряжение Боевой Организации, если последняя конкретно поставит вопрос о цареубийстве. Азеф обеими руками ухватился за это сообщение, специально ездил в Мюнхен, где тогда жил изобретатель, подробно обо всем с ним говорил, проверял его чертежи и вычисления и затем авторитетным тоном инженера-специалиста дал свое заключение: Бухало теоретически правильно решил проблему постройки воздухоплавательного аппарата; теперь все дело только за деньгами, которые дали бы ему возможность построить мастерскую и приобрести нужные материалы; если партия даст нужные средства, то аппарат будет сравнительно скоро готов, и тогда цареубийство будет легко осуществимо.

Эти заявления производили впечатление. Многим они казались вполне правдоподобными: не следует забывать, что то было зимой 1906/07 г.— то есть в период первых быстрых успехов летательных аппаратов тяжелее воздуха, когда возможность изобретения какого-то нового аппарата, который одним ударом решил бы проблему воздухоплавания, казалась более чем реальной. Этим объясняется та сравнительная легкость, с которой Азефу удалось провести свой план. Необходимые средства — около 20 тысяч рублей — были найдены, и под контролем Азефа инженер-изобретатель приступил к своим работам.

Этот образ жизни и характер осведомленности Азефа определяли содержание и тон его писем к своему поли-

цейскому начальству. Основную информацию о террористических планах и группах он дал Герасимову еще на последнем свидании, перед отъездом за границу. Теперь он сообщал только отдельные дополнительные детали и указания. Подробно писал он обо всем, что относилось к изобретению Бухало, изображая все это предприятие как средство для опустошения партийной кассы[1]. Изредка передавал известия, приходившие из партийных центров, но эти известия почти всегда запаздывали и практического интереса для полицейского розыска не представляли.

Общий же тон всех писем Азефа был благодушно-успокаивающий:

«Не тревожьтесь, ничего серьезного не случится!» — этой нотой, по рассказам Герасимова, начиналось и заканчивалось едва ли не каждое письмо Азефа.

Совет «не тревожиться» был неплох, но следовать ему для Герасимова становилось все труднее и труднее: положение, которое начинало складываться в террористических организациях, отнюдь не предрасполагало к спокойствию.

Пока существовала Боевая Организация, имевшая от партии, так сказать, монопольное право на ведение центрального террора, вся боевая работа в Петербурге была централизована и целиком находилась под контролем Азефа. Ни один шаг в этой области не мог быть сделан без его ведома и согласия. Теперь же, после ухода Азефа и роспуска Боевой Организации, с монополией было покончено и террористическая работа пошла сразу по нескольким руслам. Правда, чтобы иметь право выступать под партийным флагом, каждая боевая группа должна была получить утверждение со стороны Центрального Комитета, но ввиду создавшейся обстановки последний начал относительно легко давать свою санкцию отдельным инициативным группам. В результате уже вскоре после роспуска

[1] Опыты инженера Бухало не дали положительных результатов, и он куда-то исчез: об его позднейшей судьбе не имеется никаких сведений. Но из всего этого было бы совершенно неправильно делать вывод о том, что все его проекты были мыльными пузырями. Во всяком случае несомненно, что сам Азеф к ним относился значительно более серьезно, чем он это изображал в письмах к Герасимову: при аресте Азефа летом 1915 г. берлинская полиция нашла в его бумагах все чертежи воздухоплавательного аппарата Бухало и объяснительные к ним записки последнего. Азеф, убегая из Парижа после своего разоблачения, оказывается, не забыл в числе наиболее важных бумаг взять также и эти документы, а этого он не стал бы делать, если бы считал весь проект Бухало чистым вздором.

Боевой Организации в Петербурге появилось целых три активно действующих боевых группы.

На первом месте среди них стоял тот боевой отряд при Центральном Комитете, который был создан из бывших членов Боевой Организации после их переговоров с представителями Центрального Комитета и во главе которого стоял Зильберберг. Далее, другая группа членов той же старой Боевой Организации создала специальную небольшую группу для подготовки покушения против петербургского градоначальника фон Лауница. Во главе этой группы стояла Э. М. Лапина (партийный псевдоним тов. Белла).

Третья группа, в отличие от этих двух, состояла из людей, никакого отношения к старой Боевой Организации не имевших. Организатором-руководителем ее был А. Д. Трауберг (Карл), латыш по национальности и активный участник восстания 1905 г. в Прибалтийском крае. Он только в конце лета 1906 г. появился в Петербурге и быстро выдвинулся как исключительно талантливый организатор-террорист, умевший подбирать людей и использовать полезные сведения, получавшиеся из самых разнообразных источников. К началу ноября 1906 г. ему удалось создать небольшой самостоятельный боевой отряд, и он предложил последний в распоряжение Центрального Комитета.

Утверждение этого отряда в Центральном Комитете прошло не без борьбы. Савинков, который вообще весьма больно воспринял свое и Азефа поражение по вопросу о приостановке центрального террора, повел теперь ожесточенную кампанию против отряда Карла. Он еще мирился с тем, что некоторые из старых членов Боевой Организации будут вести самостоятельную боевую работу: в прошлом они уже работали под его и Азефа руководством, а потому, с точки зрения Савинкова, принадлежали к числу избранных, имеющих право быть допущенными к центральному террору. Но Карл и весь его отряд состоял из новичков, не получивших признания со стороны старой Боевой Организации. По всему своему складу все они были совершенно чужды настроений «революционных кавалергардов», которых воспитали Азеф и Савинков, и во всем, даже в мелочах, вели себя совершенно по-иному, чем старая «аристократия террора». К тому же методы боевой работы, которые вводил отряд Карла, были в корне отличны от тех, которые Азеф и Савинков только что объявили единственно целесообразными и допустимыми. Поэтому утверждение группы Карла казалось Савинкову настоящим святотатством, и он не только решительно протестовал

против подобных предложений, но и требовал от Центрального Комитета прямого запрещения всей этой группе заниматься террористической работой. Он доказывал, что Карл «компрометирует террор» и только «легкомысленно подводит людей под виселицу».

Успеха эта кампания Савинкова не имела. Без Азефа он большим влиянием в Центральном Комитете не пользовался. Его считали импрессионистом и плохим знатоком людей. Отзывы же о Карле тех представителей Центрального Комитета, которые с ним лично познакомились, особенно А. А. Аргунова и В. М. Чернова, были самые благоприятные, почти восторженные. Поэтому Центральный Комитет утвердил группу Карла в качестве самостоятельной боевой группы под названием Летучий боевой отряд Северной области. Но это не заставило Савинкова смириться, и свою борьбу против Карла он продолжал до того момента, когда события сделали продолжение ее невозможным.

Нет никакого сомнения в том, что в этой борьбе против Карла Савинкова поддерживал и подстрекал Азеф, находившийся в этот момент за границей, но состоявший с Савинковым в постоянной переписке: у него были свои особые мотивы для серьезного недовольства появлением группы Карла. Эта группа была единственной из всех трех действовавших боевых групп, о составе и планах которой Азеф не имел никаких сведений, так как в сношениях с Центральным Комитетом она вступила уже после отъезда Азефа. Все, что Азеф знал о ней в этот период, это — только псевдоним ее организатора-руководителя. Только этот псевдоним он и мог сообщить Герасимову из своего приюта в Алассио, подчеркивая серьезную роль, которую этот Карл начинает играть, и рекомендуя приложить все усилия к тому, чтобы установить его личность и проникнуть в его планы.

Оставшись без Азефа, Герасимов вначале свою борьбу против боевых отрядов собирался вести по той же самой системе, которая с таким успехом им только что была применена в тесном союзе с Азефом. Арестов до поры до времени он производить не хотел, а пытался на основании полученных от Азефа указаний держать эти отряды под своим «контролем». Но на этом пути его преследовали неудачи. По случайным причинам те члены отрядов, которые получили паспорта от Азефа, должны были в срочном порядке их переменить, и это им удалось сделать так быстро и ловко, что они при этом ускользнули из-под полицей-

ского иаблюдения. А этн лица были осиовною зацепкою, которую Гераснмов нмел для наблюдеиия за отрядами Знльберберга н Лапниой. Далее, методы работы всех боевых отрядов, в том числе н обоих последиих, были резко отлнчны от тех, которые Герасимов изучнл по работе с Азефом: нн нзвозчнков, нн уличных торговцев теперь не существовало, н с какнм старанием фнлеры охранного отделения ии прощупывалн людей этнх категорий, иикакнх интей оин найтн ие моглн. Все три боевых отряда теперь перешли почтн исключнтельио на работу темн методами, которые Азеф н Савинков решительно отвергали, на работу, в осиове которой лежало нспользоваине разлнчиого рода полезных сведений, которые поступалн в партнйные оргаинзацин. Все это делало отряды более подвнжиымн, более «летучнми» и потому труднее уязвнмыми для наружного полнцейского наблюдения. Ловить нх можно было только через внутреннюю агентуру, а последняя без Азефа была далеко не достаточна: она еще могла доставлять Герасимову информацию о том, что пронсходило в Центральном Комнтете, хотя и далеко не столь точную н полиую, как информация в этой областн Азефа, но оиа была совершенно бессильна прониикать во виутреннне секреты центральных боевых групп. Поэтому в лучшем случае оиа осведомляла Герасимова про разговоры, которые идут в Центральном Комитете нлн в кругах, близких к иему, о том, что тот нлн ниой отряд готовит выступленне против такого-то лица, ио она иикогда не давала н не могла давать нн технических подробиостей плана проектнруемого выступления, нн тем более конкретиых указаний, которые помоглн бы устаиовить полицейское наблюденне за участникамн соответствующего боевого отряда.

В результате уже очень скоро после отъезда Азефа за граннцу охранное отделение очутнлось почтн в полных потемках отиосительио плаиов н состава боевых отрядов. Последствия не замедлнли сказаться: начиная с декабря 1906 г. боевым группам удалось совершить целый ряд по большей частн удачных выступлений. 15 декабря было совершено покушеине на адмирала Дубасова (второе), 3 января был убнт петербургский градоначальиик фои Лауниц, 8 января был убит главный воеиный прокурор генерал Павлов, 30 яиваря был убит Гудима — иачальник временной тюрьмы в Петербурге, отличившнйся своею жестокостью в обращенин с политнческими заключениыми.

Из всех этнх выступлений только убийство Лауннца было проведено отрядом Знльберберга; остальные трн были

организованы группою Карла. Принять какие бы то ни было меры охранное отделение во всех этих случаях было бессильно. В самом лучшем случае оно бывало осведомлено в том, что в течение ближайших дней должно быть произведено покушение на того-то или того-то представителя власти, но как и каким путем, для него было полной загадкой, и парализовать деятельность террористов оно не имело никакой возможности.

В этом отношении особенно характерна история убийства Лауница. Организовано это выступление было совсем экспромтом и по плану должно было носить характер двойного удара: через сочувствующих, имена которых до сих пор неизвестны, было получено сообщение, что через несколько дней состоится торжественное открытие института экспериментальной медицины, построенного на средства принца Ольденбургского, и что на торжестве предположено присутствие Столыпина; сочувствующие информаторы брались достать пригласительные билеты, которые позволили бы террористам проникнуть на торжество. Руководитель боевого отряда при Центральном Комитете Зильберберг с радостью ухватился за этот план. Необходимое разрешение на выступление Центральным Комитетом было дано; входные билеты были получены всего за два дня до назначенного торжества. Исполнителями приговора должны были выступить Сулятицкий — тот самый вольноопределяющийся, который вывел Савинкова из тюрьмы, — и бывший студент Кудрявцев. Первый должен был стрелять в Столыпина, второй — в фон Лауница: этот последний перед своим назначением в Петербург был губернатором в Тамбове и в декабре 1905 г. отличился беспощадной жестокостью при усмирении крестьянских волнений. Он целыми деревнями порол непокорных крестьян. Кудрявцев тогда работал в Тамбове в качестве деревенского агитатора и еще тогда принял решение отомстить Лауницу. Переодевшись священником, он пытался проникнуть на прием к последнему, но не был допущен. После этого он пошел в центральную Боевую Организацию, но все время мечтал о том, чтобы ему выпало на долю убить жестокого усмирителя тамбовских крестьян. Теперь его мечта осуществлялась.

Герасимов о подготовляемом покушении узнал накануне назначенного дня: его агент прибежал к нему на внеочередное свидание и сообщил только что полученное им известие о том, что Центральный Комитет выразил согласие на покушение против Столыпина и Лауница и что эти

покушения должиы состояться в течеине ближайших дней. Никакнх подробиостей агент не знал н узиать не обещался, так как все предприятие держалось в велнчайшем секрете.

Герасимов, по его рассказам, прежде всего помчался к Столыпнну, подробно сообщнл все, что сам зиал, и просил в течеиие блнжайших дней, пока не выясиится обстановка, вообще ннкуда ие выходить из Знмнего дворца, где ои тогда жил. Жеиа Столыпнна поддержала эти просьбы, и Столыпин согласнлся отменить все вообще свои выезды, которые былн иамечеиы на ближайшие дии, в том чнсле н поездку на торжество открытня ннститута экспериментальиой меднцнны. Это спасло его жизиь. Что касается Лауиица, то тот отказался последовать аналогичному совету Гераснмова. По рассказу последнего, у них с Лауницем в этот период уже шли острые трения, прнчнной которых было покровнтельство, оказываемое Лауннцем «Союзу русского иарода», который в это время уже иачииал вести борьбу против Столыпина. Гераснмов, зимой 1905/06 г. прииимавшнй активное участие в создаиии этого «Союза», к этому временн уже «разочаровался» в ием н стоял целиком на стороие Столыпииа. Лауиищ поэтому смотрел на иего как на врага и ие только отказался отмеиить свои выезды в теченне ближайших дией, но и заявил, что он вообще в охране от Герасимова ие иуждается. «Меня защитят русские люди», — заявнл ои, имея в виду «Союз русского иарода», почетиым членом которого ои состоял.

В результате на иазиачеиное торжественное открытне института явились, с одиой стороиы, Сулятицкий и Кудрявцев, облаченные в специально для этой цели сшитые изящиые смокингн, и фои Лауниц — с другой. Отстояли торжествениое молебствие, и все приглашеиные отправились в парадиые залы, где был сервирован завтрак. К этому времеии стало ясио, что Столыпнн на торжество не прибудет, и Сулятицкий, согласно уговору, ушел; Кудрявцев же, подпустнв к себе на повороте лестнница Лауница, убил его тремя выстрелами из брауниига, а затем, ие желая сдаваться живым, покоичил и с собою. Его личность долго ие была устаиовлеиа, и полнция, вложнв его голову в баику со спиртом, выставнла ее в публнчном месте для опознания...

После убийства Лауиица Столыпии предложил Герасимову прииять экстреиные меры для ликвидации боевых отрядов. Система выжидания н парализацин деятельности последннх терпела полное фиаско: вместо «холостого хода» машииы террора без Азефа последияя иачинала иаиосить весьма н весьма чувствительиые удары.

От Азефа полиции был известен адрес финляндской базы боевого отряда Зильберберга: роль такой базы играл тот самый «Отель туристов» на Иматре, в котором происходили собрания членов Центрального Комитета и заседания Совета партии. Именно этот отряд организовал убийство Лауница, именно он осмелился так близко подойти к самому Столыпину, что только случай спас последнего от той же участи, которая постигла Лауница. А так как до него до одного теперь полиция только и могла добраться, то именно он должен был быть разгромлен в первую очередь.

Первым делом Герасимова было отправить целую экспедицию на разведку в этот «Отель туристов».

Обитатели его жили обособленной, замкнутой жизнью. Весь отель был предоставлен в их распоряжение: владелица принадлежала к числу сочувствующих; сочувствующими же считались все служащие-финляндцы. Посторонних в отель не пускали: он стоял на отлете, несколько в стороне от обычных дорог; если какой-либо путник и заглядывал, то всегда находился ответ: все комнаты заняты. Обычно это действовало, но один раз заведующий отелем отступился от своего правила. Это было поздним вечером, в конце января. В двери отеля постучались два путника. По костюмам было видно, что это спортсмены-лыжники, студент-жених и курсистка-невеста: они бродили в лесу, потеряли дорогу, устали, промерзли и просили разрешения переночевать. Погода была не из веселых: пуржило и казалось, что вот-вот разгуляется вьюга. Одна из тех ночей, когда добрый хозяин даже собаку не выгонит: выбор времени был сделан с хорошим расчетом. Путников впустили— отказать в приюте было невозможно. А наутро обнаружилось, что нежданные гости обладают самыми разнообразными талантами: хорошо поют, танцуют, остроумные собеседники, умеющие вызывать улыбку на самых угрюмых лицах, и полны неиссякаемой жизнерадостности. Они быстро завязали знакомство со всеми обитателями отеля и скоро стали душой всей собравшейся в нем маленькой компании. Об отъезде им никто не напоминал, и они прожили несколько дней, деля время между прогулками по окрестностям и беседами в столовой, вокруг самовара. Когда же наконец они собрались уезжать, постоянные обитатели отеля провожали их самыми теплыми пожеланиями: в их однообразную отшельническую жизнь молодая парочка вошла как напоминание об их собственной беззаботной юности, от радостей которой они так рано отрек-

лись. Конечно, никто из них при этом и не догадывался, что «студент» и «курсистка» были всего только агентами Герасимова, удачно выполнившими намеченный план и теперь увозившими с собой не только фотографические карточки всех обитателей отеля, но и согласие двух служащих последнего — швейцара и горничной — перейти на постоянную службу в полицию.

Результаты этого визита сказались очень скоро: «студент» и «курсистка», а позднее и швейцар из отеля начали нести регулярные дежурства на железнодорожном вокзале в Петербурге, просматривая толпы приезжающих с финляндскими поездами. По их указаниям были взяты под наблюдение, а затем и арестованы двое из обитателей отеля — сначала Сулятицкий, а затем и сам Зильберберг. Перешедшие на службу в полицию швейцар и горничная «Отеля туристов» официально опознали в них людей, которые постоянно встречались в отеле с убийцей Лауница. На основании одних этих данных оба они были осуждены военным судом на смертную казнь, которая и была приведена в исполнение 29 июля 1907 г. Казнены они были как «неизвестные, именующие себя» Гронским (Сулятицкий) и Штифтарем (Зильберберг): охранному отделению от Азефа были хорошо известны биографические о них данные, все подробности об их роли в Боевой Организации; но представлять эти данные суду было сочтено неудобным, чтобы не наводить на мысль о существовании провокации.

Эти аресты были тяжелым ударом для боевого отряда Зильберберга, но они не внесли сколько-нибудь серьезного изменения в общее положение дел с террором. Даже сам этот отряд отнюдь не был разбит: на места арестованных нашлось больше чем достаточно новых кандидатов, готовых отдать свои жизни за то же самое дело. Для Герасимова же стало окончательно ясным, что без Азефа с террором ему не справиться и что, следовательно, необходимо во что бы то ни стало вернуть Азефа на его прежнее место. Азеф не заставил себя долго упрашивать. Герасимов вспоминает: у него и тогда было ощущение, что Азеф уже устал от своего «отдыха» — от мирной семейной жизни — и сам стремился в Петербург с его большими доходами и бурными кутежами.

Глава XV

ДЕЛО О «ЗАГОВОРЕ ПРОТИВ ЦАРЯ»

Перед партийными кругами для своего возвращения к активной работе Азеф нашел, конечно, совсем иное объяснение: в этом ему помог случай, которыми он умел хорошо пользоваться.

Незадолго перед тем из Сибири бежал Г. А. Гершуни. В бочонке с квашеной капустой его вывезли со двора далекой Акатуйской каторги и со всеми предосторожностями через Владивосток и Японию переправили в Америку. Его путешествие по Америке было настоящим триумфальным шествием: на многотысячных митингах и на торжественных банкетах в его лице чествовали русскую революцию и ее борцов — за их подвиги и страдания. В Европу Гершуни прибыл в самом начале 1907 г. в приподнятом, радужном настроении и с большими суммами денег, собранных в Америке для нужд русской революции, для помощи политическим ссыльным и заключенным.

Конечно, уже очень скоро после приезда он свиделся с Азефом. В последнем он видел своего ученика в деле террора, ученика, который во многом превзошел учителя. В тюрьму до него доходили вести о делах Плеве, великого князя Сергея и др. и о роли в них Азефа. И теперь он менее всего был склонен мириться с уходом Азефа от боевой работы. Мотивы, которые приводил Азеф, ему казались мелкими, препятствия — легко устранимыми, и он, со свойственной ему сосредоточенной страстностью, звал Азефа назад, в Боевую Организацию, рисуя ему заманчивые картины совместной работы в терроре.

Азеф сделал вид, что позволяет себя убеждать, и согласился вернуться если не прямо в Боевую Организацию — после заявлений, которые он только что делал, это было психологически невозможно,— то к активной партийной работе вообще.

Вместе с Гершуни приехал он в Финляндию, которая тогда была ближайшей резервной базой для всех русских революционных партий, и попал прямо на второй съезд партии социалистов-революционеров, который в конце февраля 1907 г. собрался в Таммерфорсе. Гершуни выступал на этом съезде под псевдонимом Капустина — в честь той квашеной капусты, которая так удачно помогла его счастливому побегу. Но все присутствовавшие знали, кто скрывается под этим скромным псевдонимом, и то заседание съезда, на котором Гершуни впервые показался, превратн-

лось в непрерывную восторженную овацию по его адресу.

Азеф все время держался рядом с Гершуни, как человек, который вместе с ним закладывал первые камни ныне столь могучей партии, и на него падали отраженные лучи тех симпатий, которыми весь съезд окружил Гершуни. Возвращение Азефа к активной работе в этих условиях казалось залогом того сплочения и укрепления партийных рядов, которые несет приезд Гершуни. С тем большей радостью все приветствовали Азефа. Он был вновь избран в Центральный Комитет.

Но настоящее право приветствовать появление Азефа в тот момент имел только Герасимов: с приездом Азефа не только возобновилось регулярное поступление той подробной информации о деятельности центральных учреждений партии, которой так интересовался Столыпин. В самые первые дни после своего приезда Азеф дал Герасимову и то, чего не могли дать все другие источники полицейской информации, вместе взятые,— а именно сведения о составе и планах центральных боевых групп: это были те сведения об уцелевшей части боевого отряда Зильберберга, которые позволили Герасимову и Столыпину создать знаменитый в свое время процесс о «заговоре против царя».

Аресты Зильберберга и Сулятицкого были тяжелым ударом для этого отряда, но они отнюдь не разбили его, они даже ни на минуту не ослабили его деятельности. Этот отряд еще до ареста названных лиц вобрал в свой состав целый ряд новых добровольцев и завязал обширные связи с людьми, которые доставляли сведения, могущие быть полезными для боевой деятельности отряда. Это дало возможность еще при Зильберберге построить планы нескольких грандиозных предприятий: открытого вооруженного нападения на Зимний дворец с целью убийства Столыпина — во время прогулок последнего в дворцовом садике; взрыва поезда великого князя Николая Николаевича, тогда командующего войсками петербургского военного округа, а позднее, в 1914—1915 гг., главнокомандующего русскими армиями, и ряда других. Связи, которые завязал отряд, были настолько значительны, что появились основания рассчитывать на возможность в случае нужды добраться и до самого царя.

Из новых членов, вошедших в эти месяцы в состав боевого отряда, наиболее яркою фигурой был Б. Н. Никитенко. Лейтенант Черноморского флота, до 1905 г. он стоял в стороне от революционного движения, хотя и был близок к революционерам по своим настроениям. Поворотным пунк-

том в его жизни было севастопольское восстание в ноябре 1905 г. Непосредственного участия в нем Никитенко не принимал. Минный транспорт «Дунай», на котором он тогда служил, к восстанию не примкнул, и Никитенко пришлось даже, правда пассивно, выступить на стороне защитников власти: он был назначен начальником того отряда, которому было поручено занять один из восставших кораблей, крейсер «Очаков», после того как последний, разгромленный огнем береговых батарей, сдался на волю победителя. Никитенко первым взошел на палубу мятежного корабля, и картина, которую он увидал, никогда не была им забыта: вся палуба была залита кровью и «покрыта ранеными и убитыми, с вывороченными внутренностями, с оторванными руками и ногами». Человеческие нервы в те годы острее реагировали на подобные впечатления, чем теперь, после кровавых кошмаров лет мировой и гражданской войн. У Никитенко дело доходило даже до галлюцинаций, и именно эти впечатления заставили его бросить военную службу и принять решение о присоединении к активно действующим революционерам.

Вскоре случай свел Никитенко с членами Боевой Организации: устроители побега Савинкова из севастопольской тюрьмы отправляли последнего за границу на парусном боте. Это был единственный сравнительно безопасный способ вывезти его из оцепленного войсками города, властям которого из столицы было предписано во что бы то ни стало поймать беглеца и его пособников. Для руководства этой экспедицией был нужен опытный моряк, так как предстоял большой переход открытым морем. Никитенко с готовностью взялся за это предприятие и блестяще довел его до успешного конца: несмотря на бурю, которая их захватила в открытом море, он довел небольшой парусный бот до одного из румынских портов и даже сумел благополучно вернуться назад, так что вся эта его поездка осталась совершенно неизвестной для властей. Во время этих скитаний Савинков и Зильберберг имели возможность близко узнать и правильно оценить Никитенко, а потому естественно, что, когда в конце 1906 г. Никитенко предложил себя в распоряжение боевого отряда для работы в терроре, Зильберберг принял его с распростертыми объятиями.

Проживавший в Петербурге вполне легально в качестве лейтенанта флота в отставке, совершенно не скомпрометированный в глазах полиции, Никитенко был настоящей находкой для террористической организации. Его положение позволяло ему проникать в такие круги, о доступе в

которые обычные члены террористических групп ие могли и мечтать. Достаточно сказать, что ои имел возможность бывать в Английском клубе, членом которого состоял и в котором нередко запросто бывал великий киязь Николай Николаевич, тот самый, имя которого стояло на одиом из первых мест в списке намечеиных жертв боевого отряда. Никитеико легко мог совершить убийство этого великого киязя и сделал соответствующее предложеиие партии. Но руководители боевой работы наложили свое вето иа это предприятие: смелый и предприимчивый, с большой выдержкой и иииициативой, Никитеико быстро выдвигался в качестве идеальиого каидидата на роль террориста-руководителя, и его берегли для такой именно работы.

Высокая оцеика личности Никитенко как его товарищами по отряду, так и сталкивавшимися с ним представителями центральных учреждений партии была причииой того, что после ареста Зильберберга функции оргаиизатора-руководителя отряда перешли к нему, хотя ои и был одиим из самых молодых членов отряда как по возрасту (ему в это время было всего 22—23 года), так и по революциониому стажу.

Самым трудным и сложным из всех дел, которые теперь легли на его плечи, было «дело царя».

Начато это дело было еще при Зильберберге. Среди сочувствующих партии и желавших оказывать помощь ее террористическим группам, с которыми Зильберберг завел связи, имелся некто Вл. А. Наумов — сын иачальника дворцовой телеграфной коиторы в Новом Петергофе. Знакомства с ним Зильберберг искал для получения сведеиий о времеии поездок Столыпина и великого князя Николая Николаевича к царю. Но во время разговоров выясиилось, что Наумов может сообщить целый ряд сведеиий и о самом царе — об его образе жиизи и привычках, о внутреиних распорядках во дворцах, о времеии царских прогулок. Ои рассказал, что зиает одного казака из царского коивоя, который сочувствует деятельиости революционеров. Из этих рассказов как будто бы следовало, что есть возможность организовать покушеиие против царя. Наумов намечал даже иесколько пробиых плаиов, которые, по его миеиию, обещали успех. Коиечио, все это были только отрывочиые мысли, которые должны были подвергиуться проверке и разработке. Но они, казалось, давали ряд зацепок для поисков в соответствующих иаправлеииях.

Вопрос, перед которым эти сообщеиия поставили Зильберберга, был весьма сложен. Разговоры об устраиении

царя среди деятелей боевых групп велись уже давно, но никаких конкретных шагов в этом направлении партия до сих пор не предпринимала. Старое решение, принятое руководящими учреждениями партии еще в 1902 г., при создании Боевой Организации, формально оставалось в силе: партия считала такое покушение несвоевременным и запрещала Боевой Организации поднимать руку на царя. Но за те пять лет, которые прошли после принятия этого решения, общая обстановка радикально изменилась. В 1902 г. царь почти не был вовлечен в политическую борьбу. Только немногие были осведомлены о том, что такое он представляет из себя в действительности. В широких слоях крестьянства еще твердо жила вера в «царя-батюшку», который желает добра своему народу, и начинавшее пробуждаться недовольство было направлено исключительно против представителей власти во главе с министрами, которые не позволяют довести до сведения царя действительную правду о страданиях народных. В своей агитации революционерам приходилось считаться с подобными настроениями и избегать резких нападок непосредственно на царя. Даже в 1905 г. нередки бывали случаи, когда собрание, сочувственно слушавшее революционные речи об общих порядках в стране, прерывало оратора криками, когда он переходил к роли самого царя: «Ты царя не замай!» Тем более была реальной опасность, что нападение террористов на царя будет не понято народом и может оттолкнуть от революции колеблющиеся элементы. Но после 1902 г. много воды утекло. События 1905—1906 гг. перед лицом всего народа втянули царя в непосредственную борьбу и сделали его в глазах масс лично ответственным за все то, что творили его именем министры. Сделала огромные успехи и антимонархическая агитация, и специальная агитация, направленная лично против Николая II. В частности, партия социалистов-революционеров еще осенью 1904 г., вскоре после убийства Плеве, приняла решение так строить свою агитацию, чтобы политически подготовлять возможность террористического удара и против царя лично. На рубеже 1906—1907 гг. в партии многие считали, что почва для такого удара уже подготовлена, что вопрос о цареубийстве уже не вопрос политический, а только чисто технический и что, если возможность для деятельности в этом направлении открывается, партия ни в коем случае не должна упускать представляющегося ей случая.

Во всяком случае, решить этот вопрос своею властью Зильберберг, конечно, не мог и обратился за руководящими

указаниями к тому члену Центрального Комитета, который был официальным представителем последнего по сношениям с отрядом — к П. П. Крафту. Последний совещался с некоторыми из членов Центрального Комитета — с В. М. Черновым и, по-видимому, Натансоном. Все они сошлись на том, что вопрос о царе действительно назрел, но немедленное выступление против него все они признали по тактическим соображениям невозможным: в это время шли выборы во вторую Государственную думу, дававшие победу левым партиям. Партия социалистов-революционеров на этот раз официально принимала участие в выборах, и уже было ясно, что в будущей Думе она будет представлена довольно значительной фракцией. Заседать в Думе и одновременно организовать убийство царя партия, конечно, не могла: это поставило бы партию в совершенно невозможное положение. Но зато все считали, что в случае нового разгона Думы — а он казался почти неизбежным — удар против царя был бы и политически целесообразен, и больше чем своевременен, а потому заранее подготовить возможность такого удара казалось весьма и весьма полезным. Ввиду всех этих соображений в Центральном Комитете возбужденный Зильбергом вопрос, насколько удается установить, официально не был даже и поставлен, но Зильбербергу были даны указания о желательности и необходимости возможно шире развернуть работу по собиранию сведений, могущих быть полезными для организации в будущем выступления против царя. Работа эта должна была состоять только в одном собирании сведений: было совершенно определенно оговорено, что никаких активных действий в этом направлении отряд предпринимать не имел права без особого и прямого о том указания со стороны Центрального Комитета.

В таком положении находилось это дело, когда отряд перешел под руководство Никитенко. Сложность задач, которые стояли перед ним, по-видимому, смущали последнего: ведь кроме собирания сведений о царе он вел дела против Столыпина и великого князя Николая Николаевича, каждое из которых, взятое в отдельности, представляло бо́льшие трудности, чем в свое время дела Плеве и великого князя Сергея. Поэтому понятно, что он с особенной радостью ухватился за возможность посоветоваться со «старым» и «умудренным опытом» вождем Боевой Организации — с только что прибывшим из-за границы Азефом. Свидание их состоялось в Финляндии в самом конце февраля или даже в начале марта 1907 г. Никитенко посвятил Азефа во все

подробности работы отряда, ознакомил с его силами и планами. Он хотел, чтобы Азеф вообще взял отряд под свое руководство. Последнее предложение Азеф решительно отклонил. Помимо общих соображений, по которым он вообще отказывался от участия в террористической работе, для данного случая он выдвинул и специальный довод: члены отряда, заявил он, навербованы не им; некоторые из них лично ему совсем неизвестны, а при таких условиях он не может нести ответственность за то, что в состав отряда не пробрался агент-провокатор. Такую ответственность, говорил он, он может брать на себя только тогда, когда сам пропускает через свой контроль весь состав отряда. В этом была доля истины: разбираться в людях он действительно умел неплохо. Но в данном случае за оговорку о провокации он предусмотрительно прятался потому, что уже в это время предназначал весь отряд на гибель. Отказавшись взять отряд под свое ведение, Азеф, как передают биографы Никитенко, не отказался, однако, от дачи некоторых советов начинающему работнику боевого дела, и одним из особенно подчеркнутых им советов был совет усилить разведочную работу против царя. В частности, он советовал как можно теснее связаться с тем конвойным казаком, связь с которым была установлена через В. А. Наумова.

Никитенко последовал этому совету, хотя ему, как свидетельствуют некоторые из его тогдашних сотоварищей по работе, казак не казался особенно внушающим доверие: в качестве офицера он лучше знал военную среду и, по-видимому, чувствовал какую-то фальшь в его поведении, о котором он знал только по рассказам.

И действительно, этот казак — его фамилия была Ратимов — сыграл роковую роль в судьбе и всего отряда в целом, и Никитенко лично: он действовал по поручению своего начальства в качестве агента-подстрекателя. Силач и красавец, большой любитель выпить, он принадлежал к тому типу разбитных гвардейских солдат, которых совсем разлагала сытая жизнь среди столичных соблазнов. Этот тип хорошо известен всем, кто вел революционную работу в войсках: представители его могли вести разговоры на любые темы, умели прикидываться понимающими и сочувствующими различным прогрессивным идеям, так как нахватались обрывков различных мыслей, но они никогда ничего не имели за душой — ни веры, ни убеждения, и готовы были продать всех и каждого, если только эта продажа обещала принести им материальные выгоды.

Именно так поступил и Ратимов. Увндев нз первого же разговора с Наумовым, что он имеет дело с революцнонером, и зная, что начальство обещало награды за выдачу таких революционеров, Ратимов прнкинулся сочувствующим н втерся в доверие к Наумову, брал от него революционные прокламацнн, утверждал, что передает их своим товарнщам, а затем, спустя некоторое время, доложнл о своем новом знакомом по начальству. Сообщение это пошло по ннстанциям н добралось до начальннка царской охраны, жандармского полковннка Спнридовнча. Последннй был учеником Зубатова и большнм специалнстом полицейского сыска н к тому же горел желаннем выслужиться на своем новом посту, столь блнзком к нсточнику всех матернальных благ — к царскому трону. По закону он должен был немедленно же арестовать Наумова и предать его суду за попытку ведения революционной пропаганды. Но в этом случае Наумов отделался бы годом-двумя крепостн, и Спнридовнчу это дело не прннесло бы никаких выгод. Больше выгод обещал другой путь: Ратнмов получил инструкцни поддержнвать знакомство с Наумовым, стараясь выведать подробностн его планов н, конечно, обо всем сообщая Спнридовичу. Одновременно за Ратнмовым было органнзовано наблюденне агентами дворцовой охраны.

Около полугода шло такое наблюдение, не давая никаких особенных результатов,— а затем сведения от казака столкнулись с более важными сведениямн от Азефа.

Почтн немедленно после своего свидання с Никитенко Азеф ннформнровал Герасимова о составе и планах отряда, сообщнв прн этом в общей форме, что отряд «завязал какне-то связн с царскнм конвоем». На это последнее обстоятельство Азеф рекомендовал обратнть особое вннманне, так как, по его заявлению, вопрос о цареубнйстве в Центральном Комнтете уже был решен в положнтельном смысле н отряду уже былн даны инструкцнн немедленно же перейтн к активным действиям.

Его сведения дали возможность охранному отделенню установить наблюдение за Ннкитенко и другими членамн отряда. Довольно быстро удалось проследить их сношения друг с другом, но нить, тянувшуюся от отряда к царскому двору, поймать не удавалось. Гераснмов рассказывает, что он уже предполагал ликвнднровать отряд в порядке арестов н админнстративных высылок, так как не видел возможности быстро собрать матернал, достаточный для предання суду, н в то же время опасался, как бы отряд не перешел к активным действиям, удачно ускользнув от внеш-

него наблюдения. Но именно в этот момент дворцовая охрана посвятила Герасимова в тайну своих сношений с казаком-предателем: этот последний наконец добился своего и вошел в непосредственные сношения с членами отряда, которые вели с ним разговоры о том, как возможно добраться до царя. Теперь аресты, производимые на основании его рассказов, давали возможность создать процесс не только о простом распространении революционных прокламаций, а потому Спиридович выкладывал свои карты на стол. Сличение этих карт с теми, которые имел у себя на руках Герасимов, создавало в достаточной мере цельную картину.

Герасимов непосредственно повидался с казаком-предателем. Этот последний не произвел на него впечатления надежного и добросовестного свидетеля: он явно преувеличивал, рассказывая о клятвах на евангелии, которые с него брали революционеры, и драпируясь в тогу спасителя царя. Такое же впечатление ненадежности этот казак производил и на Спиридовича, который после первого же свидания с ним решил, что имеет дело с «плохим солдатом, который хитрит и не говорит правды». Тем не менее при надлежащей обработке этот казак был вполне пригоден для роли свидетеля на суде.

Собранные таким образом результаты были представлены на усмотрение Столыпина: вопрос имел слишком большое политическое значение, чтобы полиция могла решать его по своему усмотрению. Столыпин быстро понял, какой благодарный для его политических планов материал давала ему судьба, и обеими руками ухватился за мысль создать громкий процесс о «заговоре против царя». Вторая Государственная дума к этому времени уже собралась. По своему составу она была даже более левой, чем разогнанная первая. Столыпин с самого начала взял курс на новый разгон и изменение основных законов. Нужно было вести соответствующую политическую подготовку, а процесс о «заговоре против царя» был как нельзя более пригоден для компрометации Думы в глазах царя и монархически настроенных слоев населения: ведь этот «заговор» был организован той самой партией социалистов-революционеров, которая имела свыше 30 своих официальных представителей в Думе.

Решение о создании процесса было принято, и Герасимову поручено было как можно скорее закончить подготовительную работу. Это не составило большого труда. Казак имел одно или два дополнительных свидания с представителями отряда и вел с ними разговоры на нужные

темы, а после свидаиий являлся к Гераснмову с обстоятельиымн докладами. Агенты наружного наблюдення, предупрежденные о таковых свнданнях, дежурнлн в назначеиных местах н регнстрировалн встречн казака с террорнстами: этим путем создавалнсь свидетелн второго разряда, которые должиы были иа суде подтверждать факт таковых встреч. Созиательио готовили и «докуметальиые» улики: террористы проснли казака посылать им условиые телеграммы отиосительио сроков прнездов к царю Столыпина и великого киязя Нnколая Николаевича — только этн два дела и стояли перед отрядом как вполие коикретиые боевые задачи. Казак все время уклонялся от выполнения этих просьб, ио в последний момент, иакануне намечеиного дия ареста террористов, две такие телеграммы ои отправнл, н этн телеграммы фигурировалн поздиее иа суде в качестве ианболее тяжелых улнк. Так как сведеиня, в этих телеграммах сообщенные,— это было устаиовлено на том же суде — не соответствовалн действнтельности, то едииствеиный смысл их посылки мог состоять н действительно состоял в том, чтобы играть роль таких улик во время подготовляемого процесса.

Когда собраииый материал показался достаточным, казаку было предложеио напнсать соответствующее офицнальиое заявлеиие. Герасимов проредактировал это заявление и дал ему ход. В ночь на 14 апреля были пронзведены аресты. Всего было захвачеио 28 человек — членов боевого отряда н лнц, с ними связаиных. Только очеиь немногим удалось ускользнуть из расставленных сетей. Осиовное ядро отряда иа этот раз было взято почтн все в полном составе.

Предварительиое следствие прниесло иеожнданно радостиый подарок иинциаторам процесса: одии из арестоваииых — тот самый Наумов, который первым завел зиакомство с казаком,— увндев, что он предан, н узнав, что ему грозит смертиая казиь, упал духом н сделал «откровеииые призиания», оговорнв остальных арестованных. Ои был случайиым человеком в боевой работе и пснхологически не был готов к тому концу, к которому должен был подготовить себя каждый, кто вставал на путь террора. А следователи, которые велн допросы, обещалн ему спасение жнзин — в качестве награды за улнкн протнв другнх. Этн показаиия, коиечно, во миого раз уснлилн позницю обвинения.

Вериый своему плану, Столыпнн немедлеино же нспользовал эти аресты для политической демоистрацнн. По соглашению с иим реакционеры-депутаты Государственной думы внеслн в последиюю запрос, прося правительство

сообщить им подробиости отиосительио «заговора против царя», слухи о котором тревожат их верноподдаииические чувства. Столыпии иемедлеиио же дал ответ, весьма демагогически использовав все выгодиые для иего момеиты. В его изложеиии дело состояло ие только в том, что велось предварительиое собираиие иифомациоииого материала. Ои утверждал, что боевой отряд по прямому поручеиию Цеитральиого Комитета вполие коикретио вел подготовку покушеиия иа царя. В исключительио тяжелое положеиие были поставлеиы социалисты-революциоиеры — депутаты Думы: если партия, к которой оии прииадлежали, действительио заиималась оргаиизацией покушеиия иа царя, то во всяком случае *политическая* ответствеииость за это ложилась и иа иих, официальиых представителей партии в Думе. Сами оии иепосредствеииого отиошеиия к боевому отряду, коиечио, ие имели и в его плаиы посвящеиы ие были. Запрошеииый ими представитель Цеитральиого Комитета партии В. М. Чериов, который в этот момеит случайио иаходился в помещеиии фракции, категорически опроверг утверждеиие Столыпииа отиосительио подготовки покушеиия иа царя. Осиовываясь иа этом заявлеиии, представитель фракции социалистов-революциоиеров, депутат Ширский, с думской трибуиы опроверг утверждеиия Столыпииа, ио его слова звучали иедостаточио четко и убедительио. Столыпииу удалось виести смущеиие в ряды умереиио-прогрессивиых фракций Думы и добиться прииятия моиархической резолюции.

Это было иесомиеииой победой Столыпииа. Но поскольку ои думал ие только о резолюции Государствеииой думы, а и о создаиии моиархических иастроеиий в страие, постольку ему пришлось пережить жестокое разочароваиие: попытки моиархических оргаиизаций иисцеиировать «бурю патриотического иегодоваиия» в страие потерпели полиый крах. Маиифестации, оргаиизуемые ими при активиой поддержке властей, иосили чисто казеииый характер и ие иаходили иикакого отклика в широких слоях иаселеиия. Известие о том, что иа жизиь «обожаемого моиарха» готовилось покушеиие, в лучшем для моиархистов случае встречалось с преиебрежительиым равиодушием. Совсем иередки были случаи, когда можио было уловить иоты прямого сожалеиия по поводу того, что плаиы террористов ие получили осуществлеиия. И имеиио этот итог политически был самым главиым: если до моиархической шумихи вокруг «заговора против царя» еще можио было опасаться, что удар против царя вызовет взрыв моиархических иастроеиий в страие, то теперь стаиовилось иесомиеииым, что для

подобных опасений нет оснований. В психологии масс почва для цареубийства уже была подготовлена.

Из арестованных 18 человек были преданы военному суду. Дело разбиралось в конце августа. Обвинение главное внимание сосредоточивало на вопросе о царе. Ввиду позиции, занятой Центральным Комитетом, положение подсудимых политически было крайне трудным: они должны были согласовать свои выступления с позицией Центрального Комитета и потому не могли с нужной силой защищать свои политические позиции против нападок обвинения.

Приговор, конечно, был предрешен. Правда, на суде Наумов взял обратно значительную часть своих оговоров. Но это мало помогло другим, зато себя самого Наумов этим своим поведением погубил: оно дало предлог для неисполнения обещания сохранить ему жизнь [1], и он вместе с Никитенко и еще одним подсудимым, бывшим студентом Синявским, был приговорен к смертной казни. Этот приговор был приведен в исполнение 3 сентября 1907 г. Ряд других подсудимых пошел на каторгу и ссылку.

«Героем» во время процесса был Герасимов. Под предлогом опасности, которая якобы ему грозит со стороны революционеров, он отказался явиться на суд для дачи показаний. Тогда суд в полном составе выехал к нему, в охранное отделение. Его приветствовали как человека, который спас жизнь царю, и через несколько дней после казни Никитенко и его товарищей царь по собственной инициативе и вне всякой служебной очереди пожаловал ему генеральские эполеты. О закулисной работе, которая подготовила процесс, царь, конечно, ничего не знал, но усердие деятелей политической полиции он всегда считал нужным поощрять: такова была старая традиция дома Романовых.

Глава XVI
ВОССТАНОВЛЕНИЕ БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Герасимов и Азеф приняли все меры для того, чтобы скрыть роль Азефа в деле ареста отряда Никитенко. После

[1] Если раньше могли существовать сомнения относительно действительных мотивов казни Наумова, то после появления воспоминаний Спиридовича все такие сомнения должны отпасть. Из текста этих воспоминаний с несомненностью следует, что Наумова помиловали бы, если бы он согласился и на суде помогать обвинению топить остальных подсудимых (см.: General *A. Spiridovitch*. Les dernieres années de la Cour de Tzarskoie Selo. Paris, 1928. P. 172).

своего первого свидания с этим последним Азеф стал уклоняться от каких-либо сношений с представителями этой группы, а незадолго до намеченного Герасимовым дня ареста вообще уехал из Петербурга в Крым под предлогом необходимости дополнительно там подлечиться [1]. Во время следствия и суда не было использовано ни одного указания, полученного от Азефа: сообщения последнего не были известны даже следователям и прокуратуре. Все обвинение было построено исключительно на показаниях казака-предателя и на данных наружного наблюдения, которое якобы было начато в результате поступившего от этого казака заявления.

Благодаря этим мерам в революционных кругах никаких подозрений на Азефа в связи с делом Никитенко не пало. И тем не менее тучи над головою Азефа сгущались: угроза разоблачения подошла вплотную.

События 1905—1906 гг., до самых устоев поколебавшие здание старого режима, внесли расстройство и в аппарат политической полиции. Появился ряд крыс, которые желали бежать с осужденного на гибель корабля, и все чаще и чаще начали находиться разоблачители, снимавшие покровы с разных секретов полицейского подполья. А так как об Азефе и его роли в партии социалистов-революционеров в полицейском мире разговоры шли сравнительно широко, то только естественно, что от целого ряда таких добровольцев-разоблачителей стали поступать и более или менее определенные указания относительно таинственного агента-провокатора, который пробрался в самый центр партии социалистов-революционеров. Л. П. Меньщиков — автор того письма с разоблачением роли Азефа и Татарова, которое было получено социалистами-революционерами в сентябре 1905 г.,— правда, на время прекратил свои попытки разоблачительной деятельности: он знал, как отнеслись к его указаниям относительно Азефа в партии, и считал бесполезными дальнейшие предупреждения. Но не он один готов был выступать в роли разоблачителя. Добровольцы

[1] Эту свою поездку в Крым Азеф, впрочем, тоже использовал и для полицейских целей: во время нее он «осветил» для Герасимова боевую деятельность социалистов-революционеров в Крыму и дал материал для больших арестов там весною 1907 г. Крымские социалисты-революционеры в то время планировали покушение против великого князя Николая Николаевича во время предполагавшегося приезда последнего туда на весенний отдых и в этой связи поддерживали сношения с отрядом Никитенко. Этим и объяснялся специальный интерес Герасимова к Крыму.

находились также н в ряде других городов, н количество сообщенні о ролн Азефа — более или меиее точиых, более илн меиее определеииых — постепенио увелнчнвалось. Но подавляющее большннство из них поступало к представнтелям партин, которые передавали их в Центральиый Комнтет, а все члеиы последнего пнталн к Азефу полное, ннчем ие поколебимое доверне: мысль о том, что оргаинзатор убийств Плеве н великого киязя Сергея может быть полнцейским агеитом, казалась иастолько иелепой, что на все предостережения против Азефа в Цеитральном Комитете не обращали ннкакого виимаиия. О своем доверии к Азефу Савинков поздиее говорил: «Мое доверие к иему было так велико, что я ие поверил бы даже доносу, иаписанному его собственной рукой: я счел бы такой доиос подделкой». И таково было настроение не одиого только Савинкова, а всех членов Цеитральиого Комитета вообще.

Но не все добровольцы-разоблачнтели обращались к представителям партнн. Некоторые нскали нные пути. Один из них, иекто М. Е. Бакай, со своими рассказами адресовался в редакцию исторического журиала «Былое», который тогда выходил в Петербурге, и завязал сиошеиия с одннм из редакторов последиего, с В. Л. Бурцевым. Прошлое этого гостя было далеко ие безупречным. За несколько лет перед тем ои входнл в состав революциоиой органнзацин в Екатеринославе; будучи арестован, выдал всех, кого знал, и сделался секретным сотрудннком полнцнн; вскоре его разоблачнли, н тогда ои открыто поступнл на службу в политическую полицию; начальство было довольно его работой, он иесколько раз получал иаграды и повышеиия и к момеиту своего первого визнта в редакцию «Былого» заннмал место чииовиика особых поручеиий при охраиином отделеини в Варшаве. Бурцеву ои с самого начала заявил, что никакнх материальиых выгод для себя он не ищет: он иа хорошем счету у начальства и в материальиом отношеннн вполне обеспечен. Но то, что он видел за время своей полнцейской службы, внушило ему такую иенавнсть к правительству, что теперь он стремнтся только к одному: нметь возможность помогать революционерам.

Бурцев не сразу поверил в искреииость обращения этого Савла. Все рассказы последнего ои подвергал тщательиой проверке. Но во всех случаях, когда такая проверка была возможна, результаты ее былн самыми благоприятиымн для Бакая: все сообщаемые последннм факты находнли полное подтверждеине. Ряд его сообщеиий имел большое полнтическое зиаченне. Ои достал секретный доклад, кото-

рый официально устанавливал факт организации полицией антиеврейского погрома в Седлеце. Он разоблачил историю пыток и бессудных расстрелов, которые применялись в варшавском охранном отделении. Он сообщил обширный список полицейских агентов, которые входили в состав польских революционных организаций. Все эти сообщения были вполне точны. Все свидетельствовало, что Бакай вполне искренне рвал со своим прошлым, и дальнейшее показало, что так оно и было в действительности: по совету Бурцева он вышел в отставку и приступил к составлению воспоминаний-разоблачений; выданный Азефом, он вскоре был арестован и выслан в Сибирь, бежал оттуда за границу, где вновь давал Бурцеву материалы для разоблачения полицейских тайн; позднее он окончил высшее учебное заведение и в настоящее время работает инженером во французском Конго.

В таких условиях с доверием приходилось отнестись и к тому основному, что имелось в рассказах Бакая: к его сообщению о таинственном полицейском агенте, который стоит в самом центре партии социалистов-революционеров. Сам Бакай этого агента никогда не видел и настоящей фамилии его не знал (он знал только его полицейский псевдоним: Раскин), но ему был известен целый ряд деталей об его деятельности, и он теперь все их сообщил Бурцеву.

Бурцев был старым революционером, близко стоял к партии социалистов-революционеров и лично знал всех главных руководителей этой партии. Если сообщение Бакая было верно — а все говорило за то, что оно верно,— то агентом-провокатором должен был быть кто-нибудь из их среды. Но сколько ни перебирал их всех Бурцев, он ни на ком не мог остановить свои подозрения: все они так давно были в рядах революционеров, имели такие большие заслуги перед движением, что самая мысль о возможности заподозрить кого-либо из них казалась почти оскорбительной. В течение нескольких месяцев Бурцев бился как в порочном кругу: с одной стороны, казалось несомненным, что среди данной небольшой группы людей предателя быть не может, а с другой — он знал, что такой предатель среди них все же имеется.

Как это часто бывает, подозрения Бурцева по правильному адресу направил случай: во время одной из своих прогулок по людным улицам Петербурга он увидел Азефа, который не скрываясь ехал по улице на открытом извозчике. Это было поздней осенью 1906 г. Аресты в это время шли полным ходом, и всем мало-мальски крупным пред-

ставителям революционных партий приходилось тщательно скрываться от полиции. И вот в это-то время Азеф, роль которого в Боевой Организации Бурцеву была известна, считает возможным не считаться с самыми элементарными требованиями конспирации.

Это сразу же навлекло на себя подозрения Бурцева, который в это время уже искал таинственного предателя. Но вначале он не заподозрил самого Азефа: как и другие, он вначале не мог допустить мысли о том, что всей террористической работой партии руководит агент полиции, и думал, что предателем является кто-то из людей, близких Азефу, который пользуется последним как ширмой и для этой цели отводит от Азефа удары полиции. Под влиянием этой догадки Бурцев стал перебирать в уме все, что ему было известно об Азефе и его ближайших друзьях: кто из них может быть тем таинственным Раскиным, про которого ему рассказывал Бакай? «И как-то неожиданно для самого себя,— рассказывает Бурцев в своих воспоминаниях,— я задал себе вопрос: да не он ли сам этот Раскин?» Мысль эта казалась чудовищной, но отделаться от нее Бурцев уже не смог: «Она, как навязчивая идея, всюду преследовала меня». Почти невольно он начал под соответствующим углом пересматривать все, что ему было известно об Азефе и о Боевой Организации, и «нередко я должен был признаваться самому себе, что чем больше я отмахивался от обвинения Азефа, тем оно делалось для меня все более и более вероятным».

Так появился человек, который первым в революционном лагере поверил в предательство Азефа и начал борьбу в целях разоблачения последнего. Для Азефа это было началом конца.

О подозрениях Бурцева Азеф узнал довольно скоро и при помощи Герасимова старался лишить его источников информации о секретах полицейского мира. Но в то же время он использовал эти подозрения и для другой цели: можно считать бесспорным, что именно с этого времени — вскоре после провала отряда Никитенко — Азеф перестает быть полностью откровенным с Герасимовым и начинает многое скрывать от него, даже из того, что непосредственно относится к боевой деятельности партии. На вопросы Герасимова он все чаще и чаще отговаривается незнанием и решительно отказывается наводить справки, ссылаясь на то, что под влиянием кампании Бурцева многие стали относиться к нему с подозрением и его расспросы неизбежно поведут к полному провалу.

Для Герасимова этот последний довод был вполне убедителен. История с кампанией против Столыпина и дело с «заговором на царя» с такой убедительностью показали, какие особо важные услуги полицейскому розыску может приносить Азеф, что значение последнего в глазах Герасимова поднялось на огромную высоту. Задача «бережения Азефа» стала в его глазах одной из главнейших задач охранной политики, и он ни в коем случае не был склонен толкать Азефа на рискованные шаги, а, скорее, был даже готов давать ему советы не размениваться на мелочи и беречь себя для особо важных дел — для предупреждения террористических актов центрального значения.

Тем более что возможность возникновения таких «особо важных дел» с каждым днем становилась все более и более вероятной.

Основное свое внимание в области партийной работы после возвращения в Россию в феврале 1907 г. Азеф сосредоточил на общеорганизационных делах: руководил издательской деятельностью, налаживал склады литературы, ставил транспорт ее в провинцию. В конце концов ни на какую другую работу он и не был способен: не литератор, не оратор, без интереса к теоретическим вопросам, он не годился и для роли организатора, имеющего дело с живыми людьми, так как за последние годы в нем развились диктаторские замашки, которые отталкивали от него всех мало-мальски самостоятельных людей и с которыми мирились как с неизбежными недостатками только те, кто давно и хорошо его знал и высоко ценил за прошлое. Немалую роль в выборе работы играли для Азефа и соображения совершенно иного порядка: расходы на издательскую деятельность, которую Азеф брал под свой контроль, были наиболее крупной статьей партийного бюджета — после расходов на боевую деятельность,— а Азеф всегда любил иметь дела с крупными суммами партийных денег.

Любовь к таким крупным суммам заставила его в этот период заинтересоваться и различными источниками пополнения партийной кассы; именно в это время им был выдвинут план печатания для этой цели фальшивых денег, план, который не получил движения не из-за отсутствия у Азефа доброй на то воли [1].

[1] Переговоры по этому вопросу Азеф вел с А. С. Турбой (расстрелян в сентябре 1918 г. большевиками в Вологде вместе с рядом других социалистов-революционеров), который был хорошим специалистом типографского дела и в тот период руководил легальными типографиями партии.

Работе этого рода Азеф отдавался с большим усердием, хотя и без большой пользы для партии. Но для всех было ясно, что она — только временное для него занятие и что на очереди стоит вопрос о возвращении его к его «главной специальности» — к боевой деятельности.

Общее политическое положение с каждым днем становилось все более и более безотрадным. Реакция праздновала свою полную победу. Все надежды на то, что правительство пойдет на уступки хотя бы умеренно-либеральным слоям общества, были окончательно изжиты. Вслед за делом о «заговоре на царя» — с тою же целью подготовки разгона Государственной думы — было создано дело о «заговоре социал-демократической фракции» этой Думы, которую обвиняли в том, что она якобы подготовляла вооруженное восстание. На этот раз основание для разгона Думы было признано достаточным, и 16 июня 1907 г. она была распущена. Одновременно был изменен избирательный закон — в направлении отстранения демократических слоев населения от участия в выборах членов Государственных дум. Параллельно росли репрессии.

Гершуни, который немедленно же после своего возвращения в ряды партии начал вести кампанию за необходимость основное внимание сосредоточить на террористической борьбе, встречал все больше и больше сочувствия. Он доказывал, что пришло время для нападения на «центр всех центров», то есть на самого царя, личная роль которого теперь уже ни для кого не представляла тайны.

Принципиальный вопрос о необходимости отмены старого решения и о признании допустимости выступления против царя в Центральном Комитете партии социалистов-революционеров формально поставлен был немедленно же после разгона второй Государственной думы. Обсуждался он на собрании, которое состоялось в Финляндии, кажется, в Выборге. Это собрание не было многолюдным. Наверняка на нем присутствовали Натансон, Гершуни, Чернов, Азеф, возможно, также и Ракитников с Авксентьевым. Заседание, как обычно тогда бывало, вел Натансон. Он тоже считал, что вопрос о цареубийстве назрел, и во время предварительных разговоров на эту тему высказывался в положительном смысле — за то, что партия должна взяться за это дело. Но теперь, считая необходимой крайнюю осторожность при решении ответственного вопроса, он взял на себя функции противника цареубийства и пытался подыскивать аргументы, которые могли бы говорить против такого выступления. Заседание превратилось главным образом в диа-

лог между ним и Гершуни. Со щепетильной осторожностью Натансон перебирал все те доводы, которые заставляли партию в прошлом быть против цареубийства: вера крестьян в «царя-батюшку», настроение колеблющихся элементов, настроения в армии, опасения дать выигрышный козырь в руки реакции... Но в ответ на каждое его замечание Гершуни приводил целый ряд фактов, которые свидетельствовали, что все эти доводы, столь веские еще в недавнем прошлом, теперь потеряли всякое значение, и с запальчивой страстностью доказывал, что после опыта восстаний 1905 г. и двух Дум есть аргументы только *за* цареубийство, но нет ни одного *против*.

Чернов все время секундировал Гершуни, полностью поддерживая его. С ними были и все остальные участники собрания, если таковые имелись. Натансона, во всяком случае, никто не поддерживал.

Азеф активного участия в прениях не принимал и только изредка бросал реплики в поддержку Гершуни. Общее мнение его было известно: в это время он не скрывал своего «глубокого убеждения, что только цареубийство может изменить создавшееся политическое положение, неудержимо развивавшееся в сторону реакции» (Н. И. Ракитников).

Его положение вообще было очень сложным. Он знал, что когда говорят о «походе на царя», то все имеют в виду его как бесспорного кандидата на ведение этого предприятия. Об этом ему все время твердил Гершуни, который даже усилившиеся подозрения против Азефа приводил в качестве довода в пользу своего предложения: дело против царя, успешно проведенное Боевой Организацией под руководством Азефа, заставит замолкнуть всех обвинителей и с полной наглядностью покажет, как глубоко ошибочны, даже преступны были их подозрения. И в то же время Азеф — в этом нет никакого сомнения — ясно понимал всю специальную опасность этого дела для него лично. Проектируемый поход против царя в создавшейся обстановке не мог не быть последним в его многолетней двойной игре: если он допустит убийство царя, то его погубит полиция; если покушение не удастся, тогда подозрения революционеров превратятся в уверенность. Он стоял как на распутье: направо поедешь — коня потеряешь, налево свернешь — самому не быть живу... И тем не менее двигаться вперед было необходимо: с одной стороны, его тянул Гершуни, а с другой — в ту же сторону, хотя, конечно, и по совершенно иным мотивам, подталкивал Герасимов.

Последний, по его рассказам, был подробно информиро-

ван Азефом о положении вопроса с царем. Специально совещался с ним Азеф и перед только что описанным решающим заседанием Центрального Комитета. Общие инструкции, которые Герасимов дал Азефу, сводились к следующему: Азеф должен был, если это не вредило его положению в партии, пытаться мешать положительному решению вопроса о цареубийстве (никаких попыток в этом направлении, как видно из уже сказанного, Азеф делать и не пытался); в случае же, если вопрос о цареубийстве будет решен в положительном смысле, Азеф должен был взять это дело в свои руки, чтобы изнутри парализовать работу восстанавливаемой Боевой Организации.

Заседание Центрального Комитета закончилось так, как оно и должно было при создавшемся положении закончиться: единогласно было признано, что вопрос о цареубийстве назрел и что партия должна взять на себя его организацию; для этого, конечно, должна была быть восстановлена Боевая Организация. Так как для этого последнего требовалось проведение предварительной работы, то окончательное вынесение решения по этому вопросу было отложено на осень.

Вскоре после этого заседания, уже в начале июля 1907 г., Азеф и Гершуни выехали за границу.

Своим пребыванием там они воспользовались для ряда переговоров по вопросу о восстановлении Боевой Организации. Важнейшим этапом среди них были переговоры с Савинковым, имевшие место в конце августа в Швейцарии. Инициатива их принадлежала Азефу. Гершуни вообще очень невысоко ценил Савинкова, которого он впервые увидел за границей в самом начале 1907 г. «Я не знаю, чем он был,— говорил он тогда же Чернову,— я видел лишь, чем он стал. Мы можем считать, что его нет». Так оценивая Савинкова, Гершуни, естественно, не мог быть горячим сторонником привлечения его к руководящей работе в Боевой Организации. Мнение самого Азефа о Савинкове, по существу, было немногим лучше, чем мнение Гершуни. Его непригодность для руководящей работы в терроре Азеф превосходно видел. «Павел Иванович (псевдоним Савинкова),— говорил он в доверительных беседах,— чересчур импрессионист, чересчур невыдержан для такого тонкого дела, как руководство террором». И тем не менее именно Азеф настаивал на том, чтобы были сделаны все усилия для привлечения Савинкова. У него были специальные причины для этого: выступая в трудный поход, где опасности грозили ему со всех сторон, он хотел иметь около себя че-

ловека, проницательности которого он мог не опасаться и на преданность которого он мог полностью положиться.

Переговоры с Савинковым не были успешными и вообще носили очень своеобразный характер: Савинков обеими ногами стоял на почве тех взглядов, которые ему за год перед тем внушил Азеф. Он искренне принял за чистую монету все те соображения о невозможности для террористов при старых методах работы преодолеть полицейскую охрану, которые ему были внушены согласованными усилиями Азефа и Герасимова, и теперь только поражался непоследовательности Азефа, так быстро изменившего свою точку зрения. Положение Азефа в этом споре было не особенно завидным: Савинков все время бил его его же собственными аргументами, и неудивительно, что от деловых доводов по существу Азефу весьма быстро пришлось отступить на заранее у него заготовленные позиции соображений «морального порядка». Не имея возможности спорить против своих же собственных аргументов о том, что террор при старом уровне боевой техники не может быть успешным, он с особой силой настаивал на том, что «долг террориста при всяких обстоятельствах и при всяких условиях работать в терроре»; что особенно повелительным этот долг становится в периоды, подобные тому, который переживала Россия в тот момент разгула реакции, когда даже неудавшееся покушение имело бы моральное значение, показывая, что в стране еще не умер дух протеста. Именно поэтому Азеф звал делать новые террористические попытки, как бы ничтожны ни были шансы на практический успех.

Доводы эти, конечно, не могли убеждать. Савинков совершенно правильно отвечал Азефу, что он, наоборот, считает себя морально не в праве звать людей на борьбу, когда не имеет веры в возможность успеха, когда есть все основания ждать, что их гибель будет бесполезной. С соображениями о необходимости дать какой-нибудь ответ реакции Савинков был согласен, но для этого он предлагал пойти совсем иным путем и перейти к системе открытых нападений целых групп вооруженных террористов, совершающих свои набеги без предварительной подготовки старого типа, а исключительно на основании сведений, собираемых через посредство партийных организаций. Конечно, и для такой работы необходимо восстановление Боевой Организации, но эта организация должна быть совсем иного типа, чем старая: в нее должно входить несколько десятков человек, для чего должны быть мобилизованы все боевые силы партии.

Азеф н Гершунн с этнмн предложеннямн не согласнлнсь. Онн стоялн за старый тнп построення Боевой Органнзацнн н за старый тнп ее работы. В такой Боевой Органнзацнн Савнннков участвовать отказался: он неправнльно *понимал* прнчнны неудач своей боевой работы последннх лет, но он верно *чувствовал*, что все это время бнлся головой о стену, и не был склонен продолжать эту безнадежную нгру.

Обратно в Россню Азеф вернулся уже осенью, в самом конце сентября нлн даже в начале октября. Штаб-квартнра Центрального Комнтета помещалась в Фнnлянднн, в Выборге. Вопросу о Боевой Организацнн было посвящено спецнальное заседанне. На него прнехал н Савннков, для того чтобы защнщать свой план органнзацнн боевой работы партнн. После столкновеннй знмы 1906/07 г. его снльно не любнлн в Центральном Комнтете н встретнлн больше чем холодно. Азеф и Гершунн молчалн, не снисходя до спора. Подавляющнм большннством все предложення Савннкова былн отвергнуты. Было решено восстановнть Боевую Органнзацню в ее старом внде. Для руководства ею свон снлы предложнлн Азеф н Гершунн. Так как многне не хотелн отпускать Гершунн от участня в общепартнйной органнзацнонной работе, то было решено, что на первое время во главе Органнзацнн будет стоять однн Азеф. Но всем было ясно, как пншет однн нз участннков этого заседання, Н. И. Ракнтннков, что «как только ход подготовнтельных работ, начатых Азефом, того потребует, Гершунн отдастся вполне террорнстнческой работе». Неофнцнально же Гершунн н теперь стал блнжайшнм обязательным советннком Азефа относнтельно всего, что касалось боевой работы партнн. Он не прннимал участня в технnке этой работы, не входнл в непосредственные сношення с вербуемымн людьмн. Но каждый свой шаг Азеф предпрннимал только после совещання с Гершунн н только с его одобрення. Онн вдвоем с этого момента н до отъезда Гершунн за граннцу (вызванного его болезнью) становятся главнымн руководнтелямн всей центральной боевой работы партни.

В качестве основной, едва лн даже не еднnственной, задачн перед восстановленной Боевой Органнзацней Центральный Комнтет поставнл «дело царя». Строго законспнрнрованная, она должна была вестн только одно это дело, не отвлекаясь в стороны другнх, относнтельно более мелкнх предпрнятнй. Это не означало отказа от таковых. Наоборот, общая оценка положення, даваемая Центральным Комнтетом, была такова, что заставляла его счнтать на-

стоятельно необходимым всемерное развитие террористической борьбы, и в соответствующем духе он давал свои инструкции. Но ведение всех этих остальных террористических предприятий центрального значения решено было сосредоточить в ведении Летучего боевого отряда Карла, который с этого момента и формально перешел в ведение Центрального Комитета. Руководство этим отрядом со стороны Центрального Комитета было поручено Азефу и Гершуни.

Глава XVII
ЛЕТУЧИЙ БОЕВОЙ ОТРЯД КАРЛА И ЕГО ГИБЕЛЬ

Именно в этот период Азеф впервые вошел в непосредственные и тесные сношения с тем Летучим боевым отрядом Карла, которому суждено было вписать последние трагические страницы в славную книгу о героической борьбе русских террористов-одиночек, страницы, вся полнота трагизма которых особенно понятной становится только теперь, когда пред нами вскрываются закулисные стороны истории...

Осень 1907 г. несла начало тяжелой, мрачной полосы русской истории. Реакция торжествовала по всему фронту, с каждым днем захватывая все новые и новые позиции не только в мире политической борьбы, но и в общественной жизни, в литературе, в области личных настроений. Массовое движение было раздавлено. Под тяжестью репрессий согнулась деревня. Обессиленные прошлыми потерями и острым промышленным кризисом, молчали рабочие в городах. Совершенно прекратились политические демонстрации. Почти на нет сошла волна стачек. Стало ясно, что старый режим, пусть только на время, вышел победителем из схватки, и это накладывало свою печать на настроения представителей тех групп, которые еще так недавно поставляли основные кадры активных деятелей различных революционных организаций. Еще недавно здесь безраздельно господствовали боевые настроения. Личные интересы отступали на задний план, растворялись в интересах коллективного «я» ведущей борьбу революционной массы. Любая личная жертва во имя блага этого коллектива казалась и возможной, и легкой... Теперь этот коллектив распадался, и личные заботы и интересы выступали на первый план. Еще вчера проблема личного устройства в жизни целиком сливалась с проблемой коллективной — переустройства всей

русской жнзни вообще, казалась небольшнм частным случаем последией. Сегодня, забыв о задачах коллектива, каждый начниал сам по себе решать проблему своего лнчного устройства.

Это настроенне было общнм для всех социальных слоев, которые активно участвовалн в революционной схватке. Многне н многие из ианболее деятельных рабочнх, еще недавно целнком отдавшне себя иа служеине коллектнву н думавшне только об ннтересах класса, теперь прнлагали все уснлия к тому, чтобы выбиться в мастера, завестн собствеииую маленькую мастерскую, сдать экзамен на учителя н т. д. Миогне н многне из революциоиеров-крестьян, которые еще вчера шли впередн остальных в борьбе за коллектнвное решенне земельиой проблемы, теперь спешнли нспользовать новые законы, специально созданные для того, чтобы разбить единство крестьяиского двнження, и уходнлн из общнны на хутора, все виманне сосредоточнвая иа заботах об укрепленин своего ииднвндуальиого хозяйства.

С нанбольшей снлой этот уход в лнчную жизнь отразился в рядах революционной интеллнгенцин. Это было только вполне естественно. Моменты лнчного самоотречеиия всегда нграли большую роль в настроеннях представнтелей этого слоя. Перед миогими из инх всегда стояли шнроко раскрытыми дверн для личного устройства, н ие шлн этим путем онн нсключнтельио потому, что не желалн иа иего стаиовнться. Теперь такое желанне явилось, н большннство из них стремительио рннулось в этн открытые дверн. Только очень иемногне оставалнсь иа посту, стараясь в нзменившейся обстановке и в нзменнвшнхся формах служить тому же делу, которому онн служнли раньше, Большииство уходнло — кто в иауку, кто в работу по своей специальности, кто просто в личную жнзиь. В лучшем случае людн оставались субъектнвно верны своим прежннм ндеалам и на свой отход от революцнонной борьбы смотрелн как иа временный, вынужденный обстоятельствамн. Но обычно отход фактнческий был связаи с отходом н идейным: встав иа путь ннднвндуальиого решення проблемы личного устройства в жнзии, людн нскали оправдання своему поведеиню в ндеологическом обособленнн себя от коллектнва, в теоретнческом противопоставленин «прав лнчиостн» правам общества. Как сорная трава, бурио разрастались всевозможные сорта «инднвидуалнзмов». И как нензбежное следствне в обстановке этого развала на смену старым ригорнстнческнм нравам революцнонной среды прнходили настроеиня погоин за удовольствнямн н наслажденнямн. Людн как будто

бы стремились в этом отиошении наверстать то, что ими было упущено за годы их участия в революционной борьбе. И в литературу — печальной памяти литературу эпохи реакции — мутиой струей хлынула порнография... Создавалась обстаиовка, о которой поэт-сатирик тех лет так метко писал:

Разорваиы по листику
Программки и брошюры,
То в ханжество, то в мистику
Нагие прячем шкуры.
Славься, чистое искусство
С грязным салом половым!
В ием лишь черпать мысль и чувство
Нам — ни мертвым, ни живым.

Таковы были типичные настроения тех дией. Но они ие были всеобщими. Было иемало одиночек, которые не могли или не хотели идти вровень с уходившей волною. Одии были выбиты революцией из нормальной колеи своей жизии и теперь ие могли вернуться в нее, если бы даже и хотели. Другие, более цельные и стойкие по натуре, ие хотели сворачивать с раз избранного пути, хотя порою и могли это сделать, и в повальном дезертирстве других видели только лишний мотив для повышеиия своей собственной активности. А так как преодолеть растущую апатию они, естествеиио, ие могли, так как разбудить активность масс им было не под силу, то логика вещей с иеизбежиостью толкала их на путь партизанской борьбы одиночек. В них иарастали иастроеиия отчаяния и обреченности, и они шли в террор, движимые скорее чувством мести, чем верой в возможиость победы.

В этом была своя логика: террористы-одиночки в свое время первыми начинали борьбу на аванпостных стычках с врагом в дни, когда массы еще не были достаточно активны. А теперь, когда массы уже перестали быть активиыми, такие же одиночки последиими покидали поле борьбы, в арьергардиых боях прикрывая отступление революциоииой армии...

Отряд Карла составился из таких одиночек.

Оии составляли дружную, тесио спаянную семью, все члены которой вели почти аскетический образ жизни. В этом отношении они были антиподами многих из руководящих деятелей Боевой Организации Азефа. Этот последний не без успеха прививал своим ближайшим сторонникам мысль о иеобходимости для террориста по соображениям конспирации вести широкий образ жизни, не жалея средств пар-

тнйиой кассы. «Когда речь ндет о человеческих жизнях,— часто говорил он,— считать копейки не прнходнтся». В отряде Карла, наоборот, всегда с большой щепетнльиостью относнлнсь к каждой партнйиой «копейке». Целый ряд члеиов отряда не только ничего ие брал из его кассы, живя на свои личные заработки, но и делал вклады в эту кассу. А. А. Аргуиов вспомииает, как поразил его подобиый подход к партнйиым средствам, когда ему в качестве кассира Цеитральиого Комитета пришлось первый раз вестн переговоры с Карлом о бюджете отряда: ии к чему подобному в сиошеииях с Азефом он ие был прнучеи. Временамн эта экоиомия партийных средств была даже чрезмерной и шла в ущерб нитересам коиспирации, ио для иастроеннй, господствовавших в отряде, она была в высшей степенн характерна.

Свою работу отряд стронл по снстеме коротких ударов. Его осиовиые базы иаходилнсь в Фннляндни, констнтуция которой делала проживавших на ее террнторни революцнонеров иедосягаемыми для русской полнции. Там были конспиративные квартиры отряда, их лаборатории, склады, архив. Там же жнли все члены отряда. Вся подготовнтельиая работа велась при помощн сочувствующих, через которых собнрали иужиые сведеиня. Основное руководство этой работой было в руках Карла, но внутрениие отиошеиия в отряде были построены на строго демократнческих началах, и каждому нз члеиов предоставлялась полная возможиость для проявлеиия личиой иинциативы. Исполиители выступалн на сцеиу только тогда, когда вся подготовнтельиая работа была сделаиа. Тогда оии появлялись из Фииляидии в Петербурге, иаиосили намечеииый удар и затем те из них, кто ие был арестован, виовь скрывались в Фииляндию. Типнчным примером работы отряда было убнйство главного воеиного прокурора геиерала Павлова — главиого руководителя воеиио-полевых судов. Павлов знал, что его деятельиость сделала его иеиавистным для революцнонеров: когда ои появнлся иа трибуне Государственной думы, вся зала его встретила несмолкаемымн крнкамн «убнйца», и ему ие дали говорить. Поэтому он прииимал чрезвычайные меры предосторожности и никуда не выходил нз здання военносудиого управлеиия, в котором находилнсь н его частная квартнра, н служебиый кабниет. Даже для прогулок ои пользовался только виутрениим садиком здання, считая себя там в полной безопасностн за спииою военного караула, который иес тщательную охрану всего здання. Организовать нападеине оказалось возможным потому, что сре-

ди военных писарей управления нашлись сочувствующие, которые не только сообщили все необходимые подробности о внутренних распорядках в здании и об образе жизни самого Павлова, но и непосредственно помогли организаторам дела, дав условленный сигнал о времени выхода Павлова на прогулку. По этому сигналу террорист, бывший матрос Егоров — один из руководителей незадолго перед тем жестоко подавленного военного восстания в Кронштадте — вошел во двор здания, переодетый вестовым, якобы присланным со срочными бумагами, и несколькими выстрелами из револьвера наповал убил Павлова.

Конечно, не все свои планы отряду удавалось осуществлять с таким успехом, как этот. До перехода отряда в ведение Азефа удачи в его деятельности перемежались с неудачами. Но в общем и целом деятельность отряда развертывалась вполне успешно, а сам отряд укреплялся и рос.

Много места в деятельности отряда занимала борьба против тех представителей тюремного ведомства, которые выделялись своей жестокостью в отношении к политическим заключенным. Этот вид террора, террор тюремный, вообще весьма характерен для периода 1907 и последующих годов, когда победившая реакция повела систематический поход против своих пленников, вымещая на них слою злобу за только что пережитые страхи. По приказу из Петербурга повсюду в тюрьмах вводился строжайший режим. За малейшее нарушение полагались суровые кары. Для политических, осужденных на каторгу, было введено даже телесное наказание. Заключенные делали отчаянные попытки оказывать сопротивление: устраивали голодовки, обструкции, прибегали к самоубийствам... Это не давало результатов. Все протесты бывали беспощадно подавляемы. Власти не останавливались перед применением вооруженной силы, и в синодиках борьбы числилось уже немало имен убитых и раненых при такого рода столкновениях. Но между революционерами, находившимися в тюрьмах, и революционерами, оставшимися на свободе, тянулось много нитей — и политической солидарности, и личной близости. А потому на насилия против арестованных оставшиеся на свободе часто отвечали актами террора: их исчисляют десятками.

Несколько актов тюремного террора было совершено и отрядом Карла. Между прочим, им было организовано убийство начальника Алгачинской каторжной тюрьмы Бородулина, который первым применил телесные наказания к политическим каторжанам. К этой же группе тюремного

террора отиоснлось н то предпрнятне, подготовка которого была основиым делом отряда в момент перехода его в ведеине Азефа и Гершуии: жертвами его должиы были пасть, с одиой стороны, главиые вдохиовителн всей полнтики тюремиых репресснй миннстр юстицин Щегловитов н начальиик главного тюремного управления Максимовскнй, а с другой — петербургский градоначальник Драчевскнй. Кроме того, отряд плаиировал взрыв Совета министров во время заседання Государствеиного совета. Параллельно с этим одиа специальиая группа вела подготовку покушеиия против командующего войскамн московского воеииого округа геиерала Гершельмаиа. Все эти плаиы после перехода отряда под руководство Азефа и Гершуии были представлеиы на утвержденне послединх н имн в основном одобрены. На первой очереди стоялн выступлеиня протнв Щегловитова и других, с одиой стороиы, н против Гершельмаиа, с другой. Оба оии состоялись, хотя по случайиым причииам первое из них н ие смогло развернуться по намечеиному плаиу, оборвавшнсь на первом звене: начальнпк главиого тюремиого управлеиия Максимовский был убнт члеиом отряда Рагозииниковой, ио она не смогла дать условлеиного сигнала, от которого зависело выступление протнв остальных иамечениых лнц, а потому этн выступлеиия ие состоялись.

Предупреднть оба этн выступлення Азеф нмел полную возможность, но сделать этого ои ие захотел. По рассказам Гераснмова, поведеиие Азефа в этот период рнсуется в следующих чертах: ои очень подробио рассказал про все прения в Центральном Комнтете по вопросу о восстановлеиии Боевой Оргаинзации для целей цареубийства н о том, что он стаиовнтся во главе последней; равиым образом он сообщнл, что все остальиые террорнстнческне предпрнятия передаются в веденне Карла, но умолчал о том, что деятельность Карла теперь поставлена под его, Азефа, и Гершунн контроль. Наоборот, он подчеркивал, что ннкакого отношеиия к отряду Карла он не нмеет н в нитересах предохранення себя от разоблачения нметь не должен. На себя он брал одиу задачу — парализовать подготовку цареубийства. Только очень глухо он передавал, что в Центральиом Комитете говорят о подготовке отрядом Карла какнх-то крупиых покушений, и советовал прниять меры. Но ие иазывал даже лиц, против которых эти покушення будут произведены.

Судя по всему, Герасимов н сам счнтал задачу предупреждеиня покушеиня против царя настолько важной, что

был согласен с принимаемыми Азефом мерами предосторожности, и только позднее, уже после убийства Максимовского, стал настаивать на том, чтобы Азеф отступился от своего правила и дал какие-либо нити для поисков отряда Карла.

В этот период внимание последнего было сосредоточено на осуществлении плана взрыва в Государственном совете. Действительным автором этого плана был Вс. В. Лебединцев, один из наиболее талантливых среди блестящей плеяды ушедших в террор талантливых представителей русской интеллигенции. Выходец из весьма состоятельной семьи, превосходно владевший основными европейскими языками, астроном-математик по образованию, уже зарекомендовавший себя работами по своей специальности, блестяще одаренный от природы музыкант и художник, он совершенно самостоятельно натолкнулся на мысль о возможности такого покушения и в основных чертах разработал его план. В течение ряда лет живя в Италии и тесно войдя в местную жизнь, он достал настоящий итальянский паспорт на имя Марио Кальвино, под каковым именем он позднее получил всеевропейскую известность, и получил корреспондентские полномочия от одной крупной итальянской газеты. В качестве такового он приехал в Петербург и имел доступ в корреспондентские ложи Государственного совета и Думы. По техническим условиям совершить покушение одними собственными силами он не мог, в этом деле ему должен был помочь отряд Карла, к которому он обратился.

Азеф, который из соображений своей собственной безопасности позволял доводить до успешного конца относительно мелкие предприятия Карла, стал оказывать систематическое противодействие грандиозному плану Лебединцева. Он явно боялся, что осуществление последнего повредит его служебному положению, а так как прямая выдача для него в этот период была бы действительно очень опасна, то он встал на путь внутриорганизационного саботажа: вначале он дал свое согласие на это выступление, но оттягивал его под разными предлогами; когда же все подготовительные работы были закончены, выдвинул против плана Лебединцева «принципиальные» возражения, указывая, что во время покушения могут пострадать и выборные члены Государственного совета, среди которых имеется ряд профессоров и либеральных общественных деятелей.

На этой почве между Азефом и руководителями отряда возникли довольно острые трения, на которые, возможно, известное влияние оказывали полученные как раз в это время

Карлом от Бурцева сведения о подозрнтельных моментах в деятельностн Азефа. В отряде велнсь даже разговоры о неподчнненнн решенням представнтеля Центрального Комитета и о выступленнн на собственный страх и рнск. По крайней мере, в одном из писем Лебеднндева от этого времени встречаются такие фразы: «встретнлнсь менее всего ожнданные трения со стороны «теоретнческой». Глупо н бессмысленно это. Но в конце концов, еслн трення эти окажутся непреодолимымн... то мы просто на ннх наплюем. Выход простой, логнческнй н, по существу, для меня с товарищамн самый снмпатнчный».

По-вндномому, только на этой стадин, опасаясь самостоятельного выступлення отряда, Азеф прибегает к оружию выдачи. По крайней мере, по нх общему смыслу, по-вндномому, именно сюда должны быть отнесены следующне части рассказов Гераснмова. По словам последнего, после его настояний Азеф наконец сообщил ему, что нмел свиданне с Карлом. На фактнческне указания Азеф и теперь был в высшей степенн скуп н относнтельно, напрнмер, конспнратнвной квартнры Карла ограничнвался одним лишь сообщеннем, что она, по-виднмому, находится где-то в Фннляндин, недалеко от русской граннцы и вблнзн от железной дороги. Но зато он дал подробное опнсанне примет Карла н общую его характернстнку. Говорнл он о нем как об нсключнтельно предпрнимчнвом н талантлнвом органнзаторе н советовал прилoжнть все уснлня для его ареста. «Пока он на свободе,— говорил Азеф, обращаясь к Гераснмову,— вы ннкогда не сможете быть спокойным: у него всегда полно разных планов, один смелее другого»[1].

В это же время Азеф сообщнл Гераснмову н о плане взрыва в Государственном совете, опять-такн не давая ннкакнх конкретных указанннй. По его словам, вопрос был постав-

[1] Этот отзыв Азефа о Карле, сделаиный в разговоре с Герасимовым, иитересио сопоставить с отзывом, который Азеф дал о Карле в разговорах с одиим нз видиых деятелей партии соцналистов-революциоиеров: этому последиему Азеф заявил, что ои «не находит в Карле иичего особенного». В. Н. Фигнер, которая приводнт в своих воспоминаннях этот последний отзыв Азефа (*Фигнер В. Н.* Сочинеиия. Т. 3. С. 261), полагает, что он свидетельствует об отсутствни у Азефа проницательности. Сопоставлеиие его с отзывом, даииым в разговорах с Герасимовым, показывает, что речь идет о совсем нном: Азеф понимал, с кем ои имеет дело в лице Карла, но сознательно давал о нем неодобрительные отзывы, желая по возможностн воспрепятствовать росту популярности Карла в партийиых кругах. Это была та же линия дискредитации Карла, которую по иаущеиию Азефа вел Савиииков в конце 1906 г., только теперь Азеф проводил ее с большей осторожностью и ловкостью.

лен перед Центральным Комитетом только в принципиальной плоскости: о допустимости покушения во время заседания Государственного совета и при наличии возможности, что в числе пострадавших будут и члены Совета из числа либералов. Азеф говорил, что против этого плана имеются сильные возражения со стороны ряда членов Центрального Комитета, и его, Азефа, в том числе, и что он надеется на отклонение этого плана Центральным Комитетом, но опасается, что Карл и его отряд не подчинятся решению и выступят самостоятельно. Поэтому он рекомендовал Герасимову на всякий случай теперь же принять необходимые меры предосторожности, конечно, действуя при этом с предельной осмотрительностью. О подробностях плана и об участниках-исполнителях Азеф никаких сведений, по утверждению Герасимова, не дал, заявляя, что он только на основании отдельных замечаний полагает, что члены отряда пробрались в Совет, «по-видимому, по чужим корреспондентским билетам» и что бомбы предполагается пронести в портфелях.

Эти сообщения, конечно, возымели свое значение, и в Государственном совете были введены строгости: начались осмотры корреспондентских портфелей, тщательно проверяли корреспондентские карточки. Но главное внимание было обращено на поимку Карла. Была мобилизована вся агентура для поисков нитей к отряду Карла, и все получаемые указания сопоставлялись с теми указаниями, которые дал Азеф относительно местонахождения конспиративной квартиры отряда. На всех станциях финляндской железной дороги было усилено наблюдение. Комбинированной работой в этом направлении полиции вскоре удалось установить существование двух подозрительных квартир около станции Келомяки: к ним вели нити, полученные от одного из агентов охранного отделения, указавшего на человека, который собирал сведения, необходимые для отряда Карла. В ночь на 5 декабря 1907 г. с нарушением правил, установленных для производства обысков на финляндской территории (на это нарушение было получено согласие самого Столыпина), на указанные квартиры был произведен набег, и в одной из них была найдена богатая добыча: архив отряда Карла и целый ряд других компрометирующих документов. Были арестованы две женщины и один мужчина, имена которых не были известны. Только недели через две-три, во время очередного свидания с Герасимовым, Азеф не без насмешки заметил:

— Вы все ищете Карла, а ведь он уже давно у вас в руках. Это его вы захватили в Келомяках...

В числе докумеитов, захвачеииых на квартнре Карла, имелся план Государствеииого совета с пометками иа нем, и это дало возможиость полицни теперь уже открыто говорнть о предупреждениом ею покушенни на взрыв в Государствеиином совете. Лебедиицев еще тешил себя надеждой, что через некоторое время он сможет вериуться к своему плану, ио было ясио, что этот плаи окоичательио провален, и это делало еще более чувствительиым удар, иаиесеииый отряду арестом его создателя и руководнтеля. «Был момеит,— читаем мы в письме Лебедиицева от 20 декабря 1907 г.,— когда все было блнзко от полиого распада. Избегнуть этого удалось, и теперь, поскрипывая, едем дальше». Руководителем на место Карла встал сам Лебедиицев, который иачал лихорадочно быстро готовнть покушеиие против великого князя Николая Николаевича н мииистра юстиции Щегловитова.

Произвести это покушеиие предполагалось в деиь русского Нового года, когда оба указаииых лица должиы былн поехать иа торжествеииый прием к царю. Террористы с бомбами поджндали их иа пути. Но н это покушеиие было расстроеио предательством, иа этот раз ие Азефа: сведения о готовящемся покушеиии были получены Гераснмовым от одного из его другнх агеитов, который накаиуие Нового года сообщил, когда и протнв кого должио состояться покушенне, но ие дал иикаких указаний относительно участииков.

Для предупреждения покушеиия Герасимов прнбег к тому же приему, который помог ему спасти Столыпниа, когда готовилось покушеиие иа последиего при открытнн нистиута экспериментальиой медицииы: раио утром в деиь Нового года ои заявился к велнкому киязю Николаю Нниколаевичу и Щегловитову и, предупредив нх о готовящемся покушенни, просил в течеиие ближайшнх диеи ннкуда ие выходить. Уговорить их подчиииться этому совету и отказаться от посещения торжествеииого приема у царя было нелегко. Особеиио протестовал, по рассказам Герасимова, великий киязь Николай Николаевич, который заявил, что «иичто ие помешает ему быть там, где быть его обязывает долг вериоподдаииого», н только заявлеине Герасимова, что он в таком случае сиимает с себя всякую ответствениость, заставнло Николая Николаевича несколько задуматься.

На всякий случай меры предосторожности все же былн приняты. Почтн весь налнчный состав фнлеров был брошен иа улицы предполагавшихся путей следоваиия указаниых лиц. Всем были даиы особые ннструкцнн: нскать подозрн-

тельных лиц, которые могли быть террористами. На театр военных действий выехал сам Герасимов и дежурил в кондитерской на Михайловской площади, вблизи от дворца Николая Николаевича... Все было бесполезно: никаких подозрительных признаков поймать не удалось. И только позднее выяснилось, что в той же кондитерской на Михайловской площади за соседним столиком сидела Лидия Стуре, одна из членов отряда, и перед ней в изящной упаковке лежала заряженная бомба. Об этом она рассказала уже после своего ареста, во время допроса, который вел Герасимов. Она прервала этот допрос, казалось, не имеющим отношения к делу замечанием:

— А ведь мы с вами, генерал, уже встречались.

Герасимов, по его словам, был удивлен и не мог вспомнить. Тогда Стуре пояснила:

— А вспоминаете — на Новый год? Мы сидели за соседними столиками в Михайловской кондитерской? Жаль, что я не знала, кто мой сосед... Не уйти бы вам тогда...

В течение почти полутора месяцев террористы возобновляли свои попытки. Нервы у всех напряглись до предела: люди почти ежедневно выходили на улицу с бомбами в руках и с уверенностью, что этот день будет их последним днем, и возвращались домой, проклиная судьбу, которая дарила им лишний день жизни... Все силы были мобилизованы — и из Финляндии переброшены в Петербург. Люди хотели идти напролом и погибнуть. В один из таких дней член отряда А. М. Распутина приехала в Выборг к В. М. Чернову, члену Центрального Комитета и редактору центрального органа партии, с не вполне обычной, но тем более характерной для настроения членов отряда просьбой: от имени всех она просила дать им обещание не печатать в случае их гибели отдельных о них некрологов. «Мы хотим,— говорила она,— пойти на смерть рядовыми безымянными солдатами партии».

Все это время охранное отделение держало на осадном положении квартиры Щегловитова и Николая Николаевича. Оба они протестовали и заявляли, что перестанут подчиняться режиму, который был предписан им Герасимовым. А последний, несмотря на все свои усилия, не мог найти никаких нитей для обнаружения участников отряда: тот его информатор, который первым сообщил о предстоящем покушении, не мог доставить никаких дополнительных указаний, а Азеф, с которым Герасимов поделился имевшимися у него сведениями, подтвердил их, но отзывался полнейшим незнанием относительно всего остального. «Я все время

приставал к нему,— рассказывает Герасимов,— прося дать хоть какую-нибудь нить, за которую я мог уцепиться и начать слежку. Но он отказывался, заверяя меня, что ничего не знает и не может спрашивать, так как при недоверчивом к нему отношении вопросы могут его погубить».

На самом деле Азеф был в курсе всех деталей этого предприятия и постоянно сносился с его непосредственными руководителями, так что «дать нить» ему не представило бы никакого труда. Но он был прав в том отношении, что провал отряда неизбежно должен был ухудшить его и без того тяжелое положение.

В конце концов Азеф не выдержал и «смилостивился» над Герасимовым: на свидании дней за 4—5 до ареста членов отряда он рассказал, что во время очередного заседания Центрального Комитета зашла речь о подготовляемом покушении и из мимоходом брошенной кем-то из членов Центрального Комитета фразы он, Азеф, понял, что к отряду имеет отношение «бывшая ссыльная Анна Распутина». Никаких других указаний, по уверению Герасимова, Азеф и теперь не дал. Больше того, называя фамилию, он тут же отметил, что это — ее настоящая фамилия; живет же она, наверное, по чужому паспорту. И тем не менее это указание послужило причиной гибели отряда.

Вернувшись с этого свидания, Герасимов, по его рассказам, поднял на ноги все охранное отделение. Немедленно были добыты справки о прошлом Распутиной. Специальный чиновник был отправлен в адресный стол, чтобы сделать там выписку обо всех Распутиных. «Делал я это,— передает Герасимов,— в полной уверенности, что никаких результатов эта мера не даст, так как у меня тоже не было никакого сомнения в том, что Распутина живет не под своей фамилией. Тем большим было мое изумление, когда я убедился, что именно эта самая Распутина, под своим настоящим именем, проживает в Петербурге, да еще на Невском проспекте».

С раннего утра заработала машина. Предварительная разведка установила, что Распутина живет в меблированной комнате и что соседняя комната, стена в стену, как раз теперь сдается. Герасимов лично отправился для осмотра на месте. Выдав себя за бухгалтера городской управы, который ищет комнату, он осмотрел всю квартиру. Сначала предполагал было сам поселиться в ней, для того чтобы лучше наблюдать за приходящими и слушать разговоры: стены оказались совсем тонкими. Но комната была слишком непрезентабельна для солидного «бухгалтера», а потому в ней

были поселены два молоденьких филера, которые выдавали себя за студентов. Распутина была взята под самое тщательное наблюдение. Члены отряда принимали меры предосторожности при своих сношениях друг с другом. Так, например, встречи они обычно устраивали в церквах во время богослужения: становились рядом на колени перед иконами в каком-либо из притворов храма и вели разговоры, склонившись к земле якобы для молитвы. Но от долгого напряжения конспирация ослабела, а внимание филеров, получивших строжайшие инструкции, наоборот, было обострено. В результате в течение трех дней основные сношения Распутиной были выяснены, и 20 февраля 1908 г., когда все прослеженные наблюдением лица вышли на свое очередное дежурство у квартир Щегловитова и Николая Николаевича, они были арестованы чинами полиции. Всего было взято 9 человек, причем у трех из них были взяты бомбы; трое других были вооружены револьверами и оказали вооруженное сопротивление; еще у одного на квартире были найдены взрывчатые вещества.

Суд был скор и немилостив: семь человек, в том числе три женщины, были приговорены к смертной казни. Приговор был немедленно приведен в исполнение. Вскоре после этой группы судили Карла и некоторых других членов отряда, арестованных в разное время. Этот суд тоже закончился рядом смертных приговоров... Летучий боевой отряд был уничтожен.

Глава XVIII
ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА АЗЕФА

В разговорах, которые велись в партийных кругах, о Карле и об его отряде Азеф говорил с оттенком слегка пренебрежительного снисхождения, как о группе местного, почти провинциального значения, которая отдает силы «второстепенным» делам. Чем дальше, тем настойчивее он защищал ту точку зрения, что убийства представителей исполнительной власти, вплоть даже до министров, не могут иметь теперь политического значения. «Если одним-двумя полицейскими или тюремщиками станет меньше, разве от этого что-либо изменится?» — подобные мнения он высказывал постоянно. Единственное террористическое предприятие, которое может иметь политическое значение, это — цареубийство, и именно на нем он предлагал сосредоточить все силы партии. Он не скрывал, что это дело в высшей степени трудно и сложно, что оно потребует от партии колос-

сальных жертв — как людьми, так и деньгами — и, что самое главное, подготовка его потребует много времени. Но он высказывал свою глубокую уверенность, что, «идя методом постоянной систематической осады и проникновения, можно надеяться в год, в два довести дело до конца» (Ракитников). Успех же этого предприятия, когда бы он ни пришел, сразу окупил бы все жертвы, так как цареубийство, в отличие от других террористических предприятий, политически «никогда не устареет». И с налетом некоторого сентиментализма, который так любил напускать на себя Азеф во время «интимных» разговоров, он говорил, что считает это дело своим последним революционным делом, что им он думает закончить свою революционную карьеру, а потому именно ему, а не «второстепенным» предприятиям отряда Карла отдает свою душу.

Нужно здесь же сказать: конечно, из этих речей Азефа многое сознательно предназначалось для того, чтобы отвлечь внимание от совершенной им как раз в это время выдачи отряда Карла; но было бы ошибкой считать, что в них *все* было одним лицемерием. Судя по всему, что мы о нем знаем, Азеф как раз в это время готовился перейти к новой фазе своей долголетней двойной игры — собирался разыграть свою последнюю карту... А так как он принадлежал к совсем особой породе игроков, той, представители которой за зеленый стол садятся, только заранее обеспечив для себя возможность знакомиться с картами всех партнеров, и так как ставка на этот раз была особенно велика, то он теперь с особенным старанием подготовлял обстановку для этой своей последней игры.

В Центральном Комитете с соображениями Азефа о значении цареубийства и других террористических актов очень многие были в основе согласны. В них действительно было много такого, что не могло не казаться правильным каждому принципиальному стороннику террористической борьбы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Боевая Организация Азефа получала от Центрального Комитета все, что только последний имел возможность дать. В то время как отряд Карла урезывали даже в мелочах и члены этого отряда бывали вынуждаемы браться за мелкую работу для заработка (что, конечно, противоречило элементарнейшим требованиям конспирации), для Азефа партийная касса была открыта в самых широких, почти неограниченных размерах. Достаточно сказать, что несколько позднее, когда в кассу Центрального Комитета поступили 300 тысяч рублей, взятых партией при экспроприации

казначейства в Чарджуе, то по настоянию Азефа за Боевой Организацией, то есть фактически за ним самим, из них было «забронировано» 100 тысяч рублей.

Неограниченные права были даны Азефу и в деле подбора людей для Боевой Организации: он мог брать в нее всех тех, кого он взять хотел. Этой вербовкой Азеф занялся с большим старанием, обращая особенное внимание на привлечение в свою организацию людей с большим и славным революционным прошлым. Своим ближайшим помощником он сделал Карповича, того самого, который первым начал серию террористических актов, предшествовавших революции 1905 г., убив в феврале 1901 г. министра народного просвещения Боголепова. Все последующие годы он провел в тюрьмах — в Шлиссельбурге и в Сибири, и только недавно бежал с акатуйской каторги, полный желания встать в ряды активно действующей террористической организации. Видную роль в Боевой Организации этого времени играл также М. М. Чернавский, старый революционер, впервые осужденный на каторжные работы еще за 30 лет перед тем, по делу о первой революционной демонстрации, состоявшейся 6—18 декабря 1876 г. в Петербурге. Настойчивые попытки делал Азеф и для привлечения в Боевую Организацию ряда других старых революционеров... В литературе были высказаны догадки, что подобное поведение Азефа определялось своего рода садизмом: ему якобы нравилось толкать на тернистый путь тюремных мытарств и лишений людей, которые уже были в достаточной мере измучены десятилетиями таких лишений в прошлом. Эта догадка в корне неверна. Принадлежность к Боевой Организации Азефа в этот период отнюдь не была связана с опасностью ареста. С большим правом можно говорить даже об обратном — о том, что эта принадлежность была своеобразной гарантией от ареста: примеры этого будут приведены дальше. Поведение Азефа объяснялось иначе, много проще: люди со славными революционными репутациями, если они становились сотрудниками и преданными сторонниками Азефа — а делать их таковыми Азеф умел,— играли роль надежнейших защитников Азефа против все нараставших и нараставших подозрений. Их прошлое гарантировало их самих от возможности быть заподозренными кем бы то ни было, а они горой стояли за Азефа, ручались за него...

Сама работа Азефа в этот период носила характер предварительного зондирования почвы. Так характеризовал ее он сам, заявляя, что ведет поиски во всех направлениях, прощупывая все возможности подойти близко к царю, какие

только подвертываются. Обычно всегда крайне сдержанный относительно подробностей работы Боевой Организации и не любивший, чтобы ему задавали какие-либо вопросы, теперь он порою сам заводил разговоры на эту тему во время заседаний Центрального Комитета. Нередко после того как наиболее срочные дела бывали урегулированы, Азеф брал слово для того, чтобы поделиться своими соображениями и планами, чтобы выслушать о них мнение ближайших товарищей. Такое изменение своего поведения он объяснял сложностью работы и своим одиночеством в руководстве боевой работой, одиночеством, которое его, по его словам, очень давит: Гершуни в конце 1907 г. выехал за границу для лечения и вскоре там умер от последствий воспаления, образовавшегося от старой раны, натертой на ноге тюремными кандалами.

У всех, кто слушал эти рассказы Азефа, создавалась полная уверенность в том, что он делает все, находящееся в силах человека, для того чтобы подготовить акт против царя. Планов у него действительно было много. По его указаниям велись попытки наблюдения за приездами царя в Петербург, проектировалось открытое нападение на него на улице во время одного из таких приездов (Басов). Были планы проникнуть на прием во дворец в составе одной из тех многочисленных депутаций, посылка которых к царю как раз в те месяцы в большом числе инсценировалась реакционерами, желавшими показать царю, что за ними стоят «народные массы» (Аргунов). С большой горячностью ухватился Азеф за предложение одного молодого социалиста-революционера, который только что окончил курс в духовной семинарии. Этот юноша, убежденный террорист, имел возможность, приняв священство, при помощи своих влиятельных родственников получить место священника где-либо невдалеке от Царского Села. Он надеялся, что в рясе священника ему удастся как-нибудь найти возможность приблизиться к царю и выступить в роли исполнителя приговора партии. Священник, убивающий царя,— эта комбинация явно нравилась Азефу, и он настойчиво уговаривал юношу немедленно же отстраниться от всякого касательства к другим революционным делам и целиком отдаться выполнению данного плана [1]. Был целый ряд и других планов и проектов.

[1] Об этом последием плаие в литературе до сих пор ие было иикаких указаиий. Автору даииой кииги о ием известио со слов самого иииициатора этого плаиа. Надо оговорить, что осуществлеи этот плаи ие был ие по виие Азефа.

Нанболее серьезиыми плаиамн, для подготовки которых Азефом делалнсь коикретиые шагн органнзацнониого характера, были два: покушення во время царской охоты н покушення во время поездкн в Ревель. Для выполнеиия первого велась работа по устройству чайной в одной нз деревеиь вблнзн от Царского Села, в райоие царскнх охот. Владельцем чайиой должен был выступнть М. М. Чериавский, который должен был нграть роль старнка-монархнста, члеиа «Союза русского народа». Второй из указаниых планов предусматривал взрыв царского поезда нлн иападеиие с бомбами на улнцах Ревеля.

Во всех этнх плаиах элемеиты нгры с революциоиерамн переплетались с элементамн игры протнв полнцнн.

Нет ннкакого сомнения в том, что в тот момент Азеф покушеиня против царя ин в коем случае ие допустил бы: этого полицня ему не простнла бы,— а рнсковать конфлнктом с иею, иаходясь в переделах досягаемостн, Азеф меиьше всего собнрался. Поэтому обо всех конкретных шагах, которые ему прнходнлось делать в целях удовлетворения желания члеиов организацин перейтн к активным действиям, Азеф полностью н со всеми подробиостямн рассказывал своему полицейскому иачальству. Но, как удается теперь установнть с совершениою точиостью, в свою работу по собнранню ннформацнонного матернала н по заведенню необходнмых для этого связей Азеф посвящал это иачальство только в очень н очень иебольшой степенн; равиым образом не сообщал он ему и о тех проектах, выполнеине которых должно было быть построено на базе частной нинцнатнвы добровольцев, вроде плана покушеиня священннка,— этого рода ннформацноииый матернал н этого рода связн Азеф, несомиенио, накаплнвал для будущего, для того времеин, когда он будет вне пределов досягаемости для свонх полицейскнх руководителей.

Отношеиня с Гераснмовым у Азефа в этот пернод были самые лучшне. Степеиь доверия, которым Азеф пользовался в глазах Гераснмова, можио поставнть вровень только со степенью доверня, которым он же пользовался в глазах своих коллег по Центральному Комнтету: в обоих этих случаях доверне было почти безграиичным. Задачею нх совместной работы ставнлось недопущенне покушення на царя, а первым и иеобходнмейшнм условием считалось предупреждеине возможностн разоблачнть Азефа. Каждый шаг расценивался под углом его значеиня с точкн зрення «бережеиня Азефа». Об арестах членов Цеитральиого Комнтета и в особеииостн члеиов Боевой Оргаинзацнн ие возинкало и речн.

Наоборот, если охранное отделение иногда по случайным сведениям и без ведома Герасимова производило аресты кого-либо из членов последней, то Герасимов прилагал все усилия для устройства побега этим арестованным, и притом так, чтобы бегущие не догадались об игре, невольными участниками которой они становились. Никаких выдач от Азефа Герасимов не требовал: случай с отрядом Лебединцева — единичное исключение.

Это, конечно, не значит, что Азеф не давал никаких сведений. О внутренней жизни Центрального Комитета, а также о работе Боевой Организации он по-прежнему рассказывал со всеми подробностями, и Столыпин по-прежнему был в курсе всех нужных ему деталей. Иногда на основании его сведений производились и аресты, но только на периферии и притом после того, как заранее было взвешено, не вызовет ли данный арест новых подозрений против Азефа. Если Азеф был против того или иного ареста, то всякие разговоры о нем прекращались. Центр, во всяком случае, не трогали.

Азеф был настолько уверен в этом отношении, что мог позволить себе роскошь рассказа Герасимову о предстоящем поступлении в кассу партии денег от экспроприации в Чарджуе и при этом похвалиться, что из этих денег большая часть идет в его, Азефа, распоряжение: Герасимов не ставил даже вопроса о том, что Азеф должен дать указания для ареста этих сумм, несмотря на то что эта экспроприация вызвала особый гнев Столыпина, который отдал приказ *во что бы то ни стало поймать организаторов* и найти деньги[1]. «Ведь я же знал,— не без своеобразного юмора прибавляет Герасимов, рассказывая об этом эпизоде,— что значительная часть этих денег все равно остается у нас, так сказать, в хозяйстве, поступит в распоряжение нашего человека». Едва ли можно сомневаться, что, только убедившись из подобных разговоров в возможности «лояльного» отношения со стороны Герасимова и в этом деле, Азеф рискнул взять на себя организацию вывоза похищенных сумм из Туркестана: операция эта была проведена членами азефовской Боевой Организации с полным успехом...

При этих условиях неудивительно, что Азеф, столь сребролюбивый вообще, в отношении к Герасимову всегда выступал в роли почти что бессребреника: по утвержде-

---

[1] По сведениям Чернавского, в деле ареста организаторов этой экспроприации Азеф некоторое содействие полиции оказал. Но денег ей он, во всяком случае, не отдал.

нию Герасимова, за все время их совместной работы он ни одного раза не слыхал от Азефа просьб ни о прибавках, ни о наградных, ни о суммах на покрытие чрезвычайных расходов. Азеф безропотно довольствовался той 1000 рублей месячного жалованья, которые были ему положены Герасимовым еще в 1906 г.: основным источником его доходов в эти годы был не департамент полиции.

Едва ли нужно прибавлять, что доверие Герасимова к Азефу распространялось и на область их личных отношений: Азеф знал личный адрес Герасимова, который в этот период проживал конспиративно, под чужой фамилией и скрывал свою квартиру даже от ответственных служащих охранного отделения, за исключением двух-трех наиболее доверенных лиц. Азеф был единственным из «секретных сотрудников», которому этот адрес был доверен, и он имел право в экстренных случаях являться на эту квартиру в любое время дня и ночи, только предварительно оповестив по телефону.

Нет никакого сомнения, что такого рода отношениями с Герасимовым Азеф пользовался для того, чтобы выяснить степень осведомленности полиции о внутренних делах партии социалистов-революционеров помимо информации, приходящей от него, Азефа. Характер разговоров, которые велись между ним и Герасимовым, делает несомненным, что он имел возможность таким путем установить если не личности других полицейских агентов, то, во всяком случае, те круги, в которые эти агенты могли получать доступ и которых, следовательно, приходилось опасаться, начиная игру против полиции. Равным образом из этих же разговоров неизбежно должен был для Азефа выясниться круг тех лиц, относительно которых в случае такой игры он мог быть совершенно спокоен. Здесь он действовал теми же приемами, какими в свое время он действовал в общении с Ратаевым, конечно, только с большей осторожностью и осмотрительностью.

Посторонним телом в эту обстановку вклинивались личные дела Азефа, которые в этот момент начинают играть особенно большую роль в его жизни.

Многолетней двойной игре Азефа между революцией и полицией в области политики соответствовала его многолетняя же двойная игра и в области личной жизни. Он умел и ее вести столь же осторожно и тонко, как и игру политическую. В партийных кругах он сумел создать для себя репутацию примерного мужа и семьянина, безмерно привязанного к своим «законным» жене и детям. Элементы такой привязанности в его характере действительно имелись. Он

был чадолюбнвым отцом, н Г. А. Лопатнн ие напрасно называл его «чадолюбнвым Иудой». Но этн элементы искренней привязаииости к семье у Азефа всегда мирио ужнвалнсь с большой любовью ко всякого рода приключениям «на стороне». Еще в студенческне годы, по-видимому, нменно такого рода привычкн Азефа далн осиоваине студентам-коллегам, нмевшнм возможность поблнже загляиуть в его интнмиую жнзнь, прозвать его «грязным животиым». Такнм ои и был в действнтельиости, н сухне записн фнлерского иаблюдеиня в течение позднейших лет пестрелн заметками о ночах, проведеиных Азефом в публичных домах и другнх злачных местах особого назначення. Сдержанный дома, когда его жизнь была доступна наблюдениям товарищей по партни, ои давал волю свонм действнтельиым иаклонностям, когда пускался в поездкн «по партийиым делам» — по России и по загранице. И нменио этн стороиы его лнчной жнзнн составлялн особенно значнтельные статьн его расходного бюджета, именио для ннх ему иужны были такие большне деньги...

Зима 1907/08 г. была переломной для Азефа н в этом отиошеиии. Ему доходил четвертый десяток, то есть прнблнжался тот срок, когда степеиеют и обычиые завсегдатан мест легкого увеселеиия. А у Азефа нмелись и свон особениые причины, толкавшне его в этом направлеинн: угроза разоблачеиия, стаиовнвшаяся все более и более вероятной, грознла для него, помнмо всего прочего, потерею н семьн. Его жеиа оставалась все тою же идеалистически иастроениой революциоиеркой, какой она была в иачале их знакомства. В свон сиошеиия с полнцией Азеф ее ие посвятил, об этом не могло быть и речн. Она нскренне счнтала, что ее муж — герой революциоиного долга, который живет под вечной угрозой ареста и казнн. Для Азефа не было сомиений, что в случае его разоблачення жена — когда она убедится в правнльиости этого разоблачеиня,— как это ни будет ей трудио, пойдет иа полиый разрыв с инм. А перспектнва остаться совершенио однноким ему не улыбалась. Он хорошо знал старый завет старого н многоопытного еврейского бога: ие вместио человеку быть едниу... А потому теперь, готовясь к розыгрышу своей последней нгры н учитывая все возможные комбинации ее исхода, он был ие прочь завести «постоянную связь», которая могла бы в случае иужды дать ему суррогат семейиого счастья.

Такую связь судьба ему послала в лице кафешантанной певицы госпожи N. Впервые они встретились 26 декабря (ст. ст.) 1907 г., точную дату дает сам Азеф в одном нз

своих позднейших писем к госпоже N.— в известном тогда петербургском кафешантане «Аквариум», подмостки которого госпожа N. украшала своим присутствием. Их «роман» начался с первой же встречи: он был начат во время богатого ужина и закреплен на квартире госпожи N., куда они после ужина поехали. «С тех пор мы никогда не разлучались»,— писал Азеф госпоже N. через девять лет из камеры берлинской тюрьмы, не без сентиментальности вспоминая об этом приятном эпизоде своего прошлого.

Госпожа N. настолько прочно вошла в жизнь Азефа и внесла так много характерных и красочных черточек в его биографию, что она имеет все права на внимание и к ней самой.

В период своего первого знакомства с Азефом она была уже довольно заметной звездой на кафешантанном небосклоне Петербурга. По происхождению она была немкой из мелкобуржуазной семьи одного провинциального городка Средней Германии. У нее сохранилась семейная карточка от времен ее юности: вся семья снята за чайным столиком в саду, под яблонями. Нет сомнения, что это была по-мещански добродетельная и по-мещански благочестивая семья, которая сызмала внушила дочери твердую веру в незыблемость «четырех K» в жизни немецкой женщины: Kaiser, Kirche, Kinder und Küche (кайзер, церковь, дети и кухня). Госпожа N. осталась в душе верна этим внушениям и позднее, и еще в 1924—1925 гг. в беседах с автором этих строк больше всего скорбела о том, что соображения формального характера не позволили Азефу осуществить ее заветное желание и хотя бы перед смертью оформить их отношения путем «законного брака». Но эти взгляды не помешали ей прямо со школьной скамьи пуститься в далекую Россию отнюдь не для проповеди семейных добродетелей.

Судя по ее рассказам, в то время этот путь был довольно обычным для ее среды. Если раньше, за 100 или за 50 лет перед тем, на далекий северо-восток — туда, где, правда, по улицам городов бродят белые медведи, но где зато люди не умеют и не хотят считать денег,— пускались «для ловли счастья и чинов» младшие сыновья из весьма родовитых, но крайне оскудевших немецких семей, то теперь, на рубеже XX в., по этому пути для ловли того же счастья тянулись юные представительницы менее anständige (порядочных) семейств, не имевших возможности дать им приличное приданое, столь необходимое в наш меркантильный век для устройства семейного очага. Через несколько лет они возвращались домой, обычно с результатами не менее удовлетворитель-

ными, чем у их более благородных предшественников: с деньгами, которых было достаточно для покупки жениха и какого-нибудь небольшого магазина или модной мастерской, что создавало возможность по-мещански добродетельного и по-мещански благочестивого существования в течение всей дальнейшей жизни. Каждая вернувшаяся из подобных странствований была настоящим событием в ее родном городке. О том, как деньги добыты, никто не спрашивал,— женихи еще меньше, чем все остальные. Все завидовали, что деньги вообще добыты, и тянулись по проторенному пути, цепляясь за знакомства и родственные связи, туда, на далекий северо-восток, где можно так быстро и легко скопить такие большие суммы.

Госпожа N. принадлежала к числу удачливых. В Петербург она попала незадолго перед началом русско-японской войны, в самый разгар дальневосточных авантюр, когда казенное золото полным потоком лилось в карманы Безобразовых, Вонлярлярских и иных рыцарей легкой наживы и когда — это было только простым следствием предыдущего — во всех злачных местах Петербурга дым стоял коромыслом от безумных кутежей золотой и позолоченной молодежи... Голос у госпожи N. был неважный, но не в пении была «сила» избранной ею профессии, и она без труда получила ангажемент в одном из лучших кафешантанов Петербурга. Вскоре ее заметили верхи кутящей столицы, вплоть до великих князей, которые, как и полагалось для глубоко монархической страны, тогда задавали тон в этой области национальной жизни.

На особенную высоту ее вознесла начавшаяся война. В ее рассказах об этом периоде много туманного и прямых пробелов: похоже, что и для нее самой не все ясно вспоминается сквозь похмелье пьяного угара, которым особенно густо окутан этот период ее жития. Отдельными кусками встают жизнь в Харбине, где она пела в шантане «Колхида», поездка в какие-то другие города, названия которых не удержались в ее памяти, пышные эполеты и громкие титулы ее высокопоставленных «покровителей». Она, несомненно, жила на самом Олимпе кутящего тыла армии, но видела все под весьма и весьма своеобразным углом зрения. С большими подробностями — и с большой любовью (если можно употребить в данном случае это слово) — она вспоминает о своем путешествии в поезде великого князя Кирилла Владимировича, который вместе со своим братом Борисом «украшал» тогда своим присутствием русскую армию. О маньчжурских подвигах обитателей этого поезда достаточ-

но хорошо известно в литературе. Их пьяные дебоши и бесчинства в дни, когда рядом лилась человеческая кровь, приводили в негодование даже военное командование, несмотря на все его желание ухаживать за двоюродными братьями царя. Дело кончилось тем, что главнокомандующий генерал Куропаткин как особой милости для себя просил об удалении этих князей из армии, так как они вносят деморализацию в среду последней. А госпожа N. о времени своего пребывания в этом поезде — даже теперь, после всех перенесенных житейских бурь,— вспоминает больше чем с простым удовольствием: «Это была веселая, привольная жизнь!»

И не бесприбыльная — добавим мы от себя: из сохранившихся у госпожи N. документов видно, что она уже в 1906 г. имела возможность дать под вексель какому-то X.— офицеру-золотоискателю, выдававшему себя за владельца больших поместий на Волыни,— целых 50 тысяч рублей на разведывательные работы где-то в Енисейской тайге. Едва ли нужно прибавлять, что эти деньги ею не были привезены с собою из Германии...

Маленький штрих, далеко не лишний для понимания этой среды: у матери госпожи N. сохранилась пачка писем ее дочери — с пути на Дальний Восток и из Харбина. Содержание самое обычное. Наверное, так пишут заботливым матерям все послушные юные дочери, впервые покинувшие родительский кров для того, чтобы провести несколько месяцев в гостях у старой тетки в соседнем городке: сообщения о своем здоровье, поклоны родным, семейные вопросы; изредка фразы о погоде и стереотипные, слегка сентиментальные замечания о русской зиме, о сибирской тайге, о красоте скал над Байкалом. Войны и отзвуков окружающего ужаса в них совершенно не слышно. При чтении их трудно заставить себя поверить, что эти строки писаны из того самого поезда, вся жизнь в котором была одной сплошной пьяной оргией и прибытие которого на станции Сибирской железной дороги нагоняло настоящую панику на все железнодорожное начальство...

Дальнейшие этапы карьеры госпожи N. представляют меньший интерес: они обычны. В течение ближайших лет она объездила все крупнейшие города России — Москву, Харьков, Киев, всюду выступая в перворазрядных местных кафешантанах. Своими тогдашними успехами она гордится. «О, мое имя тогда было хорошо известно в России»,— не без горделивой скромности прибавляет она. Зимою 1907/08 г. она пела в Петербурге, в «Аквариуме», и, по-

видимому, пользовалась известиым успехом. В бумагах Азефа сохраиилась ее карточка тех лет. С этой карточки иа иас глядит пышная, иарядно разодетая и в зиачительиой доле раздетая брюиетка, представительница того типа, который в романах доброго старого времени имеиовался типом «роскошной женщины». Карточка была иапечатаиа в качестве открыткн и под ней стоит печатная же подпись: «La bella Heddy de Hero»: иесомиеиио, что карточка поступала в продажу.

В пернод встречи с Азефом госпожа N. уже нскала «солндиых зиакомых»: шел четвертый год ее пребываиия в России, а иакоплеиных деиег было мало для триумфальиого возвращеиия иа роднну. Креднтоваиие золотых разведок в Енисейской тайге не прннадлежало к числу блестящих фииансовых операцнй. По-вндимому, и госпожу N. иа этот путь толкиули соображения далеко не коммерческого порядка... Офицер-золотоискатель, судя по бережио сохраненной госпожою N. его фотографнческой карточке, прииадлежал к числу типичных «ташкеитцев», ищущих места для приложеиия своих талаитов: туго обтянутые скулы, «целеустремлеииый» волчий взгляд, кавказская бурка на плечах и кавказский же кинжал за поясом... С такимн людьми ие рекомендуется садиться за карточиый стол, тем меиее разумио давать им деньги в долг. Срок его векселю давио истек, ио о возврате занятых сумм не было и речи. Волынские поместья оказалнсь совсем маленьким кусочком земли, к тому же заложеиным н перезаложеииым. Сам офнцер куда-то исчез, и предъявлеиный ко взысканию вексель так и застрял в окружном суде, только вызывая лишиие расходы на адвоката. Легко иажитые деиьги еще легче уплыли нз рук, причем мистически настроенные люди при желанни могут обиаружнть во всей этой нсторин руку всесправедливого провндения: иа страданиях и позоре русской армнн скоплеииые, представителем этой же армии деньги были и отобраны... Почти как в писаиии: из праха ты вышел и в прах возвратишься...

После столь горького опыта с «романтнкой» было покоичено... Госпожа N. думала только о «солидных зиакомых», которые могли бы возместить поиесеииые потерн и убытки. Азеф как нельзя более подходнл для этой роли. Ои назвал себя крупным коммерсантом, который имеет семью, ио хочет завести связь иа стороие. И его виешиость, и его поведеиие виушали доверие к его креднтоспособностн. Он не швырял деньгами, но в случае нужды умел ие кряхтя покрывать крупные счета. О фииансовой солндиости говорнли и делае-

мые им подарки. Некоторую роль играло и то обстоятельство, что он не был так груб, как обычные завсегдатаи «Аквариума».

Закрепление отношений Азефа с госпожою N. шло быстрым темпом. Все время, остававшееся после выполнения обязательной партийной работы и необходимых визитов к Герасимову, Азеф проводил вместе с нею. Они открыто появлялись в театрах, в увеселительных местах, на улице. Азеф был, по-видимому, искренне увлечен и совершенно отбросил в сторону свою обычную осторожность. Его поведение не прошло незамеченным в партийных кругах: вчера его видели в дорогой ложе на легкомысленной оперетке, сегодня он ужинал в первоклассном ресторане — и повсюду с госпожою N., которая имела вполне определенную репутацию. Кто-то его встретил у ювелира, когда он отбирал ценные серьги. Петербург не был деревней, но столь многие знали Азефа как партийного деятеля, что ему даже в Петербурге невозможно было скрыть подобное свое поведение. О нем начали говорить. До поры до времени Азеф парализовал эти разговоры, сообщив товарищам по Центральному Комитету о том, что ему удалось завести знакомства в мире кафешантанных певичек в интересах разведывательной работы против царя. Доля истины в этих словах была: если Азеф из своего знакомства с госпожою N. и не извлек полезных данных для подготовки покушения против царя, то, во всяком случае, в некотором роде породнившись через нее с благополучно тогда царствовавшей династией, Азеф, как передает госпожа N., любил ее расспрашивать о быте и нравах великокняжеского окружения.

Но подобные отговорки мало-мальски убедительными могли быть лишь очень недолго и к тому же только для тех, кто был посвящен в тайну работы Боевой Организации. В более же широких партийных кругах разговоры о необычном поведении Азефа множились и ползли вширь. Герасимов рассказывает, что около этого времени об Азефе начали поступать сведения от целого ряда других его осведомителей по партии социалистов-революционеров. Особенно настойчиво говорил один, убедительно доказывавший, что надо пользоваться обстановкой и арестовать Азефа — члена Центрального Комитета и руководителя Боевой Организации. Уклончивое отношение, которое только и мог занять Герасимов в ответ на эти рассказы, явно приводило старательного агента в недоумение, и он позднее, почти с оттенком облегчения, которое должно явиться у человека, нашедшего решение трудной задачи, принес известие о подозрениях, которые циркулируют в партии против Азефа.

Герасимов вспоминает, что он не раз предупреждал Азефа об опасностях, с которыми связан для него этот образ жизни. Но Азеф не склонен был менять последний. Всю опасность обстановки, которая для него складывалась, он понимал, но выход искал в прямо противоположном направлении и все настойчивее и настойчивее доказывал Герасимову, что он должен покончить игру и уйти на покой. Герасимов, по его словам, не особенно спорил. Доводы Азефа и ему казались убедительными: после 15 лет своей работы и ввиду опасностей, которые вокруг него все сгущались, Азеф и с точки зрения Герасимова имел право на отдых. Герасимов просил только об одном: довести до конца предположенную на весну операцию по парализованию покушения на царя. На это Азеф дал согласие.

Приблизительно около этого времени имел место небольшой эпизод, оказавший влияние на Азефа и толкнувший его на ускорение развязки: по случайному доносу был арестован помощник Азефа по руководству Боевой Организацией П. В. Карпович. Аргунов, видевший Азефа в момент получения известия об этом аресте, передает, что Азеф был им «необычайно взволнован». По рассказу Герасимова, Азеф немедленно же заявился к нему на внеочередное свидание и устроил настоящую истерику. По его словам, этот арест неизбежно должен был окончательно погубить его в глазах революционеров, а потому он грозил немедленно же все бросить и уехать за границу. Герасимов был целиком на стороне Азефа. Арест был произведен без его ведома. «Если бы я знал,— говорит он,— я никогда такой глупости не допустил бы». Поэтому Герасимов был готов сделать все, чтобы умиротворить Азефа, тем более что он совсем не хотел остаться без его помощи во время весенних операций. Азеф требовал немедленного освобождения Карповича, и притом так, чтобы у Карповича не возникло никаких подозрений. Карпович бежал с каторги, и его тщательно разыскивали по всей России. Освобождение его было прямым служебным преступлением. Тем не менее Герасимов не колеблясь обещал удовлетворить и это требование Азефа. Все действительно было устроено самым лучшим образом.

К счастью, у Карповича при аресте ничего найдено не было и ему не было дано понять, что полиция знает, с кем имеет дело. Это создало возможность изобразить дело так, будто задержан он ввиду сомнений в правильности его паспорта. Ему объявили, что его отправят на место выдачи паспорта для проверки его личности: такой порядок дейст-

вительно применялся в случаях, когда личность арестованного не представляла для полиции никакого интереса. После этого Карповича отправили из охранного отделения, где он до этого содержался, в пересыльную тюрьму. Сопровождать его Герасимов поручил одному из наиболее доверенных своих чиновников, дав последнему строжайшие инструкции «устроить так, чтобы он бежал». Дело это оказалось не совсем легким: Карпович, который, очевидно, поверил версии о том, что его полиция не опознала, явно не хотел рисковать попыткой побега в Петербурге, в надежде, что такой побег будет более легок в той глуши, куда его посылают. Эти его надежды были основаны на вполне правильной оценке положения — если бы положение это было нормальным,— а потому он не торопился пользоваться возможностями для побега, которые ему услужливо предоставлял сопровождавший его чиновник. Ехали они на извозчике. В пути чиновник остановил извозчика и зашел в табачную лавочку, якобы за папиросами. «Я был уверен,— рассказывал он позднее Герасимову,— что, вернувшись, найду только пустые дрожки, но, к моему изумлению, Карпович мирно сидел и ждал». Тогда конвоир предложил Карповичу зайти в ресторан — «перекусить». Карпович согласился. Заказали обед. Во время его конвоир отлучился «по своим надобностям» и через дверь смотрел, как себя поведет Карпович. Последний долго колебался, по-видимому, подозревал какую-то ловушку. «Устал я с ним,— рассказывал позднее конвоир Герасимову,— еле-еле удалось выпроводить. Не хотел человек бежать, что с ним поделаешь?»

Похоже, что именно этот эпизод с Карповичем заставил Азефа ускорить проведение мер подготовки для переселения за границу: по рассказу госпожи N. в марте 1908 г., вскоре после масленой, Азеф неожиданно и без всяких объяснений заявил ей о необходимости немедленно же ехать за границу и предложил в срочном порядке ликвидировать ее квартиру. Так как для продажи обстановки не было времени, то всю ее сдали на хранение в одно из мебельных депо. Полученную квитанцию практичный Азеф заложил в ломбарде за 700 рублей: по размеру этой суммы можно составить представление о материальном уровне жизни госпожи N. в тот период. С собой для заграницы Азеф советовал оставлять как можно меньше вещей. Он лично настаивал на одном только самоваре: чтобы и за границей можно было пить чай по-русски.

За границей в этот раз Азеф и госпожа N. провели около месяца, живя частью вместе, в Германии, частью по-

рознь. Возможно, что в это время Азеф ездил в Париж, где тогда умирал Гершуни. Около пасхи Азеф, захватив с собой госпожу N., вернулся в Петербург. Теперь они поселились вместе в одном из лучших отелей Петербурга и прописались под именем мужа и жены. На этот раз Азеф уделял госпоже N., очень мало времени: он был занят и пропадал по целым дням. Один раз он даже уезжал на несколько дней. Госпоже N. он свое поведение объяснял хлопотами по ликвидации своих коммерческих дел.

В действительности его дела, конечно, не имели ничего общего с коммерцией, хотя и были все построены на основах своеобразного коммерческого расчета: помимо участия в текущей работе Центрального Комитета, именно в этот период он провел две большие операции — получение из Туркестана денег, экспроприированных в Чарджуе, о чем уже говорилось выше, и «покушение» на царя в Ревеле.

Это последнее предприятие Азеф выдавал Герасимову за в высшей степени серьезное и говорил, что для проведения его создана специальная группа человек в 12—15, опорная база которой находится в Финляндии. Судя по всему, в этих его рассказах было много преувеличений: Азеф, так сказать, набивал цену той услуге, которую он на прощание оказывал полиции. По крайней мере, рассказ об этом эпизоде М. М. Чернавского — единственного из членов Боевой Организации этого периода, который напечатал воспоминания,— не производит впечатления, что дело было поставлено с большой солидностью.

По договору, который был заключен для этой операции между Герасимовым и Азефом, закончена она должна была быть без арестов: покушение должно было быть предупреждено одними мерами внутриорганизационного саботажа. На аресты Азеф ни в коем случае не давал своего согласия, и Герасимов принял его условия: так как поездка царя в Ревель была связана с вопросами высокой политики (в Ревеле должно было состояться свидание с королем английским), то аресты и громкий процесс были даже не в видах правительства. Важно было только, чтобы поездка прошла без каких-либо инцидентов... Именно поэтому «конвенция» Азефа — Герасимова без возражений была контрассигнована и Столыпиным.

По рассказам Азефа, у членов Боевой Организации имелось несколько проектов нападения на царя: они должны были быть использованы в зависимости от того, каким путем поедет царь к Ревелю — по железной дороге или морем, где он остановится в Ревеле и т. д. Задача Азефа и Герасимова

сводилась к тому, чтобы передвижения царя не допустили применения ни одного из этих проектов и чтобы при этом у членов Боевой Организации все время сохранялась твердая уверенность, что все неудачи объясняются случайными совпадениями обстоятельств, что полиция не осведомлена об их планах.

Справиться с этой задачей удалось без больших затруднений: в одном случае условная телеграмма пришла с совсем небольшим запозданием; в другом — кто-то не успел попасть на нужный поезд. Кроме того, царь отменил поездку в замок какого-то своего приближенного из эстляндских баронов, а именно на эту поездку Боевая Организация возлагала особенные надежды. Все сошло как нельзя лучше: без сучка без задоринки...

Герасимов вспоминает, что во время проведения им с Азефом этой операции ему бросилась в глаза совершенно исключительная осведомленность Азефа относительно всех предположенных передвижений царя. Все изменения, которые вносили в план царской поездки, в каком бы секрете они ни держались, немедлено становились известными Азефу, который обо всех них получал извещения путем условных телеграмм. Азеф даже бравировал этой своей осведомленностью и почти посмеивался над Герасимовым, который этого рода новости узнавал позднее Азефа, хотя по своему положению и должен был быть в курсе всех этих вопросов, так как именно на нем лежала основная забота о безопасности царя. Однажды на этой почве между Герасимовым и Азефом вышло нечто вроде маленькой размолвки: в процессе обсуждения плана операций Азеф указал на необходимость принять во внимание какую-то деталь намеченного маршрута царя. Герасимов возразил, что такой детали в маршруте не имеется, и ссылался на имеющиеся у него официальные документы. Азефа это не смутило.

— Это — новое изменение, которое до вас, очевидно, еще не дошло,— авторитетно заявил он.— Значит, вам сообщат завтра или послезавтра.

И сколько Герасимов ни старался убедить его в невероятности подобного допущения, Азеф уверенно стоял на своем:

— Наши сведения совершенно точны!

Велико было изумление Герасимова, когда на следующий день он получил «строго конфиденциальный» пакет с дополнительной надписью: «Лично в руки...», в котором содержалось извещение о внесении в маршрут царя той самой поправки, про которую ему накануне рассказывал Азеф.

Во время ближайшей встречи Герасимов, естественно, сделал попытку выяснить источник столь исключительной осведомленности Азефа, но последний самым решительным образом отказался удовлетворить любопытство своего полицейского патрона:

— Вы знаете, что я принимаю все меры, чтобы расстроить покушение, и ручаюсь вам, что не допущу его. Но сообщить, кто дает мне эти сведения, я не могу: человек этот занимает весьма высокое положение, об его сношениях со мной известно всего только 2—3 людям. Если он как-нибудь заметит, что об его роли известно, подозрения падут, конечно, на меня, и тогда я погиб... Лучше не спрашивайте: я должен заботиться и о собственной голове!

Но подчеркнуть свою победу и в данном споре Азеф не забыл:

— Видите: а ведь прав-то был я... Что стали бы вы делать, если бы во главе Боевой Организации стоял кто-нибудь другой?

Настаивать на своем вопросе Герасимов не считал возможным: право Азефа «беречь свою голову» было давно уже признано, и притом в самом широком толковании. Да и ясно было, что такое настаивание ни к чему не приведет: сломить Азефа было трудно. Но позднее, когда горячее время ревельской поездки прошло, Герасимов произвел строго секретное расследование о том, кто именно мог быть информатором Азефа. Так как посвященных в детали разработки маршрута царской поездки было очень немного, то отрывочные указания, имевшиеся в рассказах Азефа, нить для расследования давали. Результаты этого расследования заставили Герасимова схватиться за голову: все говорило за то, что информатором Азефа был не какой-либо второстепенный чиновник (именно на это надеялся Герасимов, начиная свое расследование), а лицо весьма и весьма высокопоставленное. Принимать какие бы то ни было меры против него на свою собственную ответственность Герасимов, конечно, не мог и решил сделать конфиденциальный доклад обо всем этом деле Столыпину. Последний долго отказывался верить. По его настоянию была произведена дополнительная проверка полученного результата, которая только подтвердила первоначальный вывод: означенное высокопоставленное лицо, судя по всему, действительно вполне сознательно оказывало содействие террористам в подготовке цареубийства... Казалось, правительство не имело ни права, ни возможности мириться с подобным положением.

И тем не менее после долгих размышлений Столыпин дал указание не давать делу никакого движения:

— Выйдет слишком большой скандал, теперь мы не можем допустить себе подобную роскошь... Может быть, после... Да и роль Азефа в этом случае нам придется вскрыть, а он нам нужен... Лучше не будем трогать... Имейте только *его* в виду...

Заботой о «бережении Азефа» Столыпин был тоже проникнут, а потому высокопоставленного помощника в деле организации цареубийства не тронули... Позднее же, когда роль Азефа вскрылась, «трогать» стало совершенно невозможным: разве можно было рассказать публично, что почти член Совета министров в деле подготовки цареубийства сознательно помогал Боевой Организации, руководителем которой был агент полиции, действовавший под контролем самого председателя этого Совета министров? Можно было примириться со всем, что угодно, только не с оглашением подобных в полном смысле слова убийственных данных!

Фамилия этого лица остается невскрытой и до сих пор: Герасимов и теперь не считает возможным назвать ее для печати. Но, и не называя этой фамилии, можно составить достаточно ясное представление о богатстве связей, которыми в это время располагала Боевая Организация и которые могли бы при случае быть пущены в ход — не для игры, подобной той, которая велась Азефом вокруг ревельских планов, а для серьезного предприятия...

* * *

Ревельские торжества сошли благополучно. Все были довольны: царь и Столыпин — политическими результатами свидания с английским королем; Герасимов — полученными наградами; Азеф — больше всего тою сотнею тысяч рублей, которые поступили в «забронированный» фонд Боевой Организации из сумм чарджуйского казначейства: переправу этих сумм из Туркестана в Петербург Азеф закончил как раз около этого времени.

Но Ревель был далеко не последнею картою в игре Азефа. Немедленно же после окончания «ревельской кампании» Азеф стал торопиться с отъездом за границу, на что согласие Герасимов ему дал еще заранее. Теперь у Азефа были свои особые причины спешить с этим отъездом: в самый разгар подготовки к «ревельской кампании» из-за границы пришло сообщение о том, что там намечается возможность организовать покушение на царя совсем иным путем и с очень большими шансами на успех. Сообщение

это, конечно, было прежде всего передано Азефу, который немедленно отправил своего помощника, П. В. Карповича, для выяснения обстановки. Известия, которые приходили от Карповича, внушали радужные надежды, и Азеф спешил сам на место подготовки больших событий.

С Герасимовым Азеф прощался, как прощаются перед разлукою навсегда. Он говорил, что устал и хочет уйти на покой, а потому в ближайшее же время отстранится от активного участия во всех партийных делах: вот бы только ему удалось реабилитироваться от выдвинутых против него Бурцевым обвинений, чтобы иметь возможность жить спокойно, не опасаясь нападения со стороны революционеров. Свою активную работу в качестве агента полиции он теперь ликвидировал совершенно: вполне определенно он говорил, что к ней больше не вернется,— и только почти в форме личного одолжения обещал время от времени писать о наиболее важных событиях из жизни Центрального Комитета: материал для информационных докладов Столыпину, к которому Азеф положительно питал нечто вроде личной симпатии. Жалованье Герасимов обещал ему высылать, пока будет на то формальная возможность, но смотрели на это жалованье больше как на пенсию за услуги, оказанные в прошлом. Едва ли нужно прибавлять, что во время всех этих подпольных разговоров Азеф ни одним намеком не дал Герасимову понять о существовании какого-то нового плана цареубийства, к которому он теперь будет иметь самое близкое отношение.

В июне 1908 г. Азеф покинул Россию для того, чтобы больше уже не возвращаться в нее (если не считать короткого визита в ноябре 1908 г. для свидания с Лопухиным). Госпожу N., которая, конечно, вместе с ним уехала из России, он оставил в Германии, а сам поспешил в Париж и затем в Глазго (Шотландия), где шла подготовка к новому покушению против царя.

Новый план состоял в следующем.

В Глазго, на верфях Виккерса, строился крейсер «Рюрик» — один из тех, которые должны были заменить старый русский флот, нашедший столь печальный конец в волнах Желтого моря. Для надзора за ходом работ и для ознакомления с самим кораблем в Глазго были присланы основные кадры будущего экипажа крейсера. С представителями этого экипажа революционерами были завязаны связи, и как социал-демократы, так и социалисты-революционеры вели среди них свою пропагандистскую работу. Работою социалистов-революционеров руководил К. П. Костенко — военно-мор-

ской инженер, входивший в центральную группу офицерской организации партии и имевший связи непосредственно с Центральным Комитетом. Именно ему принадлежала мысль использовать для покушения против царя тот торжественный царский смотр, который должен был быть устроен при приеме крейсера, когда он придет в русский порт.

Совершить покушение на этом смотру было возможно двумя способами: если за выполнение этого предприятия взялся бы кто-либо из распропагандированных чинов экипажа, то он мог бы убить царя из револьвера во время самого смотра или во время обхода царем помещений принимаемого крейсера; если же такого добровольца из состава экипажа не нашлось бы, то предполагалось тайно провести на крейсер члена Боевой Организации, не принадлежащего к составу команды судна, и дать ему возможность тайно же прожить на крейсере до момента царского смотра.

Так как в начале подготовительных работ добровольца из состава команды не имелось, то все внимание было сосредоточено на втором плане. Возможность пробраться на крейсер, пока он находился в Глазго, имелась полная. С помощью Костенко был найден и укромный уголок, в котором можно было бы прожить некоторое время, не будучи обнаруженным начальством: это были отверстия в румпельном отделении, за головой руля. Помещение это было мало и неудобно. Человек, который взялся бы за выполнение этого акта, должен был бы все время полусидеть-полулежать, не имея возможности расправить члены тела. Но предполагалось, что при большой выносливости это испытание может быть выдержано. Зато в других отношениях помещение представляло огромные преимущества: из него легко было попасть в центральную трубу вентилятора, по внутренней лестнице которого можно было подняться непосредственно к адмиральскому помещению и взорвать его во время царского завтрака.

Этот план имел свои отрицательные стороны: время царского смотра не было заранее известно, и могло случиться, что террористу пришлось бы жить в своем закуте не несколько дней, а целые недели (на практике такой смотр действительно состоялся почти через два месяца после выхода крейсера из Глазго), а для такого испытания человеческих сил не могло хватить. Но считалось, что рискнуть все же имело смысл.

Азеф приехал в Глазго в середине июля. С помощью Костенко он получил, конечно, под чужой фамилией, разрешение осмотреть крейсер и облазил все помещения, в том

числе и те уголки, в которых предполагалось спрятать террориста, вентиляционную трубу, по которой пришлось бы подниматься к адмиральскому помещению, и пр. Вывод его был неблагоприятен для плана: он считал его невыполнимым. Его отзыв был решающим, и план был оставлен. После этого вся надежда была на нахождение добровольцев из состава экипажа. После некоторых поисков такие добровольцы были найдены. Это были матрос Герасим Авдеев и вестовой Каптелович. Особенные надежды возлагались на первого — очень смелого, энергичного и весьма революционно настроенного человека. С ним были знакомы как Савинков, так и Карпович; позднее с ним встретился и Азеф. Оба они получили от Боевой Организации револьверы и со своей стороны написали прощальные письма, в которых объясняли мотивы своего поведения: эти письма, вместе с приложенными к ним фотографическими карточками, взял с собою Азеф — они должны были быть опубликованы после совершения ими намеченного акта.

В середине августа 1908 г. крейсер вышел в Россию. Уже с пути, в личном письме к Савинкову, Авдеев писал о своих настроениях:

«Я только теперь начинаю понимать, что я такое. Я никогда не был и не буду работником-пропагандистом... Я теперь глубоко, серьезно подумавши, представляю себе выполнение порученной мне задачи... Одна минута разрешит больше целых месяцев. Тогда лучше видно».

Только 7 октября состоялся царский смотр. «И Авдеев, и Каптелович встретили царя лицом к лицу»,— сообщает Савинков. По рассказу Костенко, переданному В. Н. Фигнер, Авдееву пришлось даже по просьбе царя принести ему бокал шампанского и в течение нескольких минут стоять в непосредственной от него близости. Покушение легко могло быть совершено, но совершено не было. Савинков объяснял это тем, что ни у Авдеева, ни у Каптеловича в решительную минуту не нашлось нужной смелости. По рассказу Костенко, который лучше осведомлен о том, что происходило на крейсере, дело обстояло совершенно иначе: военная организация, существовавшая на крейсере, готовила вооруженное восстание. Количество распропагандированных было велико, и руководители организации надеялись, что успех будет на их стороне. Авдеев и Каптелович входили в состав этой организации, но не посвятили ее в свои планы. Тем не менее по их поведению руководители организации догадались, что ими что-то готовится, и потребовали объяснений. Пришлось рассказать — результатом явились бур-

ные объяснения. Было ясно, что план цареубийства скрещивается с планом восстания: одно помешает другому, так как в результате выступления против царя на крейсере, конечно, начнутся допросы и аресты, полиция неминуемо нападет на след организации, и большой план захвата Кронштадта погибнет. В результате организация потребовала от Авдеева и Каптеловича отказа от их планов, и они должны были подчиниться ее решению.

Некоторые косвенные указания говорят за то, что эта версия Костенко более правильно объясняет поведение Авдеева и Каптеловича, чем догадка Савинкова: наличность среди распропагандированных матросов крейсера трений между сторонниками террора-цареубийства и сторонниками массового восстания видна и из воспоминаний Савинкова. Если так, то последняя карта Азефа, от которой зависело его спасение, была бита сторонниками того самого массового восстания, в которое он никогда не верил и против которого он всегда боролся.

Какое бы из этих двух объяснений мотивов поведения Авдеева и Каптеловича ни было верно, во всяком случае ясно одно: не состоялось это покушение совсем не потому, что его не хотел Азеф. Последний сделал все, что было в его силах, для доведения этого предприятия до успешного конца. Герасимов ничего не знал о том, что должно было произойти на «Рюрике». Прощальное письмо Авдеева, подписанное его настоящим именем, вместе с приложенной к нему фотографической карточкой, письмо, которое головой выдавало Авдеева, осталось на хранении у Азефа вплоть до момента его разоблачения: уходя в ночь на 6 января 1909 г. со своей парижской квартиры, Азеф сознательно положил его на видном месте на своем письменном столе — как документ, который должен был доказать его обвинителям, что он не был предателем, если мог предать и не предал этого дела... На самом деле, конечно, значение этого документа было иное: он свидетельствовал, что в данной партии его игры для Азефа было более выгодным предать не революционеров...

* * *

Позднее, в 1912 г., встретившись с Бурцевым во Франкфурте-на-Майне, Азеф не без упрека в голосе говорил:

— Если бы вы, Владимир Львович, меня тогда не разоблачили, я убил бы царя.

Вся биография Азефа, как мы ее теперь знаем, заставляет считать, что на этот раз он говорил Бурцеву

правду: он действительно организовал бы цареубийство. Верить в это приходится не потому, что он был особенно инициативным и изобретательным организатором. Наоборот, творческой инициативы у него не было, и за все годы *своего* в боевую работу он ничего не внес. Но волею судеб он сделался центром, к которому тянулись нити коллективной инициативы всех, чья мысль работала над вопросами террора. Огромное большинство этих мыслей Азеф губил — продавал их полиции. Но в те моменты, когда это становилось ему выгодным, он умел из общей массы талантливых и оригинальных планов выбирать *практически* целесообразные, как хороший коммерсант из массы часто гениальных изобретений и открытий выбирает только те, которые в данный момент могут быть рентабельными. И этот практически целесообразный план он сумел бы привести в исполнение, потому что ему было выгодно.

Конечно, поскольку речь идет об Азефе, организованное им таким образом убийство царя не было бы актом террористической борьбы в том смысле, который вкладывается в это слово нашей русской литературой. С точки зрения субъективных мотивов его поведения это было бы обычным убийством с заранее обдуманным намерением и притом в целях извлечения корыстной выгоды. Но для историка эти мотивы не представляли бы большого интереса. Историку пришлось бы считаться с фактом: династия Романовых закончилась бы во всяком случае не на Николае II...

Глава XIX
РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Кампания против Азефа, начатая Бурцевым, тем временем развертывалась своим чередом. Шаг за шагом Бурцев накоплял улики и уже перестал делать секрет из своих обвинений. Теперь он не был одинок. Систематические неудачи Боевой Организации во всем главном, что только она ни задумывала, начали наводить на печальные размышления многих и из числа партийных деятелей. Становилось бесспорным, что предатель в самом центре партии имеется, и методом исключения все вставшие на путь этих рассуждений приходили к подозрениям против Азефа. На партийное положение Азефа все эти подозрения до поры до времени никакого влияния не оказывали. Руководители партии упорно отказывались верить всем выдвигаемым против него об-

винениям, квалифицируя их как «легкомысленную обывательскую болтовню». Азеф продолжал руководить боевой работой партии и входить в состав Центрального Комитета. В качестве члена последнего в августе 1908 г. он присутствовал на партийной конференции в Лондоне...

Такое положение заставило Бурцева перейти к более решительным действиям. Узнав об участии Азефа на Лондонской конференции, он отправил одному из членов этой конференции, своему старому другу А. Л. Теплову, письмо с прямым обвинением Азефа в измене. Это письмо стало известно Центральному Комитету, который решил наконец выйти из своего пассивного состояния и привлечь Бурцева к третейскому суду. Речь шла не о расследовании по существу тех обвинений, которые выдвигал Бурцев против Азефа, а именно о суде над Бурцевым за то, что он «клеветал» на Азефа. И тем не менее решение Центрального Комитета натолкнулось на сильное сопротивление среди видных партийных деятелей, особенно из числа имевших более или менее близкое отношение к Боевой Организации. Последние во главе с Савинковым были самым решительным образом против суда, считая уже самую возможность такого суда оскорблением для чести Боевой Организации.

Считая Бурцева искренним человеком, впавшим в глубокое заблуждение только потому, что он не знал действительной биографии Азефа, Савинков в доверительных беседах рассказал Бурцеву во всех подробностях о роли Азефа в жизни Боевой Организации. В этих рассказах для Бурцева было много нового. Из них он, в частности, впервые узнал о плане покушения на крейсере «Рюрик»: разговоры его с Савинковым происходили в сентябре, как раз в те дни, когда «Рюрик» подходил к Кронштадту и готовился к царскому параду и когда посвященные в это дело руководители Боевой Организации со дня на день ожидали получения телеграммы о «роковом» для жизни царя инциденте во время этого парада. Легко себе представить, какие настроения должны были вызвать в Бурцеве эти рассказы. У него была твердая *уверенность* в правильности выдвинутого им обвинения, но точного *знания*, документально установленных *фактов* он не имел. Прав или не прав он был, но общая обстановка в свете узнанного им от Савинкова становилась еще более жуткой, еще более кошмарной.

Именно в эти дни он сделал свою попытку вызвать Лопухина на откровенный разговор. Попытка эта, как рассказано выше, удалась.

— Никакого Раскина я не знаю, но инженера Евно Азефа я видел несколько раз,— взволнованно бросил бывший директор департамента полиции, сам разрешивший Азефу вступить в Боевую Организацию, но не имевший до этого разговора и отдаленного представления о том, как далеко ушел его бывший подчиненный по тому пути, для вступления на который Лопухин его благословил.

Этот разговор дал Бурцеву то, чего ему раньше не хватало,— дал *знание* правильности выдвигаемого им обвинения. Пусть Азеф убил Плеве, великого князя Сергея и многих других; пусть он не сегодня завтра убьет и самого царя. Дело от этого не меняется. Какими мотивами он руководствуется при этом — неизвестно, но точно известно, что он состоял и состоит на службе у полиции, и если по тем или иным соображениям он сегодня не выдает одних из террористов, то совершенно несомненно, что он вчера и позавчера выдавал многих других и что он будет так же поступать завтра. Мириться с этим положением нельзя. Если ближайшие друзья Азефа не хотят открыть глаза, если они остаются глухи ко всем указаниям, тогда остается только одно: высказать свои обвинения публично, в печати.

Под влиянием этих настроений немедленно же после свидания с Лопухиным Бурцев составил открытое обращение ко всем членам партии социалистов-революционеров и сдал его в типографию для набора. В этом обращении он повторял свои обвинения против Азефа и объяснял, почему он должен прибегнуть к помощи печатного слова.

В корректурных гранках это обращение было послано в Центральный Комитет социалистов-революционеров. Только после этого принятое больше чем за месяц перед тем решение о созыве третейского суда было приведено в исполнение. В состав суда решено было пригласить трех наиболее старых и популярных в революционной среде революционеров: В. Н. Фигнер, Г. А. Лопатина и П. А. Кропоткина.

— Надо принять меры и усмирить Бурцева, который направо и налево распространяет слух, что Азеф провокатор,— говорил член Центрального Комитета Натансон, приглашая в состав суда В. Н. Фигнер.

Они все еще были уверены, что речь идет именно о том, чтобы «усмирить» Бурцева!

Суд заседал в Париже, главным образом на квартире Савинкова, в маленькой скромной комнате, почти лишенной обстановки. Внешняя обстановка была самая обыденная, без намека на торжественность. Члены суда сидели впере-

межку с «обвиняемым» и представителями «обвинения», официальным председателем был Г. А. Лопатин, но фактически допросы вел главным образом В. М. Чернов, который вместе с М. А. Натансоном и Б. В. Савинковым представлял обвинение в качестве официальных уполномоченных Центрального Комитета. Настроение всех участников, достаточно приподнятое в самом начале, по мере хода следствия становилось все более и более напряженным.

Бурцев, связанный обещанием, которое он дал Лопухину (не называть никому его имени), вначале держался в области тех данных, которые он собрал через Бакая. Это были все косвенные улики, н притом основанные на слухах, циркулировавших в полицейских кругах. Убедительными они становились только в том случае, если слушатель с доверием относился к личности информатора — к самому Бакаю. А именно этого, конечно, и в намеке не было у представителей партии, которые третировали Бакая как только могли. В тяжелом положении находился и сам Бурцев. Он был один против трех, причем из этих трех каждый в отдельности был более опытным, чем Бурцев, оратором, более ловким, чем он, диалектиком. Особенно сильно на него нападал Чернов, который, по выражению В. Н. Фигнер, «как ловкий следователь, наступал на Бурцева и, можно сказать, преследовал его по пятам». Бурцев же поражал «отсутствием изворотливости, неумением отражать противника».

Некоторые из судей колебались. Кропоткин, который имел большой опыт с провокаторами среди французских анархистов 1880—1890 годов вспоминал, что история не знает случая, когда долголетние и из разных кругов возникавшие подозрения против какого-либо определенного лица не оказывались в конечном итоге правильными. Тем не менее чаша весов перевешивала явно не в сторону Бурцева. Особенно сильным козырем в руках «обвинителей» был перечень «революционных заслуг» Азефа. Развернув список этих последних в большой и красивой речи, Б. В. Савинков патетически спрашивал Бурцева:

— Я обращаюсь к вам, Владимир Львович, как к историку русского революционного движения и прошу вас после всего, что мы рассказывали здесь о деятельности Азефа, сказать нам совершенно откровенно: есть ли в истории русского революционного движения, где были Желябовы, Гершуни, Сазоновы, и в революционном движении других стран более блестящее имя, чем имя Азефа?

— Вы знаете,— говорила Бурцеву В. Н. Фигнер,— что вы должны будете сделать, когда будет доказана неправиль-

ность ваших обвинений? Ведь вам остается только пустить пулю в лоб — за то зло, которое вы причинили делу революции...

В этой обстановке, в самый последний момент Бурцев решил нарушить обещание, данное им Лопухину.

— Я имею еще одно доказательство,— начал он и, потребовав от всех присутствующих особого торжественного обещания не выносить подробностей за стены данной комнаты, подробно рассказал им о своем свидании с Лопухиным.

Рассказ произвел огромное впечатление. «Я никогда в моей жизни,— вспоминает Бурцев,— не говорил перед такими внимательными слушателями, как на этот раз... Когда я повторил слова Лопухина: «Никакого Раскина я не знаю, но инженера Евно Азефа я видел несколько раз», то все враз заговорили и встали со своих мест. Взволнованный Лопатин, со слезами на глазах, подошел ко мне, положил мне руки на плечи и сказал:

— Львович, дайте честное слово революционера, что вы слышали эти слова от Лопухина...

Я хотел ему ответить, но он отвернулся от меня, как-то безнадежно махнул рукою и сказал:

— Да чего тут говорить... Дело ясное!

Положение сразу переменилось. «Присутствующие все были ошеломлены»,— признается В. Н. Фигнер, до того целиком бывшая на стороне защитников Азефа. Представители Центрального Комитета пытались было бороться против общего настроения. Натансон говорил, что Лопухин — опальный директор департамента полиции и сознательно клевещет на «опасного для полиции революционера» Азефа, желая этим путем выслужиться перед правительством.

Но натяжка этого объяснения чувствовалась всеми. После короткого обмена мнениями Кропоткин от имени всех судей заявил, что партия должна произвести проверку рассказа Лопухина.

Суд над Бурцевым кончился, впервые за все время начиналось расследование деятельности Азефа.

Сам Азеф в течение всего этого времени — суд тянулся около месяца — был вне Парижа. Большую часть лета, после поездки в Глазго, он провел вместе с госпожою N.: сначала в Остенде, затем в Париже. Вместе с нею он поехал и в Лондон, когда ему пришлось туда ехать для участия в конференции. Заседаниями последней, по свидетельству Аргунова, Азеф нередко манкировал: это происходило потому, что, по рассказу госпожи N., все эти дни их лон-

донского пребывания были сплошным пикником. Увеселительные поездки сменяли одна другую. Только к одному вопросу Азеф отнесся с большим вниманием: уже после того как Центральным Комитетом была разработана смета расходов, в самый последний момент Азеф предъявил новые, повышенные требования денег на нужды Боевой Организации. Центральный Комитет, как это обычно бывало, уступил, и уже принятый бюджет «был пересмотрен наново»...

Таким же сплошным пикником была и жизнь в Париже, куда Азеф вместе с госпожою N. переехал после Лондона. Он даже внешне настолько переменился, что это начало бросаться в глаза его товарищам по партии, обычно маловнимательным к мелочам этого рода. Всегда чисто выбритый, в щегольском прекрасно сшитом костюме, он выглядел настоящим именинником.

...Как раз в дни этого «сплошного пикника» госпожа N. получила от Азефа наибольшее число ценных подарков, из которых только за один — за бриллиантовые серьги, купленные в Париже, — Азеф заплатил 25 тысяч франков...

В заседаниях Центрального Комитета, которые предшествовали созыву суда, Азеф участвовал в 'качестве полноправного члена и вместе с другими разрабатывал программу поведения на суде. Но на самый суд явиться он не захотел: ему было «противно купаться во всей той грязи, которую поднимает Бурцев»; сама мысль о возможности объясняться с ним перед судом казалась оскорблением, и дело «защиты своей чести» он полностью передоверил своим ближайшим товарищам по партии. Последние все это принимали за чистую монету. Если бы против кого-либо из них по роковому стечению обстоятельств было возведено аналогичное обвинение, то они на самом деле испытывали бы приблизительно такие же ощущения, вполне естественным казалось им наличие их и у Азефа. Поэтому они не только с готовностью взяли на себя дело «защиты его чести», но еще и сами уговаривали его уехать из Парижа, отдохнуть, успокоиться, собраться с мыслями...

Азеф действительно уехал — в маленькое дачное местечко в Пиринеях, недалеко от Биаррицы, где в то время жила его жена с детьми. С госпожой N. пришлось на время расстаться: нужно было выдерживать роль глубоко оскорбленного, а жизнь «сплошного пикника» могла броситься в глаза. Но несмотря на нависшую угрозу, мысли

Азефа все время возвращались к госпоже N.: жизнь в семье после увеселительных поездок казалась до невозможности скучной. Его письма к госпоже N. от этих дней полны упреками за отсутствие писем и пожеланиями скорее свидеться: «Süsse, liebe (сладкая, любимая),— восклицает он в письме от 27 сентября,— как хотел бы я иметь тебя здесь, чтобы купаться вместе!»

Сравнительно скоро явилась приличная возможность положить конец этой разлуке: летние каникулы окончились, детям Азефа нужно было вернуться в школу, и Азеф уговорил жену ехать вместе с ними в Париж, не беспокоясь о том, что он останется один. Так будет даже лучше: ему тяжело видеть людей, да и вообще предпочитает наедине с собой переживать тяжелые минуты. Едва ли нужно прибавлять, что немедленно после того, как выяснилась дата отъезда жены, к госпоже N. полетела телеграмма — с призывом как можно скорее приехать. Госпожа N. не заставила повторять просьбу, и в то время когда друзья Азефа на суде «защищали его честь», в Биаррице вновь началась жизнь «сплошного пикника». «Здесь чудно хорошо,— писала госпожа N. своей матери в первой открытке из Биаррицы от 14 октября.— Я купаюсь каждый день,— так тепло. Вчера удила рыбу, поймала 5 штук. Я сидела в лодке. Солнце печет невероятно». К концу месяца погода в Биаррице начала портиться, тогда Азеф с госпожою N. совершили небольшое турне по Испании: видели бой быков в Сан-Себастьяно, бродили по Мадриду...

Суд вначале беспокоил довольно мало. Письма из Парижа звучали очень оптимистически, и Азеф надеялся, что эта «грязная процедура судебного разбирательства» закончится быстро и вполне благополучно. Возможно, что держалась и надежда на Авдеева: со дня на день в это время ждали телеграмму о «прискорбном происшествии» на крейсере «Рюрик», и тогда Азефу перестали бы быть страшными все Бурцевы мира: ни один суд не решился бы высказаться против организатора убийства царя. Но телеграммы этой не было, процесс затягивался, и Азеф в письмах к друзьям в Париж становится все более и более раздражителен, ворчит на суд, который без нужды затягивает дело, на друзей, которые не умеют быть достаточно убедительными... «Хотелось бы уже развязаться с этой мерзостью», — срывается у него в письме к Савинкову из Сан-Себастьяно, того самого, на залитой солнцем арене которого так театрально красиво резали быков...

Но «развязаться» не удалось. Наоборот, «эта мер-

зость» заставила прервать прогулку по стране тореадоров. Госпожа N. помнит, что после получения каких-то писем Азеф заявил ей, что должен расстаться с ней и срочно, по важным «коммерческим делам» вернуться в Париж.

Нет сомнения, это были письма, написанные после рассказа Бурцева о свидании с Лопухиным. Имя последнего и подробности разговора с ним держались в секрете. Но факт резкого поворота в ходе всего дела не был тайной для сравнительно широких кругов партийных деятелей. От одного к другому шло известие о «таинственной сенсации», которую преподнес суду Бурцев и которая заставила Центральный Комитет приступить к особому расследованию в Петербурге. Во всяком случае, в этих пределах о происшествии было сообщено и Азефу теми его друзьями, которые продолжали оставаться уверенными в его невиновности. Таковым его считал даже сам Аргунов, которого Центральный Комитет отправлял в Петербург для собирания сведений о Лопухине. Перед своим отъездом из Парижа он не только счел нужным зайти попрощаться с женой Азефа, но и написать самому Азефу. «Одна подробность, характеризующая настроение у меня — следователя,— пишет он в своих воспоминаниях,— при прощании с женой и детьми Азефа мне вдруг захотелось сказать слово утешения и поддержки «бедному Ивану Николаевичу», который там, один, переживает эти отвратительные толки о себе, всю эту грязную процедуру судебного разбирательства, и пр. и пр. Я написал ему открытку, где в нескольких словах, прощаясь перед отъездом, просил его не тревожиться, не расстраиваться и быть бодрым».

Может быть, именно эта открытка и переполнила чашу тревог Азефа и заставила его поспешить в Париж, чтобы попытаться спасти то, что еще можно было спасти из всей этой становившейся все более и более «грязной» процедуры.

В Париже выяснилось, что положение было хуже, чем он ожидал. Возможностей спасения не было, и в дальнейшем Азеф все время катится по наклонной плоскости, делая ошибку за ошибкой. «Когда бог хочет кого-либо наказать,— писал он позднее о своем поведении в эти дни, — то отнимает у него разум».

Неизвестно, кто именно это сделал, но из документов несомненно, что кто-то из небольшого числа людей, хорошо посвященных в подробности рассказа Бурцева, не сдержал своего слова и не только назвал Азефу имя Лопухина как того нового свидетеля, который выступает против него,

но и сообщил ему целый ряд подробностей относительно свидания Лопухина с Бурцевым. Азеф сделал отчаянную попытку: тайно от товарищей он помчался в Петербург и совместно с Герасимовым предпринял ряд шагов, чтобы уговорить Лопухина отказаться от своего показания. Сначала Азеф, потом Герасимов с этой целью нанесли визиты Лопухину. Результаты были прямо противоположные. Лопухин решил жечь корабли и согласился на свидание с Аргуновым, который в эти дни был в Петербурге и собирал сведения о Лопухине через либерально настроенных знакомых последнего. В этом разговоре Лопухин шел даже дальше, чем в разговоре с Бурцевым, и подробно рассказал об Азефе все, что знал. «Я слушал молча, — вспоминает Аргунов, который шел на свидание, все еще полный веры в Азефа, — не прерывая Лопухина. Развертывающаяся картина азефовщины давила на мозг всею своею тяжестью. Хотелось поймать рассказчика на одном каком-нибудь фальшивом пункте, чтобы, ухватившись за него, отбросить всю эту мистификацию, всю хитроумную сеть его доказательств. Но я не находил ни одной фальшивой ноты в его изложении, ни одной несообразности, нелепости. Все дышало правдой».

Лопухин пошел даже на большее: согласился приехать в Лондон и там повторил свой рассказ — на этот раз перед тремя представителями партии: Аргуновым, Савинковым и Черновым. И на всех на них его рассказ тоже произвел впечатление полной правды. В это же время были получены и объективные улики против Азефа: Лопухин указал точную дату посещения его Азефом. У последнего запросили, где он был в эти дни. Азеф представил счета берлинских гостиниц, пытаясь ими доказать свое алиби. Проверка не только обнаружила ложность этих документов, но и убедила, что они изготовлены с помощью полиции.

Звенья цепи обвинения замыкались одно за другим. 5 января 1909 г. Центральный Комитет созвал совещание ряда наиболее ответственных партийных работников и, подробно изложив положение дела, поставил вопрос: что делать? Ослепление «блестящим прошлым» Азефа было настолько велико, что и теперь из 15—18 присутствовавших лишь 4 подали свои голоса за немедленную казнь предателя: Зензинов, Прокофьева, Савинков и Слетов. Остальные колебались. Правда, из состава присутствовавших, кажется, только один Натансон продолжал лелеять надежду, что Азеф еще сможет оправдаться. Для других решающим было опасение, что немедленная казнь Азефа вызовет междоусобную войну внутри партии: Кар-

гович, живший в это время в Петербурге, писал, что он «перестреляет весь Центральный Комитет», если осмелятся поднять руку на Азефа. Было известно, что таково настроение и некоторых других членов Боевой Организации. Кроме того, боялись, что убийство Азефа вызовет репрессии против всех эмигрантов.

Сошлись на самом плохом, на чем только можно было сойтись: на компромиссе. Решено было сделать попытку под предлогом суда завлечь Азефа в специально для этого снятую укромную виллу и там его умертвить. Это, по крайней мере, сводило к минимуму опасность репрессий со стороны французской полиции. Пока же были отправлены к Азефу три представителя собрания — для допроса, причем им было поставлено условие: не брать с собою оружия. Опасались, что кто-либо из них не выдержит...

Эти представители — ими были В. М. Чернов, Б. В. Савинков и член Боевой Организации Панов (Николай) — поздно вечером в тот же день явились на квартиру Азефа. С первых же слов Азеф понял, что теперь он сидит на скамье подсудимых. В этой обстановке его так часто и, казалось бы, хорошо испытанное умение владеть собою ему изменило. Он путался в ответах, сбивался в рассказах, впадал в противоречия с точно установленными фактами и даже с самим собою. Но вскоре, увидев, что в него не стреляют, он немного пришел в себя и сделал попытку даже свою растерянность обратить в свою пользу: да, он сейчас не может дать удовлетворительных ответов; обстоятельства его преследуют, к тому же он чувствует себя как во враждебном лагере — «вы все против меня»,— и это отношение ближайших друзей его угнетает и не дает собраться с мыслями. Он пытался играть на воспоминаниях о прошлом. Остановившись против Чернова и смотря ему прямо в глаза, он дрожащим голосом говорил:

— Виктор! Мы жили столько лет душа в душу. Мы работали вместе. Ты меня знаешь... Как мог ты прийти ко мне с таким... с таким гадким подозрением?

Но и это не помогло. В ответ ему предложили рассказать откровенно о своих сношениях с полицией, по-видимому, была минута, когда Азеф колебался: не принять ли это условие. Зная его, можно говорить с полной уверенностью: если бы он видел наведенное на него дуло револьвера, он действительно принял бы это условие и какой угодной ценой купил бы жизнь. Но дула на него наведено не было, и после колебаний он продолжал упорствовать в полном отрицании.

Допрос кончился тем, что пришедшие ушли, взяв с Азефа обязательство явиться на следующий день к полудню на квартиру Чернова. Азеф обещаиие это дал, но, конечно, и не собирался держать его.

Едва только закрылась дверь за делегатами, Азеф торопливо стал готовиться к бегству. Жене, которая попрежнему верила ему во всем, Азеф объясиил, что должеи уехать на время, для того чтобы спокойно собрать материалы для своего оправдаиия. Сейчас, говорил ои, защищаться иет возможиости, ибо «оии» уже решили его убить. Но он скоро вериется с доказательствами и тогда восстаиовит свою честь. Больше всего его беспокоил вопрос, не оставили ли революционеры патрули на улице — для надзора. Несколько раз подбегал к окиу — в неосвещенной комиате — и, приподняв уголок занавески, осматривал окрестиости. Улицы были пусты. Никаких патрулей не было.

Вещей Азеф с собой почти не взял. Заботливо пересмотрел ои только свой архив, кое-что уничтожил, на видном месте иа письменном столе положил прощальное письмо матроса Авдеева. Все остальиое — все письма от партийных друзей, все документы, такие реликвии, как письма Сазонова из Шлиссельбурга, и пр. — взял с собою. Трудно верится, но делегаты, приходившие для допроса, даже не сделали попытки осмотреть его бумаги...

Было $3^{1}/_{2}$ часа ночи на 6-е яиваря 1909 г., когда Азеф покинул свою квартиру. Жена проводила его до вокзала и посадила иа ближайший поезд, уходивший в Германию. Адрес для писем ей Азеф дал на Веиу, до востребоваиия, ио ехал он не непосредствеиио в Веиу, а сначала в тот провинциальный городок Средией Германии, откуда родом была госпожа N. и где она теперь жила у матери после такой приятной поездки по Испании.

На следующий день жена послала Азефу письмо, полиое тоски, тревоги и сомнений, полное просьб как можно скорее собрать «документы», так как положение становится совершенно иевыносимым, так как даже самые, казалось бы, преданные друзья начинают сомиеваться и смотреть на нее с недоверием, даже с подозрениями. И как раз в этот же самый деиь в гостях у госпожи N. Азеф строчил свой последний доклад Герасимову, с теми сведениями о роли Лопухиия, которые он почерпнул из слов допрашивавших его делегатов...

Полицейская карьера Азефа была кончеиа. Теперь он уже ие мог оказывать услуг — ни Герасимову, ни Столы-

пину. Этого Лопухину не простили. Столыпин решил поставить примерный процесс против последнего, чтобы показать, как мстит правительство своим сановникам, какие бы посты они ни занимали, если эти сановники смеют выдавать тайны полицейского розыска. Так как процесс должен был быть очень громким, то Столыпин предварительно доложил о своих планах царю, познакомив последнего с перечнем заслуг Азефа. Тут впервые Николай II узнал, кем был выдан Никитенко, кто предотвратил покушение в Ревеле. Благословение на предание Лопухина суду было дано — с тем большей охотой, что Николай уже давно не любил Лопухина за разоблачение тайны печатания погромных прокламаций; сам Николай к этим прокламациям относился с большой благосклонностью...

Процесс был проведен с рекордной быстротой — причем, по специальным инструкциям Столыпина, и во время предварительного следствия, и на суде Лопухину не дали возможности рассказать о том главном, о чем он хотел рассказать: о тех своих противниках из департамента полиции, которых он считал главными вдохновителями двойной игры Азефа, и специально о самом Столыпине. Обо всем этом Лопухин смог рассказать только в 1917 г., на допросах в Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством. Этот рассказ в ряде отношений наводит на сомнения. Перед этой комиссией Лопухин, несомненно, говорил не всю правду, о многом умалчивал, стремясь обелить свое собственное полицейское прошлое. Но он все же представляет большой интерес и заслуживает быть приведенным здесь:

«...Однажды весной 1906 г. мой бывший сослуживец по департаменту полиции,— показывал Лопухин,— Макаров на мой вопрос об участи Азефа сообщил мне, что он все еще состоит агентом у Рачковского и Герасимова и играет большую, чем когда-либо, осведомительную роль. Вскоре министром внутренних дел был назначен Столыпин, мой товарищ по гимназии, с которым я был дружен в юности и встретился за 2 года перед тем по-старому после многих лет, что мы не видались. Немедленно по назначении его я подробно посвятил его в историю Азефа и в детали деятельности обнаруженной мною в январе 1906 г. по поручению графа Витте типографии департамента полиции, устроенной для печатания погромных листков. Столыпин к моим сообщениям отнесся, мне показалось, с искренним негодованием — к провокаторской роли Азефа, а также к погромной политике департамента по-

лиции, — высказав полную решимость покончить как с тем, так и с другим. Через несколько дней я уехал за границу, где прочел отчет о заседании Государственной думы, в котором Столыпин давал объяснения по запросу о деятельности вышеупомянутой типографии. Объяснения эти так извращали факты, были так далеки от известных Столыпину с моих слов данных, что давали основание предположить о том, что Столыпин или сознательно лгал перед Думой, или был введен в заблуждение своими подчиненными. У меня не было прямых данных подозревать его в первом, и потому я написал ему официальное письмо, в котором, предупреждая его об обмане, привел все сообщенные ему мною ранее на словах сведения о погромной деятельности департамента полиции в 1906 г. Объяснения, которые произошли между Столыпиным и мною по моему возвращению из-за границы по поводу моего письма, уже не оставили места сомнениям в том, что Столыпин сознательно исказил истину в своих заявлениях перед Думою. Наши отношения после этого объяснения почти порвались. Вскоре мы разошлись окончательно. В разговоре по поводу происшедшего в сентябре 1906 г. еврейского погрома в Седлеце Столыпин с величайшим раздражением сказал мне, что считает меня явным революционером и в качестве министра внутренних дел предупреждает, чтобы я сообразовал свое поведение с этим его мнением обо мне. Я же ответил ему, что после той лжи, которую он расточал перед Государственной думой по поводу погромной типографии департамента полиции, я не верю ему ни в чем, считаю его способным даже пользоваться услугами Азефа и предупреждаю его, что если бы я узнал, что Азеф продолжает состоять агентом русской полиции, я приму меры к его разоблачению, дабы покончить с этим делом. Узнав в сентябре 1908 г. от Бурцева о том, что провокаторская роль Азефа не кончена, я и сообщил Бурцеву все мне об Азефе известное, а затем подтвердил это и членам партии социалистов-революционеров. При производстве следствия по моему делу мне был задан следователем вопрос: почему о деятельности Азефа я сообщил Бурцеву, а не кому-либо из знакомых мне должностных лиц, обладавших для обезвреждения Азефа властью. Я ответил, что начал с того, что обратился к такому лицу. Но, прежде чем я успел назвать Столыпина, присутствовавший при допросе товарищ прокурора Корсак перебил меня вопросом, могу ли я доказать мое заявление, присутствовал ли кто-нибудь при моем разговоре с этим должностным

лицом. И иа мой отрицательиый ответ товарищ прокурора предупредил меия, что если я иазову должиостиое лицо, которому я говорил об Азефе и ие подтвержу моего заявлеиия свидетелями, то могу только отягчить мое положеиие в деле. Свидетелей моего разговора со Столыпиным ие было, и я иа предварительиом следствии его ие иазвал. Я хотел иазвать его перед судом, ио там председатель лишил меия слова. Я увереи, что едва ли ие главиой целью моего ареста и предаиия суду было лишить меия возможиости иазвать Столыпииа как покровителя Азефа. Для достижеиия этого стоило переиести тот скаидал, который Столыпии устроил себе и правительству моим арестом и судебиым против меия процессом...»

Как ии отиоситься к деятельиости самого Лопухиииа иа посту директора департамеита полиции и как ии расцеиивать действительиые мотивы его перехода в оппозицию, в одиом историк должеи во всяком случае отдать ему справедливость: ои вполие прав, когда иазывает Столыпииа прямым покровителем Азефа. После приведеииых выше рассказов Герасимова в этом уже ие может быть иикакого сомиеиия. Лопухии еще ие зиал всей правды!

Суд приговорил Лопухииа к ссылке иа каторжиые работы, вопреки всем фактам и закоиам логики призиав его вииовиым в прииадлежиости к партии социалистов-революциоиеров только иа том осиоваиии, что ои говорил с члеиами этой партии об Азефе. Только во второй иистаиции приговор был иесколько смягчеи; ио ссылка в Сибирь иа поселеиие осталась...

Столыпии мог торжествовать свою победу, ио радости оиа прииесла мало: процесс против Лопухииа сосредоточил иа себе виимаиие ие только всей русской, ио и мировой прессы. Дело Азефа и «тайиы русской полиции» вообще иа целые годы стали одиой из иаиболее излюблеииых тем мировой журиалистики, и трактовалась эта тема всегда далеко ие в благожелательиых для русского правительства тоиах. Ум плохо мирился с мыслью о том, что Азеф мог вести свою сложиую игру только за свой собствеииый риск и страх, что этой игры ие замечал иикто из его полицейских руководителей. Родились и приобрели большое распростраиеиие теории о том, что Азеф-террорист был только игрушкой в руках видиейших представителей полицейского мира, что удачиыми бывали только те из оргаиизуемых им покушеиий, которые ои устраивал по прямым указаииям сиачала Рачковского, а потом Герасимова. Иевериые по существу, эти теории иашли иастолько бла-

годарную аудиторию, что им начали придавать веру даже в русских правительственных кругах. Они отравили последние годы жизни Рачковского: этому заслуженному провокатору, у которого на совести было больше чем достаточно своих собственных преступлений, пришлось расплачиваться за Азефа, с которым он почти никаких сношений не имел и к которому он относился с большим, чем кто-либо другой из полицейского мира, подозрением. В связи с делом Азефа он был взят под надзор, у него был произведен обыск...

Еще хуже пришлось Герасимову: он, гордившийся тем, что только благодаря ему правительство раздавило революцию 1905 г., едва-едва ушел от прямого предания военному суду.

Вскоре после разоблачения Азефа Герасимов уехал в длительный отпуск: в течение 4 лет своего пребывания на посту начальника охранного отделения в Петербурге он ни разу не брал отпуска и теперь собирался получше отдохнуть. В этот момент он был на вершине своей славы. Столыпин целиком воспринял его точку зрения на дело Азефа и публично взял последнего под свою защиту с кафедры Государственной думы. Уезжающему Герасимову было обещано по возвращении место товарища министра внутренних дел с поручением руководить всей полицией в империи. Но ко времени его возвращения все переменилось самым радикальным образом. К подозрениям, возникшим в связи с делом Азефа, прибавились подозрения, возбужденные делом Петрова. Этот последний был молодым социалистом-революционером. Он сидел в тюрьме, когда была раскрыта роль Азефа. Ему грозила каторга. Для того чтобы спасти себя и своих ближайших друзей, под свежим впечатлением от дела Азефа, он решил прикинуться готовым поступить на службу в полицию. Он имел успех, и полиция помогла ему в организации побега. Одновременно было освобождено несколько его ближайших друзей, которые должны были помогать укреплению его положения в партии. Но за границей, куда Петров выбрался немедленно по выходе на свободу, он рассказал о своих сношениях с полицией, правда, в сильно романтизированном виде, и предложил себя целиком в распоряжение партии, для того чтобы искупить свою ошибку. Предложение его было принято, и он получил поручение организовать убийство того самого Герасимова, который вел с ним переговоры о вступлении на полицейскую службу. С этим поручением Петров и его личные друзья отправились в Петербург. Но увидеться с

Герасимовым Петров уже не мог: последний уже не имел касательства к активной полицейской работе и стоял под подозрением в связи с делом Азефа. Сношения с Петровым вел преемник Герасимова на посту начальника петербургского охранного отделения полковник Карпов. Тогда Петров организовал убийство этого последнего, а на допросах после ареста заявил, что совершил это убийство по прямому совету Герасимова. Это было ложное показание, специально для того сделанное, чтобы скомпрометировать Герасимова в глазах правительства: к такому выводу заставляет прийти самая придирчивая проверка обстоятельств дела, как они были видны с обеих сторон — со стороны полиции и со стороны революции. В показаниях Петрова не было никаких доказательств, это был голый оговор. И тем не менее обстановка, создавшаяся в правительственных кругах после разоблачения дела Азефа, была такова, что очень многие этому голому оговору были склонны верить. Сам Петров был в срочном порядке повешен, но специальная особо секретная комиссия еще долго билась над вопросом о том, что делать с Герасимовым. Большинство стояло за предание его военному суду, и только личное вмешательство Столыпина предотвратило создание нового скандального процесса.

Но уже самая возможность разговоров на эту тему достаточно ясно говорит о том, какая обстановка создалась после дела Азефа на верхах политической полиции. Полное разложение, полное недоверие ко всем на этих верхах — с одной стороны; глубочайшая дискредитация во всем мире — с другой,— такова была месть Азефа-провокатора той системе, которая создала возможность его появления на свет божий.

Но отомстил он не одной только полиции.

Когда сомневаться в факте его измены стало невозможным, среди эмигрантов-террористов поднялась агитация за необходимость «восстановить честь террора». Особенно горячо вел ее Савинков. Путь он признавал только один: надо восстановить Боевую Организацию и на деле показать, что еще есть террористы, что еще возможен террор. Только таким путем, говорил он, будет смыто пятно, наложенное Азефом. На его призывы откликнулись многие, из рядов которых Савинков заботливо отобрал 12 человек для своего отряда. Среди них был целый ряд людей с большим революционным прошлым: М. А. Прокофьева, Климова, Слетов, Чернавский... Не было ни одного, у кого за плечами не стояло бы тюрьмы, ссылки, каторги; многие

уже раньше принимали участие в боевой работе. В их походе было что-то, что заставляло вспоминать известную картину «Последняя атака наполеоновской старой гвардии». Как и там, здесь шла в борьбу не зеленая, необстрелянная молодежь. Все были людьми если не поседевшими в боях, то, во всяком случае, уже видавшими смерть, уже смотревшими ей в глаза. Казалось, им и теперь смерть не может быть страшна, что они, как старая наполеоновская гвардия, могут или умереть, или победить, но никогда не свернут с намеченного пути, никогда не остановят коней, пущенных в последний бег...

На деле вышло совсем иное: последняя атака кончилась хуже, чем ничем.

Здесь важно было не только то, что среди отборных двенадцати целых трое оказались предателями, которые или состояли уже на службе в полиции, или поступили на нее во время своей работы в отряде. И это в то время, когда в старой Боевой Организации не было ни одного предателя, — конечно, кроме самого Азефа. Быть может, более симптоматичным было то, что и у самого Савинкова — автора идеи этого последнего похода — не нашлось силы пойти на риск своей головой: он бесцельно метался по загранице, тратил большие суммы из партийных денег, но в Россию так и не поехал.

Для того чтобы сознательно, не в минуту увлечения, а на основе глубоко продуманного представления о своих моральных обязанностях идти на смерть, нужен огромный подъем душевной энергии, огромное напряжение нервов, выдерживать которые человек мог только при наличии большой и чистой веры. Измена Азефа внесла отраву в эту веру, убила ее чистоту. До предела натянутые струны не выдержали...

«Террор не Азефом начат — не на Азефе он будет и покончен», — писал Чернов в одной из своих статей о деле Азефа, написанных в дни, когда Савинков создавал свою организацию для последнего похода. Историк — увы — принужден признать, что в этой горделивой фразе верна только первая половина: террор не Азефом был начат, но именно на Азефе он был закончен. Годом или двумя позднее этого похода Слетов, совершивший нелегальную поездку по России, рассказывал, что повсюду в партийных кругах он встретил по отношению к террору частью полное равнодушие, частью нехорошее предубеждение. «Получалось впечатление,— говорил он,— если бы партии удалось свалить самого царя, партийные люди прежде всего заподозрили

бы тут провокацию». В подобиой обстановке террор как система борьбы — н политнческн, н пснхологнчески — стал, коиечио, иевозможен.

Глава XX
ЗАСЛУЖЕННЫЙ ПРЕДАТЕЛЬ НА ПОКОЕ

После побега нз Парижа для Азефа началась совсем иовая жнзиь — того тнпа, о котором ои, по-вндимому, уже давно мечтал н к которому ои, во всяком случае, давно уже снстематически готовнлся.

В гостях у госпожи N. в ее провиициальном захолустье он пробыл недолго: получил от Гераснмова жалованье за последиий месяц своей полицейской службы (в его «послужиом списке» таковым зиачится декабрь 1908 г.: всего ои состоял на службе 15 лет и 7 месяцев); получнл какую-то, совсем иебольшую, сумму «ликвндацноиных», а также — для него теперь это было самым важным — несколько хорошнх заграиичных паспортов... И затем отправнлся с госпожою N. в путешествие. Это было настоящее «свадебиое путешествие», затяиувшееся на много месяцев. Первую половииу 1909 г. оии всю провелн на юге — в Италии, Грецнн, Египте, бродили по развалниам Колизея, пожили иа островах Эгейского моря, поднимались на Хеопсову пирамиду. Поздиее, когда пришло жаркое лето, перекинулись на север н объехали Швецию, Норвегню, Даиию... Средств при разъездах ие жалелн: ездилн всегда первым классом, остаиавливались в лучшнх комнатах лучших отелей. Но надолго ннгде ие засижнвались: более продолжительными былн остановки только в Люксоре, на виду у пирамид, да в Вестерфельде, иа Северном море. Неприятным было одио: Азеф очеиь боялся преследоваиий. В это время все газеты были полны статьямн о нем, всюду печаталн его портреты, и Азеф все время подозрительно смотрел по сторонам, опасаясь встреч с людьми, которые его зиали. По приезде в каждое иовое место он внимательно просматривал списки обитателей намечениого отеля н отказывался селиться в ием, еслн там были русские. Бывали случаи, когда после какой-нибудь встречи он возвращался домой встревожеииым и отдавал распоряжеиие иемедлеино готовиться к отъезду. Часто менялн паспорта, н госпожа N. вспомннает, что она тогда нередко забывала, как нмеиио ее в даииое время зовут.

Только к осени Азеф стал несколько более спокойным. Разъезды пора было кончать, время было думать о прочном устройстве на длительный срок. Местом своего пребывания он выбрал Берлин. Прописались по паспорту Александра Неймайера, купца, и его законной супруги. Паспорт этот принадлежал к числу присланных Герасимовым. Была снята большая квартира, в шесть комнат, в одном из лучших районов тогдашнего Берлина, в Вильмерсдорфе (в доме № 21 по Луитпольдштрассе). На обстановку не жалели денег. Купили хороший рояль, завели хрусталь, столовое серебро. Позднее все вещи Азефа были застрахованы в 20 тысяч марок — себестоимость их была значительно большей. Обосновывались «всерьез и надолго».

В качестве профессии для себя Азеф избрал благородное ремесло игры на бирже. Оказывается, интерес к этому делу у него существовал и раньше, а в последние годы перед его разоблачением он уже покупал ценные бумаги. С 1911 г. он внес свое имя в официальный регистр торговых фирм Берлина и выправил годовую карту для входа на биржу (в 1915 г. это была карта № 765). Дела вел довольно большие и позднее, уже из берлинской тюрьмы, не без гордости писал, что его имя было известно не только в Берлине, но и на нью-йоркской, и лондонской биржах. Как велики были деньги, вложенные им в дела, точно установить не удается, но, во всяком случае, они были не маленькие: весной 1913 г. он потерял около 14 тысяч — и это не нанесло ему заметного ущерба. Надо полагать, что общая сумма, во всяком случае, была не меньше 100 тысяч марок. А так как он около этого времени сделал и вклад на имя госпожи N. в размере 30 тысяч марок; на квартирную обстановку истратил не менее 25 тысяч марок; драгоценностей госпоже N. разновременно купил, по ее собственной оценке, не меньше чем на 50 тысяч марок; так как затем много съела жизнь «сплошного пикника» в 1908—1909 гг.,— то общую сумму «сбережений», сделанных Азефом за годы его высокопочтенной работы, следует определить во всяком случае не меньше как в 200—250 тысяч марок.

Жизнь потекла размеренно, мирно — настоящее «мирное житие», особенно подходящее для «великого провокатора», за тенью которого гонялись по всему миру.

Постоянный посетитель берлинской биржи, ведший там солидную, крупную, но осмотрительную игру, Азеф сумел завязать довольно большие знакомства в соответствующих немецких кругах. Гостеприимный и хлебосольный хозяин — эти чисто русские черты характера у Азефа, оказалось,

имелись,— он любил принимать и угощать гостей, и это скоро сделало его популярным в той среде. Раз-два в неделю у него собирались гости, пили чай из русского самовара, а затем организовывали пульку, далеко не всегда «по маленькой».

Он постарался несколько изменить свою внешность и отпустил небольшую мягкую бородку, которая действительно заметно смягчала выражение его лица. Всегда внимательно следил за своей внешностью и очень хорошо одевался. Шил много костюмов и все у лучших портных. Денег на себя вообще не жалел и постоянно говорил госпоже N., что на их век денег у них хватит и что поэтому они должны не думать о будущем, а заботиться только о том, чтобы жизнь шла более приятно. Каждое лето проводили в поездках, которые совершали то вместе, то порознь. Азеф любил лечиться. Ничего серьезного в это время у него не было: пошаливало сердце, не вполне правильно функционировали почки, имелась налицо старая неврастения, но все эти болезни были в стадиях, ни в какой мере не опасных. Тем не менее Азеф бывал у лучших врачей и по их указаниям регулярно каждое лето проходил курс лечения на водах. Сверх того регулярно каждое лето бывали за границей — на лучших курортах Франции и Бельгии: в Остенде, в Трувилле и т. д.

Эта жизнь вполне удовлетворяла Азефа. Новая обстановка пришлась ему как нельзя более по вкусу, и он сам, в свою очередь, как нельзя лучше подходил для нее. С фотографий того времени он глядит спокойным и добродушным обывателем, и его тогдашние письма дышат мещанским благодушием. Читая их, с трудом можно представить, что автор их когда-то писал доклады о «проблеме нравственности у Михайловского», участвовал в ответственных политических совещаниях, был членом международных социалистических конгрессов. Они выдержаны в духе того слащавого сентиментализма немецкого мещанина, который так режет ухо русского интеллигента.

К русскому языку в своих письмах Азеф не прибегает, хотя госпожа N. в известных пределах им владела. Но порою с его пера срываются отдельные русские слова: это тогда, когда он хочет изругаться особенно грубо. В этих случаях в письме среди сплошного немецкого текста мелькают начертанные латинскими буквами те грязные выражения, хорошее знание которых госпожа N. вынесла из ее прежней жизни в России — из общения с миром «Владимировичей» и их блестящего окружения. Порою необхо-

димость употребления этих выражений ни в коем случае не вытекает из предыдущего текста писем. В этих случаях нельзя отделаться от ощущения, что Азеф бросает их просто для того, чтобы «отвести душу», просто потому, что употребление их ему вообще приятно: это бывает у людей, которым долго приходилось сдерживать свободное выявление той или иной стороны своего «я» и которые затем получили возможность освободиться от этих ограничений...

О круге духовных интересов Азефа по письмам судить трудно: слишком мало таких интересов было у госпожи N., чтобы Азеф полностью развертывал перед нею эту сторону своего «я». Только время от времени делится он с нею своими соображениями о положении дел на бирже, обнаруживая наличие у него неплохого нюха биржевика. Да еще очень любопытны даваемые им описания различных шантанов и варьете, которые он постоянно посещает во время своих поездок. Госпожу N. по ее прежней профессии эти учреждения, конечно, не могли не интересовать, и Азеф пишет ей настоящие доклады на эти темы, обнаруживая при этом незаурядную эрудицию специалиста. Варьете венские он сравнивает с парижскими, берлинскими, петербургскими и др., входит в детали, в мелочи... Настоящие лекции по курсу сравнительного шантановедения — наука, в знакомстве с которой Азеф, очевидно, свободно мог состязаться с госпожою N.!

Как сильная страсть у Азефа выявляется любовь к азартным играм. Возможно, что этим путем он удовлетворял свою потребность в острых ощущениях и сглаживал разительность перехода от нервно-напряженного состояния всегда рискованной игры на два фронта к почти безмятежному житию полурантье, полубиржевика. Во всяком случае, в отставном провокаторе обнаружился азартный картежник. Не довольствуясь регулярными «пульками» в Берлине, он ведет большую и азартную игру во время своих летних поездок на курорты юга Франции. Играет он так, что порой остается без гроша в кармане и бывает вынужден по телеграфу просить о присылке денег для того, чтобы покрыть счета и иметь возможность купить билет на обратную дорогу. Проигрыши воспринимает тяжело, но не столько из жалости к потерянным деньгам, сколько от огорчения, что у него нет «счастия». «У других,— писал он госпоже N. в одну из таких горьких минут,— бывает счастие, только у папочки никогда. Удивительно! Когда я сегодня держал банк, то его сорвали на втором круге».

Надо добавить, что итоговые результаты игры Азефа не

оправдывают этого его самоуничижительного тона: правда, в 1911 г. он потерял целых 15 тысяч франков, но зато в 1912 г. выиграл 7, в 1913 г.— целых 13 тысяч франков. Таким образом, в конечном итоге от игры в карты он не терял...

Сношений с политической полицией он не поддерживает, да и не может поддерживать, так как с 1910 г. департамент полиции уже начинает понимать, что Азеф вел двойную игру, издает секретные циркуляры об его розыске и берет под бдительный надзор всех тех деятелей полицейского сыска, которые имели раньше сношения с Азефом. Все возможности для «реабилитации» в этом направлении перед Азефом были закрыты, но зато с этой стороны он ничего и не боялся: он понимал, что русское правительство тревожить его за границей не станет, террористического покушения против него не организует, требования о выдаче его для суда над ним не предъявит. Все это было бы связано с таким большим скандалом, что у правительства не могло быть никакой охоты становиться на подобный путь.

Прошлое беспокоило его своей другой стороной. В газетах время от времени вновь начинаются разговоры о нем, и из них ясно, что революционеры не перестают его искать. Азеф превосходно понимал, что риск быть случайно обнаруженным для него существует постоянно.

Как мы теперь знаем, опасения Азефа были больше чем основательны. Сведения о том, что Азеф живет в Берлине, дошли до революционных кругов. Под руководством К. Либкнехта здесь была даже создана небольшая группка из русских и немецких социал-демократов, которая вела систематические поиски, и теперь ясно, что они были совсем близко от Азефа. Что ему грозило в случае обнаружения, тайны не составляло. Озлобление против него среди его бывших товарищей по партии было огромным, и «купцу» Александру Неймайеру, несомненно, не пришлось бы дальше пользоваться радостями мещанского благополучия.

В этой обстановке у Азефа неизбежно должны были возникать планы тем или иным путем получить для себя амнистию от революционеров. Он хорошо помнил предложение, сделанное ему Черновым во время последнего допроса: рассказать всю правду о своих сношениях с полицией и этой ценой спасти свою жизнь. Если бы удалось достичь соглашения на этом условии теперь, то для Азефа это было бы самым лучшим исходом. Полицейских секретов беречь он не собирался: *идейной* симпатии к полиции у него никогда не было, а в данный момент говорить заставляли и соображения выгоды.

Руководствуясь этимн соображеннямн, Азеф еще с 1910—1911 гг. начинает делать попыткн войтн в сношения с своимн бывшнми товарищамн по партин. Своей первой жене он пншет о своей готовности явнться на партийный суд, рассказать ему всю правду и подчиниться любому решению его, вплоть до смертного приговора. На этн свои пнсьма он ие получил ответа: с иим не хотели разговарнвать. Но войти в сношения с революцнонерамн и сообщить всему мнру, что он порвал сношеиия с полицией, возможность для него все же представилась.

Это случилось в 1912 г. Июль этого года Азеф проводил в Нейенаре, под Наугеймом, где проходил курс лечення от острой иеврастеиин и легких непорядков с сердцем.

Курорт и отелн ему нравнлнсь, ио с самого же начала он заметил большой недостаток: там было много русскнх. Из его писем видио, что ои каждое утро с большой тревогой просматривал спискн вновь приезжих, опасаясь неожнданно натолкнуться на какого-нибудь старого знакомого.

Опасеине было иебезосновательио: его узналн, и его адрес был сообщеи Бурцеву. Последний давно уже искал случая встретнться с разоблаченным Азефом, будучи уверен, что теперь Азеф расскажет ему немало интересного для него как для нсторнка, а потому немедлеино написал Азефу письмо с предложением встретиться. В этом письме Бурцев гарантировал, что ни о какой «засаде» с его стороиы не может быть и речи, что свндання он ищет исключительно как историк, но довольно недвусмыслеино предупреждал, что в случае неполучения быстрого согласня от Азефа иа свндаине ои, Бурцев, сможет сделать и другое употреблеине из ставшего ему нзвестным настоящего адреса Азефа.

Это письмо не могло не испугать последнего. Он понимал правильность заявленнй Бурцева, а потому поспешил ответнть Бурцеву своим согласнем: предложение встретиться, писал ои, «совпадает с моим давнншним желаинем установить правду в моем деле». Он только откладывал свндание на одиу неделю, которая ему необходима для устройства лнчных дел.

Этнмн «личиыми делами» была квартнра берлннского купца А. Неймайера, по которой теперь легко было найтн Азефа. Ее Азеф немедлеино лнквндировал. Госпожа N. была отправлена к матерн, в провницню, все вещн были упакованы и сданы на храненне в мебельное депо. На всякий случай Азеф написал и завещанне, в снлу которого все свое имущество он передавал госпоже N. якобы в возме-

щение своих долгов последней: как известно, в этом случае причитались меньшие наследственные пошлины — Азеф и об этом не забыл.

Встреча с Бурцевым состоялась 15 августа 1912 г. во Франкфурте, в кафе «Бристоль». В течение двух дней Азеф рассказывал о своем прошлом, пытаясь изобразить себя революционером, который сделал в молодости ошибку, вступив в сношения с полицией, а позднее не имел смелости покаяться в этом перед товарищами и составил план так использовать свои полицейские связи, чтобы извлекать из них выгоду для революционного движения. По его рассказу выходило, что он все время надеялся сделать свою деятельность настолько очевидно полезной для революции, чтобы иметь право признаться в своих сношениях с полицией. Именно с этой целью он и организовывал террористические акты. Но каждый раз его все останавливало сомнение: достаточно ли он искупил свою ошибку? Он надеялся, что ему удастся убить царя, тогда он рассказал бы всю правду. Но в этом ему помешал он, Бурцев.

— Если бы не вы,— с упреком в голосе говорил Азеф,— я его убил бы...

И сейчас Азеф пытался доказать, что объективно его деятельность все же приносила значительно больше выгод революции, чем полиции. Он с большой настойчивостью возвращался к этой теме, весьма картинно иллюстрируя свои рассуждения: держа маленькие ладони своих рук как чаши весов, он перечислял то, что дает перевес делу революции, и этому противопоставлял то из содеянного им, что выгодно было полиции.

— Ну, вы сравните сами,— убеждающим голосом говорил он.— Что я сделал? Организовал убийство Плеве, убийство великого князя Сергея... — и с каждым новым именем его правая рука опускалась все ниже и ниже, как чаша весов, на которую падают грузные гири.— А что я дал им? Выдал Слетова, Ломова, ну еще Веденяпина... — и, называя эти имена, он не опускал, а, наоборот, вздергивал кверху свою левую руку, наглядно иллюстрируя все ничтожество полученного полицией по сравнению с тем, что имела от его деятельности революция.

У Бурцева не было желания спорить с Азефом. Он приехал не для ведения с ним дискуссий на тему о революционной этике. Но в ответ на эти рассуждения у него как-то невольно вырвалось замечание:

— Но ведь дело не только в этом... Ведь вопрос имеет и принципиальное значение...

И запнулся: Азеф смотрел на него такими большими удивленными глазами и в этих глазах так ясно светилось, казалось, искренне недоуменное непонимание, что пропадало всякое желание спорить...

Очень много Азеф говорил и о своих сношениях с полицией, давал характеристики всех тех представителей последней, с которыми ему приходилось встречаться. Только об одном из них он отзывался с оттенком некоторого уважения — это о Герасимове. Но и тут он ставил себе в заслугу, что ему удалось так обойти Герасимова, что последний — в этом Азеф был убежден — и до сих пор ему полностью доверяет: как мы теперь знаем, Герасимов действительно продолжал доверять Азефу даже много позднее... О всех остальных представителях полицейского мира Азеф говорил с нескрываемым презрением и пренебрежением, как о полных бездарностях, которых ему ничего не стоило обводить вокруг своего пальца. Он даже делал вид обиженного самой возможностью допустить, что он хоть на один момент мог быть внутренне с *ними*,— и, наоборот, много говорил о своей искренней симпатии к целому ряду из своих коллег по Боевой Организации...

Особенно настойчиво Азеф старался доказать, что уже давно не поддерживает никаких связей с полицией, что все сообщения об этих сношениях, которые со ссылками на Бурцева время от времени мелькали в русской и иностранной прессе, совершенно не соответствуют действительности и что предположения о том, что он может продолжать вредить революционерам, не имеют никакой под собой почвы: у него нет ни возможности это делать, ни желания... Наоборот, он был бы рад, если бы своим рассказом о связях с представителями полицейского мира мог оказать последнюю услугу революционному движению, а потому просил Бурцева взять на себя инициативу по организации суда над ним, особенно настаивая на том, чтобы об этом суде немедленно же было опубликовано в газетах — не только русских, но и французских и немецких.

Бурцев уезжал с не вполне определенным впечатлением. Он поверил, что Азеф «действительно хочет суда над собой своих старых товарищей», но для него было неясно, какие мотивы толкают Азефа на этот шаг. Чувствовал Бурцев и некоторую недоговоренность в рассказах Азефа. Тем с большей настойчивостью он подчеркивал необходимость организовать суд и подробно обо всем допросить Азефа, а не убивать его без каких бы то ни было разговоров с ним, как бешеную собаку, которую убивают везде, где

только встретят: именно такое настроение в отношении к Азефу было в это время среди эмигрантов-социалистов-революционеров. В этом духе Бурцев написал свой рассказ о встрече с Азефом,— рассказ, который был перепечатан в газетах всего мира.

Проект суда потерпел крушение: «старые товарищи» Азефа психологически не могли встретиться с ним, хотя бы как с подсудимым, и отказались от каких бы то ни было разговоров на эту тему. Поэтому мы никогда не узнаем, как поступил бы Азеф, если бы предложенный суд был учрежден и если бы он вынес ему смертный приговор. Зная Азефа, приходится больше чем сомневаться, что он подчинился бы ему и покончил бы свою жизнь самоубийством, как он это обещал в своих заявлениях. Но в одном он от беседы с Бурцевым был в выигрыше: Бурцев поверил, что Азеф больше не имеет никаких сношений с полицией, а вслед за Бурцевым этому поверил и весь мир. В результате настойчивость, с которой революционеры вели поиски Азефа, не могла не ослабеть. А для последнего это было самым главным.

Бурцев дал Азефу обещание, что не использует свидания в целях наведения социалистов-революционеров на его следы. Последний верил этому обещанию. Но... береженого бог бережет. А потому свои меры для охранения безопасности он принял. Из Франкфурта он метнулся в Довиль, чтобы «освежиться» за зеленым столом последнего. Игра на этот раз была особенно азартна: Азеф спустил все свои деньги и уже послал госпоже N. телеграмму о высылке тысячи франков на расходы. Но в последнюю минуту счастье повернулось к нему лицом — и он уехал с выигрышем. Из Довиля Азеф вернулся в Германию, но не в Берлин: ездил по Рейну и Мозелю, жил в санатории в Вильдунгене, был в гостях у матери госпожи N. Кризис на Балканах заставил Азефа в интересах биржевых дел вернуться в Берлин, но жил он здесь в отелях, на холостую ногу и по другим паспортам... Только к осени 1913 г. он рискнул вновь обосноваться более прочно.

Более жестокие испытания несла Азефу война. Он имел неосторожность если не все, то большую часть своих денег держать в русских бумагах, а потому объявление войны и последовавшее запрещение котировать русские бумаги на берлинской бирже было для него настоящей финансовой катастрофой. Он потерял почти все. Не на что было существовать, и на смену жизни «сплошного пикника» шли думы о хлебе насущном.

Азеф сделал попытку бороться. Собрав, что было мож-

но из остатков, а также продав часть драгоценностей госпожи N., он открыл на имя последней модную корсетную мастерскую. Азеф мобилизовал все свои практические способности и фактически вел всю коммерческую сторону дела. Даже позднее, уже из тюрьмы, он старался руководить в этом отношении госпожою N., давая указания, что и сколько покупать и пр. Курьезно читать в его тюремных письмах почти философские рассуждения о том, что следует увеличивать число корсетов малых размеров, ибо война грозит затянуться, и дамы, сидя на тощей диете, будут все больше и больше худеть. Во всяком случае, мастерская пошла и давала возможность существовать.

Но удар августа 1914 г. был только прелюдией к удару июня 1915 г. Госпожа N. вспоминает, что, вернувшись както летом «на второй год войны», Азеф пенял на себя за то, что нелегкая его дернула зайти в какое-то кафе на Фридрихштрассе, где он столкнулся с кем-то, кто знал его как Азефа. Азеф был прямо подавлен:

— Он узнал меня, и теперь будет плохо...

Весь вечер сидел и разбирал свои бумаги. Многое жег.

Опасения оправдались. На следующий день, вспоминает госпожа N.,— из документов мы знаем, что это было 12 июня 1915 г.,— они возвращались вместе из города: жили они в это время в районе Гогенцоллерндамм. Едва они поднялись из вокзала подземной дороги, как к ним подошел какой-то прилично одетый господин и предупредительно отогнул борт своего пиджака: там висел маленький бронзовый жетон уголовной полиции... Лишних слов сказано не было. Азеф покорно пошел за ним следом. Для него начались тюремные мытарства — первые в его жизни.

Условия заключения были нелегки. Он сидел при полицей-президиуме, в строгом одиночном заключении, в сырой холодной камере. До конца октября 1915 г. не было света. Потом дали газовую лампу, но разрешали пользоваться только до 8 часов вечера. Свиданий не давали. С воли приходили тяжелые известия: рушились остатки материального существования, наседали кредиторы, должники отказывались платить.

Угнетающе действовала и полная неизвестность. Вначале еще жила надежда на быстрое освобождение, но время шло, лето сменилось осенью, началась зима, а никакого движения дело не получало. Азеф бомбардировал полицию своими заявлениями. Полагая, что его арестовали в связи с его прежней полицейской службой, он настойчиво доказывал, что уже давно порвал всякие сношения с русской

полицией. 22 ноября 1915 г. «в полном отчаянии» он подал заявление на имя самого полицей-президента с просьбой «рассмотреть его дело и за полной невиновностью освободить». Из ответа на это прошение, переданного ему устно полицейским советником Рербергом, Азеф к большому своему недоумению узнал, что в тюрьме его держат не как агента русского правительства, а как опасного революционера, анархиста и террориста, который на основании международных полицейских конвенций подлежит по окончании войны выдаче России.

Против этого обвинения Азеф восстал со всей энергией оскорбленной невинности. Сначала в устных объяснениях, затем в обстоятельной записке он доказывал, что всегда был только верным агентом правительства, действовавшим под контролем своего полицейского начальства, и что сам Столыпин выдал ему аттестацию о безупречной полицейской службе. Эти оправдания не убедили полицей-президента, который еще в конце 1916 г. в справке об Азефе, выданной испанскому консульству, называл его «без сомнения анархистом и при этом приверженцем террористического направления». Но облегчения условий тюремного содержания Азефу все же добиться удалось. Одно время стоял вопрос о переводе его в лагеря гражданских пленных, но от этого перевода Азеф в конце концов сам отказался: он просил, чтобы его поместили в лагерь таких пленных нерусской национальности; полиция объявила это абсолютно исключенным, заявила, что он может быть переведен только в русский лагерь, где будет содержаться обязательно под его настоящей фамилией, и что в этом случае администрация лагеря не берет на себя ограждать его от возможных оскорблений со стороны других заключенных. Эта перспектива была настолько малоутешительна, что Азеф предпочел остаться в тюрьме, выдав при этом расписку, что делает это по своей доброй воле. Зато в тюрьме он получил ряд льгот. Ему были разрешены свидания, чтение газет, его ежедневно отпускали в город на два часа — для прогулок, покупок и пр.

Это было лучшее время его тюремного заключения, но тянулось оно очень недолго. Вскоре Азеф захворал и был переведен в больницу при моабитской тюрьме. Здесь Азефа содержали в строгом одиночном заключении, все время на запоре. О двухчасовых прогулках по городу не могло быть и речи. «Почти по неделям ни с кем не могу перемолвиться словом»,— жаловался Азеф и готов был перевестись в лагерь гражданских пленных, даже на тех условиях, которые

ставил полицей-президиум. Но теперь ему в этом было отказано, со ссылкой на его собственную подписку, выданную за несколько месяцев перед тем, и Азефу до конца 1917 г., когда он был освобожден, пришлось жить в тюремной больнице.

Все это влияло на настроение Азефа, изменения которого можно проследить по его многочисленным письмам к госпоже N. Он, конечно, все время взволнован и угнетен, но вначале еще имеет силы играть определенную роль: рисовать себя в определенном свете, ставить себе определенные цели в области воздействия на своих читателей. Таковых было два: госпожа N. и тот чиновник полицей-президиума, который вел дело Азефа и который по долгу службы перечитывал все его письма. Оба эти читателя представляли для Азефа большой интерес, и их обоих он имеет в виду при писании своих писем.

Вначале его больше всего беспокоила госпожа N. Ее письма к нему были полны горьких жалоб на судьбу. Она совсем не привыкла к подобным испытаниям, и очень похоже, что первое время Азеф сильно опасался, как бы она не бросила его: ведь давать ей он теперь уже ничего не мог, наоборот, жили они на средства, вырученные от продажи ее драгоценностей. Для Азефа же удержать ее было делом в высшей степени важным: помимо того что он был к ней по-своему искренне привязан, она была ведь действительно единственным человеком, который у него оставался в мире. Поэтому первая забота, которая сквозит из его ранних тюремных писем,— это забота об удержании госпожи N. В каждом письме он долбит ей о своей к ней любви и о том, как тревожит его ее положение. С заботливым вниманием он относится ко всем мелочам, которые имеют отношение к ней, дает советы, указания, учит ее житейской мудрости.

Так как ничего конкретного для помощи ей он предложить не может, то он учит ее христианскому терпению. Его письма в это время пестрят «богом». «Бог даст», «с божьей помощью» и т. п. выражения встречаются почти на каждом шагу. И это не простое употребление привычного слова, в каковом смысле «бог» встречается изредка и в его более ранних письмах. Нет, теперь «бог» в письмах Азефа неотъемлемая часть его обширных рассуждений в духе христианского смиренномудрия. Себя он рисует верующим человеком, который со смирением принимает обрушившееся на его голову несчастие,— почти современным Иовом на гноище,— и готов благодарить бога, который несчастьями просветил и очистил его душу.

Но эту роль Азеф выдерживает только первое время: до тех пор, пока у него были опасения относительно госпожи N. и пока не был решен вопрос об его судьбе в полицейпрезидиуме. Позднее шелуха показного благочестия и показной преувеличенной заботливости о госпоже N. спадает. Все чаще он думает только о себе, о своих болезнях и бедах, порою совершенно забывая о том, как тяжело приходится ей. Он принимает как должное, когда позднее она уступает ему те немногие золотники масла и сыра, которые в те годы выдавались в Берлине по карточкам, а сама ходит обедать в народные столовые. Из его писем исчезают почти совершенно все рассуждения на душеспасительные темы. О «блаженстве приближения к богу» путем страданий он теперь уже не говорит. Одиночное заключение он расценивает проще, и эти более простые оценки звучат много более убедительными, много более искренними, чем рассуждения прежнего типа. «Вот уже два года,— с большим порывом срывается у него в одной записке без даты, переданной им госпоже N. нелегально, минуя контроль начальства,— как я без тебя... Это настоящее свинство!» Так пишет он, когда его не сдерживает мысль о читателе-цензоре, мысль, которая обычно сильно влияет на его высказывания.

Но зато тем сильнее он преувеличивает значение испытаний, выпавших на его долю. Он глубоко убежден, что «среди всех пострадавших от войны» его постигла «самая тяжелая участь»: другие хотя бы знают, за что они борются и гибнут; он же страдает неизвестно за что, без вины, без основания. «Меня постигло несчастие,— не без скромности пишет он,— величайшее несчастие, которое может постигнуть невинного человека и которое можно сравнить только с несчастием Дрейфуса». Эгоист, грубый эгоист все полнее проступает в его письмах, и только редко в них звучат прежние ноты показного смирения и долготерпения.

Освобождение из тюрьмы Азефу принесло только перемирие, заключенное немедленно же после октябрьской революции. На основании заключенного в декабре 1917 г. соглашения относительно обмена гражданскими пленными, незадолго до рождества 1917 г., он был освобожден из тюрьмы. Госпожа N. рассказывает, что, выйдя на свободу, Азеф рвал и метал против немецких властей, которые «без вины» продержали его в тюрьме $2^1/_2$ года, и мечтал только об одном: о том, чтобы как можно скорее уехать в Швейцарию. Но выехать было нелегко. Мир — или, вернее, перемирие — был заключен только на востоке. На западе все строгости оставались в полной силе. К тому же и материаль-

иое положеине было в высшей степеин тяжелым. Прнходнлось думать о заработке, и Азеф, как сообщает госпожа N., устроился на службу по вольному найму в один нз отделов германского Миннстерства иностранных дел. Какие пути его туда привели и какую нмению работу ои там выполнял, установнть до снх пор не удалось...

Свободио по улнцам Берлииа Азефу ходнть прншлось недолго. Тюрьма серьезно подорвала его здоровье, и ои с самого начала постояиио прихварывал. В середине апреля у иего обострилась болезнь почек н ои слег в больницу. Уже 17 апреля он писал госпоже N., что плохо себя чувствует, а потому с трудом может писать даже небольшие запнскн. Ухудшенне шло быстро, и 24 апреля 1918 г. в 4 часа пополуднн он умер.

Похороны состоялись 26 апреля на кладбнще в Вильмерсдорфе. Место на кладбнще было куплено второго класса — за 51 марку 50 пф. Похороиы былн совершены тоже по второму классу: по счету похоронного бюро было уплачено 767 марок 50 пф. (дубовый гроб со старымн медными скобамн — 500 марок, похорониые дрогн II класса — 45 марок и т. д.). За гробом шла одна госпожа N.

Автор этнх строк заглянул иа кладбнще. Могнла Азефа приютнлась там у одной из боковых дорожек, почтн иа границе второго н третьего класса. Длннные ряды могил. На каждой памятник, обычно, правда, очень скромный. На каждой же н табличка: здесь лежнт такой-то, роднвшийся тогда-то и умершнй тогда-то. «Упокой, господн, его душу!» Иногда даже указано, какое положенне заиимал умершнй в жнзнн... Только на могнле Азефа ни таблнчки, нн памятннка. Она не заброшеиа: обиесена железной оградой, обсажена зеленью — цветы, куст шнповника в цвету, две маленькнх тун... Вндиа заботливая рука. Госпожа N. ие забыла Азефа. О нем она вспомннает с большою любовью н, по ее словам, часто ходнт иа его могилу. Но на последней нет никакой иадпнсн, только кладбнщенскнй паспорт — дощечка с номером места: 446. Госпожа N., с которой вместе автор этих строк был весною 1925 г. на этом кладбнще, пояснила, почему она сознательно решила не делать ннкакой надпнси:

— Знаете, здесь сейчас так много русских, часто ходят н сюда... Вот вндтнте, рядом тоже русскне лежат. Кто-нибудь прочтет, вспомннт старое,— могут выйтн неприятностн... Лучше не надо...

Трудно спорнть: так действительно лучше...

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. БУРЦЕВ

ИЗ КНИГИ «В ПОГОНЕ ЗА ПРОВОКАТОРАМИ»

Глава XI

Основание «Былого» в Петербурге.— Моя переписка с Зубатовым.— Встреча с Тихомировым.— Борьба с провокацией

С моим приездом в Россию в конце 1905 г. для меня открылась впервые широкая возможность легальной литературной и издательской деятельности.

...Было решено начать издавать в Петербурге журнал «Былое».

...Благодаря «Былому» у меня завязались сношеиия с различными лицами, имевшими прямое отношение к департаменту полиции и к охранным отделениям. Одни, как Лопухин [77], приходили к нам явно, другие — тайно. Они давали мне чрезвычайно важные сведения и материалы.

В «Былом» была, между прочим, помещена статья М. Р. Гоца [78], где он сказал несколько жестких слов о Зубатове, с кем он юношей сталкивался как с революционером и кто потом, как творец «зубатовщины», стоял во главе всего политического сыска.

Зубатов прислал письмо в редакцию «Былого» с разъяснениями и возражениями Гоцу. Я воспользовался этим письмом и завязал переписку с Зубатовым.

В своих письмах к Зубатову я как редактор «Былого» убеждал его писать воспоминания и собирать материалы.

Конечно, через голову Зубатова я говорил со многими другими. Я знал, что мои к нему письма, во-первых, перехватывает полиция, а затем, что он сам докладывает о них

кому иужио. Говорят, наша перепнска была даже напечатана в огранниченном количестве для руководящих сфер. Мне хотелось всех прнчастных к департаменту полнцнн приучить к тому, что я, как редактор «Былого», для нзучення нсторнн революцнонно-общественного движеиия имею право обращаться за матерналамн ко всем и даже к инм — нашим врагам. Мне это иадо было для того, чтобы создать нужиую мне атмосферу для предпрниятой миой борьбы с департаментом полнции н для того, чтобы удобнее было собнрать материалы для «Былого».

Из своих сиошеиий с Зубатовым я, коиечио, ии от кого не делал инкакой тайны. Мон товарищн отговарнвали меня от этой переписки и тем, что Зубатов мие может дать ложные сведеиня, н тем, что, поняв цель этой моей переписки, полиция меия арестует и т. д. Но эти предостережеиия меня ие остаиавлнвали, и я продолжал свою перепнску с Зубатовым.

В департамеите полицнн вскоре заинтересовалнсь моей перепнской с Зубатовым, и во Владнмнр к нему был послан спецнальный чиновник для его допроса. Зубатов этнм был снльио встревожеи, н ему тогда прншлось пережить иемало иепрнятностей в связи с перепиской со миой. В своем последием письме, когда я еще был в Петербурге, прнсланиом с особымн предосторожиостями, чтобы оио не попало жаидармам, Зубатов умолял меия перестать писать ему. «Не губите меия и ие губите себя»,— писал ои мие. В ответ иа это я писал Зубатову: «Вот какие, с божьей помощью, наступнлн теперь времена: Зубатов боится, чтобы Бурцев ие скомпрометировал его своей перепнской!»

Но я не оставил в покое Зубатова и тогда, когда уехал за границу. Я и оттуда пнсал ему пнсьма, н ои мие иногда отвечал, хотя чуть не в каждом пнсьме умолял прекратнть переписку, чтобы ие губнть его. Часть этой переписки, представляющей, иесомнеиио, большой интерес, я еще до революции опублнковал в «Былом».

В 1916 г., приехав в Москву, я явился на квартнру к Зубатову, ио ие застал его дома. Вндел, кажется, его сына и проснл сказать ему, что хочу повидать и буду телефоннровать. Вечером я ему телефоиировал. Зубатов мие ответнл:

— Поймите, Владнмир Львович, что я вндеться с вами не могу! Это опасно и для меия и для вас!

Так я его н ие вндел. При первых нзвестиях о революции в марте 1917 г., чтобы ие отдаться в руки революциоиеров, Зубатов застрелился.

...Прнехав однажды в Москву, я напнсал пнсьмо Л. А. Тихомирову н попроснл с ним свидання. Я у иего

бывал несколько раз. Он поразил меня и своей религиозностью, и своим ханжеством. За едой он крестился чуть ли не при каждом куске, который клал в рот.

В разговоре со мной Тихомиров ответил мне на многие вопросы о «Народной воле», которые меня занимали. Я ему, между прочим, поставил вопрос о том, какое участие принимал в составлении письма ЦК партии «Народной воли» к Александру III в 1881 г. Михайловский [79] и не он ли писал это письмо?

Тихомиров, тогдашний монархист, глубоко религиозный человек, один из главных сотрудников «Московских ведомостей» [80], очевидно, не хотел делить этой чести с Михайловским. Несколько заикаясь, он категорически сказал мне, что все это письмо писал он, а что Михайловский только прослушал его и внес в него несколько отдельных изменений, но в общем был вполне доволен письмом.

Тихомиров с глубочайшим уважением говорил как о замечательнейшем русском человеке, какого он только встречал, об одном из первых организаторов «Народной воли» — Александре Михайлове [81]. Он сказал мне, что считает своим долгом написать о нем воспоминания, и со временем обещал мне их дать. Но я их не получил. Он тогда же дал мне рукопись для «Былого» — показания Дегаева, данные ему в Париже. В них я увидел как раз те самые строки о Геккельмане-Ландезене и Ч., которые в 1884 г. мне дала Салова для передачи Якубовичу.

Эти свидания с Тихомировым произвели на меня очень сильное впечатление, как свидания с человеком когда-то близким, а в то время жившим в совершенно чуждом для меня мире.

В 1916 г. я хотел еще раз повидаться с Тихомировым и несколько раз писал ему, но ответа от него не получил. Знаю, что он, как и Зубатов, боялся ответить мне.

«Былое» дало мне возможность заняться в России в легальных условиях тем, чем я отчасти занимался еще и за границей.

Еще за границей я кое-что напечатал о департаменте полиции и об охранных отделениях. Я занимался разоблачением их деятельности и настаивал на борьбе с ними.

Я и тогда считал, что основа русской реакции и главная ее сила заключалась в ее политической полиции. Поэтому-то борьба с ней у меня и стояла на первом плане.

Начиная издание «Былого», я, разумеется, особенное внимание стал обращать на материалы об охранниках. Я старался везде, где только мог, завязывать сношения

с агентами департамента полиции, хотя и понимал прекрасно всю опасность этих знакомств. Если бы департамент полиции узнал о них, то, конечно, он моментально свел бы со мной свои старые большие счеты.

Была и другого рода опасность.

Забираясь в эту темную область политической полиции, я принужден был действовать при очень конспиративных условиях. Получаемые сведения мне было трудно проверять. Следовательно, возможно было или впасть в роковые ошибки, или быть обманутым.

Я понимал это и каждое подобное знакомство всегда завязывал с замиранием сердца, как будто мне приходилось ходить по краю пропасти. Малейшая неудача — и я мог бы поплатиться за нее не только свободой, но и чем-то большим — своим именем.

Мои друзья, посвященные в эту мою деятельность, видимо, страшно беспокоились за меня. Однажды, после одного особенно рискованного моего свидания, Богучарский [82] сказал мне:

— Итак, Владимир Львович, вы поставили над собой крест! Сегодня-завтра вы будете в Петропавловской крепости. Вы знаете, что вас уж, конечно, никогда оттуда не выпустят!

— Может быть,— ответил я ему.— Что делать! Начиная борьбу с департаментом полиции, я взвесил все. Я готов на все и не считаю себя вправе отказаться от такого дела, которое у меня на руках и которого никто из вас не хочет делать.

— Итак, вы, значит, порешили с «Былым»? Значит, «Былого» не будет? — сказал он мне в другой раз.

Мне самому было ясно, что в случае моего ареста это прежде всего отзовется на «Былом», но когда я это услышал от другого лица, мне это стало особенно тяжело. Но я категорически заявил своим товарищам, что от борьбы с департаментом полиции я отказаться не могу.

Когда начиналось «Былое», чтобы излишне не дразнить цензуру, мое имя не было выставлено как редактора. В журнале было только сказано, что он издается при моем ближайшем участии.

Я предложил своим соредакторам снять и это заявление и формально совершенно уйти от редакции. Но этого я не сделал, и не потому, что меня уговаривали этого не делать, а потому, что это все равно не достигало бы цели. Я принял другого рода меры. В случае моего ареста эти меры сняли бы ответственность за мои сношения с департаментом полиции с редакции.

Глава XII

Встреча с Бакаем.— Указаиия иа провокацию среди эсеров.— Провокатор Раскии.— Бакай о польских провокаторах и о социал-демократической дииамитиой мастерской в Финляидии.— Передача полякам сведеиий об их провокаторах

В мае 1906 г. ко мне в Петербурге в редакцию «Былого» пришел молодой человек, лет 27—28, н заявил, что желает поговорить со мной наедине по одному очень важному делу. Когда мы остались с глазу на глаз, он мне сказал:

— Вы — Владимир Львовнч Бурцев? Я вас знаю очень хорошо. Вот ваша карточка, я ее взял в департаменте полнцин — по этой карточке вас разыскивали.

Я еще не пронзнес нн слова, н мой собеседник после некоторой паузы сказал:

— По своим убежденням я — эсер, а служу в департаменте полиции чиновннком особых поручений при охранном отделении.

— Что же вам от меня нужно? — спроснл я.

— Скажу вам прямо: не могу ли я быть чем-нибудь полезным освободнтельному двнженню?

Я пристально посмотрел ему в глаза. В голове у меня пронеслнсь роем десятки разных предположеннй... Вопрос был поставлен прямо... Я почувствовал, что передо мной стоял человек, который, очевидно, выговорнл то, что долго лежало у него на душе н что он сотни раз обдумывал, прежде чем переступить мой порог.

Я ответил, что очень рад познакомиться и обстоятельно поговорить н что для изучення освободительного движения может быть полезен каждый человек, а особенно служащнй в департаменте полицин, еслн только он хочет искренне отклнкнуться на наш прнзыв.

Мой собеседннк стал говорнть, что он мог бы быть полезным в некоторых эсеровскнх практнческих делах, но я его остановил словами:

— Я — лнтератор, заннмаюсь нзученнем истории освободнтельного движения, ни к какнм партням не прннадлежу н лично я буду с вами говорнть только о том, что связано с вопросамн нзучения нсторин освободнтельного движения и вопросамн, так сказать, *гигиеннческого* характера: выяснением провокаторства н в прошлом и в настоящем.

Мой собеседник, очевндно, не ожндал, что я сведу разговор на такне как будто безобндные темы, и мне пришлось очень долго ему объяснять, что его услуги как человека,

служащего в департаменте полиции, могут иметь огромное значение для изучения истории освободительного движения и для агитации на современные политические темы. Мои надежды на агитацию и на Думу особенно его изумляли. Он твердил, что Думу через месяц-полтора разгонят, что жандармские силы мобилизуются всюду, что вероятию военных, крестьянских и рабочих восстаний не придают никакого значения, что предстоит жестокая реакция и т. д. Он никак не ожидал, чтобы я возлагал такие надежды на литературу и заботам о ней отводил столько места в наших переговорах.

Мой новый знакомый во время первой же встречи хотел рассказать свою биографию, но я его остановил, сказав, что это пока для меня не нужно, так как я буду говорить с ним только на литературные темы. Он отрекомендовался мне «Михайловский», и я лишь через несколько месяцев узнал, что это был Михаил Ефимович Бакай.

Меня, конечно, занял вопрос о мотивах, которые привели Бакая ко мне, и я его спросил об этом. Он ответил мне, что на службу в департамент полиции он поступил случайно, всегда там чувствовал себя чуждым человеком, так как характер службы был ему ясен, служил там по инерции, пока события последнего времени не раскрыли ему глаза, и что далее оставаться на службе не было сил. Еще в 1905 г. он делал попытки переговорить с революционерами, но ничего из этого не выходило. Ему не поверили. Он сказал мне, что к решению прийти ко мне его привело одно лишь желание быть полезным освободительному движению и что он не имеет в виду каких-либо личных интересов: в денежном отношении он обеспечен прекрасно и бюрократическая карьера у него обеспечена, если бы он желал продолжать службу. Он сам упомянул о возможности провала, но сказал, что это его не останавливает и что оставаться на службе ни в коем случае не считает более возможным.

Когда Бакай говорил об охранном отделении и в ярких красках рисовал, что скрывалось там за его стенами, я часто прерывал его словами:

— Да, да, мы знаем все это!

На это он мне десятки раз повторял:

— Нет, вы всего этого не знаете, вы даже не подозреваете, какие ужасы творятся там!

Он говорил тоном искреннего человека, я и тогда уже не сомневался в том, что он пришел ко мне без задней мысли (как не раз тогда приходили другие), а с желанием

выйтн на новую дорогу. Впоследствни я в этом убедился вполие, но вначале быть увереииым я ие мог... Наша встреча была так иеобычайна: сошлнсь представители двух разлнчиых мнров, говорнвшне еще вчера иа разлнчиых языках, и мы говорили в Петербурге, в пределах «досягаемости» для департамеита полицин.

Во время следующих иаших свиданий мы говорили целыми часами. Предо миой действнтельно открывался совершеиио новый мир — с ниымн иравамн, ииой логнкой, ннымн иитересами, ииой термннологнеї. Между прочим, я долго ие мог усвоить, что «сотруднHк» озиачает «провокатор». Мие не без труда постепенно удавалось усваивать себе то, что я слышал от Бакая.

Мы виделись с Бакаем раз-два в месяц, а с его переездом в Петербург наши свндаиия сталн еще чаще.

С самого иачала иашего зиакомства я стал убеждать Бакая писать свои воспомннаиня, н ои редкий раз прнходил ко мие без какого-иибудь нового наброска из прошлого. Миого иитересиого для меня он рассказал и о текущих делах.

Иногда рассказы и предупреждення Бакая заставляли меия придавать нм особое зиаченне.

Так, одиажды Бакай сообщнл мие:

— Вчера закоичился съезд эсеров в Таммерфорсе[83], приияты такие-то резолюции.

От партийиых эсеров я раиьше слышал, что съезд эсеров должеи был тайио состояться, ио не нмел ни малейшего поиятия о том, что он иачался.

— Откуда вы зиаете это? — спросил я Бакая.

— Был у заведующего агеитурой по Боевой Организацни соцнал-революцнонеров. «Они» уже получили сведеиия о съезде.

Через иесколько дией этнми свонмн сведеииями я поделнлся с эсером, цекнстом, Крафтом[84], приходнвшнм ко мие в редакцию «Былого».

— Да, съезд кончился нменно в такой-то день,— сказал он.— Но откуда вы узналн об этом?

— Прямо нз департамента полицин! — отвечал я н, ие иазывая никакнх имен, объяснил, как я это узиал. Крафт изумился монм сообщением, н для него, как н для меия, стало тогда ясно, что департамеит полнцнн в центре партии эсеров нмеет очеиь хорошего осведомнтеля.

Я проснл его сообщнть об этом кому следует.

Но с какнм довернем после нескольких месяцев знакомства с Бакаем я ни относнлся к его сведениям, я все-

таки иногда бывал озадачен ими и задавал себе вопрос: да не обманывают ли его охранники, догадавшись о наших с ним сношениях, и не рассчитывают ли они через него ввести меня в заблуждение и на этом поймать меня.

Однажды Бакай пришел в редакцию «Былого» и рассказал мне следующее.

На улице он случайно встретил одного молодого девятнадцатилетнего юношу Бродского, брата известных польских революционеров, служившего тайным агентом-осведомителем в варшавском охранном отделении. Бродский рассказал Бакаю как своему человеку, если хотите, как своему начальнику, что он имеет дело с революционерами-террористами, устраивающими динамитную мастерскую в Финляндии, и посвящен в их дело. Вот точная запись тогдашнего разговора Бакая с Бродским.

— Я теперь уже — член боевой организации большевиков и служу в охранном отделении,— говорил Бродский Бакаю.— Познакомился со студентом Александром Нейманом, сошелся с ним и теперь являюсь его помощником в обучении рабочих за Нарвской заставой боевым делам. Нейман читает им лекции о приготовлении разрывных снарядов.

— Он теперь в Питере?

— Нет, в Финляндии; он там находится в лаборатории.

— Охранное отделение обо всем этом знает?

— Да, конечно! Нейман теперь взят под наблюдение и место нахождения лаборатории точно установлено. Теперь остается выяснить еще некоторые районы, и тогда произведут аресты. Склад винтовок и револьверов также известен.

— Знаете ли что,— сказал мне Бродский,— зайдемте в одну квартиру здесь недалеко, и я вам кое-что покажу. Там никого нету, комната в полном моем распоряжении, а жалеть не будете.

Мы пошли в дом № 3, кв. 27 по Бармалеевой улице, дверь отворила какая-то женщина и беспрепятственно пропустила нас в комнату.

— Это комната Неймана,— сказал Бродский,— она предоставлена в полное мое распоряжение.

Потом Бродский достал из кармана ключ, открыл ящики стола и вынул оттуда свертки, в которых оказались динамит, запасы и более десятка форм для бомб.

— Охранное отделение и об этом также знает?

— Конечно, знает. Я даже кое-что носил на конспиративную квартиру. Думают сделать так: когда установят

связи Неймана в Финляндии и когда он будет возвращаться, то его иа вокзале арестуют, в Фннляндии иайдут лабораторию, а здесь — материалы для бомб.

Надо знать всю сложность коиспиративных тогдашних условий моего знакомства с Бакаем, чтобы понять, что мне невольио в голову приходили разные тревожные гипотезы, и я нелегко мог отнестись доверчиво к сообщаемым фактам. Я мог, например, допустить, что Бродскому поручено сообщить Бакаю ложные факты, втянуть в это расследование и меия, и монх друзей, чтобы всех иас потом скомпрометировать. Все это могло кончиться хуже, чем арестами.

Но дальиейший расспрос Бакая меня убедил, что рассказаниое им дело очень серьезио, и я рискиул заияться им. Я отправился в Государственную думу и вызвал одного из социал-демократических депутатов, сообщил ему сущиость рассказа Бакая и просил расследовать, в чем дело. Конечио, мне пришлось сообщить полученные мною сведения очень осторожио, чтобы его деталями, в случае провала, не навести охраннков на тот путь, каким я получил из департамента полиции эти сведения.

Через несколько дней мне сообщилн, что хотя действительно есть такой социал-демократ Нейман, есть кружок, имеющий сношения с Финляндией, но в моем рассказе много преувеличенного, на самом деле не о чем тревожиться. Вскоре дополнительные рассказы Бакая были таковы, что я счел нужным еще раз сходить в социал-демократическую фракцню Государственной думы и предупредить об этом деле. Я между прочим сказал социал-демократам, чтобы в дальнейшем оии действовали помимо меня, так как я еду по личному делу в провинцию. На самом деле я должен был в ближайшие дни бежать из России.

Когда я приехал за границу, я вскоре прочитал в газетах телеграмму, что в Финляидии, в Келомяках арестовано человек десять социал-демократов вместе с Нейманом, что открыта динамитная мастерская и т. д. Я поиял, что сведения Бакая были точны.

Нередко иа свидання со мной Бакай приносил интересные документы. Так, им была принесеиа и записка жандармского ротмистра Петухова, наделавшая в свое время большой шум и в прессе, и в среде правительства. Была назначена даже специальиая комиссия для исследоваиия того, как могла попасть в печать эта записка, переписанная в одном экземпляре н предиазначенная для трех-четырех лиц. Больше всех, кажется, бился над этой загадкой помощник генерал-губернатора Утгоф. А «ларчик просто открывался».

Утгоф придавал такое значение записке Петухова, что не решился послать ее с кем-нибудь для прочтения начальнику варшавского охранного отделения П. П. Заварзину и лично сам ее отвез, но не мог дождаться Заварзина и дал ее Бакаю для передачи ему. Бакаю ровно столько пришлось дожидаться приезда Заварзина, сколько нужно было времени, чтобы с этой записки снять для меня копию. Остальное понятно само собой.

Помню, с каким изумлением я услышал от Бакая в первый раз в Петербурге еще летом 1906 г., что через порог охранного отделения перешагнул и... известный польский писатель Станислав Бржозовский! Еще более меня изумился этим польский революционер, которому я об этом сообщил через несколько дней. Поляк любил Бржозовского, зачитывался его статьями, видел в нем талантливого выразителя своих взглядов на социальные и политические вопросы. Когда известия о Бржозовском в начале 1908 г. стали, наконец, общим достоянием и его имя, как человека, служившего в охранном отделении, попало в печать, нашлись два польских литератора, которые в брошюре открыто, страстно защищали Бржозовского. Они находили недопустимым, чтобы он одновременно писал свои чудные статьи и бегал в охранное отделение за получкой 30 сребреников.

В конце 1906 г. Бакай по моим настояниям бросил службу в варшавском охранном отделении, подал в отставку и переехал в Петербург. Здесь он на свободе занялся писанием своих воспоминаний. Он приносил мне свои статьи для просмотра и по моим указаниям делал потом необходимые дополнения и изменения.

Круг сведений Бакая был сравнительно ограничен. Они относились главным образом к варшавскому охранному отделению. Но так как деятельность охранных отделений носила строго конспиративный характер и охранники мало доверяли друг другу, каждый вел только порученное им дело, то Бакай мог знать главным образом только те дела, которые он сам вел, о делах других чинов, даже варшавского охранного отделения, у него были только отрывочные сведения и указания без имен. Тем не менее в сообщениях Бакая для меня было много чрезвычайно интересного.

Прямых указаний на провокаторов в русских революционных партиях у Бакая было мало, но зато он дал много косвенных указаний, как вести о них расследования.

Бакай настаивал на том, что в партии эсеров среди влиятельных ее членов имеется какой-то важный провокатор, бывавший у них на съездах. Среди охранников этот

провокатор назывался Раскиным. Но о нем Бакай не мог дать никаких точных указаний. Он только сказал мне, что один из главных филеров, Медников, как-то однажды сообщил ему в Варшаве в 1904 г., что туда должен был приехать видный департаментский сотрудник среди эсеров Раскин и он будет иметь свидание с инженером Д. Затем Медников [85] сказал Бакаю, что свидание это не состоялось и что Д. почему-то не хотел видеться с приехавшим агентом. Но как эти сведения ни были неопределенны, я ими воспользовался и старался выяснить, кто такой Раскин. Для этого я вызвал в редакцию «Былого» инженера Д., но выяснить вопрос о Раскине нам удалось только позднее.

После нескольких месяцев нашего знакомства я стал относиться с полным доверием к рассказам Бакая, но и тогда возможность невольной ошибки с его стороны иногда не позволяла мне из его сведений делать все выводы, которые они заключали.

За все время моего знакомства с Бакаем я продолжал внимательно изучать и лично его, и его сведения.

Наконец я решился его сведениями поделиться с поляками.

Я вызвал в редакцию «Былого» знакомого революционера Абрамовича [86], имевшего постоянные сношения с польскими и еврейскими революционными организациями в Варшаве, и с разными оговорками, не называя источник, сообщил ему кое-что из того, что узнал от Бакая о польских делах. Я сказал ему, что источник очень компетентный, ошибок в его сведениях, по всей вероятности, не может быть и что я употреблял все средства расследовать то, что он мне сообщил, и это до сих пор все оказалось очень точным. Думаю, что у него нет и сознательного желания ввести меня в заблуждение.

В первое же наше свидание с Абрамовичем, кроме общего взгляда на положение борьбы в Варшаве, я дал несколько имен провокаторов для проверки.

Абрамович отозвался о моих сведениях как о чем-то невероятном.

В разговоре с Абрамовичем я особенно почувствовал безграничный ужас от возможности сделать ошибку. У меня холодно стало на сердце. Я чувствовал, что я смотрю в какую-то страшную пропасть. В ту минуту мне было безмерно тяжело, что я завел знакомство с Бакаем и что пригласил к себе Абрамовича.

Когда Абрамович ушел от меня, я не мог оставаться в редакции. Я несколько часов пробегал по Петербургу

и взвешивал каждое слово в своем разговоре с Абрамовичем.

Несмотря на свое недоверие к моим сообщениям, Абрамович тем не менее согласился послать специального человека в Варшаву для проверки обвинений против некоторых указанных мною лиц и обещал скоро дать ответ.

Я ждал этого ответа, как приговоренный к смертной казни. Мне могли сообщить, что лица, указанные как агенты полиции, надежнейшие товарищи и что, следовательно, я введен кем-то в заблуждение и распространяю клевету.

Через несколько дней Абрамович пришел ко мне в редакцию «Былого». Я с замиранием сердца по выражению его лица хотел угадать, с какими сведениями он пришел, но ничего на его лице прочитать не мог. Я постарался поскорее удалить посторонних лиц, и, когда мы остались вдвоем, Абрамович сказал мне:

— Можете представить: то, что успели проверить, оказалось верным! Все ли верно — мы узнаем потом, во всяком случае, ваш источник заслуживает полного внимания.

У меня от сердца отлегло.

С тех пор я еще внимательнее стал расспрашивать Бакая, но тем не менее каждое новое его сведение я с тревогой передавал заинтересованным лицам.

Глава XIII

Аресты среди эсеров летом 1906 г.— Встреча с Азефом на улице в Петербурге.— Первое подозрение против Азефа в провокации

Я стал просить Бакая в разговорах с его знакомыми охранниками ставить им нужные для меня вопросы и стараться получить на них нужные для меня ответы. С этого рода поручениями Бакай, по моим просьбам, бывал у заведующего политическим сыском Доброскока[87], ездил во Владимир к Зубатову, разговаривал с своим непосредственным начальством и т. д. Потом мы вместе с ним расшифровывали их ответы.

Так, например, я просил Бакая задать вопрос Доброскоку, почему такие-то террористические акты были удачны, несмотря на агентуру, которой он всегда хвастался? Доброскок на это ответил, что эти удачные террористические акты произошли только благодаря тому, что в это время их агента не было в Петербурге. Это его указание потом было очень полезно для моих расследований.

Мои сношения в продолжение нескольких месяцев с Бакаем и с некоторыми другими, кто знакомил меня с полити-

ческим сыском, сильно обогатили мои сведения о департаменте полиции, и я приступил к разоблачению провокаторов.

Более всего меня занимал вопрос о провокации среди эсеров, так как она могла быть особенно опасна для всего освободительного движения, и я занялся ее изучением.

Летом 1906 г. было много арестов среди террористов. Их объясняли случайностью, внешней слежкой и т. д. Меня эти объяснения не удовлетворяли, и во всех этих провалах я чувствовал присутствие провокации. Сведения Бакая позволили мне говорить об этом уверенно. Я был убежден, что провокация среди эсеров гнездится гораздо глубже, чем это думали.

Однажды после работы в редакции «Былого» я отправился гулять и шел по Английской набережной. В этот раз я забыл даже посмотреть, есть ли за мной слежка или нет. Вдруг издали увидел, что навстречу мне на открытом извозчике едет Азеф с своей женой. Лично с Азефом я не был знаком, но его роль в партии эсеров мне вообще была хорошо известна. Я знал, что он стоит во главе Боевой Организации. Еще незадолго перед этим я был в Териоках и встретил на улице Азефа в таком же костюме, в каком он был сейчас.

С женой Азефа я был хорошо знаком, и я пришел в ужас от мысли, как бы она не вздумала со мной поздороваться. Я прекрасно сознавал, что если за мной идут сыщики и жена Азефа вздумала бы со мной поздороваться, то, конечно, эта наша встреча могла бы кончиться роковым образом.

Как часто бывает в таких случаях, мысль работала быстро, картина менялась за картиной, предположение за предположением. Решать надо было быстро. Я дал ей знать глазами о своей тревоге и, не оборачиваясь в ее сторону, пошел дальше. Пройдя довольно порядочно, я как бы нечаянно уронил газету. Обернувшись, я стал ее поднимать и в то же время посмотрел туда, куда уехал извозчик. К ужасу моему я увидел, что на пустынной на этот раз набережной извозчик, на котором только что ехали Азефы, остановился, вокруг него стояла толпа и к ней быстро шел городовой. Я был уверен, что произошла катастрофа, и решил вернуться и подойти к толпе. В толпе я не увидел Азефа. Как оказалось, произошел какой-то обычный уличный скандал, кого-то задерживали, и извозчик остановился, как и другие, посмотреть на это зрелище. Я стал глазами искать, куда могли деться Азефы. Я зашел, между прочим, на пароходную пристань и увидел, что оба они стояли около

кассы в хвосте, дожидаясь билетов. Тут только я почувствовал облегчение и понял, что моя тревога была напрасна. Я прошел мимо жены Азефа, дал ей понять, что все благополучно, и, не здороваясь, ушел.

Я не сейчас вернулся в редакцию и продолжал гулять по улицам; я радовался, что этот инцидент, который мог дорого обойтись, прошел благополучно.

Но передо мной вдруг встал очень серьезный вопрос: если я издали увидел Азефа и так легко узнал его, то как же сыщики, которые, конечно, знают его в лицо, могут его не узнать, когда он так открыто бывает в Петербурге?

Этот вопрос с того дня приковал к себе мое внимание.

Я решил, что Азефа не арестовывают, по всей вероятности, потому, что полиции невыгодно его арестовать: например, потому что около него есть сыщик-провокатор, который получает через него нужные сведения. С тех пор я стал искать Раскина около Азефа. Я даже просил передать Азефу, что его, по моему мнению, не арестовывают, очевидно, именно потому, что около него есть какой-нибудь провокатор и он, Азеф, потому является нужным человеком для жандармов.

Сколько я ни перебирал фамилий из известных мне эсеров-боевиков, кто из окружающих Азефа мог бы оказаться Раскиным, я ни на одной фамилии не мог остановиться. Ни личные качества, ни их биографии, ни сведения об их отсутствии или присутствии в Петербурге во время бывших террористических покушений не позволяли мне ни на одну минуту остановиться на вопросе — не он ли тот провокатор, которого я ищу? За все время расследования дела Азефа я ни разу не высказал ни одного ошибочного предположения ни на кого из эсеров, что он, может быть, и есть Раскин.

Но вот однажды, перебирая все известное мне лично об Азефе, я вспомнил кое-что, что меня всегда заставляло избегать с ним знакомства.

Как-то, неожиданно для самого себя, я задал себе вопрос: да не он ли сам этот Раскин? Но это предположение мне тогда показалось столь чудовищно нелепым, что я только ужаснулся от этой мысли. Я хорошо знал, что Азеф — глава Боевой Организации и организатор убийства Плеве, великого князя Сергея[88] и т. д., и я старался даже не останавливаться на этом предположении. Тем не менее с тех пор я никак не мог отделаться от этой мысли, и она, как какая-то идея, всюду меня преследовала.

Выходя из предположения — Раскин не Азеф ли? —

я с этой точки зрения стал рассматривать все, что знал о деятельности эсеров за последние годы. Когда я с тех пор расспрашивал террористов о причинах удач и неудач бывших террористических покушений, я, незаметно для них, ставил вопросы, касающиеся Азефа, и, между прочим, о том, где он бывал в это время.

Я нередко должен был невольно признаться самому себе, что чем я больше отмахивался от обвинения Азефа, тем оно делалось для меня все более и более вероятным.

Глава XIV

Арест Бакая и обыск в редакции «Былого».— Мой отъезд из России. — В Париже.— В Финляндии.— Встреча с Траубергом.— Устройство побега Бакаю

В 1906—1907 гг., кроме Бакая, я поддерживал связи и с другими лицами из мира охранки, которые тоже давали мне сведения. Для одних редакция «Былого» являлась приманкой, когда они рассчитывали что-нибудь заработать за сообщение материалов, а для других это было местом, где они могли бы из соображений нематериальных поделиться своими сведениями. Таким образом за 1907 г. у меня в «Былом» сосредоточились драгоценные сведения о деятельности департамента полиции.

Но к марту 1907 г. охранники стали догадываться о моих сношениях с лицами, близкими к департаменту полиции. Они стали подсылать ко мне агентов, чтобы поймать меня при покупке документов. Но, как оказалось, мне всякий раз удавалось избежать расставленных ловушек. Я не покупал и ни на минуту не оставлял в своей квартире приносимых мне документов от лиц, кто возбуждал во мне сомнение.

В конце марта 1907 г. меня постигли первые неудачи в моих сношениях с охранниками.

Не без помощи провокации — по всей вероятности, по указанию Азефа — в департаменте полиции заподозрили Бакая в измене.

Бакай как-то предупредил меня, что за ним стали ходить по пятам сыщики. Я понял, что в ближайшие же дни он будет арестован.

В это время я уже вполне был убежден в искренности Бакая и что он действительно желает помочь мне в борьбе с провокацией. Я убеждал его сейчас же скрыться в Финляндию, а оттуда — за границу. Я обещал его обе-

спешить, чтобы он мог там устроиться. При «Былом» мне тогда нетрудно было сделать это. С его поездкой за границу я связывал свою будущую борьбу с департаментом полиции. Вслед за Бакаем я и сам рассчитывал ехать туда же.

Уступая моим настояниям, Бакай уже раз был с чемоданом на Финляндском вокзале, но, увидев за собой усиленную слежку, почему-то не уехал. Он все еще думал, что «его» не решатся арестовать!

Но вот, 31 марта (1907 г.) ранним утром Бакая обыскивают, отбирают часть просмотренных мною рукописей о пытках в Варшаве, о перлюстрации, о черных кабинетах и т. д. и арестовывают его.

В то же самое утро был произведен обыск у меня в редакции. Все перевернули вверх дном, но ничего подозрительного найдено не было, и меня пока оставили на свободе.

В руках охранников очутился необычный тип арестованного. Еще вчера в департаменте полиции и в охранных отделениях Бакая считали безусловно своим человеком. Он знал их секреты, пользовался их полным доверием, он состоял у них на действительной службе, жалованье ему давали до 300 рублей в месяц по должности чиновника шестого класса... Идут усиленные допросы Бакая, ему грозят военным судом за измену, за указание им провокаторов, из которых некоторые тогда уже были убиты революционерами, а другие вышли, так сказать, «в тираж». Но в руках жандармов оказались лишь бакаевские статьи по истории освободительного движения да указания на знакомство со мною. На допросах стараются припутать к делу меня.

Предать суду Бакая было очень неудобно. На суде нельзя было бы обойти молчанием вопросы о перлюстрации, о провокации в делах с бомбами, которые при допросах Бакая неизбежно выплыли бы наружу. Поэтому его содержат в Петропавловской крепости месяцев шесть и потом без суда ссылают на три года в Обдорск, где так удобно похоронить и его, и его любопытные сведения.

Со времени ареста Бакая я увидел за собой усиленную слежку и понял, что меня хотят арестовать.

Как редактору «Былого», мне нетрудно было выхлопотать разрешение выехать за границу по делам редакции, и мне скоро, в тот же день, выдали заграничный паспорт.

С паспортом в кармане я зашел в редакцию и сделал последние распоряжения. Затем с одним своим приятелем отправился в свою гостиницу; отобрал самые нужные мне вещи и предупредил прислугу, что сегодня, может быть, не

буду ночевать и поеду в Озерки, а что мой приятель принесет мне некоторые мои вещи в редакцию. Я попросил моего приятеля посидеть с полчаса в моем номере после моего ухода и, только убедившись, что нет за ним слежки, отнести мои вещи знакомым, кто бы их доставил на Варшавский вокзал.

Когда я вышел из дому, я увидел, что за мной пошли два сыщика, а в стороне ехал их извозчик. Через час, после больших усилий, я наконец смог отделаться от слежки. На всякий случай еще некоторое время поплутавши по городу, я чистым, «без хвостов», явился на Варшавский вокзал, где уже меня дожидались с моими вещами, и спокойно сел в поезд. Через сутки с небольшим я был за границей, прежде чем в департаменте полиции спохватились, что я исчез из своей квартиры.

Для меня началась новая эмиграция — пока, вернее, это была только полуэмиграция.

Я побывал в Париже, Швейцарии и Италии. Но прежде чем официально выступить как эмигрант и начать в Париже издания за своим именем, я решился на некоторое время поселиться в Финляндии. Туда я поехал по тому паспорту, который получил на выезд из России, и таким образом жил там формально не как эмигрант, а как легальный человек, возвращающийся в Россию, но почему-то задержавшийся в Финляндии.

В это время в Финляндии существовало много русских революционных организаций с их полутайными типографиями. У них здесь бывали революционные съезды. Здесь же были центральные комитеты, динамитная мастерская, склады оружия и т. д. Финляндия была в то время вообще, так сказать, базой для действующих в России революционных организаций. Между Петербургом и Финляндией у революционеров были непрерывные сношения.

Я решился для борьбы с провокацией рискнуть остаться некоторое время в Финляндии. Сноситься из Териок с Петербургом было очень легко, и ко мне часто приезжали знакомые и друзья. Я мог поддерживать постоянные сношения с редакцией «Былого». Но ехать мне самому в Петербург было совершенно невозможно.

В Финляндии я скоро познакомился со многими жившими там революционерами.

Особенно памятной мне осталась встреча с главой «Северного летучего отряда эсеров» — Карлом (Траубергом) [89].

Во время нашей первой встречи в Териоках, на квартире эсеров Денисевичей, я много говорил с Карлом о терро-

ристической борьбе эсеров и доказывал ему, что неудачи происходят главным образом благодаря существующей в партии провокации. Трауберг же все неудачи объяснял иначе: ошибками организации, перехваченными письмами, предательством арестованных и т. д.

Однажды я его попросил дать мне честное слово, что он никому никогда не скажет того, что я ему сообщу.

Трауберг дал мне слово и сдержал его.

Со всякого рода оговорками я ему сказал, что в предательстве я обвиняю главу Боевой Организации — Азефа. Трауберг выслушал и, видимо, не желая как-нибудь обидеть меня резким словом, только мягко сказал, что это мое «предположение недопустимо»,— и наш разговор на этом и прекратился.

Через неделю у меня с ним было новое свидание. Я снова поднял вопрос об Азефе. На этот раз Трауберг не только поколебался, но уже стал отчасти допускать возможность этой моей гипотезы. Еще через неделю Трауберг стал говорить, что он почти уже не сомневается в том, что я прав в моих догадках, и что со своей стороны он примет меры для расследования дела Азефа,— и он мне тогда же сообщил, что имеются указания на Азефа как провокатора в письме из Саратова.

Вскоре после этого нашего разговора Трауберг и его товарищи при таинственной обстановке были арестованы.

Из правительственного сообщения по поводу этих арестов было ясно, что правительство не только знало то, что Трауберг подготовляет террористический акт в Государственном совете, но что этот акт должен был быть совершен одним из иностранных корреспондентов, В. В. Кальвино-Лебединцевым (эсером). Он должен был в Государственный совет пронести в своем портфеле бомбу и бросить ее там. Сведения были точные. О них могли знать только очень немногие эсеры, и среди них и нужно было искать предателя. Лицо, на которое, по моему мнению, могло пасть подозрение, прежде всего был, конечно, Азеф.

Приблизительно в это же время я узнал, что содержащийся в Петропавловской крепости Бакай за знакомство со мной высылается в ссылку в отдаленные места Сибири. Когда он был еще в петербургской пересыльной тюрьме, я из Териок снесся с ним и просил его под предлогом болезни задержаться в одном из ближайших городов Сибири. Я ему обещал устроить побег. Вскоре я узнал, что Бакаю удалось задержаться, кажется, в Тюмени. Тогда я туда послал Софью Викторовну Савинкову, сестру Бориса

Викторовича [90], и через нее предложил Бакаю бежать за границу, обещая ему обеспечить там его проживание, если он пожелает помогать мне в моих разоблачениях.

В Тюмени Бакай на несколько дней был выпущен из тюрьмы на вольную квартиру. Савинкова отыскала его и передала ему мое поручение. Но в то время как они разговаривали, к Бакаю неожиданно нагрянула полиция. При обыске ничего подозрительного найдено не было. Савинкову Бакай отрекомендовал как только что приехавшую к нему жену.

Бакаю было объявлено, что на этих днях он высылается дальше в Сибирь. В тот же день Савинкова и Бакай, отдельно друг от друга, тайно выехали из Тюмени. Через несколько дней они благополучно, в одном поезде, приехали ко мне в Териоки.

Один из первых вопросов, с каким обратился ко мне Бакай, был такой:

— Кому вы, Владимир Львович, говорили, что устраиваете мой побег?

Я ему категорически ответил:

— Никому!

— Странно! — сказал Бакай.— В Тюмени меня должны были арестовать по телеграмме из Петербурга в Тобольск. Значит, в Петербурге кто-нибудь донес о том, что вы устраиваете мне побег.

Я продолжал категорически утверждать, что никому не говорил об его побеге. Но я с трудом мог скрыть от него, какую бурю во мне он поднял этим своим вопросом.

Об этом побеге я сказал Чернову. Чернов, как оказалось, сообщил об этом Азефу, а Азеф, следовательно, мог сообщить эти сведения в департамент полиции. Благодаря его доносу могла быть послана телеграмма в Тобольск о том, чтобы немедленно выслать Бакая в Обдорск. Я не сомневался, что Азеф — предатель и что, следовательно, он не только мог донести, но он уже донес в департамент полиции о готовящемся побеге Бакая. Имя Бакая в моем разговоре с Черновым, кажется, не было названо, но в городе известно было, кто из служащих в департаменте полиции был только что выслан в Сибирь за сношения со мной. Во всяком случае, это хорошо знали в департаменте полиции. По времени все совпадало: Чернов о побеге Бакая сообщил Азефу, а Азеф мог успеть сообщить в департамент полиции.

Про себя я повторял: «Азеф — предатель! Азеф — предатель!»

Глава XV

Моя встреча с Азефом в Финляндии.— Телеграмма об аресте Бакая. Арест охранника Раковского.— Лебединцев.— Кальвинио

Вот что произошло незадолго перед тем, о чем тогда я не мог рассказать Бакаю.

Когда я отправлял в Сибирь Савинкову, у меня не хватало денег, и за ними я обратился через Чернова к эсерам. Я сообщил ему, что деньги нужны для устройства побега высланного в Сибирь человека, который может быть очень полезен в борьбе с департаментом полиции. Я просил Чернова оставить между нами, для чего мне нужны деньги, и абсолютно никому об этом не сообщать. Часть денег я получил от Чернова тогда же, а остальную сумму он хотел принести мне сам через неделю в мою гостиницу в Выборге в 2 часа дня. Недостающие деньги я занял и тотчас отправил в Сибирь Савинкову.

В назначенный день я сидел в своей гостинице и ждал Чернова. Раздался стук в дверь. Я сказал: «Войдите!»

Дверь отворилась, и на пороге вместо Чернова я увидел... Азефа!

Я сразу все понял. Я понял, что он пришел по поручению Чернова, что он знает об устраиваемом мною побеге Бакаю... Я решил, что провалено все и что я всецело нахожусь теперь в руках Азефа.

Когда он стоял в дверях, его лицо было какое-то перекошенное, как у какого-то изобличенного преступника. Мне и тогда, в тот самый момент, оно показалось именно таким, каким я видел, тоже в дверях, лицо Ландезена, когда он вернулся к нам в Париж после поездки в Россию, и мог думать, что в его отсутствие его роль уже разгадана и его встретят как предателя. Азеф явно волновался и не знал, приму ли я его или, быть может, брошу ему обвинение в предательстве.

Мысленно я повторял только одно слово: «Предатель! Предатель! Предатель!..» В моем распоряжении было всего несколько секунд для того, чтобы решить, как встретить Азефа.

Я быстро встал с кресла и закричал:

— А, наконец-то мы встретились! Сколько лет мне хотелось с вами повидаться! Ведь у нас есть о чем поговорить.

Я говорил тоном человека, обрадовавшегося давно жданной встрече с очень интересным и нужным человеком.

В этот момент Азеф снова напомнил мне Ландезена, когда тот, убедившись, что не разгадан, развязно вошел

в комнату н стал непринужденно разговарнвать с нами. Он видел, что его встречают с полным довернем, н на его лице нспуг, страх и нерешнтельность, что было несколько секунд тому назад,— враз все пропало. Его фнгура говорила о его добродушин, естественном нлн делаином — это другой вопрос. Он вплотную подошел ко мне уверенной походкой, весь сияющнй н, по-вндимому, хотел обнять меня и расцеловаться. Но я как бы нечаянно уроннл бывшне в моих руках бумаги н, нагнувшнсь, левой рукой стал нх подннмать, а правой поздоровался с Азефом н затем усаднл его на кресло прямо протнв себя.

Комната была светлая, н свет падал прямо на Азефа.

Во все время этого разговора я смотрел ему в лнцо. Я видел каждое движенне его мускулов. Внимательно следил за всем, что он говорнл. И то, о чем он меня расспрашнвал, н то, что он мне говорил, все это я рассматрнвал с той точки зрения: что обо всем этом думает сидящнй передо мной предатель?

Я смотрел ему в лнцо, вслушнвался в его вопросы н ответы, следил за его глазамн, за его смехом, за его улыбками, его жестамн и внутренно все время повторял себе: «Предатель! Предатель! Предатель!..»

Азеф начал с того, что Чернов ему рассказал о своем со мной разговоре, н по поручению ЦК он передает мне деньгн. Далее он стал с восторгом говорить о моей борьбе с департаментом полиции, о том, что я делаю огромное дело, без которого революционеры существовать не могут, что без нее немыслнмы ннкакне революционные организацни, что он будет настанвать на том, чтобы для этой борьбы мне были найдены большне средства, н т. д.

Я жаловался Азефу, что никто мне не помогает, что в партни эсеров не поннмают моей работы, что все Черновы — не практикн, а теоретикн, что с ними нельзя вестн дела н что было бы очень хорошо, еслн бы в моей борьбе с департаментом полнции согласнлся вместе со мной прннять участне такой революционер-практнк, как он, Азеф.

Прн этих моих словах Азеф, очевндно, не мог скрыть своей особой радостн н сказал мне, что он с удовольствнем согласится работать вместе со мной и что мы вдвоем, конечно, сумеем широко развнть это дело.

— Вы в настоящее время готовнте побег из Сибири одному агенту департамента полнции,— сказал мне Азеф.

Я ответнл:

— Да!

Я понял, что он знает о готовящемся побеге Бакая.

— Затем,— продолжал Азеф,— у вас бывает в Финляндии другой агент...

Итак, и это было известно Азефу!

— Третья ваша связь с департаментом полиции...— опять стал мне говорить Азеф, но уже как-то неуверенно. Он как бы только вызывал меня на подробности... Эта третья связь его, очевидно, очень интересовала. Но о ней я ничего не говорил Чернову, кроме того, что есть четыре серьезных источника для получения сведений из департамента полиции, а поэтому о ней ничего не мог знать и Азеф.

Я стал подробно рассказывать Азефу о том, что этот мой осведомитель один из влиятельных деятелей судебного ведомства из прокурорского надзора, сам он не служит в департаменте полиции, но там он свой человек и в самых доверительных отношениях находится с его руководителями, что он либерально настроен и я лично с ним в очень близких отношениях. В настоящее время он болен и ему надо ехать лечиться за границу. Он согласен эмигрировать и открыто помогать нам, но требует только значительную сумму денег — тысяч сорок,— и тогда он весь будет к нашим услугам. В своем рассказе об этой мнимой связи с департаментом полиции я старался заинтересовать Азефа разными деталями и этими подробностями придать своему рассказу возможно больше вероятия.

Ничего, конечно, нужного для розысков о третьем моем источнике Азеф не мог рассказать департаменту полиции, но эти придуманные мной сведения, как я потом узнал, очень заинтересовали не только Азефа, но и департамент полиции.

Впоследствии, когда во Франкфурте Азеф разговаривал со мной, он сказал мне:

— Ведь вы ко мне тогда отнеслись с полным доверием. Вы мне рассказали об агентах, с которыми вы ведете дело.

Я объяснил Азефу, что из его слов я понял, что о Бакае и Раковском [91] он знает от Чернова.

— Да,— прервал меня Азеф,— но вы мне рассказывали о прокуроре, с которым вы имели дело!

— Я вам рассказывал о прокуроре, какого совсем не существовало. Я все детали выдумывал в тот момент, когда с вами разговаривал. Я знал, что об этой связи (это был не прокурор, и приметы к нему совсем не подходили) вам ничего не мог говорить Чернов, так как и я ему ничего не говорил.

— Так, значит, вы мне говорили неправду? — несколько обиженным и укоризненным тоном сказал мне Азеф.

Я не стал отрицать, что я ему солгал.

Теперь Азеф был в восторге от разговора со мной и, наверное, рисовал себе радужными красками, как он скоро вместе со мной будет работать над разоблачением провокаторов и... как вскроет всю мою деятельность! Мы условились с ним встретиться дней через десять.

Указание на агента, бывающего у меня в Финляндии, также, конечно, было передано Азефом в департамент полиции, и этот агент — Раковский,— который у меня бывал и давал мне сведения, был тогда же арестован в Петрограде.

Его арест произвел большой шум. Желая отклонить подозрения от Азефа, что и в данном случае арест произведен по его указанию, департамент полиции, как и при аресте Трауберга, дал в печати фантастические сообщения. Убедили ли они кого-нибудь, что и Трауберг, и Раковский арестованы благодаря их собственной оплошности и искусству жандармской полиции, но на меня они подействовали как раз наоборот. Для меня это было лишним доказательством, что когда власти сознательно путают в своих официальных заявлениях, то, значит, им очень надо скрыть истинную причину ареста Трауберга и Раковского и что арест обоих их — дело того провокатора Раскина, которого я все время отыскивал. Меня эти сведения приводили опять-таки к тому же убеждению, что Раскин — это Азеф.

Пока я разговаривал с Азефом, я употреблял все усилия не выказать ему моего внутреннего волнения. Я только тогда почувствовал, как эта беседа взволновала меня, когда дверь за Азефом захлопнулась и я остался один.

Я вызвал в Выборг к себе в гостиницу заместителя Трауберга — Лебединцева, которого я встречал еще в Париже, и решился ему сообщить то же, что я говорил Траубергу.

После всякого рода оговорок я сказал Лебединцеву [92], что, по моему мнению, Азеф — предатель и что об этом я уже говорил Траубергу. Сообщил я ему и то, что в последние дни произошли события, которые меня еще более в этом укрепили. Но я ему ничего не говорил о своей встрече с Азефом. Лебединцев был очень взволнован тем, что я ему сказал. Он в это время в некоторой связи с эсерами готовил свой террористический акт. Он не отрицал основательности моего обвинения Азефа, и мы решили с ним заняться дальнейшим изучением Азефа.

Более Лебединцева мне не удалось видеть. Вскоре я уехал за границу, а Лебединцев был арестован по делу

о заговоре на покушение на Щегловитова [93] и в числе семи лиц тогда же был повешен.

Все последующие после свидания с Азефом дни были для меня полны тревоги. Тяжелых известий ждал я из Сибири, ежедневно ждал и своего ареста. Я очистил свою квартиру в Териоках и сделал все необходимые указания на случай ареста.

Но вот однажды, когда я был у себя дома в Териоках, отворилась дверь: вошла Савинкова, а за ней, как ее победная добыча, шел Бакай.

Редко я радовался так, как этой встрече.

Бакай сказал мне, что он рассчитывает остаться несколько дней в Финляндии и хочет выписать к себе на свидание жену. Но я решительно запротестовал против этого и, не объясняя, в чем дело, настоял на том, чтобы Бакай немедленно в тот же день ехал в Стокгольм.

Через несколько дней в Выборге я получил от Бакая из Стокгольма условную телеграмму о том, что он благополучно проехал.

В гостинице в Выборге, где я постоянно останавливался, я сказал, что еду к себе в Териоки, а в Териоках сказал, что еду в Выборг, а сам тем временем направился в Або.

На другой день я из Або на пароходе выехал в Стокгольм.

Глава XVI

В Париже.— Начало борьбы с провокацией.— Разоблачение Кенсинского.— Дела Бржозовского и Стародворского

Я был вне предела досягаемости для Азефа и отныне мог вести с ним открытую борьбу. Телеграммой я дал знать в Париж моим товарищам, что я еду, и просил это передать Бакаю.

На этот раз в Париж я приехал уже формально эмигрантом.

...В Париже я открыто поднял совершенно новый для эмиграции вопрос — о борьбе с провокацией.

Вскоре после приезда в Париж я предъявил обвинение против нескольких провокаторов, кто играл тогда заметную роль в революционном движении и имел связи с революционерами, действовавшими в России. Со своим списком — в нем было до 50—60 имен — я познакомил все партии, и они присылали ко мне за справками.

Одним из первых я обвинил в провокации деятельного члена максималистов [94] Кенсинского, бывшего секрета-

рем на их только что окончившемся съезде. Его товарищи были возмущены моим обвинением, головой за него ручались и говорили о его больших заслугах. Меня обвиняли в шпиономании. Онн знали, что сведения мне дал Бакай, и решили, что Бакай подослан ко мне и что таким образом охранники хотят дезорганизовать их партию.

Больше всего шумел сам Кенсинский. Я потребовал его к допросу, и после первого же допроса Кенсинский должен был скрыться. Его друзья, кто успел уже шумно и демонстративно обрушиться на меня за клевету на этого их друга, были сконфужены и должны былн признать, что мои обвинения, основанные на сведениях Бакая, верны.

Через некоторое время я совершенно случайно узнал, по какому адресу на почте «до востребования» получает Кенсинский письма. Я напнсал ему и попросил прнйти ко мне на свидание в кафе на улице Сен-Лазар и при этом, конечно, я заявил, что не устраиваю ему никакой ловушки.

В условленный час Кенсинский пришел, и я долго мирно беседовал с этой своей жертвой.

Я ему сказал, что приехал за границу вести кампанию против провокации и против департамента полиции и провокацию считаю величайшим злом для России и основой русской реакции. С провокацией мы никогда не помиримся и после революции будем преследовать самым жесточайшим образом провокаторов, где бы они ни были. Для того чтобы хоть несколько загладить то, что он сделал, я ему предложил помочь мне своими сведениями так же, как мне помогал в то время Бакай, а я·ему гарантировал в продолжение двух лет получение по 200 франков в месяц, чтобы он мог где-нибудь в Европе или Америке устроиться и зажить новой жизнью.

Кенсинский просил у меня тысячи три единовременно и обеспечение по сто франков в продолжение двух лет. Я ему сказал, что в принципе прннимаю его предложение, но просил его торопиться ответом, так как со временем его сведения могут потерять значение.

Я видел колебания Кенсинского. Ему и хотелось принять мои предложения, и он боялся порвать свои связи с департаментом полицни и с охранникамн, не получив желательной для него суммы. Но он понимал, что я ему денег не дам прежде, чем он не порвет сношений с ними, а у меня не было наличных денег, чтобы тогда же договориться с ним.

Во время нашего разговора Кенсинский сказал мне:

— Вы нас (он говорил о провокаторах) не понимаете. Вы не понимаете, что мы переживаем. Например, я недавно

был секретарем на съезде максималистов. Говорилось о терроре, об экспроприациях, о поездках в Россию. Я был посвящен во все эти революционные тайны, а через несколько часов, когда виделся со своим начальством, те же вопросы освещались для меня с другой стороны. Я перескакивал из одного мира в другой... Нет!.. Вы не понимаете и не можете понять (в это время Кенсинский как будто с сожалением сверху вниз посмотрел на меня), какие я переживал в это время эмоции!

Это слово «эмоции» он произнес смакуя, и его лицо выражало какое-то особенное блаженство авантюриста.

Он, молодой, очевидно, не хотел легко примириться с моими прозаическими предложениями — помочь мне в моих разоблачениях и после этого уйти в сторону и поработать два-три года над обеспечением своей новой жизни... без эмоций!

Мы расстались. Я обещал его вызвать, когда смогу немедленно дать ему нужные средства.

Мне казалось, приду я к эсерам, эсдекам, кадетам, ко всем тем, кто верил мне, а таких было много, и кому нетрудно было найти 5—6 тысяч франков,— и они дадут мне возможность вызвать Кенсинского, и я повторю с ним то же, что я сделал с Бакаем. Но сколько я ни ходил и к эсерам, и к кадетам, я никого не мог убедить, что надо затратить эти гроши, чтобы усилить нашу борьбу с провокацией.

Больше Кенсинского я не видал.

...Привезенный мной из России список провокаторов сильно всех взволновал. Одни верили мне и помогали изобличать провокаторов. Другие — наоборот, защищали обвиняемых мною провокаторов и открыто готовились начать против меня самую беспощадную войну. Только удачное разоблачение Кенсинского и его бегство несколько сдержало пыл моих обвинителей.

Но вот в начале 1908 г. я выступил с обвинением против шлиссельбуржца Стародворского [95].

В то же самое время на меня обрушилось давно подготовлявшееся нападение со стороны поляков за мои обвинения против их провокаторов.

Польская социал-демократическая партия, получившая от меня список обвиняемых провокаторов только для расследования, неожиданно опубликовала его в своей газете «Красное знамя» с прямым указанием, что сведения идут от меня. Статья «Красного знамени» подняла целую бурю в польской печати, и меня засыпали запросами и протестами, особенно по делу Бржозовского [96]

Таким образом, к лету 1908 г. дела Стародворского и поляков-провокаторов выбросили на улицу во всем его объеме вопрос о борьбе с провокаторами.

Можно указать как на общее правило: при разоблачениях даже самых гнусных и самых опасных провокаторов, по поводу которых потом не могли даже объяснить, как можно было хотя минуту их защищать, все они находили себе горячих защитников, кто ручался за них головой и кто с пеной у рта обвинял меня в том, что я легкомысленно гублю честнейших людей.

Глава XVII

Обвинение Азефа в провокаторстве.— Образование комиссии для расследования «слухов о провокации в партии эсеров».— Приезд за границу Лопатина

Весь 1908 г. кроме меня только очень немногие эсеры знали, что сущность поднятой мной борьбы с провокаторами заключалась вовсе не в тех именах, о которых все говорили и все писали. Для меня и для эсеров борьба с провокаторами и в то время сводилась главным образом к имени, которое в публике было известно только очень немногим,— к имени Азефа. Вокруг этого имени у нас все время и велась скрытая для публики жестокая борьба.

Мы знали, какую роль в революционном движении играл Азеф, и для нас было ясно, что когда его дело будет вскрыто, то оно поглотит все другие дела о провокации и получит огромное общерусское политическое значение.

Когда я приехал в Париж, в новую свою эмиграцию, то первое слово, которое я выговорил, было:

Азеф!

С этим словом я, не расставаясь, жил последние полгода в Петербурге и в Финляндии. О нем я думал и днем и ночью, изо дня в день, целыми месяцами.

В Париж я приехал с твердым убеждением, что Азеф — провокатор. Об этом я сейчас же сказал моим ближайшим политическим товарищам и дал знать в партию эсеров. Оттуда сначала окольным путем меня переспросили, правда ли, что я решаюсь обвинять Азефа. Я ответил, что глубоко убежден, что Азеф — провокатор.

В ближайшие после моего приезда дни меня встретил видный эсер Минор [97] и как о чем-то совершенно невозможном спросил меня, неужели я действительно серьезно обвиняю Азефа.

Я ему ответил:

— Да!

Я старался ему изложить факты и свои соображения, почему я обвиняю Азефа как провокатора. К Минору я относился с полным доверием, как к старому своему товарищу, и потому в своем рассказе я не пропустил ничего из того, что знал по этому делу. Но я нисколько не изумился тому, что мои слова не поколебали в Миноре веры в Азефа. Он спросил меня, хорошо ли я знаю роль Азефа в революционном движении, и подробно рассказал мне об участии Азефа в самых громких террористических делах.

В его рассказе для меня было очень мало нового. Все это я давно знал.

Я расстался с Минором с тяжелым чувством. Он мне говорил о моей страшной ответственности даже не столько лично перед Азефом, сколько перед партией эсеров, которую я гублю своими обвинениями.

Со своей стороны я указал ему, какую он и его партия берут на себя ответственность перед всем освободительным движением, страстно защищая злостного провокатора.

Вскоре после моего разговора с Минором ко мне явились эсеры Натансон[98] и Леонович[99] уже с официальным требованием от имени партии объяснений. Они мне объявили об основании, по решению товарищей из России, тайной следственной комиссии для расследования слухов о провокации в партии эсеров. Приблизительно тогда же я узнал, что умиравший в Швейцарии Гершуни, когда ему сказали о моих обвинениях, очень взволновался и заявил, что как только поправится, сейчас же поедет в Россию вместе с Азефом и своей террористической борьбой они докажут нелепость слухов об его провокации.

Следствие об Азефе велось совершенно тайно. В него были посвящены только очень немногие. В это время я очень близко сошелся и с самым горячим защитником Азефа — Борисом Викторовичем Савинковым[100]; между нами сразу установились самые доверчивые и дружеские отношения.

Тогда же в Париже я встретил группу эмигрантов, так называемых левых эсеров — Гнатовского[101], Юделевича[102], Агафонова[103] и др. На самом деле они были скорее правыми эсерами. Они вполне были согласны со мной, что в партии существует центральная провокация, а некоторые, с которыми я был откровеннее, соглашались и с тем, что этот провокатор — именно Азеф, и они стали помогать мне в моих расследованиях.

Огромиое зиачеиие для всей моей тогдашией деятельиости имел приезд за граиицу Лопатииа летом 1908 г. С иим я был хорошо зиаком и раиьше, ио особеиио близко я сошелся с иим имеиио в этот его приезд за граиицу. С тех пор в продолжеиие иескольких лет моя эмиграитская деятельиость изо дня в деиь тесиейшим образом была связаиа с иим.

Первый раз Лопатииа я встретил еще летом 1884 г. в Москве.

Ои только что тайио приехал из-за граиицы и скрывался как нелегальиый. Полиция его отыскивала всюду дием с огием.

Тогдашияя моя встреча с Лопатииым произвела на меия глубочайшее впечатлеиие. Осенью 1884 г. его арестовали, и ои был освобождеи из тюрьмы только в коице 1905 г.— после двадцати одиого года тюремиого заключеиия в Шлиссельбургской и Петропавловской крепостях.

После освобождеиия ему не разрешили остаться в Петербурге и прямо из тюрьмы выслали под иадзор полиции в Вильио, где жил одии из его братьев. Я в это время только что вернулся из своей эмиграции и, хотя еще ие совсем прочио легализовался в Петербурге, тем не меиее тайио поехал в Вильио повидаться с Лопатииым и провел у него сутки.

Лопатии жадио меия расспрашивал о том, что было за последиие двадцать лет, как ои выражался, «после его смерти», а мие ои рассказывал, как им жилось в Шлиссельбургской крепости. Но я старался больше ему рассказывать, чем его расспрашивать. Лопатии засыпал меия вопросами о лицах и событиях. Ои иеобыкиовеиио умело расспрашивал меия обо всем том, что ему иужио было зиать. Во втором часу ночи мы легли спать в одиой комиате. Прежде чем потушить лампу, я показал ему иесколько заграиичиых брошюр. Ои быстро, с какой-то жадиостью стал их перелистывать.

Я зараиее зиал, за что он больше всего ухватится. Он почти выхватил у меия из рук брошюру «Процесс двадцати одиого»[104].

По этому процессу ои судился. Там было рассказаио о его аресте и суде иад иим. Я видел, что ему уже не до меия. Я лег иа свою кровать и, как мие потом рассказывал Лопатин, момеитальио засиул. Часа через два я просиулся и увидел Лопатина, с каким он волиеиием, очевидио, ие в первый раз перечитывал брошюру о своем процессе.

К Лопатииу я приезжал приглашать его принять уча-

стне в «Былом». Он, конечно, встретнл это нзданне с горячнм сочувствнем, но скептнческн относился к тому, чтобы при тогдашннх полнтнческих условиях иам удалось вестн журиал по намеченной намн программе. Он мне дал чрезвычайио ценные указання для «Былого», н с тех пор я ннкогда не переставал во всем встречать у него самую горячую поддержку до самого последнего нашего свндання в 1918 г.

...1908—1914 гг. мы нлн жнлн вместе, нлн находнлись в постояиной переписке. В эти годы Лопатнн был посвящеи во все, что было связано с «Былым», «Общнм делом» н «Будущнм» н с моей борьбой с провокацней. Он проявлял иеобыкновенную энергню н настойчивость. Он толкался во все дверн, где только мог, и убеждал всех помогать мне н в лнтературных монх предпрнятнях, н в борьбе с провокаторамн. Все это он делал неустанно, нзо дня в деиь, в продолженне многнх лет, несмотря на свой обычиый скептнцизм н обычную для него нерешнтельность в практнческих делах, когда ему самому прнходнлось брать ннициативу.

Его пнсьма ко мне были полны самой прндирчнвой н едкой крнтнкн по самым разнообразиым поводам.

Он постоянно нападал на меия за мое «ненсцелнмое кадетолюбне» («кадетострастне»), когда я будто бы не решался нх «ударнть даже цветком», за мою недопустнмую мягкость н слабость к Азефам, Богровым [105], за мое доверие к «расканвающнмся», за мой оптнмнзм н т. д. Но вся огромная перепнска моя с Лопатнным ясно показывает, с каким вннманнем ои следнл за всемн монмн издаииями, за каждой моей газетной кампанней, за каждой моей связью с этнмн самымн «раскаивающимися», за разоблачениями провокаторов, от кого он всегда старался меня предостеречь, н т. д., н какое огромное значеине ои прндавал тому, что делалось вокруг «Былого» н «Общего дела». Его замечания всегда былн глубокн н выливалнсь в уднвнтельио удачиых выраженнях, которые блестяще формулнровали его мысль и всегда бралн быка за рога.

...Особенно сблизнло меня с Лопатнным в 1908 г. его участне в суде надо мной по делу Азефа.

Глава XVIII

Перепнска через Бакая с охранннкамн.— Пнсьма Бакая к Доброскоку н его ответы.— Поддельные документы нз охранного отделення

С самого моего приезда в Парнж я старался делать все возможное в моем положеннн для собнрання сведеинй протнв Азефа.

Я попросил Бакая под мою диктовку написать письмо в Россию к некоторым из бывших его сослуживцев в охранных отделениях и в департамент полиции. Бакай писал им о том, что он теперь находится за границей, с моей помощью устроился, помогает мне в борьбе с провокацией, и убеждал их следовать его примеру: бросить служить у жандармов и приехать за границу, и обещал, что я их тут устрою. О жандармах и провокаторах он писал в самых резких выражениях, чтобы не было никакого сомнения, к чему он призывает своих корреспондентов. Письма эти были или целиком писаны мной, или просматривались мною. Я, конечно, хорошо знал, что большинство этих писем будет немедленно передано по начальству, и если мы оттуда будем получать ответы, то опять-таки их будут писать нам с согласия начальства.

Одно из первых писем Бакай написал Доброскоку, так называемому «Николай-Золотые-Очки», прямо в петербургское охранное отделение. Доброскок раньше был провокатором среди меньшевиков, а в то время заведовал сношениями с провокаторами среди эсеров-террористов.

Я знал, что письмо к Доброскоку, прежде чем попасть к нему, будет тайно прочитано его начальством, Герасимовым, а Доброскок, зная это, прочитав письмо, во избежание неприятностей сам покажет его Герасимову. Я мог предполагать, что Доброскок — Герасимов или совсем не ответят нам, или, если будут вести переписку, то только с своими специальными целями. Я, конечно, заранее решил не верить ни одному слову в их письмах, но я надеялся использовать эту переписку, как мне это будет нужно, а главное, я хотел, чтобы в охранном отделении через Доброскоков знали, что я их вызываю за границу и где можно меня найти.

Эти мои обращения к охранникам впоследствии мне дали ценные результаты. Кое-кто из служивших в охранке обращались ко мне и присылали мне документы.

Мои связи с Бакаем и с другими выходцами из того мира уже в то время дали для борьбы с провокацией блестящие результаты, и мне казалось, что меня в дальнейшем поддержат не только революционеры, но и кадеты.

На письма Бакая первым ответил нам Доброскок, и затем он стал часто писать. Он обещал прислать документы, приехать в Париж и раскрыть тайны охранных отделений. Предо мной теперь лежит целый ряд его писем. Для меня, конечно, было яснее ясного, что эти письма писаны им с

одной целью: ввести меня в заблуждение, и были посланы с ведома Герасимова.

В 1914 г. для № 15 «Былого» я приготовил было статью под заглавием: «Переписка Вл. Бурцева с генералом Герасимовым», но эта книжка не вышла в свет вследствие моего отъезда в Россию. В предисловии я говорил, что писем Герасимову я никогда не писал и Герасимов никогда не писал мне, но тем не менее переписка между нами существовала. Я диктовал письма Бакаю для Доброскока, а Герасимов диктовал Доброскоку для Бакая, но, по существу, я писал не Доброскоку, а Герасимову, и Герасимов писал не Бакаю, а мне.

Вот в хронологическом порядке отрывки из некоторых писем Доброскока к Бакаю. В таком же духе были писаны письма и других охранников к нам. Все они были, очевидно, совместным творчеством их авторов с их начальством.

«Письмо ваше с приложением получил. Очень вам благодарен; хорошо, что получил до отъезда в Читу, куда меня командировали с отрядом филеров; пробуду там несколько дней. Писем мне не пишите до моего возвращения. Я вам сейчас напишу и пришлю кое-что очень интересное и дам новый адрес. Вот было бы несчастье, если бы это ваше письмо было получено в мое отсутствие, тогда, наверное, пришлось бы бежать к вам. Спешу сообщить вам на интересующий вас вопрос. Д. не провокатор. Это ложь. Фамилии Вышинский, Азеф и Гринберг мне даже неизвестны [1]. В разговорах об этих лицах я пришел к убеждению, что они мало известны ведущим розыск. Я думаю, что это тоже гнусная инсинуация. Имейте в виду, что Герасимов, как я знаю,

[1] Через Бакая я писал Доброскоку, что за границей носятся какие-то неопределенные слухи о сношениях с охранным отделением четырех лиц: Д., Вышинского, Азефа и Гринберг, и просил навести справки об этих именах. О Д. незадолго перед этим в каких-то общественных организациях велись расследования по поводу его знакомства с кем-то из охранников. Точно не помню, в чем заключалось это дело, в свое время оно много заставило о себе говорить (Д., кажется, был оправдан в подозрениях). «Вышинский» и «Гринберг» — имена выдуманные, первые попавшиеся мне под руку, когда я диктовал Бакаю письмо. Имя Азефа я нарочно поставил между другими именами. Доброскок не мог не знать Азефа или как революционера, или как провокатора, и из того, что он стал отрицать, что ему известно имя Азефа, для меня было доказательством, что ему и Герасимову нужно его затушевать и свалить обвинение в провокации на кого-нибудь другого.

всегда распускал слухи не только в отделении, но даже в департаменте полиции о лицах, которые в действительности у него никогда не могли служить. И он их сам даже мало знает. Он говорит, что это — его тактика: агентурным явным путем устраивать в партии дезорганизацию. Я помню, что в прошлом году он называл своим сотрудником Виктора Чернова и не приказал ставить за ним наблюдения. Конечно, это ерунда, я этому не верил и не верю, и если в партию дойдут слухи, то на вашей обязанности лежит святая обязанность предостеречь партию от дезорганизации. Вполне допускаю, что слухи о вышеупомянутых лицах — это проделка негодяя Герасимова, и таким слухам нельзя верить. У нас в Питере среди наших какое-то замешательство, и, знаете, Герасимов что-то злой: рвет и мечет, говорит, что провокация вся пропала. Собирается уходить, и догадываюсь, и его душевное состояние приписываю провалу Л...»

«...Не отвечал вам, так как все зондировал почву, можно ли ехать за границу или нет. Но оказывается, совершенно невозможно. Приезжайте в Финляндию, а оттуда — наездом в Питер, и будем видеться. Я вам гарантирую безопасность путешествия. Очень и очень мне нужно видеться. Вы, может быть, догадываетесь сами, зачем, так как знаете из газет, что у нас творится в Питере. Это надо прекратить...»

«...Ваше письмо тронуло меня до глубины души. В нем я увидел луч света, и он зажег во мне страстное желание выбраться из этой тьмы культа и невежества, в которую я попал благодаря тем жестоким ударам судьбы, которые вы пережили сами. Надежда выбраться опять на свет божий, возвратиться в круг родных для меня товарищей, пожать их честные руки, стать вместе с ними за освобождение народа и, если потребуется, отдать свою жизнь за святое дело это — тот идеал, который для меня был уже похоронен. Вы — мой спаситель, и я горячо вас приветствую, что вы возвращаете меня к жизни настоящего человека! Но научите же меня, что мне делать? Уволиться в отставку и ехать к вам и товарищам, отдать себя в их распоряжение или же остаться здесь на время и приносить по возможности пользу?

Да, мой дорогой, меня эта мысль уже полгода мучит, и я не знал, дорогой, к кому мне нужно было идти и к кому обратиться за содействием. Не скрою свою душу — находясь

вневшие в неприятельском стане, я много оказывал и оказываю облегчения не знающим меня, но близким по плоти и крови товарищам. Какое было бы для меня счастье повидаться с вами! Но, оставаясь здесь на службе, ехать за границу или Финляндию я не могу. Это вызовет подозрение, под каковым я теперь нахожусь, и, конечно, проследят. Если бы вы приехали в Финляндию и на несколько часов могли бы приехать в Питер, тогда я бы душу свою отдал.

Но раз нельзя — пишите мне! Наша переписка будет тайна. Я вам верю, как своему дорогому товарищу, спасающему меня. В отставку же выйти я могу сейчас и приехать тогда на свидание с вами. Пишите мне свои соображения по этому поводу...»

«...Меня удивляет, что центр не может дознать виновника провала Северной летучки и целый ряд других, а ведь это очень просто.

Когда заболел Карл[1], то у него найдены были улики по отношению к Максиму. Судебные власти требовали его ареста, но мой патрон сказал им, что Максим его близкий человек, и только по настоятельному требованию согласился (чтобы не открыть карты суду) обыскать его в Териоках, но предупредив его, и обыск произведен в его отсутствие. Максим — это партийная кличка. Его фамилия — Л е о н о в и ч. Это я знаю наверное. Это проговорился сам Герасимов, который его тщательно оберегает, говоря, что, пока он у нас, никто не страшен, а теперь куда-то его спрятал. У нас его теперь нет. Могу доказать документально. Я пишу это в тех видах, что пролитая кровь требует мщения. Больше писать не буду, если вы не можете приехать. В таких делах серьезных посредничество неуместно, и прошу писать мне прямо, как писали, и не доверять адресованные мне письма третьим лицам...»

«...Посылаю вам документ, который я вырвал из дела, хранящегося у Герасимова в ящике письменного стола, случайно оказавшегося незапертым.

Напрасно вы сообщили о Л. товарищам, не получив от меня этого документа. Вы пишете о тайне. Сообщите,— я весь ваш. Бежать еще не время. Если не можете при-

[1] То есть был арестован Трауберг, член Северной эсеровской летучки.

ехать, буду присылать цениые вещи. Как бы мне хотелось поговорнть и войтн в родную семью, но разум требует остаться здесь, где я больше прннесу нашему делу пользы.

Вот этот документ, орнгннал которого у меня и теперь сохраняется.

Министерство Внутрениих Дел. Департамент Полиции. По особому отделу.
1 декабря 1907 г.
№ 13565.

Лично.
Совершенно секретно.

Начальннку С.-Петербургского Охранного Отделения.

По докладу представлення Вашего от 27 ноября 1907 года за № 30334. Г. Товарищу Миннстра Внутренних Дел, Сенатору Тайному Советннку М а к а р о в у, Его Превосходнтельство прнзнал возможным, ввиду указанных услуг по арестованию в пределах Финляндни некоторых членов Северного боевого летучего отряда, иазначить Вашему сотруднку Васнлию Л е о и о в н ч у денежиую иаграду в сумме 1500 рублей.

Об отпуске означенной суммы в распоряженне Вашего Превосходительства вместе с сим Департаментом Полицнн сделано соответствующее распоряжение.

За Днректора: *С. Виссарионов.*

За Заведывающего Особым Отделом: *Пешков* (?)

Не делайте распространення большого этой бумажкн, чтобы еще не узнал Гераснмов. С нескрываемой радостью сообщаю о другом провокаторе центра, кажется, как говорнт Герасимов, агеит ЦК партни социалнстов-революциоиеров Z [1]. Он в 1906 г., кажется, был арестован на собраннн

[1] Z — одии из известиых эсеровских деятелей. Его, как Леоновича, Герасимову иадо было скомпрометировать. Но о ием я ие упомииал иикому, даже эсерам, и его имя поэтому иикогда ие упомииалось ии в каких расследоваииях.

комитета. Гераснмов с ннм долго беседовал иаеднне н, очевндио, убедил, потому что его выпустнлн под залог, а затем по суду оправдалн, н он уехал за граннцу. Мон данные, приведшне к такому умозаключенню, следующне. Во время прожнвання Z. в Фннляндии в Петербурге Гераснмов с пеной у рта не позволял вестн наблюдення за ним, бережно охраняя его (обычиая тактнка всех этих негодяев!). В первых числах мая Z. был подчннен иаблюденню. Заботлнвость Герасимова по отношенню к Z. поразнтельна. Он циркулярно дал в некоторые отделения телеграммы, куда — не знаю, от меня скрыли. Пнсалн ее вместе с Комиссаровым. Чтобы наблюдаемый Z. не был арестован, наблюдеиие велось пнтерскими фнлерами, которые и уехали.

Я полагаю, что для иас с вамн, побывших на службе в «такнх почтениых учрежденнях», смысл и значеиие всего этого достаточно поиятен.

Как тяжело, дорогой, иаходнться в этой атмосфере. Проснмое вами все по возможностн доставлять буду. Не торопитесь. Пока пншу о цеитре, а дальше будет все, так надо, если зиаете почему...»

«...На днях послал вам пнсьмо, получнлн лн вы? Посылаю пока две карточки Карла и Распутиной [1], членов Северной летучки, остальные буду доставать и высылать по возможности. Относнтельно вас был только лншь циркуляр, что скрылнсь н о розыске, н больше ннчего; пока молчат. Вы спрашнваете о колнчестве агентуры. Конечио, я всех не зиаю, ио я знаю, что центральная агентура нителлнгентиой силы у Гераснмова н Комиссарова. Все уснлня прнму по возможностн узиать, кто онн, если ие точно, то хотя по догадкам постараюсь нх выудить, а что же касается рабочей агентуры, то она у меня, но она очень слаба. Я нх в таком направленнн веду, что онн скоро все разбегутся обратно. О них сообщу вам прн лнчном свнданнн. Да это, кажется, и иенитересно. Относнтельно моей поездки за граннцу скажу опять, что это пока невозможно, провал безусловный н не даст нам достнгиуть намеченной цели обезоружнть прохвостов. Прн лнчиом свнданнн я все вам объясию. Надо ие забывать, что служба моя в этом хорошем учреждении принесет еще пользу очень большую. На диях пересмотрел дело ареста иа Фурштадской, № 20, у Халютиной

[1] Эти карточки были помещены в «Былом».

военно-организациоииого бюро партии социалистов-революционеров, ие подлежит сомиеиию, это дело Леоновича — безусловно...»

Когда Доброскок и Герасимов пояяли, что ловушки иам оии устроить ие смогут, оии прекратили переписку с нами. По поводу этой переписки Доброскок и другие иаши такие же корреспоидеиты имели большие неприятиости, и им приходилось оправдываться перед своим иачальством. Вскоре после прекращения иашей переписки тот же самый Доброскок для своей реабилитации (в иачале 1909 г.) опубликовал в газетах следующее пнсьмо.

«Прочитав в газетах речь члеиа Государствениой думы Покровского [106], лидера думской социал-демократической фракции, в которой ои назвал меня провокатором, я иастоящим моим заявлеиием поставляю в известность наших пресловутых социал-демократов, что я с детства воспитаи в православиой вере, в любви и беспредельиой предаииости престолу и отечеству, почему и не мог быть социал-демократом.

Если же я номииально иазывался социал-демократом, то для того, чтобы проникиуть в эту преступиую шайку для осведомлеиия правительства о преступной ее деятельности. Звaиие соцнал-демократа в моих глазах преступио и позорио, и я таковым никогда не был.

Примите и проч.

И. В. Доброскок».

Мои тогдашиие обращеиия через Бакая к охраииикам и моя борьба с ними в литературе имели свои результаты. Одни из охранников, как Герасимов, были удалеиы, другие, как Доброскок, поняв, что им придется со временем серьезио отвечать за их занятия, сами уходили в сторону. Доброскок с разрешения царя переменил фамилию иа Добровольского и поступил на службу полнцмейстером в Петрозаводск.

Среди охранников мой призыв поселял недоверие друг к другу.

Глава XIX

Бакай об Азефе.— Встреча Бакая с Ратаевым.— Свидание Бакая с Донцовым в Германии.— Поездка Азефа в Варшаву в 1904 г.— Ложное обвинение охранниками Леоновича

Ко мне в редакцию «Былого» в Париже ежедневно приходил Бакай. Я его часами подробно расспрашивал о деятельности охранных отделений; в его рассказах я старался уловить все, что так или иначе могло быть полезным для разоблачения Азефа. О своих обвинениях Азефа я по различным соображениям долго не говорил Бакаю и даже до поры до времени при нем не произносил имени Азефа.

Но однажды я просил Бакая рассказать мне то, что в охранке известно о Чернове, Натансоне и других видных эсерах; среди них я упомянул имя Азефа.

Бакай обстоятельно мне ответил о Чернове, Натансоне, но когда я упомянул об Азефе, он сказал:

— Азефа я не знаю!

Я ему сказал, что он — эсер.

— Нет, я такого имени не слышал! — ответил он мне.

Меня это поразило, и я замолчал. На следующий день я снова как бы случайно вернулся к Азефу и сказал Бакаю:

— Как это вы не знаете Азефа? Он очень видный эсер. Его, несомненно, полиция разыскивает!

Бакай как-то недоверчиво выслушал меня и еще раз повторил:

— Нет, такой фамилии я не слышал! У нас о нем никогда не было разговора! Его у нас не разыскивали!

Еще через день, подумав, я решил еще прямее сказать Бакаю об Азефе.

— Как же вы,— сказал я Бакаю,— не знаете об Азефе? Он не только видный эсер, но он — глава Боевой Организации!

— Странно,— сказал, задумавшись, Бакай.— Но, может, вы, Владимир Львович, смеетесь надо мной? Или, может быть, конспирируете? Мне не знать главу Боевой Организации — это значит все равно что не знать фамилии директора департамента полиции!

Бакай, очевидно, думал, что я выпытываю его и для чего-нибудь говорю ему о каком-то несуществующем Азефе. Тогда я решился до конца быть откровенным с Бакаем:

— Нет, Азеф — именно социалист-революционер. Это он — глава Боевой Организации. Это — тот, кого я уже целый год обвиняю в том, что он — главный агент-провокатор среди социалистов-революционеров.

Тогда Бакай сразу оживился и сказал мне:

— Да вы давно бы мне это сказали! Если Азеф видный социалист-революционер, да еще глава Боевой Организации, действующей много лет подряд, близкий человек для Чернова, Гершуни и Натансона и у нас о нем не разговаривают и его не разыскивают, это значит: он — наш сотрудник!

Бакай, даже когда говорил со мной о департаменте полиции, охранниках и т. д., никогда не мог отделаться от слов: «мы», «у нас», «наши сотрудники» и т. д.

Я подробно рассказал Бакаю все главное, что знал об Азефе. Он внимательно выслушал меня и в конце нашего разговора категорически заявил, что теперь для него Азеф — провокатор и что в этом не может быть никакого сомнения.

Выслушав Бакая, я в свою очередь вполне согласился с тем, что он прав. Если бы департамент полиции действительно разыскивал Азефа то он, Бакай, не мог бы не знать его имени. Если же Азефа не разыскивали, значит, им не надо было его разыскивать, так как он был их агент.

Затем мы с Бакаем установили, что все имевшиеся до сих пор у нас сведения о существовании какого-то крупного провокатора среди социал-революционеров — Раскина — могут относиться именно к Азефу.

С этого дня в продолжение целых месяцев мы с Бакаем обсуждали все, касающееся Азефа, и старались подыскать все новые и новые, хотя бы косвенные улики для его изобличения.

В Париже, в отставке, жил известный охранник Ратаев, бывший заведующий заграничной агентурой, кто не мог не знать всей правды об Азефе.

Я послал Бакая к Ратаеву, кого он знал по службе в департаменте полиции, чтобы, если Ратаев его примет, постараться как-нибудь свести разговор к Азефу. Мы долго обдумывали с Бакаем, что и как ему говорить с Ратаевым.

Ратаев принял Бакая. В разговоре с ним Бакай, смеясь, как бы между прочим, как это и было у нас условлено, сказал Ратаеву:

— А какой вам удар готовит Бурцев! Он хочет разоблачить вашего главного эсеровского агента Азефа!

— Какого Азефа? — несколько смущенно спросил Ратаев.— Никакого Азефа я не знаю!

Потом по какому-то поводу Бакай упомянул о тяжелом положении жены Азефа ввиду обвинения ее мужа.

— Так неужели Бурцев и жену Азефа обвиняет в провокации? — спросил Бакая Ратаев.

Бакай сказал Ратаеву, что я обвиняю только Азефа, а не его жену. Ратаев еще раз смущенно повторил:

— Нет, никакого Азефа я не знаю!

Когда Бакай вернулся от Ратаева, я просил его в мельчайших подробностях припомнить мне весь свой разговор с ним. Мы долго комментировали каждое слово Ратаева.

Для обоих нас было вне сомнения, что Ратаев не мог не знать Азефа или как своего агента, или как революционера и что если он отказывался незнанием Азефа, то лишь для того, чтобы спасти его. Если бы я ошибался в своих обвинениях Азефа, Ратаев, конечно, воспользовался бы случаем и со своей стороны что-нибудь через Бакая подсказал мне, что еще более могло бы убедить меня в том, что Азеф — агент.

В ответ на свои письма в Россию Бакай получил, между прочим, письма еще от одного из своих знакомых, Донцова, служившего тогда в виленском охранном отделении.

Из его писем так же, как и из писем Доброскока, ясно было, что он пишет Бакаю под диктовку своего начальства. Донцов не соглашался приехать в Париж, а предложил, чтобы я приехал повидаться с ним в Берлин. Я понял, что это ловушка, но ответил, что согласен и приеду туда вместе с Бакаем. К назначенному времени в Германию выехал один Бакай с моими инструкциями. Около отеля, в котором было у него назначено свидание с Донцовым, Бакай сразу заметил слежку. Ловушка была, очевидно, устроена совместно русской и немецкой полициями ввиду возможного моего приезда и приезда Бакая.

Бакай не показал вида Донцову, что он понял, что ему устроена ловушка, и стал беседовать с ним.

На прямой вопрос об Азефе Донцов отозвался незнанием даже этой фамилии и затем, очевидно, по сделанным ему указаниям, стал рассказывать о провокаторах явно ложные вещи, чтобы навести меня на ложный след.

Когда Донцов кончил свой рассказ, Бакай прямо ему сказал, что все, что он говорил,— неправда, что он подослан к нам охранниками, что даже из его слов видно, что Азеф — провокатор. Затем Бакай от моего имени заявил Донцову, что я в любое время готов встретиться с ним в Париже и устрою его, если он скажет правду об охранке.

Донцов продолжал уверять, но уже только для виду, что его начальство не знает о его поездке, а кончил тем, что сказал, и на этот раз совершенно искренно, что если бы ему было хорошо заплачено, то он сложил бы в чемоданы все документы своего охранного отделения... и приехал бы ко мне в Париж.

— Но,— добавил он,— Бурцеву революционеры не верят (дело шло о разоблачениях провокаторов), и у него денег нет! Мы это знаем.

Чтобы Донцов приехал в Париж со всеми документами своего охранного отделения, ему нужно было заплатить тысяч двадцать пять. Совершенно такие же заявления я впоследствии не раз слышал и от многих других очень сведущих охранников.

После разговора с Донцовым Бакай неожиданно для него скрылся из отеля, сел в поезд и вернулся в Париж.

Когда Бакай в Германии вел переговоры с Донцовым, я был в Швейцарии и еще там получил от него такую открытку (28. 08. 08.): «Сегодня выезжаю домой. Могу только сказать: Да! Во всех отношениях штучка!»

В Париже я с Бакаем подробно обсудил все, что ему говорил Донцов. Некоторые, даже мелкие замечания такого примитивного дипломата, как Донцов, ясно говорили мне, что охранники хотели скрыть и в чем хотели меня обмануть.

Разговор Бакая с Донцовым для меня был новым подтверждением того, что Азеф — агент департамента полиции.

Еще в Петербурге в 1906 г. Бакай сообщил мне, со слов видного охранника Медникова, что в 1904 г. в Варшаву приезжал эсеровский провокатор Раскин и ему нужно было повидаться с инженером. Д. Раскин зашел к нему, но тот почему-то не пожелал с ним иметь дела. Перед самым моим отъездом из Петербурга, в марте — апреле 1907 г., когда я только что начинал разоблачение Азефа, я написал в Варшаву этому инженеру и просил его приехать ко мне в «Былое» поговорить об одном литературном деле. Д. приезжал ко мне, но из излишней конспирации не назвал своего имени и говорил о себе в третьем лице, что он приехал от Д. узнать, в чем дело. Постороннему лицу я не считал возможным даже намекнуть, зачем мне нужно видеть этого инженера. Затем мне скоро пришлось скрыться из Петербурга, и я не мог более вызвать к себе Д. Все попытки из-за границы через третьих лиц выяснить у него вопрос о провокаторе ни к чему не приводили. Я его смог вызвать к себе на свидание в Швейцарию только летом 1908 г.

Мы с Д. встретились в Лозанне, и я ему поставил вопрос, не был ли, приблизительно в такое-то время, у него приехавший из-за границы в Варшаву какой-нибудь эсер. Д. сначала уверенно стал мне говорить, что этого и не могло быть, так как в это время он с революционерами никаких отношений не поддерживал. Я был очень озадачен его словами и мог подумать, что в сведениях Бакая, полу-

чеииых им со слов третьих лиц, была какая-то ошибка.

Затем Д. иеожидаиио мие сказал:

— Но приблизительио в это время ко мие ие иа квартиру, а в мою коитору заходил какой-то эсер, ио ои мие показался до такой степеии подозрительиым, что я его прииял за шпиоиа и прогиал.

Об этом господиие ои мог сказать только то, что его прислал Рубакии[107]. В это время в Лозаиие как раз иаходился Рубакии. Мы вызвали Рубакииа и спросили, какого эсера ои тогда-то посылал в Варшаву к Д. Не придавая иикакого особеииого зиачения своему ответу, Рубакии сказал:

— Азефа!

Я сопоставил рассказ Бакая со сведеииями Рубакииа и Д., и для меия было совершеиио ясио, что в обоих случаях речь шла имеиио об Азефе.

Мои собеседиики только тогда поияли, почему это рубакииское слово «Азеф» так меия взволиовало, когда я им объясиил, в чем я обвииияю Азефа и почему для меия было важио устаиовить, что в Варшаве у Д. был имеиио Азеф.

В то же самое время я устаиовил, что иа Азефа как агеита департамеита полиции были прямые указаиия еще в России в 1903, 1905 и 1907 гг.

Все собраииые миою сведеиия, касающиеся Азефа (переписка с Доброскоком, о свидаиии Бакая с Доицовым, о приезде Азефа в Варшаву, разговор с Ратаевым, об обстоятельствах обыска у Бакая в Сибири, об указаииях охраииииков иа Азефа в 1903 г., 1905 и 1907 гг. и т. д.), я летом 1908 г. подробио излагал в комиссии, иазиачеииой для расследоваиия слухов о провокации в партии эсеров. В ией участвовали иеизбежиый Натаисои, Зеизииов[108] и др. Меня выслушивали, все записывали, иаходили всему объясиеиия, благоприятиые для Азефа, и во всем прежде всего видели иитриги против иего департамеита полиции. Вера в Азефа ии у кого из члеиов следствеииой комиссии поколеблеиа ие была.

Но для меия и до сих пор иепоиятиы иекоторые эпизоды в расследоваиии эсерами дела Азефа.

В комиссии я, иапример, подробио передал свои разговоры с Траубергом и Лебедиицевым об Азефе, о том, что оии еще в 1907 г. допускали вероятиость моего обвииеиия Азефа. Трауберг даже сообщил мие о совершеиио иеизвестиом мие тогда саратовском письме, в котором Азеф обвииялся в провокации, и обещал расследовать этот эпизод.

Как мие говорили эсеры в комиссии, а потом и иа суде, адвокаты, через которых они имели сиошеиия с Траубергом

и с Лебединцевым во время их суда, сообщали обоим им, каждому в отдельности, о том, что на воле начато расследование о центральной провокации у эсеров. Трауберг и Лебединцев, оба выданные, несомненно, Азефом, по словам этих адвокатов, верили в существование центральной провокации, высказывали свои подозрения на различных лиц, но ни один из них не высказал подозрений на Азефа. Трудно сказать, объясняется ли это тем, что адвокаты, сами слепо веровавшие в Азефа, передавали по поручению партии Траубергу и Лебединцеву слухи о провокации в такой обстановке, что те перед смертью (оба они вскоре были повешены) не решились поверить своих подозрений на Азефа, или дело объясняется, может быть, тем, что сообщения этих адвокатов до нас дошли в пристрастной передаче слепых и заинтересованных людей.

Трауберг и Лебединцев в разговоре со мной не только допускали, что я прав, обвиняя Азефа в провокации, но, в конце концов,— особенно Трауберг — соглашались со мной, что Азеф — провокатор. Я не могу представить себе, чтоб обстановка их ареста не укрепила бы их в обвинении Азефа.

На это молчание Трауберга и Лебединцева насчет Азефа с особенным подчеркиванием указывали эсеры на моем суде, когда возражали мне. Они ссылались на мнение их обоих как на мнение людей, кто лучше, чем кто-нибудь, мог догадываться, кем они выданы, и если они даже в тюрьме после моего предупреждения все-таки не подозревали Азефа, то, значит, они ни на одну минуту не допускали против него такого обвинения.

В связи с комиссией по расследованию моего обвинения Азефа отмечу один эпизод, связанный с именем эсера Леоновича.

Леонович не состоял членом этой комиссии, но был одним из ее инициаторов. Именно с ним и приходил ко мне Натансон объявить об ее образовании. В партии эсеров Леонович играл вообще видную роль.

Знакомя постепенно комиссию со всеми накопившимися у меня сведениями и соображениями относительно Азефа, я сообщил и о том, что получил от Доброскока, несомненно, поддельный документ, обвиняющий видного эсера в провокации, и устно во всех подробностях познакомил комиссию с его содержанием. Я только не называл имени эсера, о ком шла речь. Я доказывал, что цель документа одна: спасти Азефа от моего обвинения и набросить сомнение на людей невиновных. Для меня вся переписка с Доб-

роскоком и, в частности, этот им присланный документ были новыми яркими доказательствами того, что Азеф — провокатор.

В комиссии очень заинтересовались документом и просили, чтобы я его им показал и назвал упоминаемое в нем имя. Но я отказался это сделать.

Через несколько дней ко мне пришел Савинков, если не ошибаюсь, тоже постоянно участвовавший в комиссии. Он сказал мне, что вполне согласен со мной, что в партии эсеров, несомненно, есть центральная провокация, но, конечно, этим провокатором не может быть Азеф, а что надо искать какое-нибудь другое лицо. Он спросил меня, не подозреваю ли я кого-нибудь, кроме Азефа, среди эсеров в провокации и почему я не допускаю возможности, что лицо, указанное в документе Доброскока, действительно провокатор.

Я ему ответил, что среди известных мне центральных деятелей эсеров я не вижу никого, кого бы я мог заподозрить в провокации, а указанию в документе Доброскока не придаю значения, потому что документ, несомненно, подложный и прислан, чтобы навести меня на ложный след.

При следующей нашей встрече Савинков снова стал просить, чтобы я его познакомил с этим документом. Я долго отказывал ему в этом, но в конце концов, взяв слово не разглашать упоминаемую фамилию, показал его. Савинков, к моему изумлению, познакомившись с документом, стал настойчиво просить у меня разрешения показать документ комиссии. В комиссии тоже продолжали о том же просить меня. После данного мне слова, что этим документом не воспользуются для обвинения упоминаемого лица, я его передал в комиссию. Со мной, по-видимому, согласились, что документ — подложный, но мы разошлись в его толковании. Я утверждал, что им хотят спасти Азефа от моего обвинения, а мне указывали, что тут кроется тончайшая политика охранников. Выгораживая Азефа, они этим самым хотят укрепить меня в моем его обвинении!

К Леоновичу отношение у эсеров вначале не переменилось. Он продолжал принимать участие в делах, был на съезде в Лондоне, но со временем у некоторых эсеров к нему я стал замечать какое-то осторожное отношение, но не более.

После разоблачения Азефа эсеры начали расследовать, не участвовал ли кто-нибудь из их товарищей вместе с Азефом в сношениях с департаментом полиции или, по крайней мере, не знал ли кто-нибудь об этом? Эти рассле-

дования начались едва ли не с Леоновича. Против него возбудили формальное расследование и вокруг его имени подняли шум. Вопреки нашему договору, эсеры воспользовались в деле Леоновича документом Доброскока. Когда по этому делу допрашивали меня, то я, разумеется, прежде всего выступил с решительным протестом против того, что в этом деле ссылались на заведомо подложный документ. Обвинения против Леоновича, как и следовало ожидать, были выдумкой Доброскока и сделаны были по указанию Герасимова.

Глава XX

Конференция эсеров в Лондоне.— Участие в ней Азефа.— Привлечение меня эсерами к суду.— Мои встречи с Лопухиным в Петербурге и за границей

В августе 1908 г. в Лондоне собралась тайная эсеровская конференция или съезд. Там должны были поднять вопросы о борьбе с провокацией, о политическом терроре и т. д.

Совершенно неожиданно из Лондона, со съезда, когда он еще не кончился, в Париж приехал бывший шлиссельбуржец М. Фроленко[109], живший у меня в «Былом», и по секрету сообщил мне, что на съезде находится глава Боевой Организации — Азеф.

Фроленко не подозревал, какое ошеломляющее известие он принес мне. Я сейчас же отправился на почту и послал в Лондон письмо-экспресс одному из участников съезда — А. Теплову. Я ему писал, что я самым категорическим образом обвиняю члена съезда Азефа в том, что он провокатор. Я добавил в письме, что по поводу Азефа идет партийное расследование и хотя, по просьбе эсеров, постановлено мое обвинение держать в тайне, но тем не менее я считаю своим долгом об этом сообщить ему, раз эсеры сочли возможным на партийный конспиративный съезд пригласить Азефа, пока дело его не кончено, и не предупредили съезд об имеющихся против него тяжких обвинениях.

Оказалось, что Теплов, как и большинство других участников съезда, даже не слышал, что Азеф обвиняется в провокации. Для него Азеф был революционер, стоящий выше всяких подозрений, видный член партии эсеров, глава Боевой Организации. С моим письмом он отправился к организаторам съезда и потребовал объяснений. Эсеры прежде всего обрушились на меня, и мои обвинения Азефа называли

безумством и клеветой, не требующей даже опровержения. Они убедили Теплова не поднимать на съезде этот вопрос и сообщили ему, что они немедленно привлекают меня к суду за клевету.

Для широкой публики и после эсеровского съезда мое обвинение Азефа в провокации продолжало оставаться тайной. Многие только знали, что я обвиняю в провокации какого-то видного члена партии эсеров, и думали, что я обвиняю Чернова.

На одном из многочисленных колониальных собраний в Париже, где Чернов давал отчет о лондонском конгрессе, он с негодованием говорил о распространяемой клевете против наиболее видного члена их партии и о том, что до последнего времени она была неуловима, но теперь удалось поймать «ужа за хвост» и клеветник скоро будет разоблачен и пригвожден к позорному столбу. Не все знали, кого обвиняют в провокации, но все знали, что в клевете Чернов обвиняет меня. Своими нападками на меня Чернов сорвал тогда у своей аудитории много бурных аплодисментов.

Когда в Лондоне заканчивалась эсеровская конференция, для моего расследования об Азефе произошло очень важное событие.

Еще в самом начале моей борьбы с провокацией я в Петербурге в 1906—1907 гг. несколько раз виделся с А. А. Лопухиным, бывшим директором департамента полиции. Он бывал у нас в редакции «Былого». Я и тогда не раз старался свести разговор с ним на борьбу с провокацией, но я никогда не ставил ему этих вопросов прямо. Лопухин, охотно разговаривавший со мной на разные темы, видимо, уклонялся от рассказов о провокаторах.

В самом начале 1908 г., когда я скрывался в Финляндии, я послал в Петербург к Лопухину Софию Викторовну Савинкову сказать ему, что я на днях вынужден уехать за границу и хотел бы с ним переговорить. Лопухин приехал ко мне в Терioки в гостиницу, где я под чужим именем занял комнату специально для свидания с ним. Но он очень торопился и мог остаться у меня всего несколько минут, только от поезда до поезда: у него была, кажется, больна жена и ему надо было поскорее вернуться в Петербург. На этот раз я ему поставил вопрос о провокаторах прямее, чем это делал раньше. Но он уклонился от определенных ответов и только сообщил мне, что в департаменте полиции обо мне сведения получались через Бейтнера [110]. Я сказал ему, что это мне давно известно. Лопухин пообещал подробнее о провокации поговорить со мной на свобо-

де, за границей, где он должен был скоро быть, и ушел. Я в такой обстановке не смог ему тогда же прямо поставить мучивший меня вопрос об Азефе, а Лопухин сам ничего о нем сказать, очевидно, не хотел. Я просил его дать о себе знать, когда он будет за границей.

Лопухин за границу приехал только летом 1908 г. и поселился в немецком курорте близ Кельна. Посланное им письмо пришло ко мне чуть ли не через месяц, благодаря тому что парижская улица Люиен, где я жил,— новая и была плохо известна на почте. В начале сентября 1908 г. неожиданно для себя через одного нашего общего знакомого Б. я узнал, что Лопухин через два дня едет в Петербург через Кельн. К этому дню утром я приехал в Кельн и стал осматривать поезда, приходившие с курорта, где жил Лопухин. С одним из таких поездов Лопухин действительно приехал и сейчас же пересел в поезд, который шел в Берлин. Я сел в тот же поезд, но подошел к Лопухину только тогда, когда поезд тронулся.

Я был вполне убежден, что Лопухин в это время не имел ничего общего с правительством, и, следовательно, я мог с ним говорить, как обыкновенно говорят со всеми независимыми людьми, на самые щекотливые политические темы, не опасаясь того, что частная беседа станет достоянием кого не следует.

Лопухин прекрасно понимал, зачем я его хотел видеть и о чем я хотел его расспросить. Этого он не мог не понять еще из разговора со мной в Териоках. Он легко мог уклониться от встречи со мной за границей, однако он этого не сделал, и я надеялся, что в частной беседе он даст нужные мне указания насчет Азефа.

Но я, конечно, понимал, что Лопухину нелегко было делать разоблачения об Азефе. Если бы было легко, то он и без меня сам давно бы это сделал. Еще в 1906 г., если не ошибаюсь, Иосиф Гессен [111] спросил его, каким образом департамент полиции узнал о присутствии Милюкова [112] на тайном съезде русских политических организаций в Париже в 1904 г. [113] Вместо того чтобы сказать, что на этом съезде Милюков заседал вместе с Азефом и об этом Азеф прислал в департамент полиции собственноручный подробный доклад, Лопухин стал довольно сложно объяснять полученные сведения перехваченными письмами, слежкой и т. д. Потому ли не разоблачал тогда Лопухин Азефа открыто (или хотя бы частным образом), что это неудобно было ему по его положению, чтоб его не обвинили в разглашении государственных тайн, или из обычной осторожности —

это трудно сказать. Но, очевидно, тоже по одной из этих причин он в Терноках не выговорил мне слова «Азеф» или не сделал тогда возможным мне самому выговорить это слово. Поэтому же в нашем разговоре между Кельном и Берлином на мой вопрос, где Ландезен, Лопухин неопределенно сказал, что он где-то живет в Германии.

Если бы я тогда узнал от него, что Ландезен и Гартинг — одно и то же лицо, то, вернувшись в Париж, я немедленно, еще в 1908 г., арестовал бы Ландезена и тогда же, а не в 1909 г., начал бы против него дело. Поэтому же Лопухин мне тогда не сказал ничего о Жученко [114], и я о ней узнал чуть не через год после свидания с Лопухиным. А между тем у Лопухина в то время были совершенно точные сведения о многих провокаторах, которых я разыскивал с таким трудом, в том числе он хорошо знал и о Жученко.

Если бы из Берлина я приехал в Париж с лопухинскими указаниями, что Гартинг — Ландезен, и тогда же разоблачил бы его, то все, даже эсеры, сразу поверили бы тому, что сказал мне Лопухин об Азефе. Тогда Лопухину не нужно было бы видеться с эсерами в Лондоне, моя беседа с ним осталась бы между нами и ему самому не пришлось бы побывать в Сибири. Многое было бы иначе!

Полагая, что и в данном случае Лопухин сам не пойдет ко мне навстречу в разоблачении Азефа, я, прежде чем спросить его об Азефе прямо, постепенно и обстоятельно знакомил его со всей обстановкой, в которой разыгралось тогда азефское дело.

Начиная свой рассказ, я не сомневался, что Лопухин о роли Азефа среди эсеров знал очень мало, и я ему мог сообщить об этом много нового и важного, что могло бы его побудить легче подтвердить мое обвинение Азефа.

Кроме того, своим подробным рассказом об Азефе я хотел показать Лопухину, что он мне не делает ровно никаких разоблачений. Это, казалось мне, тоже могло ему помочь легче решиться подтвердить мои сведения об Азефе. Если бы ему когда-нибудь пришлось отвечать за разговор со мной, то он с полным основанием мог бы сказать, что он никаких разоблачений не делал, что я и без него все знал и что он не мог отрицать того, что я ему говорил в частном разговоре.

Глава XXI

Мой разговор с Лопухиным «между Кельном и Берлином»

Свой разговор с Лопухиным об Азефе я старался так построить, чтобы независимо от того, как бы он ни отнесся к моим вопросам, я все-таки получил бы тот ответ, который мне был нужен.

Я познакомил его с характеристикой личности всех тех эмигрантов, которые играли главную роль в азефской истории, и привел имена, на которые мне в продолжение нашего дальнейшего разговора пришлось ссылаться.

Мы вели, по всей видимости, обыкновенный литературно-политический разговор вроде тех, которые в Петербурге, например, ведутся ежедневно между литераторами, каким был я, и общественными деятелями, каким был Лопухин. Сколько подобных разговоров мне пришлось вести и раньше как с самим Лопухиным, так и со многими другими! Без сомнения, и самому Лопухину наша тогдашняя беседа вначале казалась обыденной, мало чем отличающейся от прежних бесед. Хотя он, конечно, не мог не видеть, к чему я клоню свой разговор, но сам он не шел ко мне навстречу.

Когда я почувствовал, что я уже достаточно познакомил его со всем тем материалом, которым мне придется оперировать в рассказе о самом Азефе, я сказал Лопухину, что страшные провалы, бывшие за последние годы в эсеровской партии, объясняются, по-моему, тем, что во главе ее Боевой Организации стоит агент-провокатор.

Лопухин как будто не обратил внимания на эти мои слова и ничего не ответил. Но я почувствовал, что он насторожился, ушел в себя, точно стал ждать каких-нибудь нескромных вопросов с моей стороны.

— Позвольте мне, Алексей Александрович,— обратился я к Лопухину,— рассказать вам все, что я знаю об этом агенте-провокаторе, о его деятельности как среди революционеров, так и среди охранников. Я приведу все доказательства его двойной роли. Я назову его охранные клички, его клички в революционной среде и его настоящую фамилию. Я о нем знаю все. Я долго и упорно работал над его разоблачением и могу с уверенностью сказать: я с ним уже покончил. Он окончательно разоблачен мною! Мне остается только сломить упорство его товарищей, но это дело короткого времени.

— Пожалуйста, Владимир Львович! Я вас слушаю,— ответил мне Лопухин.

Что мог сделать в данный момент Лопухнн? Ему оставалось, как выразился на суде его защитннк г. Пассовер, прервать со мной разговор и попроснть меня удалиться из его купе, нлн же воспользоваться правом, принадлежащим даже русскому человеку, слушать за граннцей то, что ему говорнт его собеседник.

Лопухнн выбрал второе — и это было его единственным преступлением. Все, что дальше было сделано Лопухнным, все неизбежно вытекало помимо его воли из того факта, что я, уже разоблачив Азефа, стал ему говорнть о ролн этого предателя, а он слушал меня.

Он мог даже не пронзнестн нменн Азефа — я все равно из его молчания понял бы, что он знает Азефа как агента полиции, а когда я вернулся бы в Парнж, я верно истолковал бы молчанне Лопухнна как свидетельство против Азефа.

Более того, еслн бы Лопухнн, поняв, что я свою, по-внднмому, простую вначале обывательскую беседу свожу к щекотлнвому вопросу об Азефе, захотел бы, под тем нлн иным предлогом, прервать разговор со мной, я бы не отпустил его ни в коем случае, не добившись вольного нлн невольного прнзнания насчет Азефа.

Я был убежден, что Лопухни знает правду об Азефе, и, увндев его в Кельне, я был уверен, что, прежде чем мы приедем в Берлнн, я для дальнейшей своей борьбы с Азефом буду нметь «новый факт» — заявление Лопухина.

И действнтельно, в конце концов Лопухнн выговорнл и не мог не выговорнть слово «Азеф».

Все, что было далее: мое сообщенне об этом разговоре с Лопухнным на суде в Парнже, посещение Лопухниа Азефом, встречн эсеров с Лопухнным в Петербурге и Лондоне, его письмо к Столыпину[115], а следовательно, его арест, суд, ссылка,— все это было неизбежным следствнем того, что между Кельном и Берлином Лопухин произнес слово «Азеф».

В своем разговоре с Лопухнным я, нн разу не называя ему Азефа по именн, в продолжеине четырех часов в мельчайших подробностях рассказывал ему о тех путях, которыми дошел до обвннения Азефа в провокации, и всех тех мучительных, сложиых перипетнях, которые мне пришлось переживать во время борьбы с этим провокатором. Я прнвел ему все доказательства монх обвннений, рассказал о своих спорах с защнтникамн Азефа, познакомил со своимн аргументами, точио н во всех деталях, с хронологическнми даными восстановил деятельность Азефа как охраинннка,

назвал его департаментские псевдонимы, указал квартиры, где он имел свидания.

Чем дольше я говорил, по тому, как он слушал, я видел, что он понял, о ком идет речь, и что ему эта фигура очень хорошо знакома. И его молчание было для меня равносильно признанию.

После каждого нового доказательства я обращался к Лопухину и говорил:

— Если позволите, я вам назову настоящую фамилию этого агента. Вы скажете только одно: да или нет?

На такой вопрос Лопухин всякий раз мне отвечал молчанием. Но я видел, что он вовсе не хочет избежать разговора со мной. Это ему тогда было бы сделать нетрудно.

Тогда, после небольшой паузы, я снова обращался к нему с вопросом:

— Позвольте мне рассказать вам еще одну подробность о деятельности этого агента.

— Пожалуйста, пожалуйста! — предупредительно отвечал он.

Интерес к рассказу у Лопухина, видимо, возрастал. Я видел, что он был потрясен совершенно неожиданным для него рассказом об Азефе как о главном организаторе убийства Плеве.

С крайним изумлением, как о чем-то совершенно недопустимом, он спросил меня:

— И вы уверены, что этот агент знал о приготовлении к убийству Плеве?

— Не только знал,— отвечал я,— но он был главным организатором этого убийства. Ничто в этом деле не было сделано без его ведома и согласия. Он три раза приезжал для этого дела в Петербург и осматривал позиции, занятые революционерами. Это он непосредственно руководил Сазоновым.

Тут я подчеркнул, что о всех этих обстоятельствах знаю со слов Савинкова, личность и роль которого были хорошо известны Лопухину. Начиная свой разговор с Лопухиным, я знал, что ссылка на Савинкова мне будет нужна, и поэтому я в начале нашей беседы много останавливался на личности Савинкова и на моих отношениях с ним.

Далее, я сообщил Лопухину об участии того же агента в деле убийства великого князя Сергея. Затем, оговорившись, что не имею права так же подробно, как об этих делах, рассказывать еще об одном деле, я, подчеркивая свои слова, сообщил ему, что еще совсем недавно, всего лишь несколько месяцев тому назад, агент, о котором я

говорил, лично организовал покушение на Николая II, которое если и не удалось, то только помимо его воли...

Лопухин был крайне взволнован. Тоном человека, который слышит невероятные вещи и должен верить им, он стал задавать мне вопросы. Я знал, что Лопухин, достаточно знакомый с моей личностью, не мог сомневаться ни в моих словах, ни в словах Савинкова и других товарищей, на которых я ссылался. Тем не менее он, видимо, с трудом усваивал то, о чем я говорил.

Встретившись со мной в Кельне, он, конечно, не подозревал, что под Берлином он услышит что-либо подобное по невероятности тому, что я ему рассказал. Ему, бывшему директору департамента полиции, я сообщил, что бывший его подчиненный, его агент, был в то же время главой Боевой Организации эсеров и фактически организатором убийства Плеве, Сергея и покушения на Николая II!

— Вы, будучи директором департамента полиции, не могли не знать этого провокатора: в департаменте полиции он был известен как Раскин, Виноградов, были у него и другие клички,— сказал я.— Как видите, я его теперь окончательно разоблачил, и я еще раз хочу попросить вас, Алексей Александрович, позвольте мне сказать вам, кто скрывается под псевдонимом Раскина?

— Никакого Раскина я не знаю, а инженера Евно Азефа я видел несколько раз! — сказал Лопухин.

Конечно, для меня менее, чем для кого-либо, эта фамилия была новостью. Больше года она буквально ежеминутно была у меня в голове. Но то, что я ее услышал из уст Лопухина, меня поразило как громовой удар.

После шестичасового разговора с Лопухиным, причем говорил, собственно, один я, я настолько устал, что не мог слушать со вниманием то, что дальше говорил Лопухин. Я мысленно уже перенесся в Париж, в ту среду, где велась ожесточенная борьба за и против Азефа, и там уже продолжал борьбу против предателя с новыми аргументами «от Лопухина».

Поезд между тем уже приближался к Берлину.

Я крепко пожал на прощанье руку Лопухину. Снова его я встретил только... через десять лет — в Петрограде!

Впечатления от разговора между Кельном и Берлином глубоко волновали меня. Но сам Лопухин не придавал, видимо, особенного значения тому, что он мне сказал. Да и какое особенное значение мог он придавать этому разговору?

Ну, мог ли он считать, что раскрывает какую-то правительственную тайну, что срывает маску с неведомого

революционерам провокатора, когда, прежде чем он произнес имя Азефа, он выслушал подробнейший рассказ о его деятельности, рассказ, к которому трудно было бы что-либо добавить. Мало того, он сам услышал много такого, чего не только не знал, но никогда и предположить не мог.

Мог ли он думать, что в Петербурге его будет ждать арест, а потом и ссылка его, бывшего директора департамента полиции?!

Приехав в Париж, я, конечно, решил никому не сообщать о своем свидании с Лопухиным, исключение сделал только для Савинкова. Прямо с вокзала я направился к нему и подробно рассказал о своем свидании с Лопухиным. Но я не только взял с него слово сохранить эту тайну, но предварительно убедился и в том, что он понял важность для меня этой тайны и действительно выполнит данное слово и никому ни при каких условиях не скажет о моем свидании с Лопухиным. Савинков понял, как это для меня важно, и сдержал данное слово.

Когда Савинков выслушал весь мой рассказ о свидании с Лопухиным, он сказал:

— Лопухин лжет! Он подослан к вам! Ему надо скомпрометировать вас и выслужиться! Азеф выше всех обвинений Лопухина!

Глава XXII

Мое заявление в ЦК эсеров об Азефе.— Суд по обвинению в оклеветании Азефа.— Письмо Азефа к Савинкову

Я видел, что в деле обвинения Азефа стою перед глухой стеной и что одними конспиративными переговорами с эсерами я не разрешу азефского вопроса. Я тогда решился скорее настоять на суде и пред беспристрастными и незагипнотизированными судьями обосновать свои обвинения против Азефа.

Эсеры медлили с назначением суда надо мной. Но я более ждать не хотел.

Я составил заявление, обращенное к партии эсеров, и в нем прямо обвинял Азефа как провокатора. Но прежде чем опубликовать это заявление, я его корректуру передал представителям эсеров, и заявил, что, если немедленно не будет назначен суд, я его опубликую.

Вот несколько отрывков из этого моего заявления.

«Уже более года, как в разговорах с некоторыми деятелями ПСР я указывал как на главную причину арестов,

происходивших во все время существования партии, на присутствие в Центральном Комитете инженера Азефа, которого я обвиняю в самом злостном провокаторстве, небывалом в летописях русского освободительного движения.

Более полугода уже, как существует комиссия, образованная Центральным Комитетом для расследования причин петербургских провалов конца того и начала этого года. В этой комиссии я все время категорически заявлял, что, по моему глубокому убеждению, причина всех бывших провалов — провокация, и при этом я все время указывал на Азефа как на провокатора.

Повторяю, последние петербургские события не позволяют мне более ограничиваться бесплодными попытками убедить вас и вашу комиссию в ужасающей роли Азефа, и я переношу этот вопрос в литературу и обращаюсь к суду общественного мнения».

«Я давно уже просил Центральный Комитет вызвать меня на третейский суд по делу Азефа. Сколько мне известно, решение вызвать меня на суд со стороны Центрального Комитета состоялось более месяца, но оно мне не объявлено до сих пор. Разумеется, на третейский суд я явлюсь по первому требованию, но события происходят в настоящее время в России ужасающие и кровавые, и я не могу ограничиться ожиданием разбора дела в третейском суде, который может затянуться надолго, и гласно, за своею подписью беру на себя страшную ответственность обвинения в провокаторстве одного из самых видных деятелей ПСР».

«Перед нами задача стоит не только в том, чтобы изобличить и обезвредить на будущее время Азефа, но и добиться полной ответственности Рачковских и Герасимовых за их чисто уголовные преступления».

На корректурном листке моего заявления, адресованного в «Центральный Комитет партии с.-р.», я рукой сделал следующие три примечания для эсеров:

«1) Прошу переслать это заявление в ЦК для того, чтобы после среднжировать его вместе;

2) ЦК может от себя добавить в этом же листке все, что ему угодно;

3) разумеется, это заявление не должно быть известно Азефу и тем, кто ему может о нем передать».

Эсеры, как было потом сказано в докладе судебно-следственной комиссии, не могли не понять, что опубликование этого заявления произвело бы потрясающее действие не только в партии, но и во всем русском обществе. Но эсеры

официальио ие хотели прииять мое последиее условие, и от имеии партии мне было сказаио:

«Азеф и партия — одио и то же. У иас от Азефа иет секретов, и потому мы вам возвращаем эту прокламацию. Действуйте, как хотите».

Но в то же самое время мие было заявлено, что ЦК иемедлеиио созывает суд, и я, ие опубликовывая заявлеиия, отложил его для передачи суду.

Судьями эсеры предложили выбрать Г. А. Лопатииа, В. Н. Фигиер [116] и П. А. Кропоткина. Когда они сообщили мие этот список, я сейчас же, без возражеиий согласился иа иего. Но суд должеи был состояться собствеино не иад Азефом по обвииеиию в том, что ои провокатор, а надо миою за то, что я клевещу иа Азефа и иазываю его провокатором.

По словам одиого из судей, задачи суда были таковы:

«...Предположеио было заияться тем, чтобы выясиить, клеветиик Бурцев или иет? И мало того, ие только клеветиик, ио и человек, который легкомыслеииым образом распростраияет клеветиически-злостиые слухн относительио одного из самых выдающихся деятелей партии, одиого из столпов ее. И вся наша задача состояла в том, чтобы определить, действительио ли это было так или иет».

Сам Азеф зараиее отказался явиться на суд. Но он все время прекрасио зиал, в каком положеиии иаходнтся дело, и со сторонb старался руководить теми, кто на суде были его защитииками, и он нм подсказывал аргумеиты для своей защиты.

Накаиуие суда Азеф прислал целое послаиие к Савиикову. После суда я иапечатал это письмо целиком в № 9—10 «Былого». Вот из иего иесколько отрывков.

«Но если бы еще и можио было бы похерить суд иад Бурцевым, то я скорее был бы против этого, чем за, ио, коиечио, ие имел бы иичего, если бы вы там так решили это дело. Некоторые иеудобства суда имеются. Я многое, указаииое в твоем письме, разделяю, но не все. Мие кажется, дорогой мой, ты слишком преувеличиваешь то впечатлеиие, которое может получиться от того, что выложит Бурцев»...

«Х. пишет, что Бурцев припас какой-то ультрасеисациоииый «материал», который пока держит в тайие, рассчитывая поразить суд, ио то, что я зиаю, действнтельно ие выдерживает иикакой критики, и всякий иормальиый ум должеи крикиуть: «Купайся сам в грязи, ио не пачкай других!» Я думаю, что все, что ои держит в тайне, не лучшего

достоинства. Кроме лжи и подделки, ничего быть не может. Потому, мне кажется, суд, может быть, и сумеет положить конец этой грязной клевете. По крайней мере, если Бурцев и будет кричать, то он останется единственным маниаком. Я надеюсь, что авторитет известных лиц будет для остальных известным образом удерживающим моментом. Если суда не будет, разговоры не уменьшатся, а увеличатся, а почва для них имеется — ведь биографии моей многие не знают».

«Конечно, мы унизились, идя на суд с Бурцевым. Это недостойно нас как организации. Но все приняло такие размеры, что приходится и унизиться. Мне кажется, что молчать нельзя,— ты забываешь размеры огласки. Но если вы там найдете возможным наплевать, то готов плюнуть и я вместе с вами, если это уже не поздно. Я уверен, что товарищи пойдут до конца в защите чести товарища, а потому я готов отступиться от своего мнения и отказаться от суда».

«Мне хотелось только не присутствовать во время этой процедуры. Я чувствую, что это меня совсем разобьет. Старайся, насколько возможно, меня избавить от этого».

Глава XXIII

Суд.— Обвинение Чернова и мой ответ.— Рассказ о свидании с Лопухиным.— Обвинения Азефа по указаниям охранников.— Отношение непартийной публики к Азефу

Первое заседание суда состоялось на квартире Рубановича. Обвинителями против меня выступили Чернов, Натансон и Савинков.

От имени своих товарищей Чернов прежде всего поставил мне вопрос, даю ли я слово в случае, если суд признает меня виновным, прекратить кампанию против Азефа?

На его вопрос я ответил, что если даже суд признает, что мои обвинения Азефа неосновательны, а я буду всетаки убежден, что Азеф — провокатор, то я и тогда не прекращу своей борьбы с ним. Чернов и Натансон — они все время действовали солидарно, когда приходилось выступать против меня,— резко запротестовали против этих моих слов и говорили, что я срываю суд, что при этих условиях суд не имеет смысла и т. д.

После горячих споров я сделал такого рода заявление, удовлетворившее моих обвинителей: если суд признает мои обвинения недоказанными, а я останусь при своем убеж-

дении, что Азеф — провокатор, то я при каждом моем выступлеиии против иего буду обязан упомииать, что суд высказался против меня, и в то же самое время я предоставляю эсерам право на мою дальиейшую агитацию против Азефа реагировать против меия всеми способами — вплоть до убийства меня.

Приступили к разбору дела.

Первым говорил Чериов. Ои говорил в продолжеиие почти четырех часов.

Прежде всего ои изложил биографию Азефа. Ои говорил о ием как об одиом нз создателей партии эсеров и главиом ее деятеле, и как об оргаиизаторе целого ряда политических убийств — Плеве, великого киязя Сергея, и как участника покушеиия на царя. Затем рассказал, сколько было попыток со стороиы департамеита полиции бросить тень на Азефа, и по пунктам опровергал серьезность всех моих обвинеиий.

Кончая свою обвинительную речь, Чернов от имени партии обратился к суду с просьбой категорически обвииить меия в клевете.

После Чериова говорил я.

Я подробио рассказал о моей борьбе с провокацией, об источииках моих сведеиий, о Бакае, о свидаиии его с Ратаевым, об его переписке с Доброскоком, о встрече с Доицовым, о моем свидании с Д. в Швейцарии и т. д. Затем стал критиковать доводы Чериова.

Кончив это, я сказал суду, что у меня есть еще кое-что по делу Азефа, ио что это я могу сообщить только в том случае, если представители эсеров не воспользуются иикогда моим рассказом ииаче, как с согласия суда. Суду же я предоставлял право делать из моего сообщеиия все, что ему угодио, ио только я просил предварительио сообщить мие о том, что он считает иужиым с иим сделать.

Это мое условие было прииято, и суд таким образом взял иа себя ответствеиность за то, что тайиа эсерами будет сохраиеиа.

Тогда я стал подробно рассказывать о моей встрече с Лопухииым. Я никогда в моей жизни не говорил перед такими виимательными слушателями, как в этот раз. Я видел, что мои слушатели были поражеиы рассказом и ждали всего что угодио, ио только ие этого. Меня не прерывали. Я чувствовал, как глубоко все взволнованы и как все боятся своим волиеиием нарушить тишииу.

Когда я повторил слова Лопухина «иикакого Раскина я ие знаю, а инжеиера Евио Азефа я видел иесколько

раз!» — все враз заговорилн и встaлн со своих мест.

Взволиованный Лопатии со слезами иа глазах подошел ко мие, положил руки мие иа плечи и сказал:

— Львовнч! Дайте честиое слово революционера, что вы слышали эти слова от Лопухниа...

Я хотел ему ответить, но он отвериулся от меня, как-то безиадежио махнул рукой и сказал:

— Да что тут говорить!.. Дело ясио!

Я возобновил свой рассказ. В одиом месте Савииков прервал меня и сказал:

— Владимир Львович, ведь вам Лопухии говорил еще вот что...

Тут, как ужалеииые, вскочили Чериов и Натаисон. Оин буквальио набросились иа Савинкова:

— Как, вы зиали о свидаиии с Лопухииым и ие сказали иам?!

Савииков им объясиил, что я ему все рассказал в деиь моего прнезда в Парнж после свидаиия с Лопухиным, ио что я взял с иего честиое слово молчать, и ои поэтому ие мог иарушить свое слово.

Я продолжал свой рассказ.

Но всем казалось, что, очевидио, иичего нового я им уже больше не скажу. Ннкто н не мог и не хотел соблюдать ту тишииу, которая перед тем только что тут стояла.

Всем хотелось скорее разойтись. Все чувствовалн себя утомлеииыми от всего, что оии слышали. Я посмотрел на старнка Кропоткниа. Он, как судья, ин одинм жестом, ни одинм словом ие выказал мне сочувствня, ио я чувствовал, что ои весь иа моей стороие.

Среди моих обвинителей было сильиое смущеиие. Както неестествеиио вышло восклицаиие у Натаисоиа:

— Ваш рассказ подсказал Лопухииу нмя Азефа! Лопухин — бывший директор департамеита полнцин. Ои воспользовался вашим рассказом и подтвердил старую клевету иа Азефа...

Суд заседал почти весь октябрь месяц. Заседання происходилн почти ежедиевио и ниогда даже ие одни раз в деиь.

Судьи допрашивали и меия, и другнх свидетелей по всем самым иитнмиым вопросам. Никто ие отказывался отвечать ии иа какие вопросы. Все чувствовали, что решается ие личиый мой вопрос и даже не вопрос об Азефе, а что-то гораздо более важиое.

Эсеры в самых радужных красках продолжали рисовать роль Азефа как революциоиера и ии на одиу мииуту ие допускали мысли, что я прав.

Кроме Чернова, о деятельности Азефа как террориста много говорил Савинков. То, что на суде он говорил об Азефе, он сформулировал сейчас же после суда, когда маска с предателя была сорвана, но именно таким языком он о нем говорил и на суде.

Вот несколько отрывков из заявления Савинкова.

«Азеф состоит членом партии с самого ее основания; он знал о покушении на харьковского губернатора князя Оболенского (1902 г.) и принимал участие в приготовлениях к убийству уфимского губернатора Богдановича (1903 г.). Он руководил с осени 1903 г. Боевой Организацией и в разной степени участвовал в последующих террористических актах: в убийстве министра внутренних дел Плеве, в убийстве великого князя Сергея Александровича, в покушении на великого князя Владимира Александровича, в покушении на петербургского генерал-губернатора генерала Трепова, в покушении на киевского генерал-губернатора Клейгельса, в покушении на нижегородского губернатора генерала барона Унтерберга, в покушении на московского генерал-губернатора адмирала Дубасова, в покушении на министра внутренних дел Дурново, в покушении на офицеров Семеновского полка генерала Мина и полковника Римана, в покушении на заведующего политическим розыском Рачковского, в убийстве Георгия Гапона, в покушении на командира Черноморского флота адмирала Чухнина, в покушении на премьер-министра Столыпина и в трех покушениях на царя. Кроме того, он заранее знал об убийстве Татарова, об убийстве генерала Сахарова в Саратове, об убийстве петербургского градоначальника генерала фон дер Лауница, об убийстве главного военного прокурора генерала Павлова, о покушении на великого князя Николая Николаевича, о покушении на московского генерал-губернатора Гершельмана и т. д.

Он был членом Центрального Комитета и принимал участие во многих крупных революционных предприятиях и в обсуждении всех без исключения планов, в том числе планов московского, свеаборгского и кронштадтского восстаний.

Ввиду таких фактов биографии Азефа Центральный Комитет считал себя вправе не придавать существенного значения указанным слухам (между прочим, моим обвинениям) и цитированным письмам (указавшим на Азефа как на провокатора): он склонен был усматривать в них интригу полиции. Полиции было выгодно, конечно, набросить тень на одного из вождей революции и тем лишить его возмож-

ности продолжать свою деятельность. Такого мнения держалось большинство товарищей. Меньшинство товарищей, не веря, однако, в полицейскую интригу, тем не менее далеки были от заподозривания Азефа в провокации. К последним принадлежал и я.

Я был связан с Азефом дружбой. Долговременная совместная террористическая работа сблизила нас.

Я знал Азефа за человека большой воли, сильного практического ума и крупного организаторского таланта.

Я видел его на работе. Я видел его неуклонную последовательность в революционном действии, его спокойное мужество террориста, наконец, его глубокую нежность к семье. В моих глазах он был даровитым и опытным революционером и твердым, решительным человеком.

Это мнение в общих чертах разделялось всеми товарищами, работавшими с ним...

Быть может, не все одинаково любили его, но все относились к нему с одинаковым уважением. Было невероятно, что все товарищи могли ошибаться!..»

С особым подчеркиванием сообщили эсеры на суде об участии Азефа в покушении на цареубийство в 1908 г. Вместе с Савинковым, Карповичем и другими Азеф организовывал покушение на царя на пароходе «Рюрик». Если бы Азеф и хотел потом предотвратить это покушение, он уже не мог бы это сделать, говорили эсеры.

На суде было констатировано, что и раньше не раз Азефа обвиняли в провокации, но на это эсеры не обращали должного внимания.

Так, еще в 1903 г. в Петербурге молодой революционер Крестьянинов от одного знакомого рабочего, оказавшегося потом сыщиком, получил определенное указание, что Азеф — провокатор. С помощью Рубакиной он поднял вопрос об Азефе. Эсеры и члены редакции «Русского богатства», между прочим, Пешехонов [117], разбирали дело и пришли к заключению, что обвинения Азефа ни на чем не основаны и являются только происками охранки. Азеф плакал, оскорбленный гнусным обвинением в провокации. Его утешали, и обвинителей заставили отказаться от их обвинения.

В 1905 г. Меньщиков [118] через эсера инженера Ростковского передал эсерам анонимную записку о том, что в их партии есть два шпиона: Азеф и Татаров [119]. Татарова эсеры изобличили и убили, но решили, что (на этом особенно настаивал Чернов на моем суде) департамент полиции сознательно выдал эсерам Татарова, чрезвычайно важного

провокатора, только для того, чтобы «бросить тень» на Азефа.

В 1905 г. такие же прямые указания на Азефа как на провокатора были получены от одного охранника в Саратове, в связи с приездом туда Брешковской [120] и в 1906 г.— в Одессе через Тютчева [121]. До эсеров тогда же дошли слухи и о том, что однажды, это было уже в 1906 г., Азеф был охранниками арестован, но после каких-то переговоров выпущен.

Все эти факты в свое время были известны эсерам лучше, чем нам, но они от них отмахивались и не обращали на них никакого внимания.

О них Чернов на суде много говорил и видел в них лишь попытки департамента полиции скомпрометировать Азефа. Он изумлялся, как для нас не ясны эти тонкие интриги охраников.

На суде я приводил несколько примеров того, как на многих, лично не знавших Азефа, он часто оставлял впечатление преступника и шпиона.

Назначаются свидания в Петербурге с представителями эсеров, приехавшими из-за границы. Встречаются там с незнакомым Азефом и сразу наотрез отказываются с ним говорить. В тревоге идут к тем, кто дал адрес для свидания, и говорят: вы к кому нас послали? Ведь это — несомненный шпион!

«Когда Азеф,— говорит в своей книге Циллиакус [122],— явился по поручению эсеров в Финляндию, где он устроил грандиознейшую провокацию, то он произвел отвратительное, отталкивающее впечатление: круглый, шарообразный череп, выдающиеся скулы, плоский нос, невообразимо грубые губы, которых не могли прикрыть скудно взращенные усы, мясистые щеки, все расширяющееся от нижней части лба лицо, вообще чисто калмыцкий тип — все это не располагало в пользу таинственного незнакомца Ивана Николаевича.

Лица, снабжавшие Азефа рекомендательным письмом, очевидно, имели в виду возможность неблагоприятного личного впечатления. По крайней мере, в письме писалось: «Не цени собаку по ее шерсти», и тут же Азеф рекомендовался как «выдающийся член партии»

На суде Чернов и сам не отрицал, что Азеф производил на незнакомых с ним лиц иногда тяжелое впечатление. Но, говорил он, «надо только хорошенько всмотреться в его открытое лицо, и в его чистых, чисто детских глазах нельзя не увидеть бесконечную доброту», а хорошо узнавши его,

как его зиал сам Чериов, «нельзя было не полюбить этого действительно доброго человека и иежного семьянина». Когда Чериов говорил нам все это, ои как-то особеиио самоувереино рисовался свонм тоикнм поннманием психологни.

На суде указывали на темиые стороны жизии Азефа, ио его защнтиики нлн отрицали эти факты, нлн придавали им особое значение и объясиялн, что все это Азеф делал из-за коиспирации.

Впоследствии выясиилось, что в жизни Азефа не только всегда было миого темного, что должио было его компрометнровать и как революционера, и как человека, ио что это темиое виделн н его товарнщи эсеры. Но гнпиоз партийиости, иа который всегда былн способиы Черновы и Натаисоны, заставлял нх на все это закрывать глаза, и оии рисовали Азефа, каким ои нужеи был для их партийиых целей.

Глава XXIV

Допрос Бакая об его побеге из Сибири.— Заключительиая речь Савиикова иа суде и мой ответ ему

На суд для допроса прнглашали Бакая и иекоторых другнх свидетелей. Судьн по собствениой ннициатнве, а еще чаще по просьбе эсеров входили в мельчайшне подробиостн моей борьбы с провокацней. Старалнсь в этой областн ие оставить ннчего иевыясненным. Защищая Азефа, эсеры хотелн разоблачнть ннтригн департамента полиции, направленные на то, чтобы скомпрометировать Азефа.

Оин особеиио подробно расспрашивали меия о моем отношеиии к Бакаю, об его побеге из Снбнрн, устроенном мной, средствах, которые я тратнл иа Бакая, и т. д.

На суде, как н до суда, как только началось дело Азефа, я чувствовал к себе особенно злобиое отношеине со стороиы Чернова и Натансона. Натаисон н тут оставался тем же Натаисоном, с какнм мие прншлось столкнуться еще в Сибнрн в 1888 г. В отношении к себе в деле Азефа я не могу ни в чем упрекиуть только самого горячего защнтинка Азефа — Савникова.

Чернов н Натаисои не скрывали желаиня утопить меня, спасая Азефа. Я был в положеиии обвиняемого, и мие приходилось мнрнться с этим иеквизициоиным отношеинем ко мне и отвечать на все вопросы, даже когда оии делалнсь с злобными чувствамн н даже когда этнх чувств не скрывали.

С какой жестокостью отнеслись к Бакаю эсеры, когда оин его допрашнвали! Я не был бы изумлен, если бы Бакай

на одном из допросов счел возможным не продолжать давать показания, а ушел бы с заседания суда, куда он приходил добровольно по моей просьбе.

Подошли к вопросу о том, как он бежал из Сибири. Для эсеров было несомненно, что побег Бакая был подстроен департаментом полиции для того, чтобы он через меня мог скомпрометировать Азефа. Об этом они говорили прямо.

Натансон и Чернов спросили Бакая, кто ему устраивал побег?

Бакай ответил, что я еще в Петербурге предупредил его, что пришлю в Сибирь кого-нибудь его освобождать и что действительно я прислал к нему доверенное лицо.

— Кто к вам приезжал?

Бакай ответил:

— Владимир Львович здесь. Если он разрешит мне назвать это лицо, я назову.

Эсеры, а потом и судьи стали настаивать на том, чтобы я разрешил Бакаю назвать это лицо.

У Чернова и Натансона я увидел злобные огоньки в глазах и какую-то надежду, что вот-вот для защиты Азефа они узнают что-то нужное для них. Меня взорвало такое отношение ко мне, и я с трудом скрыл это чувство, но решил поставить их в такое положение, чтобы они вполне выявили свое злобное отношение ко мне.

Я категорически заявил, что посылал вполне своего человека, и полагаю, что называть его не имеет никакого смысла, что его имя ровно ничего не может нам выяснить, так как все решения принимал я, а это лицо было только посредником.

Мой настойчивый тон и нежелание сообщить имя посланного мною лица в высшей степени заинтересовали и Чернова, и Натансона. Им казалось, что вот тут-то и зарыта собака. И чем больше я упорствовал в нежелании назвать это лицо, тем больше они на этом настаивали.

Наконец они стали говорить со мной языком ультиматума и заявили, что для них очень важно знать, кто был посланный. Они напомнили, что в начале нашего суда мы решили ничего не скрывать и что я сам до сих пор отвечал на все вопросы, касающиеся даже лично меня.

Мой спор с Натансоном и Черновым продолжался долго, и со стороны, конечно, нельзя было не видеть, что хотя обе стороны и стараются выражать свои чувства в спокойной форме, но сильно волнуются и между ними происходит настоящая дуэль.

Чернов и Натансон обратились к судьям с просьбой во что бы то ни стало потребовать от меня, чтобы я назвал это лицо.

...Судьи единогласно обратились ко мне с заявлением, что они просят меня назвать это имя и что они не могут в этом отказать эсерам.

Тогда я сказал судьям:

— Если и вы считаете нужным настаивать, я назову это имя, но очень вас прошу: не настаивайте! Поймите, что это имя не нужно для дела. Оно вам ничего не объяснит.

И судьи, а еще больше Чернов и Натансон стали еще с большей силой настаивать. Наконец судьи и мои обвинители единогласно заявили мне, что я должен назвать это имя.

— Хорошо! — ответил я.— Я разрешаю Бакаю назвать имя лица, которое я посылал к нему. Он знает это имя и вы все знаете. Но позвольте мне еще раз просить вас не настаивать. Это бесполезное осложнение дела.

Я понимал, конечно, что после этих моих слов эсеры особенно будут продолжать настаивать на своем. Во мне начинала клокотать злоба против этих действительно злых людей — Чернова и Натансона, даже не скрывавших своей злобы, и я нарочно еще некоторое время, что называется, ломался. Но в конце концов, обращаясь к тут же сидевшему и слушавшему всю эту нашу перепалку Бакаю, я сказал ему:

— Ну, что ж! Суд настаивает, чтобы было названо имя лица, которое я к вам посылал. Вы знаете его. Я вам разрешаю назвать его.

Воцарилась тишина. Я посмотрел на Чернова и Натансона. Они ждали, что вот-вот на их улице будет праздник. Я видел, с какой тревогой ждали этого имени Лопатин и Кропоткин.

Все впились глазами в Бакая.

Он некоторое время молчал. Потом сказал:

— Ко мне в Тюмень освобождать меня Владимир Львович присылал Софью Викторовну Савинкову.

Тут я увидел воочию что-то вроде заключительной немой сцены из «Ревизора».

Едва сдерживая свою торжествующую злобу, я совершенно спокойно сказал, обращаясь главным образом к эсерам:

— Да, я подтверждаю, что я посылал в Тюмень к Бакаю Софью Викторовну Савинкову, которую вы все знаете. Я надеюсь, что говорить о ней как об агенте департамента

полиции, посланном освобождать Бакая, никто из вас не будет.

Общее молчание. Не забуду я выражения Лопатина. Он тоже едва был в силах скрыть свою радость и свое волнение.

Как председатель, он спокойно ответил мне:

— Ну, разумеется, о Соне — ее все присутствовавшие хорошо знали лично — никакого сомнения ни у кого быть не может!

Чернов и Натансон сидели более чем разочарованные.

Мы перешли к другим делам.

Года через два я был в Неаполе и написал Лопатину на Капри.

Лопатин от имени Горького телеграммой пригласил меня приехать на Капри. Один вечер мы провели все вместе у Горького за общим разговором. Более всех рассказывал Лопатин. Рассказывал по обыкновению красочно и увлекательно. Слушателей особенно занял его рассказ именно о том, как эсеры хотели меня на суде поймать по поводу устройства побега Бакаю.

По поводу этого эпизода на суде Лопатин однажды мне сказал:

— Когда Чернов и Натансон стали настаивать, чтобы было произнесено имя лица, посланного освобождать Бакая, мне показалось, что у них есть какие-то особые сведения на этот счет и они рассчитывают вас утопить. Я никак не мог понять, почему вы так долго упорствовали и все желали оттянуть упоминание этого имени. Но потом, когда Бакай сказал слово «Савинкова», я понял, как вы съехидничали, когда вас разозлили!

Во время допроса Бакай приводил разные соображения, почему Азеф, по его мнению, должен быть провокатором. Для этого он сообщал разные факты, цитировал слова охранников, рассказывал о технике сыскного дела и т. д. Но он видел, что и судьи, и обвинители, все, кроме меня, не только не верили ему и не были с ним согласны, а простотаки не понимали его. Он всячески старался помочь им понять то, о чем он рассказывал, и вот однажды сказал им:

— Нет, вы этого не понимаете! Вот Владимир Львович, он рассуждает как настоящий охранник!

Мы все переглянулись, каждый готов был прыснуть со смеху. Если бы хоть один из нас не сдержался, то, несомненно, несмотря на весь трагизм наших разговоров, разразился бы неудержимый общий смех.

Признаюсь, для меня это было одной из больших на-

град после долгого и мучительного изучения провокации.

В самом деле, речь шла о вопросах, касающихся деятельности охранных отделений. Люди брались решать вопросы величайшей общественной и партийной важности, вопросы совести и чести, жизни и смерти людей и общественной безопасности — и в этом деле они обнаружили самое грубейшее непонимание того, о чем говорили,— и они не только не понимали, но говорили с необычайной самоуверенностью и боролись, часто самыми отвратительными приемами, с теми, кто им возражал.

Доказав свое полное непонимание в одном случае, они сейчас же в другом повторяли то же самое с той же самоуверенностью.

Чернов и Натансон на суде настаивали, что охранники подослали ко мне Бакая и Лопухина, ведут вокруг меня сложнейшую интригу, Ратаев в Париже, Доброскок в Петербурге, Донцов в Берлине и т. д. одновременно участвуют в огромнейшем заговоре против Азефа.

Но эти мои обвинители не могли не признать, что в уже сделанных до того времени мною разоблачениях было много ценного и что мной благодаря Бакаям вырваны были из рядов революционеров десятки очень важных провокаторов.

Тем не менее тоном, не допускающим никаких возражений, они говорили, что департамент полиции дал мне возможность разоблачить десятки провокаторов только для того, чтобы через Бакая я бросил тень на Азефа!

Я доказывал эсерам, что ни Бакай, ни Лопухин не подосланы ко мне, что в Петербурге, Саратове, Одессе не могли одинаково по общему плану заниматься компрометированием Азефа, что Ратаевы, Доброскоки, Донцовы не способны на такую сложную игру, какую им эсеры приписывают, что департамент полиции не может делать таких глупостей, как выдавать своих агентов и давать их убивать лишь для того, чтобы сделать какую-нибудь попытку скомпрометировать Азефа.

Указывал я им и на то, что если департамент полиции действительно придает такое значение Азефу, то он, конечно, мог бы просто его арестовать, потому что Азеф часто бывал нелегально в Петербурге, посещал театры, бывал на вокзалах, виделся с революционерами и т. д. Я приводил случай, как в 1906 г. я сам встретил в Петербурге Азефа в том виде, в каком его все и всегда могли видеть, и как легко я узнал его издали на улице.

Конечно, для того, чтобы рассуждать так, как я, не надо

было быть «настоящим охраииикам», а только иадо было ие рассуждать как люди, желавшие во что бы то ии стало все подгоиять под предвзятые партийиые задачи.

...На последием заседаиии суда — в коице октября 1908 г. — сильиую и красивую речь против меия сказал Савииков.

— Я обращаюсь к вам, Владимир Львович, как к историку русского освободительиого движеиия и прошу вас после всего, что вам мы рассказали здесь о деятельиости Азефа, сказать иам совершеиио откровеиио, есть ли в истории русского освободительиого движеиия, где были Гершуии, Желябовы [123], Сазоиовы, и в освободительиом движеиии других страи более блестящее имя, чем имя Азефа?

— Нет! — отвечал я. — Я ие зиаю в русском революциоиием движеиии ии одиого более блестящего имеии, как Азефа. Его имя и его деятельиость более блестящи, чем имеиа и деятельиость Желябова, Сазоиова, Гершуии, ио только... под одиим условием, если ои — честиый революциоиер. Но я убеждеи, что ои — провокатор, агеит полиции и величайший иегодяй!

Вот товарищи, какое положеиие! — добавил я, обращаясь ко всем присутствующим. — Мы с вами горячо столько иедель подряд рассуждаем о том, первый ли человек в революциоиием движеиии Азеф, или это первый негодяй, и ие можем убедить друг друга, кто из иас прав! Что касается меия, то я по-прежиему твердо убеждеи, что прав я: А з е ф — п р о в о к а т о р!

Глава XXV

Поездка Аргуиова в Петербург. — Письмо Лопухина Столыпииу об Азефе. — Эсеры убедились, что Азеф — провокатор. — Бегство Азефа. — Натаисои приходил «мириться»

Эсеры просили суд сделать перерыв в заиятиях иа иекоторое время для дальиейшего расследоваиия дела.

Затем оии просили у суда разрешеиия послать специальиого человека, члеиа ЦК Аргуиова [124], в Петербург собрать там материалы, обличающие Лопухииа в двойиой игре. Оии сами без разрешеиия суда ие могли это сделать. Суд согласился и, как это у иас было условлеио, сообщил мие об этом. Я видел, что слово «Лопухии», помимо моей воли, будет выброшеио иа улицу, ио помешать этому ие мог...

Скоро из Петербурга Аргунов прислал поразившие эсеров известия. Они устраняли всякую мысль о какой-либо двойной игре Лопухина. Затем в Париж вернулся и сам Аргунов со сведениями, уличающими Азефа.

Когда Аргунов был еще в Петербурге, Лопухин написал известное свое письмо к Столыпину, где прямо изазывал Азефа агентом департамента полиции. Из своего письма Лопухин не делал секрета. Одновременно с тем, как его получил Столыпин, оно очутилось и в руках революционеров, а затем было напечатано за границей. Письмо Лопухина имело огромное политическое и общественное значение. Правительство Столыпина это поняло и скоро жестоко расправилось с Лопухиным.

Когда я в Париже узнал о письме Лопухина к Столыпину, я написал в Петербург в публичную библиотеку Браудо и просил его лично передать прилагаемое письмо «общему нашему знакомому, о ком мы с вами беседовали в Париже последний раз». Этим путем через Браудо я и раньше раз или два писал Лопухину.

Я горячо благодарил Лопухина за нашу беседу между Кельном и Берлином и просил его извинить меня, что мне пришлось упомянуть его имя на суде надо мной.

...Это мое письмо Лопухин сохранил и при аресте сам отдал обыскивающим его. Впоследствии оно читалось на его суде и целиком было опубликовано в русской печати.

...В декабре 1908 г. в Лондон по своим делам приехал Лопухин. Чернов, Савинков, Аргунов отправились на свидание к нему. Оттуда все вернулись вполне убежденными, что Азеф — провокатор.

Савинков пригласил меня к себе. Когда мы остались вдвоем, он закрыл за собой дверь и сказал мне:

— Вы правы во всем! Азеф — агент полиции. Мы знаем, что вы переживали последние месяцы. Но в настоящее время каждый из нас готов пережить в десятки раз больше, чем переживали вы, чтобы только не переживать того, что нам приходится переживать.

Эти слова Савинкова для меня были почти совершенно неожиданными. Я говорю «почти», потому что накануне этого дня из слов Фигнер, когда она приходила в редакцию «Былого», я мог догадаться, что у эсеров уже происходит какой-то перелом по отношению к Азефу. Тем не менее я как громом был поражен словами Савинкова. Я не мог говорить и только горячо обнял его, с кем последние месяцы я так страстно боролся из-за Азефа.

От имени эсеров Савинков просил меня еще несколько

дней сохранять тайну, и я даже ближайшим своим друзьям не сказал ничего, что услышал от Савинкова.

Я было попросил Савинкова «отдать» мне Азефа. Он меня без дальнейших комментариев понял, но сказал:

— Нет, мы его никому не отдадим; он принадлежит нам.

Я тоже понял Савинкова, но не ожидал, что эсеры Азефа «упустят» или, как однажды выразился Лопатин, «отпустят».

Но вот на другой день ко мне пришел видный эсер, еще ничего не знавший о полном изменении во взглядах своих шефов на дело Азефа. В это были посвящены только несколько членов ЦК эсеров и некоторые члены Боевой Организации. Часть боевиков, например Белла[125], продолжали безусловно защищать Азефа и заявили Натансону, Чернову и Савинкову, что если они пальцем тронут Азефа, то они их всех перестреляют.

Этот пришедший ко мне эсер принес мне гектографированную прокламацию («К читателям «Былого» и «Революционной мысли»), развешанную в парижских столовках и распространенную по городу. В прокламации сообщалось, что в редакции «Былого» у Бурцева «как постоянный сотрудник» работает Бакай. Его называли предателем и предостерегали против него.

Удар, конечно, был направлен не против Бакая, а против меня. Передавая прокламацию, эсер дружески просил меня быть осторожным. На днях, по его словам, расправятся с Бакаем, но и мне придется отвечать за доверие к нему. Он говорил о своей любви ко мне, о моих революционных заслугах и добавил:

— Вы сами виноваты! Вы превратились в орудие департамента полиции и разрушаете нашу партию. Мы будем бороться с вами до конца!

Говорил он крайне нагло. Веруя в Азефа, он, по-видимому, и пришел-то ко мне только для того, чтобы наговорить мне дерзостей. Так тогда все эсеры были уверены, что скоро разделаются со мной. Карпович писал из России, что он едет меня убивать из-за Азефа, и не один Карпович говорил обо мне таким языком.

...Но Бакая я предупредил, что несколько дней он должен быть особенно осторожным.

Через несколько дней после моего разговора с Савинковым он, Чернов и Натансон отправились к Азефу и заявили ему, что они его обвиняют в том, что он — агент департамента полиции. Азеф возмущался и протестовал.

Окоичаиие переговоров было отложеио до следующего дия.

Ночью Азеф бежал. На следующий деиь одии из эсеров пришел ко мие часа в три и сказал:

— Азеф для объясиеиий должеи был прийти сегодия в двеиадцать часов — и ие пришел!

— И ие придет,— сказал я,— если вы его оставили иа свободе.

Через два дия эсеры (7 яиваря 1909 г.), так-таки ие дождавшись Азефа, особой прокламацией объявили его провокатором.

Азеф скрылся. Эсеры выиесли ему смертиый приговор. Оии иесколько лет подряд старались иайти его и привести в исполиеиие иад иим этот приговор. Но Азефа больше иикто иикогда ие мог встретить. Только в 1912 г. при исключительиых условиях мие удалось встретиться с иим в Гермаиии.

После бегства Азефа иегодоваиие против эсеров было огромиое. Им приходилось объясняться ежедиевио и с отдельиыми лицами, и иа собраииях. Их обвииялн в том, что оии созиательио укрывали Азефа. Все ждали, что я выступлю против эсеров и припомию им борьбу со миой из-за Азефа. Миогие от меия этого требовали.

...Моих выступлеиий ожидали и сами эсеры. Но я этого ие хотел делать и прежде всего открыто заявил, что я ие верю тому, чтобы кто-иибудь из эсеров зиал об истииной роли Азефа.

Через иесколько дией после разоблачеиия Азефа эсеры пришли в редакцию «Былого» «мириться». Заявили, что оии ошибались добросовестио и считают себя во миогом виновиыми передо миой. Но если я считаю их добросовестио ошибавшимися, то в иитересах общей борьбы оии предложили мие составить заявлеиие, которое положило бы предел брошеииым тогда против иих обвииеииям. Общественное миеиие категорически обвииялo эсеров в том, что, кроме Азефа, вместе с иим в охраике служили и другие видиые эсеры, как Чериов, Натаисои, что во время моего суда оии созиательио прикрывали Азефа — словом, что миогие из иих так же виновиы, как и ои сам.

От имеии эсеров, пришедших ко мие, больше всего говорил Савииков. О ием после всей иашей борьбы из-за Азефа у меия сохраиилось воспомиHaиие как о честиом противиике.

...Я согласился подписать с эсерами заявлеиие о прекращеиии нашей тяжбы по делу Азефа и, сколько помиится, в зараиее заготовлеииый ими текст я ие виес иикаких из-

менений. Эсеры не скрывали тогда своего изумления по поводу того, с какой легкостью я враз перечеркнул свою бывшую долгую, необычайно тяжелую борьбу с ними после того, как я так блестяще ее выиграл, и что не только не хотел разжигать разгоревшиеся против них страсти и мстить им за все то, что они делали по отношению ко мне, но своим заявлением делал трудным для других обвинять их в сознательном укрывательстве Азефа как провокатора.

Этот мой договор с эсерами вызвал бурю негодования против меня со стороны тех, кто до сих пор тайно поддерживал меня, но кто по большей части прятались под псевдонимами и даже отказывались от роли обвинителей Азефа. Они считали это как бы изменой с моей стороны и непременно хотели, чтобы я, пользуясь создавшимся необыкновенно благоприятным для меня положением после разоблачения Азефа, повел систематическую борьбу с эсерами.

Через несколько дней ко мне в редакцию несколько неуверенно, не зная, как я его приму, пришел Натансон. Но он сразу увидел, что я вовсе не хочу воспользоваться положением, созданным для меня разоблачением Азефа, и не имею в виду припоминать ему прошлое.

Я приветливо его встретил. Взволнованным голосом Натансон сказал мне:

— Ну, Владимир Львович, забудемте все, что было!

И он потянулся ко мне с объятиями...

Ему, по-видимому, в эту минуту казалось, что он заглаживает все, что до тех пор он делал по отношению ко мне, а я думал о другом:

«Но неужели и впредь по отношению ко мне он будет делать то же самое, что делал и до сих пор?»

...Разоблачение Азефа я вел все время так, чтобы впоследствии мне не пришлось брать ни одного слова назад. Я хотел его так же честно кончить, как я его честно вел.

Несмотря на большой предыдущий горький опыт, у меня все-таки была некоторая надежда, что дело Азефа впредь заставит эсеров справедливее отнестись к моей борьбе с провокаторами и они перестанут говорить о моей близорукости и поймут, сколько они нанесли зла тогдашней моей борьбе с провокацией.

Но я так-таки ни тогда, ни после, никогда не дождался даже элементарнейшей справедливости не только со стороны Чернова и Натансона, но и со стороны партии эсеров как таковой. Наоборот, со стороны партии очень

скоро снова стали против меня повторяться старые обвинения. Эсеры и тогда оставались моими врагами, какими были и в деле Азефа,— и в борьбе со мной по-прежнему во главе всех их всегда шел Натансон.

После окончания дела Азефа я написал письма моим судьям — Лопатину и Кропоткину — и горячо их благодарил.

Глава XXVI

Судебно-следственная комиссия по делу Азефа.— Самоубийство Беллы

Для изучения дела Азефа эсерами была назначена следственная комиссия. В нее вошли Бах, Иванов[126], Блеклов[127] и Лункевич[128]. Эта комиссия допрашивала многих участников дела Азефа. Допрашивала она и меня. Доклад их комиссии был впоследствии напечатан. В ее отчете есть такие строки:

«Оценивая роль В. Л. Бурцева в деле разоблачения Азефа, судебно-следственная комиссия, являющаяся в данном случае представительницей партии, считает своим долгом заявить, что В. Л. Бурцев своими бескорыстными и мужественными усилиями, направленными к выяснению истины, оказал незабвенную услугу партии социалистов-революционеров, а с нею и всему русскому освободительному движению».

Это говорила судебно-следственная комиссия эсеров, а их партия продолжала вести борьбу со мной и после разоблачения Азефа, как об этом я расскажу дальше. Например, по поводу Азефа они страстно хотели со мной сосчитаться еще и в 1912 г. после моего свидания с ним во Франкфурте.

На одном собрании в Париже, через несколько дней после разоблачения Азефа, Чернов все еще упрекал меня за то, что у меня не было достаточных доказательств против Азефа!

...Я никогда не допускал мысли, как это делали очень многие (почти все), что среди эсеров кто-нибудь знал о двойной роли Азефа, и своими выступлениями в печати я парализовал уже сформулированные общественным мнением такие обвинения против Чернова, Натансона и некоторых других членов ЦК социалистов-революционеров. Но я утверждал, что если сам департамент полиции активно не поддерживал Азефа в террористических актах и даже не

знал его роли в них, то некоторые из руководителей политического розыска, как Рачковский, Ратаев, Герасимов, знали, что Азеф получает сведения об эсерах не благодаря только своим личным связям с отдельными эсерами, а потому, что он, ближайший человек к Гершуни и Савинкову, был активнейшим членом партии и членом Боевой Организации, и понимали, что он поэтому не мог не участвовать в некоторых террористических актах. Это все они знали и мирились с этим, потому что дорожили получаемыми через него сведениями о революционерах.

Эсеры конечно, понимали, что я прав, но возражали мне, спасая престиж своей организации.

Еще в начале 1905 г. Лопухин, когда уходил из департамента полиции, понял, что Азеф свои сведения об эсерах получал не потому, что он сам был видным членом партии, которая в это время вела активную террористическую борьбу. Лопухин тогда же убедился и в том, что непосредственный руководитель Азефа, Ратаев, систематически и сознательно скрывал даже от своего высшего начальства истинную роль Азефа, и он предупредил своих преемников о том, что представляет собою Азеф, и настаивал на необходимости его арестовать. После Лопухина роль Азефа для департамента полиции выяснилась еще более. О ней доносили и другие эсеровские провокаторы, как Татаров и Жученко. Это особенно ясно должен был понять и не мог не понять Герасимов во время суда надо мной по делу Азефа, когда и после моих разоблачений он все-таки старался спасти Азефа. Азеф для него и тогда нужен был, несмотря на то что он был уличен в участии в политических актах, и ни для кого более не было сомнения, что он — глава Боевой Организации.

Эсерам, наоборот, хотелось доказать, что о роли Азефа как активного террориста ничего не знали даже Рачковский и Герасимов. В моем обвинении Герасимова и Рачковского они видели умаление значения и компрометирование террористической деятельности их партии.

В этом смысле ЦК эсеров по делу Азефа выпустил прокламацию. Она с разных сторон вызвала резкие протесты.

...Разоблачение Азефа не могло не произвести потрясающего впечатления на эсеров.

Скажу несколько слов об одной из жертв Азефа.

Месяца за два-три до разоблачения Азефа Савинков просил меня устроить «дуэль» по поводу Азефа — чтоб я ему рассказал все об Азефе, что знаю, а он мне. Савинков предложил спорить до конца. Мы несколько раз соби-

рались и спорили. Однажды во время этих наших споров присутствовала член Боевой Организации Белла Лапина, безгранично верившая Азефу. Но на этих наших собеседованиях мы, однако, друг друга не убедили, и каждый остался при своем взгляде на Азефа.

Несколько времени спустя ко мне на квартиру пришла Белла — одна. Я с ней хорошо давно был знаком, и мы всегда встречались с ней дружно. В Петербурге она состояла секретарем нашего журнала «Былое». Это была одна из преданных эсерок, искренняя фанатичка. Ко мне Белла пришла, очевидно, для того, чтобы еще раз попытаться убедить меня в нелепости моих обвинений Азефа, и, кончая разговор, сказала:

— Владимир Львович, мы вам рассказали самые конспиративные сведения об Азефе. Теперь вы знаете все. Дальнейшее обвинение Азефа с вашей стороны только одно упрямство. Неужели вы не понимаете, что вы делаете? Вы знаете, что вам останется делать, когда вы убедитесь, что Азеф честный человек?

— Знаю. Мне тогда останется одно: пустить себе пулю в лоб... И я сделаю это!

— Да, у вас не будет другого выхода! Вы должны будете это сделать!

— Ну,— сказал я ей,— а если я прав? А если Азеф действительно провокатор? А если вы все время работаете с провокатором? А если глава вашей Боевой Организации — действительно провокатор?

— Ну, тогда,— Белла захохотала,— тогда нам всем надо будет перестреляться!

Она нервно, волнуясь, встала и направилась к выходу. В ее глазах я видел ненависть ко мне и то, что между нами все кончено... Я ее стал провожать к дверям и протянул ей руку. Она демонстративно вышла из моей квартиры, не простившись со мной...

Я с любовью посмотрел из окна на эту быстро удалявшуюся от нашего дома честную, упрямую фанатичку... В эту минуту мне было очень тяжело за нее...

Только после бегства Азефа Белла убедилась в том, что он — провокатор.

Однажды я пришел на одно колониальное парижское собрание. Издали увидел, как около стенки скромно, задумавшись, стояла Белла. Я проходил мимо нее. Она увидела меня впервые после разоблачения Азефа и, наверное, вспомнила, как мы с ней в последний раз расстались. Она сильно заволновалась, будто съежилась и не знала, куда

девать свои глаза. Я прошел мимо иее, не показав вида, что заметил ее смущеиие. Выходя из собрания, я как ни в чем ие бывало поздоровался с ией и сказал ей иесколько слов приветствия. Этим мне хотелось дать ей понять, что я не имею теперь в виду сводить с нею какие-нибудь старые наши азефские счеты. Затем я ее не раз видел, когда она была более спокойной.

Коиечио, я никогда ие подиимал с ней разговоров об Азефе.

В комиссии, назначеииой для изучения дела Азефа, многие из тех, кто раиьше защищал его, должны были давать объяснения. Давала показания и Белла.

На иее пало подозреиие, что оиа знала истиииую роль Азефа и в революциоииых целях помогала ему. По ее поводу в комиссии допрашивали и меня. Я, конечно, ни одиой минуты не допускал возможности, что она зиала об истинной роли Азефа.

Однажды Белла пришла ко мне в редакцию «Былого». Она, видимо, была взволиована. Спросила адрес иашего общего знакомого в России, которому ей надо было написать, и мы дружески поговорили с ией об обыденных вещах.

На следующий деиь мне сообщили, что Белла застрелилась.

Впоследствии я узнал, что обвинеиия ей были предъявлены в очеиь резкой форме. Молва, вернее, злая воля клеветииков как-то связала ее смерть с моими обвинениями, и я тогда же настоял на том, чтобы эсеры официально опровергли эту клевету.

[77] Лопухин А. А. (р. 1864) — бывший директор департамента полиции в 1902—1905 гг. Стремился реорганизовать полицейскую систему России, но реальных результатов не добился. После своего увольнения издал книжку «Из итогов служебного опыта» — настоящее и будущее русской полиции, в которой критиковал полицейскую систему России и предлагал меры по ее усовершенствованию. После оказания В. Бурцеву содействия в разоблачении Азефа был привлечен к ответственности по обвинению в принадлежности к партии эсеров и в содействии ей. Особым присутствием сената присужден был к пяти годам каторги, которая была ему заменена ссылкой в Сибирь. По царскому указу 4 декабря 1912 г. Лопухин был помилован и восстановлен в правах.

Служил в Москве как вице-директор Сибирского торгового банка. Сейчас живет за границей.

[78] Гоц М. Р. (1866—1906) — в студенческие годы принял участие в работе народовольцев. Арестован в 1886 г. и после полутора лет тюрьмы сослан в Якутск. Здесь за участие в вооруженном сопротивлении политических ссыльных 22 марта 1889 г. осужден на бессрочную каторгу. В 1898 г. вернулся в Россию, а в 1900 г. эмигрировал. Один из основателей партии эсеров, представитель Боевой Организации за границей.

[79] Михайловский Н. К. (1842—1904) — крупный теоретик народничества конца 80-х и 90-х годов, имевший большое влияние на интеллигенцию. Один из руководителей журнала «Отечественные записки» и редактор журнала «Русское богатство». Вел беспрерывно борьбу с марксистами, всячески обосновывая народничество. Эсеры считают его основоположником своей партии.

[80] «Московские ведомости» — газета, основана в 1756 г., выражала мнение крайне правых кругов. Вначале редактировалась черносотенцем Грингмутом, затем реакционером Катковым, а впоследствии редакторство перешло к ренегату Льву Тихомирову.

[81] Михайлов А. Д. (1855—1884) — крупный революционер 70-х годов, один из основателей «Земли и воли». Работал среди раскольников, дабы вовлечь их в революцию. После разгрома землевольцев отказался от агитации «в народе» и защищал террор. Много работал как по организации террора, так и среди рабочих. Один из руководителей и членов Исполнительного комитета «Народной воли». Арестован 22 ноября 1880 г. В 1882 г. осужден к смертной казни, замененной бессрочной каторгой,

которую отбывал в Алексеевском равелине Петропавловской крепости.

[82] Богучарский В. Я.— Яковлев (1861—1915) — историк, исследовавтель русского революционного движения. В 1884—1890 гг. в ссылке за связи с народовольцами. Впоследствии легальный марксист. Входил в «центр» «Союза освобождения» (нелегальная либеральная организация, имевшая влияние в земских и интеллигентских кругах), ставившего целью политическое освобождение России и установление конституционного режима. В 1906 г. соредактор «Былого». За октябрьскую книгу «Былое» 1907 г. после ареста и содержания некоторое время в тюрьме был в 1909 г. выслан за границу. Сначала он жил в Болгарии, а потом в Париже. Автор книг «Активное народничество 70-х годов», «Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель». Обе книги содержат большое количество ценного сырого материала и совершенно неверную оценку фактов.

[83] Съезд эсеров в Таммерфорсе в 1907 г.

[84] Крафт П. П.— входил в состав ЦК эсеров в 1905 г.

[85] Медников Е. П.— охранник. Был городовым московской полиции, затем заведовал отрядом филеров в охранном отделении. Работал вместе с Зубатовым и уволен после его ухода.

[86] Абрамович Р. А. (Рейн) — член ЦК Бунда и меньшевиков. Один из редакторов заграничного «Социалистического вестника». Недавно объезжал граничащие с ним государства и доказывал неизбежность ближайшего падения Советов.

[87] Доброскок-Добровольский Н. В. (кличка Николай—золотые очки) — провокатор, работал среди меньшевиков. После разоблачения служил чиновником петербургского охранного отделения. Впоследствии полицмейстер г. Петрозаводска и Ораниенбаума.

[88] Сергей, великий князь — московский генерал-губернатор, убит эсером Каляевым И. П. 4 февраля 1905 г. Каляев был повешен за это убийство 10 мая 1905 г. в Шлиссельбургской крепости.

[89] Трауберг А. Д. (Карл) — был письмоводителем судебного следователя, а затем скрылся и стал во главе Летучего боевого отряда Северной области. Отряд совершил ряд убийств. Арестован 6 июля 1907 г., но скрылся. Вторично арестован 22 ноября 1907 г. по предательству Азефа.

[90] Савинкова С. В.— эсерка. Сестра террориста Бориса Савинкова.

[91] Раковский Л. — охранник-провокатор. Служил агентом в охранке за границей.

[92] Лебединцев В. В. (Марио Кальвини) — эсер. Участвовал в Летучем боевом отряде Северной области в 1909 г. Подготовлял вместе с Траубергом взрыв правой фракции Государственного совета. После провала при содействии Азефа этого проекта он заменил Трауберга в отряде. Арестован по предательству Азефа 6 февраля 1908 г.

[93] Щегловитов И. Г. (1861—1918) — член Государственного совета с 1907 г., сенатор, дворянин и землевладелец Черниговской губернии

(2600 десятии земли). С 1881 г. служил в разиых должиостях. В 1904 г. обвииял в особом присутствии сеиата И. Каляева. С 24 апреля 1906 г. по 6 июля 1915 г.— мииистр юстиции. В 1917 г.— председатель Государствеииого совета.

[94] Максималисты — аиархо-иародиическая группировка, считавшая, что можио иемедлеиио ввести социалистический строй, ие считаясь с историческими и экоиомическими условиями. Выделились оии из партии эсеров. После 1905 г. были иебольшой группкой, заиимавшейся террором и экспроприацией.

[95] Стародворский Н. П. (1883—1925) — убил Судейкииа. Был привлечеи по делу Лопатииа и приговореи к смертиой казии, замеиеииой бессрочиой каторгой, которую отбывал в Шлиссельбурге с 1887 по 1905 г.

[96] Бржозовский С. Л. (1876—1911) — польский литературиый критик и публицист. Считал себя близким к социал-демократам. До революции 1905 г. иа его статьях воспитывалась социалистическая молодежь. После 1905 г. сближается с социал-патриотами и даже иеокатоликами. Теоретически иепоследователеи. В студеические годы при аресте дал откровеииые показаиия. Межпартийиый съезд в 1910 г. судил его, обвииял, что ои писал обзоры для охраики, и призиал вииовиым. Литературиый мир его защищал, ссылаясь иа то, что иет доказательств.

[97] Миниор О. С. (р. 1861) — за участие в иародовольческих кружках арестоваи в 1883 г., выслаи в Якутск, здесь участвовал в вооружеииом сопротивлеиии ссыльиых и осуждеи иа бессрочиую каторгу. В 1898 г. разрешеио выехать в Россию; в 1902 г. уехал за граиицу. Активиый оргаиизатор партии эсеров, члеи ЦК. После февраля 1917 г. защищает правую позицию, после Октября участвует в вооружеииой борьбе с Советами, эмигрирует и продолжает клеветать в парижской газете «Дии».

[98] Натаисои М. А. (1849—1919) — одии из оргаиизаторов кружка чайковцев. В 1871 г. арестоваи и выслаи в Архаигельскую губериию, оттуда в Вороиежскую губериию и в Фииляидию. Бежал в 1875 г. и иелегальиым в Петербурге прииялся восстаиавливать разгромлеииые в 1874 г силы кружка чайковцев. В 1877 г. Натаисоиа сиова арестовывают и высылают в Восточиую Сибирь. По возвращеиии (1889 г.) в Европейскую Россию ои (1893 г.) участвует в создаиии партии «Народиое право» и в 1894 г. арестовывается при разгроме этой оргаиизации. После длительиого заключения в Петропавловской крепости Натаисои высылается иа 5 лет в Восточиую Сибирь. При возиикиовеиии в 1902 г. партии социалистов-революциоиеров Натаисои вступает в ее ряды и активио работает как члеи ЦК. Во время мировой войны, которая застает его в эмиграции, Натаисои заиимает иитериациоиалистскую позицию и участвует в коифереициях в Циммервальде и Киитале, а после февраля 1917 г. ои одии из вождей партии левых эсеров, вошедший в рабоче-крестьяиское правительство после захвата власти большевиками. Натаисои был представителем левых эсеров в ВЦИКе после Октябрьской революции. После мятежа левых эсеров в июле 1918 г. и распада этой партии Натаисои вошел в откоповшуюся «группу революциоииых коммуиистов», вскоре примкиувших к РКП(б). Умер за граиицей 70 лет от роду, будучи безоговорочиым стороиииком пролетарской революции и Советской власти.

[99] Леоиович В. В. (р. 1875) — иародоволец. Привлекался в 1896 г. по делу лахтииской типографии. Живет в Москве.

[100] Савинков Б. В. (1879—1925) — крупный деятель партнн эсеров. Вначале был соцнал-демократом, входя в 1901 г. в Петербургский «Союз борьбы за освобождеине рабочего класса». После ареста и ссылкн превратнлся в народинка, прнмкиув к эсерам. В 1903 г. вошел в Боевую Организацию эсеров. Участник убийства Плеве в 1904 г., великого князя Сергея в 1905 г. По террору был в тесной связн с Азефом. В годы реакции писал романы из революционной жнзии, где выявнл разочарованне революционным двнжеинем. В войне 1914 г.— «оборонец», доброволец французской армин. После февраля 1917 г. комнссар при ставке н помощник военного миинстра. Помогал генералу Корнилову в его контрреволюционном перевороте. После Октября враг Советов, организатор белогвардейских заговоров и восстаиий. Эмигрировал за границу в 1924 г. При переходе обратно нашей границы арестован н осужден на 10 лет лншения свободы. На суде отказывался от дальнейшей борьбы с Советской властью. В 1925 г. покончил жизнь самоубийством.

[101] Гнатовский А. Д.— эмигрант, народоволец. Входнл в виленскую группу студентов-поляков, помогавших А. И. Ульянову взрывчатыми веществами и деньгамн в покушеини на Александра III в 1887 г. После неудачиого покушения скрылся за границу. Входнл в кружок парижских народовольцев, готовившнхся к террористнческой борьбе в России.

[102] Юделевич Я. Л.— эсер, пнсатель. Псевдоннмы «Волин» н «Галин». Входил в парижскую эсеровскую группу «инициатнвного меньшинства», считавшую, что рядом террористнческих актов следует атаковать правительство. Но действовать должна не одна, а несколько самостоятельных дружин. Ряд ударов боевиков приведет к поражению Царствующего дома. Эта группа нздавала газету «Революционная мысль» в 1908—1909 гг.

[103] Агафонов В. К. (Сиверскнй) — профессиональный писатель, эсер. Входил в парижскую эсеровскую группу «инициативного меньшинства».

[104] Процесс 21 — состоялся в 1887 г., 26 мая. Всех, 21 подсудимого, в том числе Г. Лопатина, П. Якубовича, Н. Салову, обвнняли в прииадлежности к «Народной воле», организацин «Молодой партнн Народной воли», в убийстве Судейкина 16 декабря 1883 г., вооруженных нападениях, устройстве тайных типографий, в нзготовленин н хранении снарядов и т. д. Все участники процесса большей частью былн взяты в связи с арестом Лопатина. Подсудимые былн осуждены на разные сроки каторжных работ.

[105] Богров Д. Г.— анархист с 1906 г., служил в охранке с 1907 г., выдавал подпольщнков. Убил председателя Совета мнннстров Столыпина в 1911 г. в Киеве прн содействии начальника охранного отделения Н. Кулябко. Повешен в 1911 г. Участинкн казнн Богрова черносотенцы Сергеев н Кузнецов были обнаружены 4 июля 1928 г. Суд приговорнл нх к лншению всех прав и строгой изоляцин на 5 лет.

[106] Покровскнй И. П. (р. 1872) — лндер думской социал-демократии. Врач. Впервые арестован в 1902 г. в Петербурге н после двухлетней отсидки в тюрьме был выслан в Восточную Снбнрь на поселенне.

[107] Рубакнн Н. А. (р. 1862) — пнсатель, крупнейшнй знаток библиотечного дела. Издал капнтальный труд «Средн кннг» (3 тома), являю-

щийся ценным вкладом в русскую библиографию. Много работал по вопросам грамотности и самообразования. Живет в Швейцарии.

[108] Зензинов В. М. (р. 1881) — окончил Московский университет. Член ЦК эсеров. После февраля 1917 г. лидер партии, с Октября активный участник вооруженной борьбы с Советами. Вдохновитель чехословацкого восстания в 1918 г.

[109] Фроленко М. Ф. (р. 1848) — один из самых выдающихся деятелей «Народной воли». В 1873 г. вступил в кружок чайковцев и занялся обучением рабочих грамоте. Вел пропагандистскую работу на Урале, в Смоленской губернии, в Николаеве. В 1877 г. увозит из одесской тюрьмы революционера Костюрина. В 1878 г. поступает в киевскую тюрьму надзирателем и освобождает революционеров Стефановича, Дейча, Бохановского. Принимал участие в подкопе под херсонское казначейство для конфискации оттуда денег. Участвовал в покушениях на Александра II. Арестован и в 1882 г. приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. Из Шлиссельбурга вышел в 1905 г. В настоящее время живет в Москве.

[110] Бейтнер Л. Д.— провокатор. Сын чиновника, будучи изгнан из нижегородского кадетского корпуса в 1890 г. за сбыт украденных у купца денег, отсидел в тюрьме 7 мес. Уехал за границу, учился в Цюрихе. В 1892 г. был заагентурен Рачковским. Предательство было раскрыто в июне 1908 г.

[111] Гессен И. В. (р. 1866) — писатель. Присяжный поверенный. Организатор и активный деятель кадетской партии. Редактор журнала «Право», газеты «Речь». Депутат второй Государственной думы. Ныне редактирует в Берлине белогвардейскую бульварную газету «Речь» и белогвардейский «Архив русской революции».

[112] Милюков П. Н. (р. 1859) — лидер кадетской партии. Вождь русских либералов. Во время первой Думы кадеты прочили его в премьерминистры. Во время войны был за захват Дарданелл. После февраля был министром иностранных дел. Нота союзникам 18 апреля 1917 г., что Временное правительство остается верным всем царским обязательствам, вызвала протест рабочих, и он ушел в отставку. В августе 1917 г. шел вместе с генералом Корниловым, стремившимся объявить генеральскую диктатуру. После Октября поддерживал контрреволюцию. Сговаривался с немцами о свержении Советов. Живет в Париже, где редактирует газету «Последние новости».

[113] Тайный съезд русских политических организаций в Париже в 1904 г.— В сентябре 1904 г. состоялась «конференция оппозиционных и революционных организаций российского государства». Присутствовало восемь организаций, почти все — эсеры, за исключением латышской социал-демократии. Конференция констатировала, что для всех одинаково приемлемо уничтожение самодержавия и замена его свободным демократическим строем на основе всеобщей подачи голосов, право национального самоопределения. Вопрос же о формах, методах и средствах борьбы с правительством оставался для каждой партии по ее усмотрению.

[114] Жученко З. Ф. (Гернгросс) — провокатор с 1893 г. В 1895 г. предала кружок Распутина, ставивший своей целью убить Николая II.

По этому делу Жученко была выслана на пять лет. В 1898 г. выехала за границу и до 1903 г. была в стороне от работы. Весной 1904 г. по приглашению охранника Гардинга, заведующего берлинским русским розыском, вернулась к работе, освещая деятельность политических за границей. В 1905 г. переехала в Москву, где, входя в состав областного комитета эсеров и участвуя в конференциях, выдавала. Бурцев разоблачил Жученко в 1909 г. Правительство назначило ей пожизненную пенсию в 3600 рублей из сумм департамента полиции. Она жила в Германии. В 1914 г. была арестована по обвинению в шпионаже. Выпущена в 1917 г.

[115] Столыпин П. А. (1862—1911) — деятель царствования Николая II. Председатель Совета министров и министр внутренних дел с 1906 г. Помещик-консерватор. Защитник зажиточного крестьянства, могущего стать опорой консерватизма. В бытность его министром внутренних дел, а затем премьером погромы и военно-полевые суды широко практиковались. Руководил ликвидацией революции 1905—1907 гг. Жестоко преследовал аграрно-крестьянское движение. Подготовил и провел роспуск первой и второй Дум. Всячески стремился предотвратить революционное разрешение социальных противоречий. Известен также изменением изданной в 1905 г. конституции, ограничивавшей права монарха («государственный переворот 3 июня 1906 г.»). Изданный в том же году закон о выходе на отруба и хутора («закон 9 ноября 1906 г.») имел целью разрушение общины и создание сильного слоя «хозяйственных мужичков-кулаков». Первое покушение на Столыпина было 12 августа 1906 г., при вторичном покушении 1 сентября 1911 г. смертельно ранен провокатором из бывших революционеров Богровым Д. Г.

[116] Фигнер В. Н. (р. 1852) — из дворян. Училась в Швейцарии в университете. Там вступила в один из русских социалистических кружков. В 1875 г. уехала в Россию для работы в народе. Видя невозможность революционной работы в условиях царизма и неподготовленность крестьянства к идеям социализма и революции, Фигнер после раскола «Земли и воли» вступила в «Народную волю». Принимала участие во всех террористических предприятиях партии, а также в ее пропагандистской работе. Когда в 1882 г. вожди «Народной воли» были арестованы, вся тяжесть работы легла на Фигнер, избегшей ареста. Арестована в 1884 г., приговорена к смертной казни, которая была заменена 20-летней каторгой. Сидела в Шлиссельбурге до 1904 г. и была освобождена. В настоящее время живет в Москве и занята литературной работой.

[117] Пешехонов А. В. (р. 1867) — народник. Организатор партии народных социалистов. После февраля 1917 г. был министром продовольствия у Керенского. В 1924 г. эмигрировал, там изучал Советскую власть. А недавно снова заявил, что желает вернуться и работать с Советами.

[118] Меньщиков Л. П. (р. 1870) — участвовал в народовольческих кружках в 1885—1887 гг. Был арестован 5 февраля 1887 г. по доносу Зубатова. У него найдено много нелегальщины и остатки техники Общестуденческого союза. Дал откровенные показания и был принят на службу в охранку. В 1909 г., уехав за границу, разоблачил провокаторов, чем подорвал работу охранки. Революционеры его в свою среду не приняли. В 1925 и 1928 гг. вышли его два тома материалов о работе в охранном отделении.

[119] Татаров Н. Ю.— провокатор. Сообщал сведения о деятельности ЦК эсеров и о Боевом отряде М. Швейцера. В 1906 г. эсеры установили,

что Татаров их провоцировал, и решили его убить. В том же году ои был убит иа своей квартире в Варшаве.

[120] Брешковская Е. К. (р. 1847) — приинмала участне в народииеском движении и арестоваиа в 1874 г. Впоследствии привлечеиа по делу о революциоииой пропагаиде в империн 193-х. Присуждеиа была к пяти годам каторгн. Вериулась с поселения в 1896 г. и резко боролась с социал-демократическим движеиием, заиялась оргаиизацней партии эсеров, помогала Гершуии в терроре. В 1907 г. выдаиа Азефом, арестоваиа и сослаиа в Сибирь. Вериулась из ссылки в 1917 г., заияв крайие правую позицию в партии эсеров. Враждебио отиеслась к октябрьскому перевороту, змигрировала за границу, где поддерживала коитрреволюциоииую деятельиость зсеров. Живет в Париже.

[121] Тютчев Н. С. (1856—1924) — писатель, эсер. Входил в оргаиизацию «Земля и воля». Арестоваи в 1877 г. и сослаи в Восточиую Сибирь иа 10 лет. Одии из оргаиизаторов партии «Народиое право», в 1894 г. защищавшей иитересы зажиточиых элемеитов деревии и верхушки групп городской иителлигеиции. В 1905 г. по возвращеиии из ссылки входил в состав ЦК эсеров. Впоследствии заиимался литературио-историческими работами. Написал ряд очерков об участииках и отдельиых моментах истории революциоииого движеиия. Редактнровал ряд воспомииаиий крупиых участииков революции.

[122] Циллиакус Коиии — фииляидский писатель. Написал киигу «Революциоииая Россия» — о возиикновеиии и развитии революциоииого движеиия в России. В 1906 г. переведеиа иа русский язык. Содействовал своей агитацией сбору денег в Америке для послаииого в Петербург транспорта оружия. Траиспорт был предиазиачеи для готовившегося восстаиия, ио пароход погиб в пути.

[123] Желябов А. И. (1851—1881) — сын крепостиого крестьяиииа. Одии из выдающихся члеиов Исполиительиого комитета партии «Народиая воля». В 1872 г. за участие в студеических беспорядках исключеи из Одесского уииверситета. С 1873 г. работал в кружке Волховского, примыкавшего к чайковцам. В 1874—1875 г. был арестован. В 1878 г. был привлечеи к суду по процессу 193-х и оправдаи, ио подвергся адмииистративиой ссылке, откуда бежал в Одессу. Много работал в кружках рабочих. В 1879 г. вошел в «Народиую волю». Оргаиизовал покушение иа царя (взрыв поезда 18 ноября 1879 г.) под Алексаидровском (Запорожье), ио иеудачио. В дальиейшем деятельио участвовал во всех террористических актах «Народиой воли». Оргаиизатор убийства царя 1 марта 1881 г. Арестоваи 27 февраля 1881 г. Привлечеи по делу 1 марта по собствеииому иастояиию, иесмотря иа отсутствие улик. Повешеи 3 апреля 1881 г.

[124] Аргуиов А. А. (р. 1866) — правый зсер. Участвовал в революциоииом движении с 80-х годов. Одии из оргаиизаторов Севериого союза социал-революциоиеров (1896 г.), выработавшего осиовные положеиия программы зсеров. По делу союза был осуждеи иа восемь лет ссылкн в Сибирь. С первого съезда партии зсеров (29 декабря 1905 г.) иеодиократио избирается в цеитральиые оргаиы. В 1914 г. вместе с другими утверждал, что «поражение России в борьбе с Германией явилось бы также поражением ее в борьбе за свободу». После февраля 1917 г. остается иа правом крыле эсеров, а с Октября активио борется с Советами. Пройдя путь через самарское учреднтельиое собраиие, сибирское прави-

тельство, ои после поражеиия Колчака эмигрировал за граиицу. Поездка, о которой упомииает Бурцев, была в 1909 г. Аргунов по поручеиию ЦК вел переговоры с Лопухнным и получил ряд материалов для разоблачеиия Азефа.

[125] Белла (Эсфирь Лапнна) — члеи Боевой Оргаиизации партии эсеров. Была в числе 20 эсеров, высказавшихся за расследоваине и допрос Азефа.

[126] Иваиов С. А. (1859—1927) — видиый деятель «Народной воли» В 1879 и 1881 гг. был сослан в Снбнрь, откуда бежал в 1882 г., продолжая энергнчно работать на юге. В 1885 г. был за граиицей. В коице 1885 г. вериулся, а в яиваре 1886 г. арестован н прнговорен по суду к смертиой казни, замеиеииой бессрочиой каторгой. Каторгу отбывал в Шлиссельбурге, откуда вышел в 1905 г. Впоследствии работал у эсеров.

[127] Блеклов С. М.— эсер. 14 иоября 1905 г. был арестован, как члеи бюро съезда, по делу делегатов Всероссийского крестьянского союза. Состоял в комиссии по лнквидации всех дел в связи с раскрытнем предательства Азефа.

[128] Луикевич В. В.— эсер, литератор. Выпустил ряд популяриых киig по естествозианию.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ